ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2025, Том 5, № 12

Подписано к публикации: 24.12.2025

Главный редактор журнала

***Балута Анастасия Анатольевна**, доктор филологических наук, доцент*

Члены редакционной коллегии

***Атаев Борис Махачевич** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Богданова Ольга Владимировна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор*
***Биданюк Марзият Мугдиновна** (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук*
***Гасанова Узлипат Усмановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Горшунов Юрий Владимирович** (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор*
***Гумовская Галина Николаевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Дергачева Ирина Владимировна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Епифанцева Наталия Глебовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Жирова Ирина Григорьевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Закирова Елена Сергеевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Захарова Виктория Трофимовна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор*
***Зумбулидзе Ия Гурамовна** (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор*
***Ибрагимова Мариза Огановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент*
***Лисицкая Лариса Григорьевна** (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор*
***Лиходкина Ирина Александровна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Мазирка Ирина Олеговна** (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор*
***Маркова Елена Ивановна** (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук*
***Мощева Светлана Васильевна** (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент*
***Наджиева Флора Султан гызы** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Никитина Татьяна Геннадьевна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор*
***Окорокова Варвара Борисовна** (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор*
***Павлова Елена Касимовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Павлова Ольга Александровна** (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент*
***Рзаев Фикрет Чингиз оглу** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Рогалёва Елена Ивановна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент*
***Степанова Надежда Сергеевна** (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент*
***Султанбаева Хадиса Валиевна** (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент*
***Толкачев Сергей Петрович** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Цветова Наталья Сергеевна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент*

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.
Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2782-5329 (online)

DOI: 10.62257/2782-5329-2025-12

E-mail: info@vfn-journal.ru
Сайт: https://vfn-journal.ru

© Вестник филологических наук, 2025

Содержание

Бочкарева Т.С.
Типология коммуникативных стратегий в русской и английской деловой коммуникации: сопоставительный анализ 6-10

Брискер М.В., Мокрицкая Е.А.
Языковые маркеры концепта «нравственность» в современном английском языке: корпусный и дискурсивный анализ 11-15

Воробьева Л.Б., Митченко З.В.
Детский фольклорный дискурс регионального характера как ресурс для изучения коммуникации детей 16-24

Зейналова Д.А., Дибирова А.М.
Сопоставительная характеристика функционирования глагольных соматических ФЕ английского и русского языков 25-29

Еремина Н.В., Стрижкова О.В.
Культурологический аспект перевода: стратегии преодоления межъязыковых барьеров в условиях глобализации 30-33

Ефремов Д.А.
Синтаксическое управление интранзитивных глаголов в удмуртском языке 34-38

Сахарова Н.С., Кабанова О.В.
Микросистема средств выражения проспективности в английском языке: синтез классических и современных подходов 39-44

Краснощёков Е.В., Лунтовская Д.Д.
Референциальные функции определенного артикля в английском и немецком языках 45-50

Павлова И.Н.
Когнитивные механизмы метафорической актуализации английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом 51-55

Павлова М.Н.
Семантический и лингвокультурологический анализ образов Озерной Девы в легендах о короле Артуре 56-60

Родионова Ю.А.
Особенности адаптации англоязычных терминов сферы образования 61-72

Стренева Н.В.
Скриптологическое пространство как семиотическая система: функционально-семантический анализ граффити 73-77

Сян Нань
Роль языка и речи и их взаимосвязь в процессе общения 78-85

Тимофеева Е.М.
Роль и функция имплицитной оценки и самооценки в политическом дискурсе 86-90

Яковлева Т.О.
Мультимодальная организация просодических и невербальных средств в парламентском политическом дискурсе 91-94

Исакбаева П.В., Зайдуллина Д.А.
Жанровый синкретизм романа «The Fault In Our Stars» Джона Грина 95-99

Исмагилова А.Р., Палутина О.Г., Багманова Н.И.
Наименования сериалов как зеркало социальных процессов 100-106

Мамедов С.З.
Особенности перевода текстов военной направленности: коммуникативно-функциональный подход 107-118

Павлова И.Н.
Сопоставительный анализ способов идиоматического выражения семантического ядра глагола «играть» / «to play» в русском и английском языках 119-123

Соломка Н.А.
Семантическое поле слова счастье: лексикографическое и психолингвистическое описание 124-131

Таджибова Р.Р.
Лингвокультурологические особенности концепта FATE в англоязычном художественном дискурсе (на материале произведений С. Моэма) 132-135

Щепичак С.С., Никитин А.А., Никитина Т.И.
Методы противодействия фейковым новостям и инфоповодам в социальных сетях 136-143

Абиодун Адетокунбо
Понятие семантического поля 144-149

Коев С.Ю.
Архитектуры современных средств нейронного машинного перевода и разрешение полисемии: сравнительный анализ отечественных и зарубежных систем 150-156

Плотникова Л.И., Кривошеев Г.С.
Ценностно-смысловое пространство паремий религиозной тематики: соотношение народной и общехристианской аксиологической традиции 157-163

Чжан Сяобал
Политика развития уйгурского языка в Китае: этапы, достижения и проблемы 164-169

Чжу Чэньян, Дун Лие
Вторичная языковая личность в медиадискурсе: к вопросу о критериях коммуникативной целесообразности использования библейских единиц 170-176

Абдулкадырова А.Б., Алиева П.Г.
Ценностные составляющие аксиологического концепта FRIENDSHIP/ДРУЖБА в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный анализ) 177-184

Гоголева М.Т.
Народный смех в якутском героическом эпосе-олонхо 185-190

Борисова С.В., Гончарова В.А.
Сопоставительный анализ стилеобразующей роли эмофонов в оперном, театральном и кинематографическом искусстве 191-196

Мокрицкая Е.А.
Лингвокогнитивное моделирование концепта «morality» в дискурсе англоязычного медиапространства 197-201

Ян Сяо
Исследование перевода ключевых концептуальных слов «Лунь юй» в русских переводах 202-205

Матвеева Е.М.
Сопоставительный анализ функций французской частицы *donc* и русской *же* в контексте выражения причинных отношений 206-212

Ситдикова Ф.Б.
Особенности и различия в переводах сниженной лексики в новых мужских и женских переводах романа Дж. Д. Сэлинджера “Catcher in the Rhye” с английского языка на русский 213-221

Соколова А.С.
Современный тезаурус, лингвокреативность, лингвоэкологичность как культурный аспект русского рекламного текста 222-232

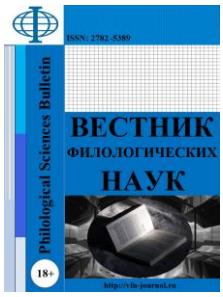
Яковлева А.С.
Специфика перевода лексических единиц в техническом тексте на разных уровнях 233-236

Акинина Н.В., Шубина Н.Г., Щербатенко О.А.
Анализ способов перевода на английский язык имен собственных в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (на основе перевода К. Гарнетт) 237-244

Кабакова С.А., Шадрина Е.А., Миллер П.С., Лютова М.Е.
Трансформация образа монастыря в творчестве В.М. Шукшина 245-250

Кабакова С.А., Алпатова Д.А., Захарова В.В.
Пунктуация как инструмент выразительности: когда запятая меняет смысл 251-256

Николенко О.В., Муругова Е.В.
Мотивирующие провокативные речевые стратегии и тактики в спортивном дискурсе 257-264



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.25

[1] Бочкарева Т.С. ***[1] Оренбургский государственный университет***

Типология коммуникативных стратегий в русской и английской деловой коммуникации: сопоставительный анализ

Аннотация: *в статье представлен сопоставительный анализ коммуникативных стратегий в русской и английской деловой коммуникации. Актуальность исследования обусловлена потребностями международного бизнеса, где эффективность кросс-культурного взаимодействия зависит от понимания национально-культурных особенностей делового общения.*

Цель работы – выявление дифференцирующих признаков коммуникативных стратегий в русском и английском деловом дискурсе. Методологической основой исследования стала классификация Е.И. Шейгал. Эмпирическую базу составил корпус из 800 текстов деловой коммуникации.

Результаты выявили существенные различия: русский дискурс характеризуется антропоцентрической моделью с ориентацией на персонифицированные отношения и использованием фатической коммуникации, в то время как английский демонстрирует логоцентрическую модель с акцентом на прямую ясность и деперсонифицированное общение.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов для разработки учебных программ по межкультурной коммуникации, направленных на повышение эффективности делового взаимодействия между представителями русской и английской лингвокультур.

Ключевые слова: *коммуникативные стратегии, деловой дискурс, межкультурная коммуникация, сопоставительный анализ, русская лингвокультура, английская лингвокультура*

Для цитирования: Бочкарева Т.С. Типология коммуникативных стратегий в русской и английской деловой коммуникации: сопоставительный анализ // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 6 – 10.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Bochkareva T.S. ***[1] Orenburg State University***

Typology of communicative strategies in Russian and English business communication: a comparative analysis

Abstract: *this article presents a comparative analysis of communicative strategies in Russian and English business communication. The relevance of the study is driven by the needs of international business, where effective cross-cultural interaction depends on understanding the national and cultural specifics of business communication.*

The aim of the study is to identify the differentiating features of communicative strategies in Russian and English business discourse. The methodological framework is based on E.I. Sheigal's classification. The empirical data comprises a corpus of 800 business communication texts.

The results reveal significant differences: Russian discourse is characterized by an anthropocentric model focusing on personalized relationships and phatic communication, while English discourse demonstrates a logocentric model emphasizing direct clarity and depersonalized communication.

The practical significance of the study lies in the potential application of its findings for developing intercultural communication training programs aimed at enhancing business interaction effectiveness between representatives of Russian and English linguistic cultures.

Keywords: *communicative strategies, business discourse, intercultural communication, comparative analysis, Russian linguistic culture, English linguistic culture*

For citation: Bochkareva T.S. Typology of communicative strategies in Russian and English business communication: a comparative analysis. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 6 – 10.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Деловая коммуникация как лингвокультурный феномен представляет собой неотъемлемый компонент профессионального дискурса [2]. Ее эффективность детерминирует успешность реализации ключевых бизнес-процессов, включая заключение сделок, ведение переговоров и корпоративное взаимодействие. Культурно-обусловленные факторы, такие как специфика менталитета, ценностные ориентации и особенности языкового кода, оказывают существенное влияние на селекцию коммуникативных стратегий участниками интеракции [3]. Выявление инвариантных и вариативных элементов коммуникативного поведения репрезентантов различных лингвокультур способствует минимизации коммуникативных сбоев (дисфункций) и оптимизации делового диалога [7].

Целью настоящего исследования является идентификация и систематизация дифференцирующих признаков коммуникативных стратегий, актуализируемых в русскоязычном и англоязычном деловом дискурсе, посредством метода сопоставительного анализа. В фокусе исследования находятся как вербальные, так и паралингвистические средства, конституирующие бизнес-коммуникацию. Исследование нацелено на выявление универсалий и идиоэтнической специфики каждого типа дискурса, а также на разработку практических рекомендаций для усиления эффективности межкультурной коммуникации.

Актуальность проблематики исследования обусловлена интенсификацией международных бизнес-контактов и формированием глобального полилогического пространства [1]. В современных условиях представляется imperative учитывать дискурсивные различия, детерминированные национально-культурной принадлежностью коммуникантов, традициями и когнитивными моделями ведения дел [8]. Многочисленные исследования в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации подчеркивают значимость учета этнокультурного компонента при выборе эффективных моделей передачи интенций в международной среде [7].

Научная новизна исследования заключается в разработке интегративной типологии коммуникативных стратегий применительно к русскому и английскому деловому дискурсу, в анализе культурной детерминации выбора тех или иных тактик и в формулировании принципов оптимизации межкультурного взаимодействия на основе выявленных дискурсивных закономерностей.

Практическая значимость работы определяется возможностью апробации полученных результатов в сфере подготовки филологов-практиков, лингвокоучей и сотрудников международных компаний. Материалы исследования могут быть использованы для совершенствования учебных курсов и тренингов по развитию кросс-культурной компетенции, а также для регламентации и структурирования переговорных процессов.

Материалы и методы исследований

Исследование базируется на методологии контент-анализа корпуса аутентичных текстов деловой коммуникации на русском и английском языках. Объектом анализа выступили документные жанры: деловая переписка, протоколы совещаний, стенограммы публичных выступлений и интервью с представителями бизнес-сообществ обеих лингвокультур. Всего было проанализировано свыше 800 текстовых фрагментов, включая электронные письма, презентационные материалы, публичные выступления и транскрипты переговоров.

В качестве теоретико-методологической основы для категоризации коммуникативных стратегий была использована классификация, предложенная Е.И. Шейгал [9]. В соответствии с данной моделью, стратегии подразделяются на следующие таксономические группы:

- Прямые vs. косвенные стратегии (эксплицитные vs. имплицитные способы репрезентации интенции) [9].
- Активные vs. пассивные стратегии (инициативные vs. реактивные модели речевого поведения) [9].
- Стратегии консенсуса vs. конфронтации (конформные vs. конфликтные сценарии интеракции) [9].

• Ритуальные (этикетные) vs. инструментальные стратегии (фатические vs. информационно-целевые модели) [9].

Для обработки эмпирического материала применялись методы качественного и квантитативного анализа, включая идентификацию частотности употребления определенных речевых формул, семантический анализ ключевых лексических единиц и интерпретацию их употребления в конкретных прагматических контекстах.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ позволил верифицировать ряд значимых тенденций, характеризующих русский и английский стили делового общения.

Специфические черты русской деловой коммуникации.

Русская лингвокультура в ее деловой ипостаси исторически характеризуется чертами коллективизма, иерархичности и выраженной ориентацией на установление доверительных, персонифицированных отношений [3] (феномен «блата» в его позитивной трактовке). Данные особенности находят свое отражение в предпочитаемых дискурсивных практиках. В частности, для русскоязычных коммуникантов характерна стратегия фатической коммуникации, направленная на установление и поддержание личного контакта [4], эмоциональной вовлеченности и демонстрации искреннего интереса к партнеру. Широко используются такие тактики, как вербализация комплиментов, иронии, юмора и включение элементов личного характера даже в формальные сценарии общения.

Прямая коммуникация, безусловно, присутствует в русском дискурсе, однако актуализация прямой критики и открытых конфликтных интеракций встречается реже, нежели в англоязычной среде. Русские коммуниканты зачастую прибегают к стратегии избегания конфронтации, используя эвфемизмы, смягчающие модальные конструкции и имплицитные формы выражения несогласия, особенно в ситуациях отказа или расхождения во мнениях.

Использование ритуальных (этикетных) формул приветствия и прощания является облигаторным для русской коммуникативной культуры. Релевантными примерами служат развернутые формулы благодарности («Примите мою искреннюю благодарность») и пожелания («Всего наилучшего»). Однако данная вежливость редко сводится к сухой формальности и часто окрашивается в подчеркнуто дружественные, почти интимные тона, что отражает стремление к сокращению социальной дистанции.

Характеристика английской деловой коммуникации.

Английская деловая лингвокультура, в свою очередь, базируется на принципах индивидуализма, функциональной эффективности и толерантности к открытой экспликации позиций [6]. Британские коммуниканты тяготеют к стратегии прямой ясности (clarity), избегая полисемии и двусмысленности [6]. Значительное внимание уделяется детализации договоренностей и контрактному, деперсонифицированному стилю изложения, с предпочтением структурированных и логически выверенных форм письменной и устной речи.

Стратегия консенсуального разрешения ситуаций проявляется в стремлении к достижению компромисса и нейтрализации потенциальных конфликтов. Для этого активно применяются тактики активного слушания, уточняющих вопросов и апелляции к рациональным аргументам. В отличие от русских коллег, носители англосаксонской культуры демонстрируют меньшую склонность к экстраполяции деловых отношений в личную сферу, ценя строгую субординацию и соблюдение процессуальных регламентов.

Ритуальные формулы в английском деловом общении носят в большей степени формальный, стандартизированный характер, регламентированный правилами «хорошего тона» (etiquette). Приветствия и заключительные формулы в письмах стандартны и лишены эмоциональной маркированности.

Кросс-культурные сопоставления.

Сравнительный анализ выявляет фундаментальные различия, оказывающие непосредственное воздействие на процесс интеракции. Русскоязычным коммуникантам свойственна антропоцентрическая модель общения с акцентом на межличностный раппорт, в то время как англоязычные участники ориентированы на логоцентрическую модель с фокусом на факты и логическую аргументацию [3]. Использование юмора, метафор и культурно-специфических аллюзий характерно преимущественно для русской аудитории, тогда как английский подход прагматически нацелен на однозначность и прозрачность семантики высказываний.

Различные темпоральные перспективы также находят отражение в дискурсивных практиках. Русские коммуниканты склонны к макровременной ориентации, рассматривая долгосрочные горизонты партнерства, в то время как британцы фокусируются на микровременных аспектах – текущих результатах и краткосрочной эффективности.

Наряду с отмеченными дивергентными чертами, фиксируются и конвергентные процессы. Обе лингвокультуры демонстрируют приверженность корпоративной этике и взаимному уважению. Участники коммуникации с обеих сторон стремятся к конструированию позитивного имиджа бренда и укреплению репутации организации.

Кроме того, наблюдается тенденция к глобализации делового дискурса, ведущая к конвергенции стилей и формированию гибридных, интернациональных моделей взаимодействия. Современные реалии требуют адаптации традиционных национальных дискурсивных практик к условиям глобального рынка, что порождает новые, синкретичные формы деловой коммуникации.

Выводы

Проведенное исследование позволило констатировать наличие значимых дивергенций в репертуаре коммуникативных стратегий, актуализируемых русскими и английскими участниками делового общения [3, 6, 9]. Установлено, что русский деловой дискурс характеризуется ориентацией на установление персонифицированных отношений, использованием имплицитных методов воздействия и интеграцией эмоционального компонента. Английский деловой дискурс, напротив, демонстрирует приверженность эксплицитным сообщениям, строгой текстовой архитектонике и формализованным способам поддержания профессиональных отношений.

Вместе с тем, идентифицированы и универсальные элементы, среди которых – респектация норм корпоративной этики, стремление к достижению взаимовыгодных синергетических эффектов и готовность к определенной степени адаптации в условиях меняющейся внешней среды.

Полученные результаты создают теоретическую базу для разработки специализированных образовательных программ, нацеленных на формирование высокой степени дискурсивной компетентности персонала в условиях мультикультурного пространства современного бизнеса [4, 7]. Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном изучении нюансов рецепции, интерпретации и имплементации конкретных стратегий в зависимости от жанрово-стилистических особенностей контекста и прагматических целей коммуникации, в том числе с привлечением методов когнитивной лингвистики и дискурс-анализа.

Список источников

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 352 с.

2. Карасик В.И. Язык социального статуса: монография: 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2022. 330 с.

3. Клайн М. Межкультурная коммуникация в работе: культурные ценности в дискурсе. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2021. 288 с.

4. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: монография: 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2021. 256 с.

5. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2020. 212 с.

6. Спенсер-Оутри Х., Франклин П. Межкультурное взаимодействие: междисциплинарный подход к межкультурной коммуникации: 2-е изд. Лондон: Пэлгрейв Макмиллан, 2021. 288 с.

7. Фантини А.Э., Тирмизи Б.К. Межкультурная коммуникативная компетенция в образовательном обмене: международная перспектива. Нью-Йорк: Рутледж, 2020. 312 с.

8. Чжу Ю. Исследование межкультурной коммуникации: язык в действии: 2-е изд. Нью-Йорк: Рутледж, 2020. 264 с.

9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.

10. Щурина Ю.В. Вербальные и невербальные средства делового дискурса: сопоставительный анализ на материале русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 3. С. 852 – 857.

References

1. Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.P. Fundamentals of Intercultural Communication: A Textbook for Universities. Moscow: UNITY-DANA, 2015. 352 p.

2. Karasik V.I. The Language of Social Status: A Monograph: 2nd Edition, Stereotype. Moscow: Flinta, 2022. 330 p.

3. Klein M. Intercultural Communication at Work: Cultural Values in Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 288 p.

4. Larina T.V. The Category of Politeness in English and Russian Communicative Cultures: A Monograph: 4th Edition, Stereotype. Moscow: Flinta, 2021. 256 p.

5. Oleshkov M.Yu. Fundamentals of Functional Linguistics: The Discourse Aspect: A Manual. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2020. 212 p.

6. Spencer-Awtrey H., Franklin P. Intercultural Interaction: An Interdisciplinary Approach to Intercultural Communication: 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2021. 288 p.

7. Fantini A.E., Tirmizi B.K. Intercultural Communicative Competence in Educational Exchange: An International Perspective. New York: Routledge, 2020. 312 p.

8. Zhu Yu. Research on Intercultural Communication: Language in Action: 2nd ed. New York: Routledge, 2020. 264 p.

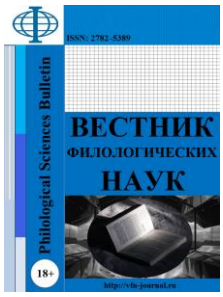
9. Sheigal E.I. Semiotics of Political Discourse: A Monograph. Volgograd: Peremena, 2000. 367 p.

10. Shchurina Yu.V. Verbal and Non-Verbal Means of Business Discourse: A Comparative Analysis Using Russian and English Languages. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 852 – 857.

Информация об авторах

Бочкарева Т.С., *кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет, bocykarevatc@rambler.ru*

© Бочкарева Т.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'373:165.2

[1] Брискер М.В., [1] Мокрицкая Е.А. ***[1] Оренбургский государственный университет***

Языковые маркеры концепта «нравственность» в современном английском языке: корпусный и дискурсивный анализ

Аннотация: *в статье представлены результаты комплексного лингвистического исследования, направленного на выявление и многоаспектный анализ вербальных маркеров, которые представляют концепт «нравственность» (morality) в синхронном срезе современного английского языка. Методологическая парадигма исследования базируется на интеграции методов корпусной лингвистики и критического дискурс-анализа. Эмпирической основой выступили данные крупнейших репрезентативных корпусов – Британского национального корпуса (BNC) и Корпуса современного американского английского языка (COCA), что позволило провести сравнительный анализ с учетом национально-культурных вариаций. В рамках исследования мы не только определили и классифицировали главные и дополнительные языковые маркеры, но и провели детальный семантико-когнитивный анализ, выявили частоту употребления, особенности распределения по типам текстов и их типичные сочетания (частотность, дистрибуция, коллокационные профили), а также установили прагматические функции в рамках различных типов дискурса (политический, медийный, академический). Особый фокус исследования сконцентрирован на семантической дилемме «мораль – этика» (morality / ethics). Путем сопоставительного анализа контекстуальных окружений и дискурсивных практик мы определили в чем смыслы слов «нравственность», «мораль» и «этика» совпадают, а в чем – отличаются, выделили их уникальные черты и определили, в каких ситуациях мы обычно используем каждое из них.*

Ключевые слова: *концепт, нравственность, мораль, этика, языковой маркер, лингвокультурология, корпусная лингвистика, дискурс-анализ, английский язык, лексико-семантическое поле*

Для цитирования: Брискер М.В., Мокрицкая Е.А. Языковые маркеры концепта «нравственность» в современном английском языке: корпусный и дискурсивный анализ // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 11 – 15.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Brisker M.V., [1] Mokritskaya E.A. ***[1] Orenburg State University***

Linguistic representation of the concept "morality" in modern English: a corpus-based discourse analysis

Abstract: *this article presents the results of a comprehensive linguistic study aimed at identifying and conducting a multifaceted analysis of verbal markers that represent the concept of "morality" in the synchronic slice of the modern English language. The methodological paradigm of the research is based on an integration of corpus linguistics and critical discourse analysis methods. The empirical foundation comprised data from the largest representative corpora – the British National Corpus (BNC) and the Corpus of Contemporary American English (COCA), enabling a comparative analysis that accounts for national and cultural variations.*

Within the study, we not only identified and classified the primary and secondary linguistic markers but also conducted a detailed semantic-cognitive analysis, revealed their frequency of use, distribution across text types, and their typical collocations (frequency, distribution, collocational profiles). Furthermore, we established their pragmatic functions within various types of discourse (political, media, academic).

A special focus of the research is concentrated on the semantic dilemma of "morality / ethics." Through a comparative analysis of contextual environments and discursive practices, we determined the points where the meanings of the words «morality», «moral», and «ethics» coincide and differ, highlighted their unique features, and identified the typical contexts for the use of each.

Keywords: *concept, morality, morals, ethics, linguistic marker, linguistic culturology, corpus linguistics, discourse analysis, the English language, lexical-semantic field*

For citation: Brisker M.V., Mokritskaya E.A. Linguistic representation of the concept "morality" in modern English: a corpus-based discourse analysis. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 11 – 15.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистики к изучению этических концептов в их языковом воплощении и необходимостью системного описания всего спектра языковых средств, которые моделируют эти сложные и многогранные понятия. Исследование концепта «нравственность» в английской лингвокультуре представляет значительный интерес в свете его центральной роли в системе ценностей англоязычного общества. Его изучение лежит на стыке лингвистики, философии и культурологии. В английском языке данный концепт преимущественно покрывается лексемами morality и ethics, что определяет специфику его вербализации.

В условиях межкультурной коммуникации понимание специфики вербализации этических концептов становится особенно важным. Проблема получила освещение в ряде трудов по лингвокультурологии [1, 3], корпусной лингвистики [10] и дискурс-анализа [9, 14]. Однако комплексные исследования, сочетающие корпусные методы с дискурсивным анализом для концепта «нравственность» в английском языке, остаются недостаточно представленными в научной литературе.

Мы полагаем, что концепт «нравственность» в современном английском языке вербализуется через устойчивую систему языковых маркеров, демонстрирующих значительные вариации в разных типах дискурса и национальных вариантах языка. Целью нашего исследования является выявление и комплексный анализ языковых маркеров концепта «нравственность» в современном английском языке. Мы поставили такие задачи, как определить и провести анализ языковых маркеров концепта «нравственность», провести анализ частотности и распределения маркеров, выявить дискурсивные особенности функционирования маркеров и проанализировать семантико-прагматические характеристики, сравнить особенности репрезентации концепта в английском языке, проиллюстрировать функционирование маркеров в реальных дискурсивных практиках.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели и решения задач в данном исследовании был использован комплекс взаимодополняющих методов, основанных на различных типах лингвистических данных, а именно метод лексикографического анализа, метод корпусной лингвистики, метод концептуального анализа. Для анализа использовались следующие источники: Oxford English Dictionary (OED) [12], Cambridge Advanced Learner's Dictionary [6] и Collins English Dictionary [7], Британский национальный корпус (BNC) [5], Корпус современного американского английского языка (COCA) [8]. Теоретической базой послужили работы в области лингвоконцептологии [1, 2], корпусной лингвистики [13], а также теория речевых актов и дискурс-анализ.

Результаты и обсуждения

Концепт как основная единица описания языка и культуры представляет собой сложный ментальный комплекс, вербализуемый совокупностью разноуровневых языковых средств. Исследование концептов позволяет проникнуть вглубь национального сознания и выявить культурно-специфические ценности. Концепт «нравственность» является центральным для любой лингвокультуры, тесно переплетаясь с понятиями совести, добра, справедливости и долга. Ядро концепта «нравственность» репрезентируется одноименной лексемой. Согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, нравственность

– это «внутренние, духовные и душевные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [11, с. 427].

Хотя в обиходе слова «мораль» и «нравственность» часто используются как синонимы, в философской и лингвистической традициях между ними существует тонкое различие. Мораль часто понимается как совокупность внешних по отношению к индивиду норм и правил, принятых в обществе. Нравственность же трактуется как внутренняя установка личности действовать согласно своей совести и собственным представлениям о добре и зле. Таким образом, мораль – это социальный закон, а нравственность – внутренний, личный закон.

Ядром лексико-семантического поля «нравственность» является слово «нравственность», имеющее значение «внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [11, с. 423].

Концепт «нравственность» находится в центре обширного семантического поля, включающего:

• лексемы-идентификаторы: нравственность, мораль, этика;

• лексемы, обозначающие качества (добро, зло, совесть, долг, честь, достоинство, справедливость, порядочность, чистота, непорочность);

• лексемы, обозначающие процессы и действия (поступать правильно / неправильно, грешить, искушать, соблазнять, каяться, исповедоваться);

• лексемы-антонимы (безнравственность, аморальность, разврат, падение, порок, грех).

Лексикографические источники позволяют выявить инвариантное значение, составляющее семантическое ядро концепта «нравственность». Согласно «Oxford English Dictionary», «morality» определяется как: «Principles concerning the distinction between right and wrong or good and bad behaviour» [12, с. 1120]. Это определение задает основную дихотомию («right / wrong», «good / bad») и указывает на системный характер моральных принципов. Важным маркером является также прилагательное «moral», которое, согласно тому же источнику, означает: «Concerned with the principles of right and wrong behaviour» [12, с. 1119]. К ядру концепта относятся также антонимичные пары, непосредственно выражающие оценочное суждение: right – wrong, good – evil, virtue – vice.

Лексема «ethics» часто используется как синоним «morality», однако словари фиксируют тонкое различие: «ethics» чаще относится к формализованным кодексам поведения (например, профессиональная этика – «professional ethics»), в то время как «morality» – к более широким, часто религиозным или культурным, принципам. Это различие является важным дискурсивным маркером.

Концепт «нравственность» в английском языке вербализуется через несколько перекрывающихся лексико-семантических полей (ЛСП):

– ЛСП «долг и обязанность» (duty and obligation).

Лексемы: duty, obligation, responsibility, ought, should, must.

Модальные глаголы should и ought to являются ключевыми маркерами модальности, выражающей моральное предписание. Например, высказывание «You should tell the truth» имплицитно апеллирует к моральной норме. «You must tell the truth» звучит более категорично, часто как приказ, а не как моральный совет.

– ЛСП «совесть и внутренний суд» (conscience and inner judgment).

Лексемы: conscience, guilt, shame, remorse, integrity, scruples.

Данные маркеры указывают на интериоризацию моральных норм. Они часто встречаются в конструкциях, описывающих внутреннее состояние: «a guilty conscience», «pangs of remorse», «to have no shame». Пример из корпуса BNC: «He was consumed with guilt after his moral transgression» [5].

– ЛСП «справедливость и честность» (justice and fairness).

Лексемы: justice, fairness, equity, honesty, truthfulness, righteousness.

Эти маркеры актуализируют социальный аспект нравственности. Они часто используются в публицистическом и юридическом дискурсе. Адъективный маркер «righteous» обладает сильной коннотацией и может употребляться как в позитивном, так и в негативном ключе («righteous anger» – «self-righteous person»).

Помимо лексических единиц, концепт «нравственность» объективируется через определенные синтаксические конструкции и дискурсивные формулы.

Конструкции с «it is» + прилагательное моральной оценки:

It is wrong to lie.

It is immoral to exploit others.

It is the right thing to do.

Данные конструкции служат для универсализации морального суждения, представляя его не как личное мнение, а как объективную истину.

Риторические вопросы и условные конструкции:

What would you do if you were in my shoes? (апелляция к моральной рефлексии).

If we don't act now, what kind of world are we leaving for our children? (апелляция к ответственности).

В политических и медийных текстах концепт «нравственность» часто вербализуется через клишированные выражения, которые сами по себе становятся мощными маркерами:

«Moral compass» (моральный компас) – указывает на внутреннее чувство правильного и неправильного.

«Moral high ground» (моральное превосходство) – стратегия в споре, когда одна сторона позиционирует себя как более нравственную.

«Moral obligation / imperative» (моральный долг / императив) – подчеркивает безусловность требования.

Пример из газетного дискурса (The Guardian):

«The government's decision to cut foreign aid is not just an economic misstep; it is a «moral failure». We have a «moral obligation» to help the most vulnerable» [4].

В данном примере маркерами концепта выступают словосочетания «moral failure» и «moral obligation», которые помещают дискуссию из экономической плоскости в моральную, что является мощным риторическим приемом.

Выводы

Согласно проведенному исследованию мы установили, что концепт «нравственность» обладает сложной полевой структурой. Его ядро формируется прямыми номинантами (morality, ethics, moral), которые задают базовую дихотомию «right / wrong» и «good / bad». Периферия концепта представлена разветвленной системой лексико-семантических полей, конкретизирующих его различные аспекты: «долг и обязанность» (duty, should, must), «совесть и внутренний суд» (conscience, guilt, shame) и «справедливость и честность» (justice, fairness, honesty). Это подтверждает исходную гипотезу о существовании устойчивой и многоуровневой системы языковых маркеров данного концепта.

Анализ позволил выявить тонкую семантическую дифференциацию между ключевыми лексемами. Словари фиксируют, что morality тяготеет к широким культурным и религиозным принципам, в то время как ethics чаще ассоциируется с формализованными профессиональными кодексами. Это различие является важным прагматическим маркером, определяющим выбор слова в зависимости от типа дискурса.

Исследование на практике доказало высокую эффективность комплексной методологии, объединяющей инструментарий лингвоконцептологии и корпусной лингвистики. Лексикографический анализ позволил выявить инвариантные семантические компоненты, а корпусные методы – проследить частотность, контекстуальное распределение и реальное употребление маркеров в различных типах дискурса. Такой подход обеспечил репрезентативность данных и позволил перейти от абстрактных моделей к анализу живого языкового употребления.

Научная значимость и перспективы. Работа вносит вклад в развитие лингвоконцептологии и теорию дискурса, предлагая модель анализа сложного абстрактного концепта. Полученные результаты имеют прикладное значение для переводоведения, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, углубляя понимание аксиологической картины мира англоязычного общества.

Список источников

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

2. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2003. Вып. 3. С. 5 – 24.

3. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.

4. Aid cuts are a moral failure // The Guardian. 2021. URL: https://www.theguardian.com/ (дата обращения: 15.05.2023).

5. British National Corpus (BNC). 2023. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 15.05.2023).

6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary: 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 15.05.2023).

7. Collins English Dictionary: 14th ed. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2023. URL: https://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения: 15.05.2023).

8. Corpus of Contemporary American English (COCA). 2023. URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (дата обращения: 15.05.2023).

9. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language: 2nd ed. London: Routledge, 2013. 608 p.
10. McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 294 p.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., доп. М.: Азъ, 1999. 944 с.
12. Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2023. URL: https://www.oed.com/ (дата обращения: 15.05.2023).
13. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 188 p.
14. Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.

References

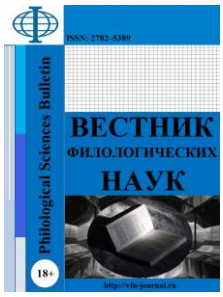
1. Vezhbitskaya A. Semantic Universals and the Description of Languages. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 780 p.
2. Vorkachev S.G. Methodological Foundations of Lingvoconceptology. Theoretical and Applied Linguistics. 2003. Iss. 3. P. 5 – 24.
3. Karasik V.I. Language Keys. Moscow: Gnosis, 2009. 406 p.
4. Aid Cuts Are a Moral Failure. The Guardian. 2021. URL: https://www.theguardian.com/ (date of accessed: 15.05.2023).
5. British National Corpus (BNC). 2023. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (date of accessed: 15.05.2023).
6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary: 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (date of accessed: 15.05.2023).
7. Collins English Dictionary: 14th ed. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2023. URL: https://www.collinsdictionary.com/ (date of accessed: 15.05.2023).
8. Corpus of Contemporary American English (COCA). 2023. URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (date of accessed: 15.05.2023).
9. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language: 2nd ed. London: Routledge, 2013. 608 p.
10. McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 294 p.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions: 4th ed., suppl. Moscow: Az, 1999. 944 p.
12. Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2023. URL: https://www.oed.com/ (date of accessed: 15.05.2023).
13. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 188 p.
14. Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.

Информация об авторах

Брискер М.В., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», blackorchid777@rambler.ru*

Мокрицкая Е.А., *старший преподаватель, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»*

© Брискер М.В., Мокрицкая Е.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
УДК 398.61

[1] Воробьева Л.Б., [1] Митченко З.В. ***[1] Псковский государственный университет***

Детский фольклорный дискурс регионального характера как ресурс для изучения коммуникации детей

Аннотация: *статья посвящена изучению детской коммуникации в псковском фольклорном дискурсе. В качестве объекта изучения выбраны поддевки, дразнилки и загадки как отдельные жанры модуля «Детский фольклор» регионального цифрового кластера, поскольку они демонстрируют элементы провокативного дискурса. Работа выполнена в аспекте проблем филологической регионалистики – изучения псковской народной речи и псковского фольклора. Повествовательные тексты являются важнейшими единицами коммуникативной диалектологии, и именно диалектная система национального языка эксплицирует традиционную культуру. Введение в научное использование нового эмпирического материала позволяет рассматривать вопросы субкультуры детей в междисциплинарном ключе: в аспекте лингвокультурологии, этнопедагогики, психологии. Специфика материала заостряет дискурсивный аспект темы и позволяет изучать словесные формы бытования сферы «детского», способы ее репрезентации в языке. В исследовании применяются методы социально-гуманитарных научных направлений: когнитивно-дискурсивный, системно-структурный, метод контекстного анализа. Авторы приходят к выводу о том, что псковский фольклор – часть общерусского фольклора и тексты многих жанров, в том числе и детского фольклора, записанные на Псковщине, представляют варианты известных общерусских сюжетов. Специфические черты, связанные с языковыми диалектными особенностями в области фонетики, лексики, грамматики в жанрах детского фольклора малочисленны.*

Ключевые слова: *детский фольклорный дискурс, провокативный дискурс, поддевка, загадка, дразнилка, электронная база данных, субкультура детства, коммуникация детей, псковская народная речь*

Для цитирования: Воробьева Л.Б., Митченко З.В. Детский фольклорный дискурс регионального характера как ресурс для изучения коммуникации детей // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 16 – 24.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Vorobyova L.B., [1] Mitchenko Z.V. ***[1] Pskov State University***

Children's folklore discourse of a regional nature as a resource for studying children's communication

Abstract: *the article is devoted to the study of children's communication in the Pskov folklore discourse. The object of study is the mockery, taunts, and riddles as separate genres of the "Children's Folklore" module of the regional digital cluster, which demonstrate elements of provocative discourse. The work is carried out in the aspect of the problems of philological regional studies, which is the study of the Pskov folk speech and Pskov folklore. Narrative texts are the most important units of communicative dialectology, and it is the dialect system of the national language that explicated the traditional culture. The introduction of new empirical material into*

scientific research allows us to consider the issues of children's subculture in an interdisciplinary manner, from the perspective of linguoculturology, ethnopedagogy, and psychology. The specificity of the material highlights the discursive aspect of the topic and enables us to study the verbal forms of the "childhood" sphere and the ways in which it is represented in language. The study uses methods of social and humanitarian sciences, such as cognitive-discursive, systemic-structural, and contextual analysis. The authors conclude that Pskov folklore is part of the all-Russian folklore, and the texts of many genres, including children's folklore, recorded in Pskov, represent variations of well-known all-Russian plots. The specific features related to linguistic dialectal characteristics in the fields of phonetics, vocabulary, and grammar are limited in the genres of children's folklore.

Keywords: *children's folklore discourse, provocative discourse, mockery, riddle, taunt, electronic database, childhood subculture, children's communication, Pskov folk speech*

For citation: Vorobyova L.B., Mitchenko Z.V. Children's folklore discourse of a regional nature as a resource for studying children's communication. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 16 – 24.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена ростом внимания специалистов разных областей к проблемам детства. В связи с тем, что важным атрибутом детства как особого социокультурного феномена является детский фольклор, изучение отдельных его жанров регионального характера позволяет выявить в вербальном дискурсе ребенка способы его идентификации. Построение модели регионального цифрового кластера, содержание которого представляет традиционную народную культуру и язык Псковского региона, осуществляется впервые. Посредством актуальных форм представления детского фольклорного дискурса регионального характера в научный обиход вводится значительный по объему эмпирический материал, не изучавшийся на материале псковского фольклорно-диалектного архива ранее.

Целью статьи является раскрытие потенциала детского фольклорного дискурса как ресурса для изучения коммуникации детей. Тема детства, изучаемая на региональном фольклорном материале, заостряет необходимость разграничения ряда смежных понятий. Традиционное понимание детского фольклора как разновидности устного народного творчества, созданного взрослыми для детей или самими детьми и воспроизводимого в детском возрасте, при когнитивно-коммуникативном подходе рассматривается в «единстве текста и языковой действительности», т.е. как дискурс [12, с. 8]. Как отмечает Н.В. Большакова, «детский фольклор – важный атрибут детства… Изучение традиционного детского фольклора позволяет выявить в его вербальном дискурсе формы идентификации ребенка, способы обретения им защитных механизмов» [3, с. 1065].

Детский дискурс, по мнению Л.А. Моргуновой, – это феномен формирующейся языковой личности ребенка, включающий в себя не только вербальную составляющую (речевую продукцию детей), но и ментальную (эмоции, интенции, специфику мозговой организации в онтогенезе) [10, с. 87], это «речевая деятельность детей от 1,5-2 до 5-6 лет, обусловленная особенностями когнитивного развития данного возрастного периода» [8, с. 7]. Из определений следует, что авторы не отождествляют понятия детский дискурс и детская речь.

Фольклорный дискурс – это особый тип коллективной речевой деятельности, «специфическое образование», которое реализуется в ряде «устойчивых коммуникативных ситуаций, обслуживающих разные сферы человеческой деятельности» [12, с. 8] и стабилизирует жизнь социума. В детском фольклорном тексте пересекаются различные прагматические и социокультурные векторы [18, с. 100].

В настоящее время изучению темы детства посвящено немало исследований по культурологии, этнографии, фольклористике, этнопедагогике, что подтверждает полидисциплинарный характер данной темы. Специалисты разных областей, выявляя лакуны в изучении мира детства и образа ребенка, пытаются осуществить разноаспектное описание феномена детства.

Особенности мира детства позволяют выявить произведения различных фольклорных жанров, представленных в псковском фольклорно-этнографическом и диалектном архиве. Отдельные специфические черты детского фольклорного дискурса выявлены в текстах псковских мифологических рассказов [5], закличек [3], а также псковских сказок [7]. Данные повествовательные тексты являются важнейшими единицами коммуникативной диалектологии, а, как известно, диалектная система наиболее полно отражает традиционную культуру. Так, например, в сказках отражаются детали семейного и земледельческого обрядо-

вых циклов (свадьба, похороны, жатва, колядование, «ярмонки») и связанные с ними обычаи. Коллективом лаборатории «Социогуманитарная регионика» по данным текстам зарегистрированы электронные базы данных (ЭБД): «Народные сказки Псковского края (по материалам псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива)» (2015, № свидетельства 2015621793) и «Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья» (2025, № свидетельства 2025620568).

Очевидно, что тема детства особо ярко отражается в детском фольклоре, поэтому настоящее исследование строится на основе неопубликованных текстов псковского детского фольклора. В связи с проведением исследования учеными Псковского государственного университета осуществляется цифровизация хранящихся в архиве текстов традиционного детского фольклора в виде ЭБД. Введение информационных технологий в научно-практическую работу позволяет обеспечить не только сохранность вербальной народной культуры, но и системное представление значимого регионального материала. Подчеркнем, что ЭБД «Детский фольклор» является отдельным разрабатываемым модулем регионального цифрового кластера. Под региональным культурным кластером понимается единая система взаимосвязанных электронных форм, содержание которых представляет традиционную народную культуру и язык Псковского региона.

Для создания ЭБД по детскому фольклору сотрудниками лаборатории было отобрано и атрибутировано более 4000 текстов разных жанров традиционного детского фольклора (детский магический, обрядовый и игровой фольклор, а также колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки, загадки и др.). Помимо текста в базе отражается место (район) и год записи, сведения об информанте (возраст, пол), а также ключевые слова. Поисковый запрос может осуществляться по любому из заданных параметров, что позволяет оперативно представить в компактной форме большой объем данных.

Актуальность создания регионального цифрового кластера, перспективы его развития, важность систематизации архивного материала для обеспечения его сохранности и расширения возможностей доступа путем цифровой обработки не вызывают сомнения [4]. С внедрением кластеров как черты региональной политики связывается развитие и стабилизация этнокультурных ценностей, что особенно актуально для молодежной среды [2, с. 179].

Материалы и методы исследований

Проблема исследования, ее междисциплинарный характер предполагает применение комплекса методов социально-гуманитарных научных направлений. При выявлении коммуникативных интенций, вербализованных в региональном фольклорном дискурсе, использовался когнитивно-дискурсивный метод, при выявлении особенностей языка фольклорных текстов (поддевок, загадок, дразнилок) – системно-структурный метод и элементы контекстного анализа.

Результаты и обсуждения

Знакомство с народным творчеством очень важно именно в детские годы, когда процесс формирования характера и представления о собственной идентичности коррелируют с механизмом осознания самобытности и эстетической ценности родного языка, транслирующего исторические, культурологические, аксиологические факты традиционного быта [18, с. 100]. Как отмечает О.В. Стрелкова, одной из важнейших функций детской субкультуры является «регуляция взаимоотношений между членами игрового сообщества, так как житейский опыт усваивается ребенком задолго до приобретения научных знаний» [16, с. 92]. При этом вербальный способ владения коммуникативными составляющими детской субкультуры автор считает необходимым для построения отношений дошкольника со сверстниками [16, с. 93]. Настоящая публикация продолжает серию исследований отдельных жанров детского фольклора, содержащегося в диалектном и фольклорно-этнографическом архиве лаборатории «Социогуманитарная регионика» Псковского государственного университета, и посвящена изучению поддевок, дразнилок и загадок, как элементов регионального детского фольклорно дискурса. Как представляется, все эти жанры связаны с провокативным дискурсом, когда сообщение коммуникантов прагматически направлено и связано с провокацией, т.е. действием, производимым с целью вызвать реакцию или ответное действие. Провокативный дискурс рассматривался учеными [9, 14, 15], но не на фольклорном материале.

Поддевки – это «вид детской лирики осмеяния» [6, с. 22]. ЭБД включает 48 поддевок. Особенность данного жанра, по наблюдениям Г.С. Виноградова, заключается в том, что словесная «атака» не имеет резкого, оскорбительного характера и поэтому не вызывает обиду, неприятным является «самый факт оказаться поддетым. Таким образом поддеть можно только неопытных, малообщительных ребят. Общительные и живые ребята обыкновенно быстро запоминают ходячие поддевульки и могут поддеться только на что-нибудь неожиданное и новое» [6, с. 23].

Коммуникативная интенция доминирования реализуется в поддевках: У тебя ноги в пуху. Поклонилась жениху! / У тебя ноги в тесте. Поклонился невесте! (нередко эти поддевки объединяются в один текст). По-

добные поддевки связаны с действиями: наклонившись, один ребенок как будто подчиняется другому (условно выражает согласие на то, чтобы называться женихом / невестой). При этом в самом детском дискурсе содержится и интенция, подчеркивающая равенство коммуникантов, запрет на подчинение одного ребенка другому, учит ребенка, подчиняющегося самоуважению: У тебя на ногах грязь. Не кланяйся, я тебе не князь!

Серия поддевок строится на игре со словом. В структурном отношении поддевки данного типа – это короткий диалог, содержащий провокацию и ответную форму. Так, на просьбу произнести какое-то слово (скажи) ожидаемо поступает небезобидный ответ: – Скажи: «лук». – Лук. – По лбу стук! / – Скажи: «двести». – Двести. – Голова в тесте / – Скажи: «полотенце». – Полотенце. – Твоя мама родила немца. При этом над тем, кому была адресована поддевка, смеялись.

На принципе сближения созвучных слов основаны такие поддевки, как: – Поняла? – Здесь не Япония, а Советский Союз! / – Конечно! – Конюшня тоже помещение / – Вообще! – В обществе хорошо, а в коллективе лучше. Так проявляется способность детей подмечать особенности звучащей речи и создавать провокативные тексты с целью демонстрации своего превосходства. В детской коммуникации слова понял(а), конечно, вообще маркированы. Так, «Понял?» может прозвучать как угроза, «Конечно!» – как несогласие, «Вообще!» – как возмущение. И именно эти маркеры провоцируют ответные поддевки устойчивого характера.

Как пишет Г.С. Виноградов, «невозможно указать, что не дает поводов для проявления детской издевчивости» [6, с. 7]. Даже ослышка может стать предметом поддевки, так проявляется нетерпимость детей к невовлеченности в коммуникацию другого участника: – А? – Ворона кума, Галка крестница, с тобой ровесница.

В детской среде часто происходит обмен игрушками, угощением. Группа поддевок содержит форму отказа. В ответ на просьбу: Дай одну (или конфетку, или игрушку) можно было услышать: Пойдешь ко дну. – «Ну, дай две… – Уже на дне. – Дай три. – Нос подотри. В отдельных случаях отказ, нежелание делиться приобретало резкие формы. В ЭБД содержится поддевка и пояснение информанта к ней: «Если кто-то просил у меня конфетку, я отвечала на его «дай» так: «Полай!». Он лаял: «Гав, гав». Я отвечала: «Кто лает, тот не получает».

Таким образом, поддевки, функционирующие в детском фольклорном дискурсе, – это не столько способ позабавиться, сколько элемент провокации и вербально закрепившейся реакции на нее.

Поскольку межличностная детская коммуникация еще не имеет устойчивых регулятивных поведенческих механизмов, присущих миру взрослых, и представление о том, что допустимо / недопустимо, прилично / неприлично в вербальном выражении по отношению к другому только формируется, то у детей больше свободы в выборе поводов и вербальных средств для создания / применения дразнилок.

Дразнилки – значительная по объему группа детского фольклорного дискурса. ЭБД включает 753 примера этого жанра. В ЭБД жанр «дразнилки» объединяет два типа текстов: дразнилки, в том числе и дразнилки по именам (289 и 377 текстов соответственно), и «антидразнилки» (55 текстов). Дразнилки и «антидразнилки» в региональном детском фольклорном дискурсе функционируют как результат речевого взаимодействия субъекта дразнящего и субъекта, подвергающегося словесной провокации. При этом реплики первого побуждают второго к ответу по принципу «стимул» – «реакция». Дразнилка становится актом провокации, природа которой сложна и нередко связана с состоянием самого дразнящего. В.Н. Степанов, изучая провокативный дискурс, отмечает: «провоцирование» обозначает символическое представление («показывание») говорящим реально испытываемых или имитируемых эмоций, чувств, состояний с целью заразить ими собеседника и вызвать у него аналогичное внутреннее состояние, которое не соответствует его актуальному состоянию» [15, с. 6].

Коммуникативные интенции дразнящего неоднородны. По словам Г.С. Виноградова, «дразнилка заключает в себе шутку вообще, а в разбираемой группе детского словесного творчества непременно скрыто намерение донять, обидеть, извести человека» [6, с. 11]. Преимущественное большинство псковских дразнилок содержит намерение вербально задеть члена детской субкультуры, проверить его на способность / неспособность отстоять свои границы и дать словесный ответ: Вовка-морковка, Спереди винтовка, Сзади барабан, На носу таракан. Распространенный тип дразнилки по имени строится в данном случае как описание внешности, причем образ создается из столкновения несопоставимых понятий. Структурно дразнилки этого типа содержат антропоним и рифмующееся с ним имя (как правило, существительное), обозначающее разные, часто устойчивые, образы: Нинка-корзинка, Галка-палка, Ленка-пенка, Ирка-дырка, Лешка-лепешка, Сергей / Андрей-воробей и др. С.Н. Смольников, рассматривая функциональный аспект антропонимов в детской дразнилке, отмечает: «Дразнилка как фольклорный текст отражает достаточно архаичное по своей природе явление: причинение ущерба личному имени» [13]. В псковском материале встречается

дразнилка Сашка-Машка, в которой дискредитация имени строится по принципу обесценивания мужского имени за счет рифмовки с женским.

Отметим, что такие дразнилки могут функционировать и как двукомпонентные, и как развернутые стишки. Так, имена Митя, Витя рифмуются с соматизмом титя и его производным титька: Митя-титя, нос горбатый, Приходи ко мне с лопатой, Будем ямочку копать, Митю-титю зарывать (поливать) / Витька-титька, нос горбатый, Приходи ко мне с лопатой, Будем ямочку копать, Витьку-титьку зарывать. Эвфемизация наименования соматизма (титя / титька) становится способом преодоления табу и снижает резкость дразнилки, которая характеризуется и мотивом угрозы, проявляющемся в элементах погребального обряда (копать, зарывать): Будем ямочку копать, Витьку-титьку зарывать.

Другой вариант дразнилки по имени: Витя-титя, колбаса, Тухлая капуста. Съел мышонка без хвоста И сказал, что вкусно – строится с использованием гастрономического дискурса. В качестве устойчивых образов гастрономического дискурса в дразнилках функционируют как наименования пригодных для пищи продуктов: колбаса, рыба, картошка, лепешка и др., так и испорченных продуктов или даже совершенно несъедобных объектов: тухлая / дряблая капуста, мышка и др.: Ленка-пенка, колбаса, Тухлая капуста, Съела мышку без хвоста И сказала: «Вкусно!» / [Имя, имя] – колбаса, Дряблая капуста, Съела рыбу без хвоста И сказала: «Вкусно!» Несоответствие непригодного для употребления в пищу и положительной оценки «Вкусно!» рождает эффект абсурда и призвано позабавить ребенка, а, возможно, и разозлить, даже вызвать раздражение. На этом же эффекте нагнетения гастрономических образов строятся дразнилки Жиро-мясокомбинат, пром-сосиски, лимонад / Ананас, Ананас, ввалился в квас.

Детский фольклорный дискурс содержит и восприятие ребенком голода в военные / послевоенные годы: Лешка – лепешка из мерзлой картошки. Мерзлая картошка непригодна для питания, но в годы военного и послевоенного детства в пищу употреблялась не только мерзлая картошка, но и очистки. Детское сознание сохранило ощущение лишений, но вербализация в жанре дразнилки показывает, как естественно ребенок переживает даже такие испытания.

Коммуникативная интенция порицания асоциального поведения или отдельных свойств характера, не одобряемых членами детской субкультуры, реализуется в следующей группе дразнилок. Дразнящий подмечает в дразнимом трусость: Женька-трус на войну собрался, Как увидел пулемет, сразу испугался / Вовка-трус на войну собрался, Как увидел пулемет, сразу испугался / Трус-трус, белорус В озере купался, Как увидел лягушонка, Сразу испугался; порицает в нем присвоение чужого: Юра, Юра, погоняй, Две копеечки отдай; жадность, неготовность чем-то делиться: Жадина – говядина, Пустая шоколадина; стремление быть лидером, командовать, выделяться на фоне других, зазнаваться: Командир полка – Нос до потолка, Уши до дверей, Сам как муравей. Дразнящий подмечает и склонность дразнимого реагировать слезами на причиненную обиду: Рева – корова / Плакса, вакса, гуталин на носу горячий блин; жалобщика, выходящего за границы детской субкультуры и привлекающего взрослых к разрешению детских конфликтов, называли ябедой: Ябеда – беда, по колено борода / Ябеда – корябеда, соленый огурец, На полу валяется – никто его не ест.

Наблюдательность детей по отношению друг другу проявляется в маркировании особенных внешних признаков дразнимого и их намеренному осмеянию: Рыжий, рыжий, конопатый, Убил дедушку лопатой / Петр лысый Погнался за крысой, Крысу не догнал, Лысину ободрал. При этом дразнимый может и не обладать этими признаками в действительности (рыжий, лысый и др.), они ему навязаны. Для подчеркивания небольшого роста, а, возможно, и недостаточной зрелости дразнимого в детской субкультуре нередко используется литота: А наш Ванька маленький, Чуть побольше валенка.

Не только внешние признаки, но и межличностное взаимодействие членов детской субкультуры, зарождающаяся симпатия между мальчиком и девочкой становится предметом серии дразнилок о женихе и невесте: Тили-тили-тесто, Жених и невеста, По полю катались, Крепко целовались / Тили-тили-тесто, Жених и невеста По полу валялись, Крепко обнимались! / Парочка, парочка – Баран да ярочка / Жених и невеста Сколотили тесто, Тесто засохло – Невеста сдохла.

Желание дразнящего обратить на себя внимание, чтобы подружиться с другим членом детского сообщества, реализуется в дразнилке Ирка-дырка, Хвост трубой, Давай подружимся с тобой. Коммуникативная интенция содержит противоречие: за формой обзывательства скрывается намерение не обострить, а, напротив, наладить взаимоотношения с дразнимым вплоть до дружеских.

Устойчивость образов дразнилок обусловливает их воспроизводимость в ответных на дразнилку фразах, в «антидразнилках». Так, серия дразнилок содержит образ дурака: [Имя]-дурак Курит табак, Спички ворует, Дома не ночует, Спит под забором, Зовут его вором. Ответная формула на данный тип дразнилок зачастую строится на противопоставлении дураков и умных. При этом подчеркивается сообразительность дураков, которые, хоть и «дураки», но всегда проявляют смекалку и находятся даже в более выигрышном по-

ложении по сравнению с умными: Дураки на поезде катаются, А умные под поездом валяются / Дураков в больнице лечат, А умных палками калечат / Дураки едят пироги, А умные – картошку.

Дразнимый нередко соглашается с навязанным образом, подчеркивая все его преимущества, например, наличие покровителя и благ, которые он дает: Я дурочка-Снегурочка, Мой папа – Дед Мороз, Мне подарочки принес. Или же отмечает, что за образом «дуры» скрывается, на самом деле, умный человек. Эта ответная формула строится как перевертыш – дура оборачивается умным человеком: Дура – дура не на век. Дура – умный человек / Дурак не на век, Встал и побег.

Если дразнилки содержат коммуникативные интенции, то «антидразнилки» позволяют установить, как дразнимый воспринимает дразнилки и вербально реагирует на них. Например, Кто обзывается, Тот так и называется. Это ответная формула универсальна, она может стать ответом на любую дразнилку – дразнилка воспринимается как обзывательство, и дразнимый перенаправляет адресованные обидные / неприятные слова дразнящему, как бы освобождаясь от несправедливых слов и возвращая их обидчику. Вместе с тем, «антидразнилка» может характеризоваться синкретизмом, т.е. сочетать и ответные обидные слова и возвращение дразнилки: Дразнило, дразнило – Собачье рыло! Кто обзывается, Тот сам так называется. Формула отстранения от негативных слов реализуется и в дразнилке Касса закрыта – Ключи у меня. Кто обзывается – Сам на себя. Неуязвимость дразнимого подчеркивается осознанием того, что никакие обидные слова не способны нанести вред, поскольку он осознает высокую природу человека: Обзывайся целый век, Все равно я – человек. Обзывайся целый год, Все равно ты – бегемот. Дразнилка может восприниматься и как насмешка: Смешно дураку, У кого нос на боку. Ответная формула строится по принципу ответных обидных слов.

Таким образом, дразнилка, функционируя в детском фольклорном дискурсе регионального характера, становится одним из способов вхождения ребенка в круг сверстников и помогает его адаптации в детской субкультуре. Ответная вербальная реакция на дразнилку или ее отсутствие становится для ребенка детского возраста одним из первых способов осмысления своих границ, постижения собственной идентичности. Клишированность формы дразнилок, устойчивость отдельных образов, диктат рифмовки не противоречат детской способности к словотворчеству и позволяют рождать многочисленные варианты текстов дразнилок.

Если дразнилки функционируют только в детской межличностной коммуникации и представляют замкнутую систему, то жанр загадки проницаем, поскольку мир взрослых и детей пересекается (как правило, взрослые задают детям загадки в разных педагогических целях).

В ЭБД по детскому фольклору выявлено 249 загадок, отражающих лингвистический и страноведческий потенциал, который помогает развивать коммуникативные и когнитивные навыки детей. Загадка, как древнейший малый жанр фольклора, является достоянием как взрослой, так и детской традиции. Изначально, бытуя в среде взрослых, она была связана с ритуалами охотников, торговцев, входила в календарные, свадебные обряды как одно из испытаний героя. Позже загадка от взрослых перенималась детьми, становясь продуктом их собственного творчества и в итоге – важной частью активного использования. Загадки играют важнейшую роль в формировании личности ребенка: развивают остроту ума, логику, воображение, нестандартность мышления, внимательность, находчивость, чувство юмора.

В псковском материале встречаются традиционные загадки, в которых представлено метафорическое и метонимическое описание предметов и явлений окружающего мира. Метафора как средство художественной выразительности является одним из часто используемых приемов для построения загадки. Природа, земля и небо, домашние и дикие животные, быт, хозяйство, обиход – это явления, охваченные загадками. «Метафора в народной загадке – это не безликая метафора вненационального образца, а плоть и кровь национального быта, национального самосознания» [17, с. 167]. Метафорически описываются части тела человека: Полон хлевец белых овец (Рот и зубы) / Полон засечек белых яичек (Зубы во рту) / Пять братьев: годами равные, ростом разные (Пальцы) / Два брата через дорожку стоят, а никогда не видятся (Глаза). Образ братьев в загадках используется для метафорического описания либо парных предметов (глаза, ножницы и т.п.), либо разнородных предметов, связанных единством ситуации (пять братьев – пальцы, четыре брата – ножки стола). Одноструктурными являются загадки про рот и зубы, в которых используются названия значимых для крестьянского быта построек – хлева и засека. В загадках наполненность этих помещений обусловлена тем, какое хозяйственное назначение они имели: хлев, хлевец – это теплая постройка для мелкого скота, следовательно – там белые овцы. Засек, засечек – огороженное место в амбаре для зерна, значит, там яйца. Интересно, что в Псковском областном словаре с историческими данными на слово засечек в качестве примера приведена загадка Полон засечек красных овечек (Печь, уголья) [11, с. 115]. Можно сделать вывод, что это продуктивная структурная модель для загадок (ср. в псковском материале Полна бочечка вина, нигде дырочки нема (Яйцо) / Полна печь пирогов, а в середине каравай (Звезды и небо). Сло-

ва засек, засека, засечек в толковых словарях литературного языка отсутствуют, следовательно, их можно считать диалектизмами.

Как и в общерусском детском фольклоре, в псковском материале многочисленны загадки о представителях животного мира: Стоит копна посреди двора, спереди вилы, а сзади метла (Корова) / Хвост крючком, нос пятачком (Свинья) / Мягкие лапки, а в лапках – царапки (Кошка) / С хозяйкой дружит, а на чужих лает, в дом не пускает (Собака) / С хозяином дружит, дом сторожит, живет под крылечком, а хвост крючком (Собака) / Хвост с узорами, сапоги со шпорами (Петух) / Не воин, а со шпорами, не караульщик, а кричит (Петух) / Зимой спит – летом ульи ворошит (Медведь) / Летом – серый, а зимой – белый (Заяц) / Маленький, беленький по лесочку прыг-прыг, по снежочку тык-тык (Заяц) / В гору бегом, а с горы кувырком (Заяц) / Под соснами да под елками бежит подушка с иголками (Еж). Зашифрованный в описательной части один и тот же объект (собака, петух, заяц), как видим, может быть заменен разным метафорическим эквивалентом, что говорит о том, что человеком подмечаются и актуализируются разные признаки. Не всегда можно установить, откуда ведут начало традиции наделения животного тем или иным свойством, но в любом случае важно отметить, что это свойство прочно срастается со своим носителем и начинает восприниматься как его неотъемлемая черта.

В загадках образы растительного мира одушевляются: На поле растут две сестрички, желтый глазок, белые реснички (Ромашка) / Сидит девица в темнице, а коса на улице (Морковь) / Ни окошек, ни дверей, полна горница людей (Огурец) / Ни щелей, ни дверей, а полна горница людей (Огурец) / Сто одежек, и все без застежек (Капуста) / Семьдесят одежек, все без застежек (Капуста) / Семьдесят одежек, все без застежек (Лук) / Сидит дед во сто лет, на нем сто одежек, и все без застежек. Кто его раздевает, тот слезы проливает (Лук) / Зимой и летом – одним цветом (Ель) / Сквозь землю прошел, красну шапочку нашел (Гриб) / Сам алый, сахарный, кафтан зеленый, бархатный (Арбуз). Материал демонстрирует, что одному и тому же явлению посвящены несколько вариантов загадки (капуста), различающихся только числительным. А иногда одна и та же загадка имеет две разные отгадки (капуста и лук). В образах отгадок скрыта идея множественности, собирательности.

В загадках представлена яркая иносказательная репрезентация объектов и явлений природы: Летит орлица по синему небу, крылья распластала, солнышко застала (Туча) / Поле широкое, овцы не считаны, пастух рогатый (Небо, звезды, месяц) / Лежит – молчит, когда умрет, тогда заревет (Снег) / Эта гладкая дорога проживет совсем немного, как пойдет по ней весна – вся разрушится она (Лед) / Прошла Маланья – зажглося пламя. Прошел Пахом – затрясся дом (Молния и гром) / Чашечка горошку рассыпана на дорожку (Звезды). А.Н. Афанасьев, говоря о зооморфных образах, отмечает, что впечатление быстроты сблизило стихии с птицею [1, с. 152]. Так в загадке туча сравнивается с орлицей. Материал демонстрирует, что в жанре загадки сохраняются элементы антропоморфизма, когда природа выступает как подобие человека. Месяц часто изображается в загадках рогатым пастухом. Основное занятие месяца – пастушество (звезды сравниваются с овцами). В архаических культурах пастух связывается с защитой, покровительством, предводительством, высшей властью [19, с. 184].

Фольклорные архивные записи не отражают контекст, в котором реализуются поддевки, дразнилки, загадки. В исследовательских целях этот контекст моделируется. В связи с этим загадки также могут рассматриваться как элемент провокативного дискурса: загадывающий загадку как бы провоцирует коммуниканта, проверяет его сообразительность и интеллектуальные способности.

Выводы

Псковский фольклор – часть общерусского фольклора, и тексты многих жанров, в том числе и детского фольклора, записанных на Псковщине, представляют варианты известных общерусских сюжетов. Региональная специфика проявляется в языковых диалектных особенностях в области фонетики, лексики, грамматики, однако в жанрах детского фольклора они малочисленны. Псковский материал лишь подчеркивает универсальность принципов организации и функционирования поддевок, дразнилок, загадок и в детском дискурсе.

Форма представления детских фольклорных текстов в виде ЭБД, с одной стороны, выявила их жанровое многообразие и дискретность (считалка, загадка, колыбельная, поддевка-загадка, дразнилка, скороговорка, молчанка, закличка, небылица-перевертыш, мирилка, докучная сказка, игровой припев, поддевка, зазывка, стишок, игровой зачин, жеребьевка, потешка), а с другой стороны, показала и их континуальный характер – как детский фольклорный дискурс. Детский фольклорный дискурс регионального характера проявляется во взаимодействии различных дискурсов: детского и взрослого, соматического и гастрономического, зооморфного и антропоморфного.

Моделирование условий бытования поддевок, дразнилок, загадок показывает реализацию провокативного дискурса. Цели провокации обусловливают и разную степень провокативности каждого жанра. Если поддевки призваны раззадорить, поддеть собеседника, если загадки проверяют интеллектуальность коммуниканта и провокативность этих жанров проявляется потенциально, то дразнилки – это пример прямой провокации.

Исследование отдельных жанров ЭБД, рассмотренных в коммуникативно-дискурсивном аспекте, не только позволяет описать их этнокультурный и этнопедагогический потенциал, но и установить коммуникативные интенции, функционирующие в субкультуре детства.

Список источников

1. Афанасьев А.Н. Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея и волк // Происхождение мифа. М., 1996. С. 152.

2. Бабарыкина Н.В. Культурный кластер как средство развития этнокультурных ценностей студенческой молодежи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3 (89). С. 175 – 180.

3. Большакова Н.В. Модель мира детства в фольклорном дискурсе (на материале региональных текстов детского фольклора) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 1065 – 1069.

4. Большакова Н.В. Цифровой кластер как система электронных форм представления региональной народной культуры и языка // Русский язык: прошлое, настоящее, будущее (аннотированные доклады, презентации, статьи). Альманах «ГОВОР» / отв. ред. С.В. Лесников. 2022. № 9. 1293 с.

5. Большакова Н.В., Митченко З.В. Мир детства в мифологических рассказах южной Псковщины (к вопросу о народной педагогике) // Севернорусские говоры. 2020. № 19. С. 140 – 157.

6. Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика. Иркутск: Издание Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества, 1925. 44 с.

7. Воробьева Л.Б., Митченко З.В. Социокультурный феномен детства в аспекте этнопедагогики // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 288 – 292.

8. Данюшина Л.А. Детский дискурс как феномен формирующейся языковой личности: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2014. 31 с.

9. Козлов А.Е., Саженин И.И. Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (27). С. 142 – 153.

10. Моргунова Л.А. Детский дискурс: репрезентация специфики детского мышления // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 1. С. 86 – 92.

11. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л.А. Ивашко, Д.М. Поцепни, М.А. Тарасовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. Вып. 12. 336 с.

12. Саенко М.И. Междискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве колыбельной (на материале фольклорных и авторских колыбельных песен) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 4 (51). С. 7 – 14.

13. Смольников С.Н. Антропонимы в детской дразнилке // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 808 – 813.

14. Степанов В.Н. Провокативный дискурс как одна из форм педагогической работы // Интеграция в образовании. 2004. № 3 (36). С. 142 – 147.

15. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. … докт. филол. наук: 10.01.10. Санкт-Петербург, 2005. 38 с.

16. Стрелкова О.В. Детская субкультура как компонент социального развития старших дошкольников // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 5. С. 91 – 99.

17. Харченко В.К. Метафорический строй народной загадки // Переносные значения слова. М., 2009. С. 154 – 168.

18. Чумак-Жунь И.И., Ковалева С.В., Саенко М.И. Лингвопрагматические и лингвокультурные аспекты детского фольклорного текста // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 98 – 107.

19. Шестеркина Н.В. «Следы» язычества в русских народных загадках // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 10. С. 176 – 185.

References

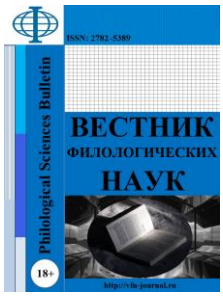
1. Afanasyev A.N. Zoomorphic deities of the Slavs: bird, horse, bull, cow, snake, and wolf. The Origin of the Myth. Moscow, 1996. 152 p.
2. Babarykina N.V. Cultural cluster as a means of developing ethnocultural values of student youth. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2019. No. 3 (89). P. 175 – 180.
3. Bolshakova N.V. Model of the world of childhood in folklore discourse (based on regional texts of children's folklore). Philological sciences. Issues of theory and practice. 2022. Vol. 15. Iss. 4. P. 1065 – 1069.
4. Bolshakova N.V. Digital Cluster as a System of Electronic Forms for Presenting Regional Folk Culture and Language. Russian Language: Past, Present, Future (annotated reports, presentations, articles). Almanac "GOVOR". Ed. S.V. Lesnikov. 2022. No. 9. 1293 p.
5. Bolshakova N.V., Mitchenko Z.V. The World of Childhood in Mythological Stories of Southern Pskov Region (Towards Folk Pedagogy). Northern Russian Dialects. 2020. No. 19. P. 140 – 157.
6. Vinogradov G.S. Children's Satirical Lyrics. Irkutsk: Publication of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society, 1925. 44 p.
7. Vorobyova L.B., Mitchenko Z.V. Sociocultural Phenomenon of Childhood in the Aspect of Ethnopedagogy. Samara Scientific Bulletin. 2022. Vol. 11. No. 1. P. 288 – 292.
8. Danyushina L.A. Children's Discourse as a Phenomenon of the Developing Linguistic Personality: Diss. … Cand. Philological Sciences: 10.02.01. Rostov-on-Don, 2014. 31 p.
9. Kozlov A.E., Sazhenin I.I. Provocative Discourse as an Object of Linguistic Analysis. Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2015. No. 5 (27). P. 142 – 153.
10. Morgunova L.A. Children's Discourse: Representation of the Specifics of Children's Thinking. Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences. 2013. No. 1. P. 86 – 92.
11. Pskov Regional Dictionary with Historical Data. Edited by L.A. Ivashko, D.M. Potsepny, M.A. Tarasova. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1996. Iss. 12. 336 p.
12. Saenko M.I. Interdiscursive Interaction in the Textual Space of a Lullaby (Based on Folklore and Author's Lullabies). Current Issues in Modern Philology and Journalism. 2023. No. 4 (51). P. 7 – 14.
13. Smolnikov S.N. Anthroponyms in Children's Teasers. Russian Culture of the New Century: Problems of Studying, Preserving, and Using Historical and Cultural Heritage. Vologda: Knizhnoe sledstvo, 2007. P. 808 – 813.
14. Stepanov V.N. Provocative discourse as one of the forms of pedagogical work. Integration in education. 2004. No. 3 (36). P. 142 – 147.
15. Stepanov V.N. Provocative discourse of mass communication: dis. … Doctor of Philological Sciences: 10.01.10. St. Petersburg, 2005. 38 p.
16. Strelkova O.V. Children's subculture as a component of social development of senior preschoolers. Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. 2013. Iss. 5. P. 91 – 99.
17. Kharchenko V.K. Metaphorical structure of a folk riddle. Figurative meanings of a word. Moscow, 2009. P. 154 – 168.
18. Chumak-Zhun I.I., Kovaleva S.V., Saenko M.I. Lingvopragmatic and linguacultural aspects of children's folklore texts. Research result. Social and humanitarian studies. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 98 – 107.
19. Shesterkina N.V. “Traces” of paganism in Russian folk riddle. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2009. No. 10. P. 176 – 185.

Информация об авторах

Воробьева Л.Б., *кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», lina5558@yandex.ru*

Митченко З.В., *кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», mitchenko@pskgu.ru*

© Воробьева Л.Б., Митченко З.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.161.1

[1] Зейналова Д.А., [1] Дибирова А.М. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Сопоставительная характеристика функционирования глагольных соматических ФЕ английского и русского языков

Аннотация: *в последние годы фразеология стала объектом интенсивного изучения. На материалах различных языков существует множество работ, касающихся различных аспектов фразеологии, их происхождения и функционирования. Успехи в исследовании различных аспектов фразеологии по материалам разных языков и в сопоставительном плане очевидны, поскольку все эти исследования способствуют разработке целого пласта фразеологии. Все это имеет теоретическую и практическую ценность. Результаты проводимого сопоставительного изучения могут быть использованы в практике преподавания английского языка, сравнительной грамматики, в лексикографической практике, а также в теории и практике перевода. В работе подобран большой удельный вес глагольных соматических фразеологических единиц. Глагольные соматические фразеологические единицы в английском и русском языках представляют собой единицы системы языка в том виде, в каком зарегистрированы они в соответствующих словарях этих языков. Фразеология каждого языка имеет системный характер. Вследствие анатомо-физиологических данных у представителей разных этнических групп, общечеловеческого характера законов логического мышления и взаимодействия языков в составе соматической фразеологии этих двух языков могут быть обнаружены фразеологические параллели с разной степенью эквивалентности.*

Ключевые слова: *сопоставительная характеристика, английский язык, русский язык, глагольные фразеологизмы, соматический, структурно-семантический тип, устойчивость, компоненты*

Для цитирования: Зейналова Д.А., Дибирова А.М. Сопоставительная характеристика функционирования глагольных соматических ФЕ английского и русского языков // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 25 – 29.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Zeynalova D.A., [1] Dibirova A.M. ***[1] Dagestan State University***

Comparative characteristics of the functioning of verbal somatic PHE in the English and Russian languages

Abstract: *in recent years, phraseology has become the object of intensive study. There are many works based on materials from various languages dealing with various aspects of phraseology, their origin and functioning. The successes in the study of various aspects of phraseology based on materials from different languages and in comparative terms are obvious, since all these studies contribute to the development of a whole layer of phraseology. All this has theoretical and practical value. The results of the conducted comparative study can be used in the practice of teaching English, comparative grammar, lexicographic practice, as well as in theory and practice of translation. A large proportion of verbal somatic phraseological units has been selected in the work. Verbal somatic*

phraseological units in English and Russian are units of the language system in the form in which they are registered in the corresponding dictionaries of these languages. The phraseology of each language has a systemic character. Due to the anatomical and physiological data of representatives of different ethnic groups, the universal nature of the laws of logical thinking and the interaction of languages, phraseological parallels with varying degrees of equivalence can be found in the somatic phraseology of these two languages.

Keywords: *comparative characteristics, English, Russian, verbal phraseological units, somatic, structural and semantic type, stability, components*

For citation: Zeynalova D.A., Dibirova A.M. Comparative characteristics of the functioning of verbal somatic PHE in the English and Russian languages. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 25 – 29.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность работы.

Имеющиеся сопоставительные работы в английской и русской фразеологии, не полностью охватывают вопросы фразеологии, касающиеся непосредственно их функционирования. Недостаточно обобщающих теоретических работ, в которых фразеология русского и английского языков рассматривалась бы в сопоставительном плане и в полном объеме. Это касается понятий фразеологического значения, места фразеологизмов в фразеологической системе обоих языков.

В исследование фразеологии двух языков значительный вклад внесли такие ученые, как В.Л. Архангельский [3], А.В. Кунин [5, 6], Ю.Ю. Авалиани [1], Л.И. Ройзензон [8], Смит Л.П. [9]. В их работах подчеркивалась ценность сопоставительного анализа фразеологических единиц.

Основная цель – сопоставительная характеристика глагольных соматических фразеологизмов английского и русского языков.

Задачи:

1. Анализ особенностей грамматического строения исследуемых ФЕ в сопоставляемых языках;
2. Исследование характера внутренних взаимосвязей между компонентами глагольных соматических фразеологизмов.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили глагольные соматические ФЕ, отобранные из различных словарей, в числе которых «Англо-русский фразеологический словарь» [6].

Основной метод, использованный при написании статьи – синхронно-сопоставительный, который утвердился благодаря успехам ученых в исследовании как общих проблем фразеологии, так и фразеологии отдельных языков, в частности английского и русского. В нашем случае широко применяется этот метод сравнительно-сопоставительного анализа. Он ценен тем, что он не только помогает обнаружить общее и различное, специфическое в структуре двух языковых систем, но способствует обнаружению определенных закономерностей в одной из них.

В работе также использовался метод лингвистического анализа.

Результаты и обсуждения

Фразеология является бесценным богатством в языковой сокровищнице каждого народа. В ней сконцентрированы вековой жизненный опыт народа, его мудрость и талант.

Предметом анализа в нашей работе является отдельный структурно-семантический тип фразеологии обоих языков – глагольные соматические фразеологические единицы, являющиеся устойчивыми фразеологическими конструкциями, как особые структурно-типологические единства и имеющие общую синтаксическую схему.

Сопоставительное исследование фразеологии как одноструктурных, так и разноструктурных языков сопряжено с определенными трудностями. Это связано с отсутствием единства взглядов лингвистов на основные понятия фразеологии, с недостаточной изученностью семантики фразеологических единиц отдельных языков, недостаточной разработкой методики сопоставительного анализа фразеологии и методических приемов исследования ее отдельных аспектов.

В лингвистической литературе существует мнение, что соматические фразеологизмы являются одной из языковых универсалий, что они составляют значительный пласт фразеологии типологически и генетически разных языков.

Глагольные соматические фразеологизмы в микросистеме соматической фразеологии обоих сопоставляемых языков занимают ведущее место. Это более 65 процентов всех соматических фразеологизмов. В обоих языках составляют примерно одинаковое количество.

«Приемы передачи английских соматизмов на русский язык: комбинированный перевод, лексические трансформации – конкретизация» [10].

Данный структурно-семантический тип отличается своими характерными особенностями семантического характера, так как они связаны с жизнедеятельностью человека. Они довольно активно употребляются в речевой коммуникации. Надо сказать, что данные фразеологизмы отличаются еще и особой стилистической функциональностью – это функционирование в народно-разговорной речи.

Для сопоставительного анализа они представляют интерес, прежде всего, своей типологической однородностью, которая способствует более глубокому проникновению в особенности их структуры и семантики.

По А.В. Кунину «фразеология составляет теорию фразеологической устойчивости с пятью конститутивными показателями микроустойчивости: устойчивостью употребления, структурно-семантической устойчивостью, семантической устойчивостью, лексической устойчивостью и синтаксической устойчивостью» [5].

Важнейшим из этих показателей является устойчивость полностью или частично переосмысленного значения. Этот признак лег в основу определения самой фразеологической единицы. Эти выражения имеют фиксированный порядок слов [4].

В ФЕ содержится целый комплекс информации, характеризующий уровень жизни народа [7].

Глагольные соматические фразеологические единицы с компонентами, обозначающими названия частей тела человека или животного в речевой коммуникации, как уже отмечалось, занимают значительный по своему объему пласт обоих языков, «объясняется онтогенетическими функциональными свойствами частей тела человека и их широкой символизацией» [2].

Среди таких ФЕ английского языка отмечаются эквиваленты в русском:

Англ. Lose your head.

Русс. Утратить голову (потерять разум).

Англ. At arm's length.

Русс. На расстоянии протянутой руки (близко).

Фразовые примеры:

Well, that's tough to keep that at arm's length. «Это трудно держать на расстоянии вытянутой руки». It was fun to think that she could be so crazy. «Приятно было думать, что она способна до такой степени потерять голову».

Встречаются и такие фразеологизмы в английском, у которых нет эквивалента в русском:

Англ. fight for one’s own hand «постоять за себя».

Русс. –

Англ. try one’s hand at smth.

Русс. –

И в русском языке имеются ФЕ, не отмечающиеся в английском:

Русс. Набить руку (научиться чему-нибудь).

Англ. –

Русс. Cost an arm and a leg [5].

Англ. –

Такого рода фразеологизмы переводятся нефразеологическим способом.

Наиболее часто встречаются среди глагольных соматических ФЕ обоих языков такие, основным компонентом которых выступает соматонимы «голова», «сердце», «рука». Приведем примеры:

Англ. To worry your head [5].

Русс. Забивать себе голову.

Англ. Have a big heart [5].

Русс. Иметь большое сердце.

Англ. Pouring out my soul [5].

Русс. Изливать душу.

Остальные названия частей тела также в фразеологизмах наличествуют, но они в них отмечаются реже, чем названные выше. Во всех приведенных соматических фразеологических единицах обоих языков основным компонентом является глагол.

При переводе с английского на русский фразеологические единицы во многих случаях теряют фразеологичность, то есть они переводятся нефразеологическим способом. Чаще всего это фразеологизмы, подчеркивающие национальную специфику.

При идентификации фразеологических оборотов мы можем исходить из их структурно-семантического своеобразия фразеологизмов как категориально однотипных сверхсловных, номинативных и коммуникативно-номинативных единиц. Основными дифференциальными их признаками считаются: компонентный состав, раздельнооформленность, переносный характер значений, устойчивость употребления, стабильность лексического состава и структуры с учетом предусмотренной языковой нормой вариантности значения.

Микроустойчивость и раздельнооформленность дают возможность в большинстве случаев достаточно четко разделить фразеологические образования от устойчивых сочетаний нефразеологического характера.

Такое отграничение обусловлено потребностями становления развития фразеологии как как отдельной отрасли языкознания.

Выводы

В обоих сопоставляемых языках наблюдается совпадение основных способов преобразования компонентного состава глагольного соматического фразеологизма, а там и общность логико-фразеологических идей, которые воплощаются в большинстве случаев во фразеологизмах с особой для каждого из языков своеобразной структурой.

Грамматическая структура и лексико-морфологический состав исследуемых фразеологизмов обоих языков характеризуется сходством.

Отдельные совпадения наблюдаются также в семантике и образности.

Большая часть глагольных соматических фразеологических единиц рассматриваемых языков сохраняет национальную специфику в образной структуре, а также в типах зависимости компонентов и в семантике.

Значительная часть глагольных соматических фразеологизмов английского языка переводится на русский нефразеологическими способами.

Список источников

1. Авалиани Ю.Ю. Исследование в области сложного глагола и глагольной фразеологии курдского языка: дис. … док. филол. наук: 5.9.8. Тбилиси, 1969. 34 с.

2. Алехина А.И. Идиоматика современного английского языка (Idiomatic English). Минск, 1982. 279 с.

3. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону, 1964. 315 с.

4. Богданова Е.А. Лингвокультурная специфика фразеологической картины мира (на примере французского языка) // Современный ученый. 2024. № 3. С. 7 – 12.

5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь = English-Russian phraseologycal dictionary: English-Russian phraseologycal dictionary: около 20000 фразеологических единиц.

6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие для студентов вузов. Дубна: Феникс, 2005. 381 с.

7. Мутаева С.И., Рабаданова С.М. Фразеологизмы с антропонимическим компонентом в русском и английском языках // Современный ученый. 2024. № 7. С. 103 – 107.

8. Ройзензон Л.И. Русская фразеология: учеб. пособие. Самарканд, 1977. 119 с.

9. Смит Л.П. Фразеология английского языка. М., 1998. 351 с.

10. Цепкова А.Ц. Сопоставительный анализ соматизмов в английском и русском языках // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 2-2 (77). С. 109 – 113.

References

1. Avaliani Yu.Yu. Research in the Field of Complex Verbs and Verbal Phraseology of the Kurdish Language: Dis. … Doc. Philological Sciences: 5.9.8. Tbilisi, 1969. 34 p.

2. Alekhina A.I. Idiomatic English. Minsk, 1982. 279 p.

3. Arkhangelsky V.L. Set Phrases in Modern Russian: Fundamentals of the Theory of Set Phrases and Problems of General Phraseology. Rostov-on-Don, 1964. 315 p.

4. Bogdanova E.A. Linguocultural Specificity of the Phraseological Picture of the World (using the French Language as an Example). Modern Scientist. 2024. No. 3. P. 7 – 12.

5. Kunin A.V. English-Russian Phraseological Dictionary = English-Russian Phraseological Dictionary: English-Russian Phraseological Dictionary: about 20,000 phraseological units.

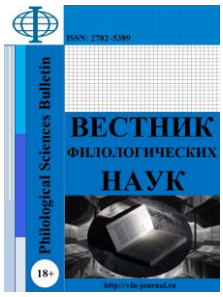
6. Kunin A.V. Phraseology Course of Modern English: A Textbook for University Students. Dubna: Phoenix, 2005. 381 p.
7. Mutaeva S.I., Rabadanova S.M. Phraseologisms with an Anthroponymic Component in Russian and English. Modern Scientist. 2024. No. 7. P. 103 – 107.
8. Roizenzon L.I. Russian Phraseology: A Textbook. Samarkand, 1977. 119 p.
9. Smith L.P. Phraseology of the English Language. Moscow, 1998. 351 p.
10. Tsepkova A.Ts. Comparative analysis of somatisms in the English and Russian languages. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 2-2 (77). P. 109 – 113.

Информация об авторах

Зейналова Д.А., *кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Дибирова А.М., *старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Дагестанский государственный университет, г.Махачкала, satiust74@list.ru*

© Зейналова Д.А., Дибирова А.М., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.25

[1] Еремина Н.В., [1] Стрижкова О.В. ***[1] Оренбургский государственный университет***

Культурологический аспект перевода: стратегии преодоления межъязыковых барьеров в условиях глобализации

Аннотация: *в статье исследуется трансформация статуса переводчика в контексте цифровой глобализации: от технического исполнителя к активному культурному посреднику. На основе междисциплинарной методологии, интегрирующей принципы лингвистики, культурологии и переводоведения, проводится системный анализ ключевых стратегий преодоления культурно-обусловленных барьеров. В фокусе внимания – дихотомия «одомашнивания» и «отчуждающего перевода» (Л. Венути), прагматическая адаптация (Д. Хоусон), а также этические дилеммы, связанные с выбором стратегии. Доказывается, что, несмотря на прогресс систем машинного перевода, креативная и культурно-медиативная функция переводчика-человека остается центральной, возводя его в статус ключевого агента межкультурного диалога. Перспективы исследования связываются с анализом перевода в новых цифровых средах и изучением влияния искусственного интеллекта.*

Ключевые слова*: культурологический аспект перевода, межъязыковой барьер, культурный посредник, межкультурная коммуникация, стратегии перевода, бикультурализм, непереводимость, одомашнивание, отчуждающий перевод, цифровое переводоведение, машинный перевод, этика перевода*

Для цитирования: Еремина Н.В., Стрижкова О.В. Культурологический аспект перевода: стратегии преодоления межъязыковых барьеров в условиях глобализации // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 30 – 33.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Eremina N.V., [1] Strizhkova O.V. ***[1] Orenburg State University***

Culturological aspect of translation: strategies for overcoming interlingual barriers in the context of globalization

Abstract*: the article examines the transformation of the translator's status in the context of digital globalization: from a technical executor to an active cultural mediator. Based on an interdisciplinary methodology integrating the principles of linguistics, cultural studies, and translation studies, a systematic analysis of key strategies for overcoming culturally determined barriers is conducted. The focus is on the dichotomy of "domestication" and "foreignizing translation" (L. Venuti), pragmatic adaptation (J. House), as well as the ethical dilemmas associated with strategy choice. It is proven that, despite the progress in machine translation systems, the creative and cultural-mediatory function of the human translator remains central, elevating them to the status of a key agent in intercultural dialogue. Research prospects are linked to the analysis of translation in new digital environments and the study of the influence of artificial intelligence.*

Keywords: *culturological aspect of translation, interlingual barrier, cultural mediator, intercultural communication, translation strategies, biculturalism, untranslatability, domestication, foreignizing translation, digital translation studies, machine translation, translation ethics*

For citation: Eremina N.V., Strizhkova O.V. Culturological aspect of translation: strategies for overcoming interlingual barriers in the context of globalization. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 30 – 33.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена парадоксом цифровой эпохи: на фоне кажущейся прозрачности коммуникационных границ латентно усиливается значимость глубинных культурных различий. Язык, будучи не просто кодом для передачи информации, но сложной системой культурных кодов, ценностей и коллективных представлений, делает проблему межкультурной коммуникации одной из центральных в современной гуманитаристике. В этой связи фигура переводчика претерпевает кардинальную трансформацию: его роль эволюционирует от технического исполнителя к творческому медиатору между лингвокультурами [9, с. 45].

Практика межъязыкового взаимодействия демонстрирует, что игнорирование культурно-речевых традиций нации-реципиента чревато не локальным недопониманием, но полномасштабным коммуникативным сбоем, коренящимся в конфликте культурных норм. Проблемы межэтнического взаимодействия детерминированы не столько грамматическими расхождениями, сколько фундаментальными различиями языковых картин мира – уникальных способов категоризации действительности, закрепленных в каждом языке [13, с. 112]. Таким образом, эффективная коммуникация становится возможной лишь при условии успешной медиации ментальных моделей, что и составляет сущность современного переводческого процесса.

Цель статьи – проанализировать культурологический аспект перевода и систематизировать стратегии преодоления межъязыковых барьеров в условиях глобализации.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляет комплексный междисциплинарный подход, интегрирующий методы лингвистики, культурологии и переводоведения. Был применен ряд взаимодополняющих методов:

Сравнительно-сопоставительный анализ для выявления сходств и различий в репрезентации культурных концептов.

Концептуальный анализ для декомпозиции сложных культурных явлений.

Классификация и систематизация для упорядочивания культурно-маркированных элементов и стратегий их перевода.

Контекстуальный анализ для изучения функционирования языковых единиц в рамках конкретного культурного и ситуационного контекста.

Эмпирическую базу составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых (Д. Катан, Э. Найда, Л. Венути, А. Вежбицкая и др.), а также корпус примеров из художественной, публицистической и рекламной литературы.

Результаты и обсуждения

1. Теоретические основания культурного поворота в переводоведении.

Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа задала вектор понимания связи языка и мышления. Б.Л. Уорф, развивая идеи Э. Сепира, утверждал, что язык не просто отражает действительность, но и предопределяет способы ее восприятия [11]. Это положение иллюстрируется классическим примером с многочисленными обозначениями снега в языке инуитов, где языковая система адаптирована к актуальным потребностям культуры.

Концепция Д. Катана о культурном посредничестве представляет переводчика как активного агента, интерпретирующего культуру, понимаемую как многослойный феномен по типу «айсберга» [6]. Э. Холл, разработав теорию высоко- и низкоконтекстных культур, предоставил переводчикам инструмент для анализа объема имплицитной информации, требующей экспликации при переводе [4]. В высококонтекстных культурах (Япония) значительная часть информации содержится в контексте, тогда как в низкоконтекстных (Германия) она вербализуется максимально эксплицитно.

Дилемма между дословной точностью и коммуникативной эффективностью нашла отражение в концепции Ю. Найды о динамической и формальной эквивалентности [8]. Если формальная эквивалентность ориентирована на соответствие тексту оригинала, то динамическая – на адекватную реакцию аудитории перевода.

Знаковой для современной теории перевода стала дихотомия Л. Венути между «одомашниванием» (domestication) и «отчуждающим переводом» (foreignization) [10]. «Одомашнивание» стремится сделать текст прозрачным для целевой культуры, нивелируя его чужеродность, тогда как «отчуждающий» перевод сохраняет элементы инаковости. Выбор стратегии, по Венути, является идеологическим актом.

Работы А. Вежбицкой по сопоставлению культур через лексику и грамматику углубляют понимание культурной специфики ключевых концептов («душа», «судьба»), универсальных по форме, но уникальных по культурной конфигурации [12, с. 78].

М. Бейкер выводит дискуссию на новый уровень, рассматривая перевод как форму участия в социальных и политических процессах. Она утверждает, что переводчики, выбирая стратегии, конструируют нарративы о событиях и культурах [1, с. 105]. Э. Пим развивает социологический подход, фокусируясь на переводчике как социальном агенте и исследуя понятия профессиональной этики и интеркультурности [9]. С. Баснетт и А. Лефевр в рамках «культурного поворота» заложили основу для изучения перевода как манипуляции, обусловленной культурными нормами, введя понятие «рефрейминг» (reframing) [2].

В области прагматики перевода значительный вклад внесла Д. Хоусон, показавшая, что неудачи в переводе часто связаны не с лексическими ошибками, а с прагматическими сбоями, когда нарушаются коммуникативные нормы целевой культуры [5].

2. Анализ примеров и стратегий перевода культурно-маркированных единиц.

Проиллюстрируем теоретические положения конкретными примерами.

Пример 1: Реалии. Английское понятие «cottage» при переводе на русский часто подвергается «одомашниванию» как «небольшой загородный дом». Однако это стирает культурный контекст: «cottage» в британской культуре – это не просто дом, а символ определенного уклада жизни, связанного с сельской Англией. «Отчуждающая» стратегия с сохранением термина «коттедж» и пояснением в комментарии или сноске позволяет передать культурную специфику.

Пример 2: Концепты. Русское слово «тоска» не имеет прямой номинанты в английском языке. При переводе требуется комплексная стратегия, включающая культурную замену, описание или компенсацию в другом месте текста. А. Вежбицкая, анализируя данный концепт, раскладывает его на семантические примитивы, что может служить основой для переводчика [12, с. 145].

Пример 3: Речевые акты. В японской деловой переписке принята высокая степень косвенности. Прямая просьба в английском оригинале «We require the documents by Friday» при переводе на японский будет смягчена и оформлена как косвенное высказывание, чтобы соответствовать культурным нормам вежливости. Игнорирование этого прагматического аспекта, как отмечает Д. Хоусон, ведет к коммуникативному провалу [5, с. 64].

3. Этические дилеммы и вызовы цифровой эпохи.

Проведенный анализ позволяет выявить ключевые дискуссионные проблемы.

Этические дилеммы. Сторонники «одомашнивания» (Э. Пим) видят в переводе услугу, ориентированную на получателя [9]. Их оппоненты (Л. Венути, М. Бейкер) рассматривают «одомашнивание» как форму культурного империализма [1, 10]. Компромиссную позицию предлагает Д. Хоусон, различая «культурный фильтр» (прагматическую адаптацию) и «культурное предательство» (насильственное замещение ценностей) [5]. Задача переводчика – найти баланс, постоянно выбирая между верностью автору и верностью читателю. «Непереводимость» является не абсолютной, а исторической и контекстуальной категорией. Ее степень зависит от культурной дистанции, типа текста и временного фактора. М. Кронин в контексте цифровой эпохи утверждает, что сама концепция «перевода» устаревает, уступая место «транскультурной трансформации», где переводчик становится соавтором гибридного текста [3].

Влияние цифровых технологий. Роль машинного перевода (МП) неоднозначна. Нейросетевые системы превосходно справляются с техническим уровнем, но терпят неудачу на уровне культурных коннотаций, иронии и имплицитных смыслов. Это трансформирует профессию: переводчик становится не транслятором, а культурным редактором, осуществляющим контекстуальную адаптацию машинных переводов.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что современный перевод представляет собой сложный акт межкультурной медиации. Его сложность обусловлена фундаментальными расхождениями в культурных картинах мира. Ключевая роль в преодолении этих барьеров принадлежит переводчику-бикультуралу, обладающему развитой межкультурной чувствительностью.

Понятие «непереводимости» является относительным, его границы раздвигаются благодаря развитию теории и практики. В эпоху искусственного интеллекта креативная и культурно-медиативная функция переводчика-человека не только не теряет актуальности, но и становится центральной, возводя его в статус ключевого агента межкультурного диалога. Перспективы дальнейших исследований видятся в анализе перевода в новых цифровых средах (социальные сети, видеоигры), где формируются гибридные культурные коды, а также в изучении влияния искусственного интеллекта на процессы культурной адаптации.

Список источников

1. Бейкер М. Translation and Conflict: A Narrative Account. Лондон: Routledge, 2006. 256 с.
2. Басснетт С. Translation, History and Culture. Лондон: Pinter Publishers, 1990. 144 с.
3. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: Р.Валент, 1999. 192 с.
5. Кронин М. Translation in the Digital Age. Нью-Йорк: Routledge, 2013. 200 с.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
7. Hall E.T. Beyond Culture. New York: Anchor Books, 1976. 298 p.
8. House J. The Pragmatics of Professional Translation. London: Routledge, 2019. 180 p.
9. Katan D. Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators. Manchester: St. Jerome Publishing, 2004. 384 p.
10. Lefevere A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame. London: Routledge, 1992. 234 p.
11. Nida E.A. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. 331 p.
12. Pym A. Exploring Translation Theories: 2nd ed. London: Routledge, 2014. 200 p.
13. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London: Routledge, 1995. 353 p.
14. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1956. 278 p.

References

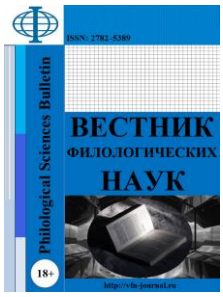
1. Baker M. Translation and Conflict: A Narrative Account. London: Routledge, 2006. 256 p.
2. Bassnett S. Translation, History and Culture. London: Pinter Publishers, 1990. 144 p.
3. Vezhbitskaya A. Comparing Cultures through Lexicon and Grammar. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2001. 272 p.
4. Komissarov V.N. Modern Translation Studies. Moscow: R.Valent, 1999. 192 p.
5. Cronin M. Translation in the Digital Age. New York: Routledge, 2013. 200 p.
6. Sapir E. Selected Works on Linguistics and Cultural Studies. Moscow: Progress, 1993. 656 p.
7. Hall E.T. Beyond Culture. New York: Anchor Books, 1976. 298 p.
8. House J. The Pragmatics of Professional Translation. London: Routledge, 2019. 180 p.
9. Katan D. Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators. Manchester: St. Jerome Publishing, 2004. 384 p.
10. Lefevere A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame. London: Routledge, 1992. 234 p.
11. Nida E.A. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. 331 p.
12. Pym A. Exploring Translation Theories: 2nd ed. London: Routledge, 2014. 200 p.
13. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London: Routledge, 1995. 353 p.
14. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1956. 278 p.

Информация об авторах

Еремина Н.В., *кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Оренбургский государственный университет, nataly-eremina@mail.ru*

Стрижкова О.В., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Оренбургский государственный университет, yanusic79@mail.ru*

© Еремина Н.В., Стрижкова О.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.511.131

[1] ***Ефремов Д.А.*** [1] ***Удмуртский государственный университет***

Синтаксическое управление интранзитивных глаголов в удмуртском языке

Аннотация: *статья посвящена изучению глагольного управления удмуртского языка. Исследование проведено на основании анализа фактологического материла – примеров, представленных в Национальном корпусе удмуртского языка. Глаголы удмуртского языка в силу совокупности присущих им свойств способны управлять различными формами имен (местоимений), другого глагола; выделяется сильный и слабый тип управления; переходные и непереходные глаголы обладают различными сочетательными способностями. В результате проведенного исследования было выявлено отличительное свойство удмуртских интранзитивных глаголов – отдельные из них в зависимости от контекстуального окружения приобретают способность управлять аккузативом. Такое свойство глагола предлагается обозначать термином синтаксическое управление.*

Ключевые слова: *удмуртский язык, подчинительная связь, глагол, синтаксическое управление*

Для цитирования: Ефремов Д.А. Синтаксическое управление интранзитивных глаголов в удмуртском языке // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 34 – 38.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] ***Efremov D.A.*** [1] ***Udmurt State University***

Syntactic government of intransitive verbs in the Udmurt language

Abstract: *this article is dedicated to the study of verb government in the Udmurt language. The research is based on the analysis of factual material – examples presented in the National Corpus of the Udmurt Language. Due to a combination of inherent properties, Udmurt verbs can govern various forms of nouns (pronouns) and other verbs; a distinction is made between strong and weak types of government; transitive and intransitive verbs exhibit different combinatory capacities. As a result of the conducted research, a distinctive property of Udmurt intransitive verbs was identified – some of them, depending on their contextual environment, acquire the ability to govern the accusative case. This property of the verb is proposed to be designated by the term syntactic government.*

Keywords: *the Udmurt language, subordinate connection, verb, syntactic government*

For citation: Efremov D.A. Syntactic government of intransitive verbs in the Udmurt language. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 34 – 38.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

В современном удмуртоведении синтаксис остается одним из наименее исследованных разделов. В морфологии удмуртского языка остается много белых пятен, но, в сравнении с синтаксисом, их намного меньше. Синтаксические связи между словоформами в предложении могут быть подчинительного и сочинительного типов. Мнения ученых существенно отличаются при определении статуса словосочетания, какие категории синтагм относятся к данному понятию, несет или нет номинативную функцию, как слово; тем не менее, исследователи соглашаются с тем фактом, что подчинительная связь включает в себя, помимо других типов, в том числе и управление.

Управление также может трактоваться учеными по-разному. О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» дает следующее определение: «выбор падежной формы подчиненного слова, определяемый не данной грамматической формой подчиняющего слова (не данной его словоформой), а его свойствами как лексемы» [1, с. 486]. В энциклопедическом словаре отмечено: управляющий компонент словосочетания требует постановки управляемого в определенной грамматической форме [12, с. 537]; при этом подчёркивается, что форма управляемого слова не меняется при изменении грамматической формы управляющего слова. Таким образом, постулируется тот момент, что форма управляемого слова зависит от семантики управляющего.

Материалы и методы исследований

Изучение управления удмуртских глаголов – очень важная задача, поскольку посредством подобных исследований проводится всесторонний анализ структуры глагола, широкого спектра его грамматических категорий, в том числе оригинальных, таких как модальность (нейтральная – притворная). Как и в большинстве финно-угорских языков в удмуртском языке синтаксическая функция сказуемого (выраженного глаголом) обладает большей коммуникативной значимостью, чем функция подлежащего.

Эмпирическую основу исследования составляет Национальный корпус удмуртского языка, включающий литературные произведения, газетные и журнальные публикации, научные работы, фольклорные материалы и т.д.

Результаты и обсуждения

При исследовании подчинительной связи, как правило, выделяют сильное и слабое управление. По мнению О.С. Ахмановой [1, с. 487] при сильном управлении управляющее слово требует постановки зависимого слова в определенную грамматическую форму (падежную или предложную), в то время как при слабом управлении таких словоформ может быть множество, т.е. они практически не зависят от главного слова. Довольно часто при сильном управлении слово не может быть использовано самостоятельно без сочетания с другим словом.

При сильном управлении, таким образом, между глаголом и управляемым словом должна присутствовать некая внутренняя связь, т.е. форма управляемого слова зависит от значения (семантического свойства) глагола: Диссертацизэ утемез бере Муромысь пединститутын ӟуч но кунсьӧр литератураосъя кафедраен кивалтӥз [8]. ‘После защиты диссертации руководил кафедрой русской и зарубежной литературы в пединституте в Муроме’. – Туж бадӟым тау тӥледлы, Ирина Максимовна, – вазиське со Четкарёвалы [8]. ‘– Спасибо вам большое, Ирина Максимовна, – обращается он к Четкаревой’. По приведенным примерам отчетливо видно, что семантическое значение глагола без своего управляемого слова было бы неполным, если бы даже данная словоформа не была представлена эксплицитно, она бы подразумевалась. Семантика глагола кивалтыны ‘управлять’ требует вопроса кинэн? маин? (кем? чем?), а вазиськыны ‘обращаться’ – кинлы? малы? (кому? чему?).

При сильном управлении, в основном, идет речь только об одной управляемой форме, но, тем не менее, таких форм может быть и несколько: – Ма, Света, оло, зэмзэ тон адямиез кионэн ӧошатйськод? [8]. ‘– Ну, Света, ты неужели и в правду человека с волком сравниваешь?’. Анай сюлэмлэсь мае ке ватод шат? [8]. ‘Разве что-то скроешь от сердца матери’. Вунэм кырӟан сямен, уд жонды ни мыным, нош кырӟанэз ватод шат музее?! [8]. ‘Как забытая песня, не будешь уже звенеть для меня, но разве спрячешь песню в музее?! (букв. в музей)’.

Глагол ӧошатыны ‘сравнивать’ управляет сразу двумя формами – винительного и творительного падежей; другой глагол (ватыны ‘спрятать’) в одном из примеров управляет формами аблатива и аккузатива, в другом – винительного и входного падежей. Данные словоформы конечно могут быть представлены все сразу в одном предложении, но могут фигурировать только некоторые.

В случае со слабым управлением между глаголом и зависимой формой нет обязательной связи; таким образом, в предложении глагол может быть представлен как самостоятельно, так и в сочетании с управляемой формой, при этом в обоих случаях значение слова является полноценным: – Табере мон кошко

ни, Анай, – шуи мон, сйльвирме мугорам шӧдыса [8]. «‘– Теперь я уже пойду, Мать», – сказал я, почувствовав силы в теле’. Оломар но мыным вераз со жытэ, султйз но ӧсэз шуккыса кошкиз [8]. ‘Чего только не сказал мне в тот вечер, встал и ушел, хлопнув дверью’. В данных предложениях глагол кошкыны ‘уйти, уходить’ использован без какой-либо управляемой формы, при этом валентность непереходного глагола позволяет самостоятельное использование без лакун в семантике лексемы и коммуникативной составляющей предложения в целом.

В иных случаях данный глагол сочетается с разными формами, что возможно признать случаями слабого управления. Довольно часто глаголы движения, к которым относится и лексема кошкыны, управляют формами локальных падежей: Собере, тазалык сйзьыса, мукет палатае кошко [8]. ‘Затем, пожелав здоровья, отправляются в другую палату’. Тури кошкиз гуртысь, кытчызэ ӧз вера [8]. ‘Тури ушел из деревни, не сказав – куда’. Отйяз ож сюресъёс мукет странаостй кошкизы [8]. ‘Затем дороги войны отправились по другим странам’. Вази, вази но, ӧд вазьы, вазьытэк вӧзтйм кошкид... [8]. ‘Я молвил, молвил, но ты не ответила, молча прошла мимо меня (букв. не обратившись, ушла возле меня)’. В приведенных предложениях присутствуют формы иллатива, элатива и пролатива.

Валентность данного глагола включает довольно широкий спектр форм, в том числе, он может управлять творительным падежом и инфинитивом глагола: Эшъёсыныз ӵош пыдын мынысал, нош огназ тйни велосипедэн кошкиз [8]. ‘С друзьями вместе пешком бы пошел, но вот отправился один на велосипеде’. Пиезлэсь вуэмзэ Олексан возьмаз-возьмаз но ӧз чида ни – ужаны кошкиз [8]. ‘Олексан прождал приход сына и не выдержал – ушел работать’. Наряду с одной управляемой формой в предложении могут присутствовать также несколько словоформ, зависимых от глагола: Ньыль ар ортчыса, Тимофей гуртаз берытскиз но вань семьяеныз городэ улыны кошкиз... [8]. ‘Через четыре года Тимофей вернулся домой и со всей семьей отправился жить в город’. В данном предложении сразу три лексемы напрямую связаны с глаголом кошкыны: управляемые субстантивы принимают формы инструменталя и иллатива, а управляемый глагол – начальную форму.

При таких широких сочетательных возможностях может возникнуть сомнение – является ли данный тип связи управлением, возможно, это примыкание. В «Русской грамматике» 1980 года выделяется отдельный вид подчинительной связи – «падежное примыкание» [11, с. 42-51], при котором к главному компоненту присоединяется предложная или падежная форма имени с определительным значением. В отношении удмуртского языка М.К. Каракулова и Б.И. Каракулов утверждают, что аналогичные случаи следует трактовать как примыкание [7, с. 75-76]. Такие случаи, тем не менее, большинство исследователей признает примерами управления, поскольку иначе глагол мог бы сочетаться с любыми словоформами, чего не происходит.

В отношении транзитивных и интранзитивных глаголов также проявляется сильное и слабое управление. К переходным относятся «глаголы со значением действия, направленного на предмет, изменяющего или производящего этот предмет – объект действия» [2, с. 220], при этом такие глаголы «сильно управляют винительным падежом» [11, с. 614]: Зояез нырысь ик одйгез пичи нылаш адзиз [8]. ‘Зою сначала увидела одна из маленьких девочек’. Анаез доры уг ик вуылы, соиз вань улонзэ одйг пиезлы гинэ сётйз [8]. ‘Он даже не навещает свою мать, которая посвятила всю свою жизнь единственному сыну’. Непереходные глаголы обозначают действие, которое не направлено на какой-либо объект, т.е. они не обладают свойством транзитивности: Гурт вӧзамы ик улмо сад будэ [8]. ‘Прямо рядом с [нашей] деревней растет яблоневый сад’. Стаканэ лэзем гранат сок рубин кадь пиштэ шунды шорын [8]. ‘Налитый в стакан гранатовый сок сияет на солнце, как рубин’.

В «Русской грамматике» интранзитивные глаголы характеризуют лаконично – это те, «которые не управляют винительным (родительным) падежом» [11, с. 614]. В результате проведенного нами исследования зафиксированы многочисленные случаи изменения сущности глаголов, когда в зависимости от контекста непереходные глаголы начинают управлять аккузативом: Эшшо кӧня ке вамыш мынйз но дугдйз, бодыосыз вылэ пыкъяськиз [8]. ‘Он сделал (букв. шел) еще несколько шагов и остановился, опершись на (свои) палки’. Быдэс дуннеез вамышъяй кадь мон со дорозь тём пеймыт пыртй, кыдырась сйзьыл зоръёсты ымыным кутылыса, – нош тани шедьтй чылкыт вуэн колодча [8]. ‘Я словно прошагал (букв. шагал) весь мир до нее сквозь сплошную темноту, хватая ртом моросящие осенние дожди, – и вот я нашел колодец чистой воды’. Милемлы куамын иськем пыдын вамышъяно луиз, агай велосипедзэ донгыса нуэ [8]. ‘Нам пришлось пройти пешком (букв. шагать) тридцать километров, старший брат везет свой велосипед толкая’. – Мар тон вераськиськод, пие, вань басьтэм уксёме тйледлы сётйсько ук [8]. ‘– Что ты говоришь (букв. разговариваешь), сынок, все полученные [мной] деньги я ведь вам отдаю’. Детской колониын кык ар улй... [8]. ‘В детской колонии я жил два года…’ – Быдэс арня ке улйзы, ёрмод соосын! [8].

‘– Если они будут жить целую неделю, ты замучаешься с ними!’ Жыны иськем-а, иськем-а озьы бызизы, нюк дуре вуизы но дугдйзы: нюк бамалэд копак лось пытьыосын пужыятэмын [8]. ‘Они пробежали (букв. бежали) так полкилометра, километр, вышли на опушку леса и остановились: склон оврага был полностью покрыт (букв. украшен) лосиными следами’. Одйг иськем ортчим-а, ӧм-а, эке дугдйз но сюрес дуре пуксиз [8]. ‘Один километр мы прошли или нет, мальчик остановился и сел на обочине дороги’. Проанализировав примеры, становится ясным, что данным свойством в большей степени обладают глаголы, которые сочетаются с лексемами, выражающими меру, количество, время и т.д.

По нашему мнению в подобных случаях проявляется синтаксическое управление непереходных глаголов удмуртского языка. Аналогичные способности отдельных слов менять свою валентность в зависимости от коммуникативной роли в предложении также отмечают исследователи, при этом используя разную терминологию. А.Р. Пестова на примере разговорной речи отмечает, что в силу вариативности синтаксическое управление существительных в предложении может поменяться, поскольку «на синтаксическую сочетаемость слова влияет целый ряд факторов» [10, с. 210].

Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова показывают, что в отличие от стандартных словосочетаний, которые строятся на основе лексико-грамматических свойств слова, выделяются также и иные, для которых «уровень предложенческих связей» имеет наибольшое значение, и они «возникают на основе связи между компонентами предложения» [6, с. 54]. По мнению исследователей довольно большая часть глаголов сочетается с (предложно-)падежными формами имени «на основе синсемичности, двусторонней добровольной (по мере смысловой необходимости) готовности к соединению при наличии общих сем» [6, с. 66].

Таким образом, следует говорить о разных видах управления, когда на семантическое управление (которое зависит от лексического значения слова) накладывается синтаксическое управление – глагол приобретает иные валентные возможности и / или теряет свои первоначальные сочетательные особенности.

Выводы

В удмуртском языкознании в работах, посвященных частично или полностью исследованию синтаксических связей [3, 4, 5, 7, 9], при рассмотрении подчинительной связи выделяются различные виды управления глагола, такие как сильное и слабое, падежное и послеложное и т.д., но учеными оно не расщепляется на семантическое (лексическое) и синтаксическое.

В ходе проведенного исследования нами был зафиксирован пласт интранзитивных глаголов, которые в зависимости от контекстуального окружения приобретают уникальную возможность – управлять винительным падежом имени (местоимения). Таким свойством, как правило, обладают глаголы, действие которых переходит на объект, выражающий меру, количество, время. Данные случаи нами предлагается трактовать как синтаксическое управление и подразделять глагольное управление удмуртского языка на семантический и синтаксический типы.

В отношении некоторых других частей речи удмуртского языка также проявляются аналогичные тенденции, когда коммуникативное использование видоизменяет, трансформирует в определенной степени валентность конкретного слова, но такие вопросы требуют отдельного, детального исследования.

Список источников

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004. 576 с.

2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина Н.И., Цапукевич В.В. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1962. 452 с.

3. Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения / под общ. ред. В.И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1970. 246 с.

4. Ефремов Д.А. Удмурт каронкыллэн валтонэз = Управление глагола в удмуртском языке: словарь-справочник. Ижевск: Удмуртский университет, 2021. 161 с.

5. Ефремов Д.А. Удмурт кылын каронкыллэн управлениез сярысь // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2009. № 1. С. 43 – 54.

6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.

7. Каракулова М.К., Каракулов Б.И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: учебное пособие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет, 2001. 215 с.

8. Национальный корпус удмуртского языка. URL: https://udmcorpus.udman.ru/home (дата обращения: 09.09.2025).

9. Перевощиков П.Н. Глагольные словосочетания // Словосочетания в удмуртском языке / под ред. В.М. Вахрушева, Р.И. Яшиной. Ижевск, 1980. С. 38 – 129.

10. Пестова А.Р. Именное управление в русской разговорной речи // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения: материалы докладов и сообщений международной научной конференции. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2016. С. 209 – 217.

11. Русская грамматика. Синтаксис. М.: Наука, 1980. Т. 2. 709 с.

12. Языкознание: Большой энциклопедический словарь: 2-е изд. / ред. В.Н. Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. 685 с.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M., 2004. 576 p.

2. Valgina N.S., Rosenthal D.E., Fomina N.I., Tsapukevich V.V. Modern Russian language. M.: Higher School, 1962. 452 p.

3. Grammar of the modern Udmurt language: Syntax of a simple sentence. Under general. ed. V.I. Alatyreva. Izhevsk: Udmurtia, 1970. 246 p.

4. Efremov D.A. Udmurt karonkyllen valtonez = Control of verb in the Udmurt language: dictionary-reference book. Izhevsk: Udmurt University, 2021. 161 p.

5. Efremov D.A. Udmurt kylyn karonkyllen upravlez syarys. Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology". 2009. No. 1. P. 43 – 54.

6. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. M., 2004. 544 p.

7. Karakulova M.K., Karakulov B.I. Comparative grammar of Russian and Udmurt languages: textbook. Izhevsk: Udmurt University Publishing House, 2001. 215 p.

8. National Corpus of the Udmurt Language. URL: https://udmcorpus.udman.ru/home (date of access: 09.09.2025).

9. Perevoshchikov P.N. Verb Phrases. Phrases in the Udmurt Language. Ed. by V.M. Vakhrushev, R.I. Yashina. Izhevsk, 1980. P. 38 – 129.

10. Pestova A.R. Nominal Government in Colloquial Russian. Russian Lexicography of the 21st Century: Problems and Solutions: Proceedings of Reports and Announcements of the International Scientific Conference. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Limited Liability Company, 2016. P. 209 – 217.

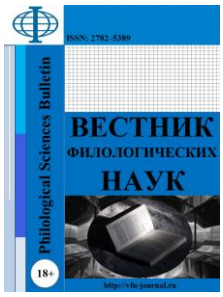
11. Russian Grammar. Syntax. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 2. 709 p.

12. Linguistics: The Great Encyclopedic Dictionary: 2nd ed. Ed. by V.N. Yartseva. M.: Scientific publishing house "Great Russian Encyclopedia", 1998. 685 p.

Информация об авторах

Ефремов Д.А., *кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, dmitjef@mail.ru*

© Ефремов Д.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.11

[1] Сахарова Н.С., [1] Кабанова О.В. ***[1] Оренбургский государственный университет***

Микросистема средств выражения проспективности в английском языке: синтез классических и современных подходов

Аннотация: *в статье представлен комплексный анализ микросистемы средств выражения проспективности в английском языке. Исследование интегрирует классические грамматические теории с современными подходами, в частности, конструкционной грамматикой и теорией грамматикализации. Доказывается, что проспективность реализуется не парадигмой форм одной категории, а сетью конкурирующих конструкций, каждая из которых вносит уникальные модально-аспектуальные смыслы. Центральное место занимает конструкция «would + инфинитив», трактуемая как полифункциональное единство, а не как аналитическая форма «будущего в прошедшем». Особое внимание уделяется роли гипотетичности как скалярной, а не бинарной категории, связанной с эпистемической позицией говорящего. В статье вводится и подробно рассматривается понятие «нарративной перспективы» как ключевого фактора, определяющего выбор проспективной конструкции. Статья вносит вклад в теорию функционально-семантических полей, предлагая модель описания проспективности как зоны интерференции временной отнесенности, модальности и аспектуальности.*

Ключевые слова: *проспективность, конструкционная грамматика, грамматикализация, модальность, нарративная перспектива*

Для цитирования: Сахарова Н.С., Кабанова О.В. Микросистема средств выражения проспективности в английском языке: синтез классических и современных подходов // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 39 – 44.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Sakharova N.S., [1] Kabanova O.V. ***[1] Orenburg State University***

The microsystem of means for expressing prospectivity in English: a synthesis of classical and modern approaches

Abstract: *the article presents a comprehensive analysis of the microsystem of means for expressing prospectivity in the English language. The research integrates classical grammatical theories with modern approaches, in particular, Construction Grammar and the theory of grammaticalization. It is proven that prospectivity is realized not by a paradigm of forms of a single category, but by a network of competing constructions, each of which contributes unique modal-aspectual meanings. A central place is occupied by "the would + infinitive construction", interpreted as a polyfunctional unity rather than as an analytical form of the "future-in-the-past". Special attention is paid to the role of hypotheticality as a scalar, rather than binary, category related to the speaker's epistemic stance. The article introduces and examines in detail the concept of "narrative perspective" as a key factor determining the choice of a prospective construction. The article contributes to the theory of functional-semantic fields by proposing a model for describing prospectivity as a zone of interference of temporal reference, modality, and aspectuality.*

***Keywords**: prospectivity, construction grammar, grammaticalization, modality, narrative perspective*

For citation: Sakharova N.S., Kabanova O.V. The microsystem of means for expressing prospectivity in English: a synthesis of classical and modern approaches. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 39 – 44.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Проспективность, понимаемая как отнесенность действия к будущему по отношению к моменту в прошлом, представляет собой сложный функционально-семантический участок английской грамматики. Традиционные исследования фокусировались на дилемме грамматического статуса сочетаний «would/should + инфинитив», колеблясь между их трактовкой как аналитической формы времени («будущее в прошедшем»), формы наклонения или свободного сочетания модальных глаголов [1, 7]. Однако этот спор часто заходил в тупик, так как данные сочетания демонстрируют свойства, не укладывающиеся в рамки одной категории. Периферийные средства, такие как «was going to» или «was to», при этом часто рассматривались как второстепенные, без построения целостной модели их взаимодействия с ядром системы.

Современная лингвистика, опираясь на принципы конструкционной грамматики [3, 9] и теорию грамматикализации [10], предлагает иной путь. Она рассматривает язык как инвентарь конструкций – устойчивых form-meaning pairings (пар «форма – значение»). В рамках этого подхода проспективность предстает не как единая категория, а как семантическая зона, обслуживаемая сетью формальных средств, находящихся в отношениях конкуренции и взаимодополнения. Это позволяет преодолеть ограниченность чисто парадигматического взгляда и описать системность на уровне дискурсивных функций.

Цель данной статьи – переосмыслить микросистему средств выражения проспективности, синтезировав ключевые положения классической грамматики с современными теоретическими подходами для построения более целостной и функционально адекватной модели. В задачи входит: 1) выявление состава и иерархии конструкций микросистемы; 2) описание их семантических зон и условий употребления; 3) анализ гипотетичности как скалярной категории; 4) введение и обоснование понятия «нарративная перспектива» как ключевого дискурсивного фактора.

Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования выступил интегративный подход, сочетающий:

– сопоставительный анализ классических теорий (школы А.И. Смирницкого, М.Я. Блоха, Л.С. Бархударова) для выявления базовых оппозиций и проблемных зон. Этот анализ служит историческим фундаментом и отправной точкой для критического переосмысления [1, 2, 7];

– конструкционно-грамматический подход, в рамках которого средства выражения проспективности анализируются как самостоятельные конструкции с присущей им семантикой, прагматикой и условиями употребления. Этот метод позволяет описать полифункциональность «would» без насильственного приписывания ее к одной категории;

– диахронический анализ (в рамках теории грамматикализации) для объяснения статуса и семантики периферийных средств, таких как «was going to». Этот метод помогает понять, как пространственная семантика глагола «go» трансформировалась в темпорально-модальную, и почему конструкция приобрела импликацию нереализованности;

– принцип семантической шкалы (scalar approach) для анализа модальности гипотетичности, позволяющий рассматривать ее не как бинарную оппозицию «реальность / ирреальность», а как континуум вероятности [4]. Это помогает объяснить, почему одни проспективные конструкции звучат более уверенно, чем другие.

– дискурсивно-нарративный анализ для изучения роли проспективных конструкций в построении текста, в частности, в управлении точкой зрения (focalization) в нарративе.

Материалом для анализа послужили данные современных корпусных исследований, примеры из академических грамматик, в частности, «The Cambridge Grammar of the English Language» [8], а также художественные тексты, иллюстрирующие употребление проспективности в контексте.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ позволил пересмотреть структуру и принципы функционирования микросистемы проспективности. Было установлено, что конструкция «would + инфинитив» является смысловым и частотным ядром системы. В отличие от классической дихотомии, она трактуется не как форма, а как кон-

струкция, чье значение – «проспективность с оттенком гипотетичности» – является целостным и не сводится к сумме значений компонентов. Ее полифункциональность (будущее в прошедшем, условное наклонение, привычное действие) объясняется взаимодействием ядерного значения с контекстом, а не принадлежностью к разным грамматическим категориям. Ключевым является ее свойство обозначать «неактуализированное будущее с точки прошлого», что одинаково применимо как к сообщению о чьих-то словах (e.g. He said he would come.), так и к описанию привычки (e.g. He would often sit here.), которая также представляет собой серию неактуализованных в момент речи событий.

Периферийные средства образуют сеть специализированных конструкций, прошедших путь грамматикализации и занявших четкие функциональные ниши:

– «was going to + инфинитив»: конструкция, выражающая прошлое намерение или план. Ключевой прагматической составляющей является импликация «нереализованности», особенно в нарративе. Ее происхождение от конструкции физического движения обуславливает семантику «направленности» и «запланированности» события. В отличие от «would», она теснее связана с волей и сознательным намерением субъекта, а не с нейтральным предсказанием;

– «was to + инфинитив»: конструкция с семантикой «предопределенности» или «судьбы», часто используемая для ретроспективного взгляда с позиции знания о свершившихся событиях. Эта конструкция часто служит маркером «драматической иронии», когда читатель / слушатель знает о последствиях, которых не знал персонаж в прошлом (e.g. In 1937, he became Chancellor – a post he was to hold for twelve turbulent years). Здесь говорящий использует знание последующих событий, проецируя его в прошлое.

– «was about to + инфинитив»: конструкция, характеризующая «непосредственную близость» события к моменту в прошлом. Она фокусируется на точке, непосредственно предшествующей началу события, создавая эффект «пристальной камеры» в нарративе. Ее семантика ограничивает ее употребление конкретными, часто единичными ситуациями [5, 6].

Анализ подтвердил, что гипотетичность является неотъемлемым, но вариативным компонентом проспективности. Ее степень колеблется в зависимости от выбранной конструкции, что можно представить в виде шкалы:

1 Высокая степень уверенности/непосредственности, e.g. He was about to leave (событие воспринимается как неизбежное в данный прошлый момент).

2 Средняя степень, основанная на плане / намерении, e.g. He was going to leave (событие вероятно, но его реализация зависит от воли субъекта).

3 Гипотетичность / предопределенность, оторванная от воли субъекта, e.g. He was to become a great leader / He would later regret his decision (в первом случае – фатальность, во втором – гипотетическое последствие).

Выбор конструкции отражает «эпистемическую позицию» говорящего [14] – его знание, убеждения и отношение к сообщаемому событию с точки зрения прошлого момента.

Важнейшим результатом исследования является выявление роли «нарративной перспективы» (point of view) в выборе проспективной конструкции. В нарративе проспективные конструкции служат мощным инструментом управления точкой зрения.

Конструкция «was going to» часто закреплена за внутренней перспективой персонажа, отражая его личные планы и намерения, о которых рассказчик мог узнать из дневников, писем или мыслей персонажа.

Конструкция «was to», напротив, почти всегда сигнализирует о внешней, часто «всеведущей» позиции рассказчика, который с высоты своего знания сообщает о том, что было суждено случиться.

Конструкция «would» является более нейтральной и может использоваться как для передачи мыслей персонажа (e.g. He wondered if he would ever see her again.), так и для комментариев от лица рассказчика (e.g. This decision would shape the rest of his life.). Эта гибкость делает ее основным нарративным инструментом проспективности.

Полученные результаты позволяют дискуссию о проспективности вывести на новый уровень, интегрируя грамматику и теорию нарратива.

Конструкционный подход снимает многовековой спор о статусе «would», фокусируясь на том, какое значение и при каких условиях передает эта конструкция, а не к какой категории она принадлежит. Это согласуется с позицией Хадлстона и Пуллума [8], которые рассматривают «would» как модальный глагол с ядерным проспективно-гипотетическим значением. Такой взгляд более адекватно описывает поведение «would» в реальном языке, где границы между «временем» и «наклонением» оказываются размытыми.

Предложенная модель объясняет, почему носители языка выбирают ту или иную конструкцию. Семантика конструкции «was to» делает ее идеальной для исторического нарратива, а «was going to» – для

рассказа о личных, неосуществившихся планах. Таким образом, микросистема проспективности является не случайным набором синонимов, а высокоорганизованной системой с четким функциональным распределением, которое проявляется именно в дискурсе. Импликация нереализованности конструкции «was going to» – это не строгое грамматическое значение, а устойчивая прагматическая импликатура, возникающая в определенных контекстах (например, при наличии контраста с помощью союза «but»), которая, однако, стала неотъемлемой частью смыслового ореола конструкции.

Подход к гипотетичности как к скалярной категории, связанной с эпистемической позицией, более точно описывает факты языка, чем бинарная оппозиция «реальность/ирреальность». Он позволяет учесть весь спектр смыслов – от почти уверенного предсказания до контрафактического условия. Введение понятия «нарративная перспектива» позволяет связать грамматический выбор с макросмыслами текста. Выбор проспективной конструкции становится не просто грамматической необходимостью, а стилистическим и смысловым решением автора, который таким образом управляет вниманием читателя и расставляет акценты, указывая, чьего знания или чьих ожиданий придерживается нарратив в данный момент.

Важным аспектом для обсуждения является взаимодействие проспективных конструкций с видовременными формами. Например, проспективность, выраженная формой Past Continuous (e.g. He was leaving tomorrow.), возможна только с глаголами, обозначающими ограниченные во времени процессы или действия. Это демонстрирует, что проспективность не просто накладывается на временную форму, а вступает с аспектуальной семантикой глагола в сложное взаимодействие, где аспект определяет саму возможность проспективной интерпретации.

Выводы

В результате исследования была предложена и обоснована интегративная модель микросистемы средств выражения проспективности в английском языке, синтезирующая классические и современные лингвистические теории. Доказано, что ядро системы составляет полифункциональная конструкция «would + инфинитив», а ее периферия представлена набором грамматикализованных конструкций («was going to», «was to», «was about to»), находящихся в отношениях функциональной дополнительности. Установлено, что модальность гипотетичности является не побочным продуктом, а фундаментальным, скалярным свойством проспективных значений, тесно связанным с эпистемической позицией говорящего.

Ключевым выводом работы является определение «нарративной перспективы» как критически важного дискурсивного фактора, управляющего выбором проспективной конструкции. Конструкции микросистемы служат не только для выражения временных отношений, но и для тонкого управления точкой зрения в повествовании, выступая маркерами внутреннего мира персонажа или всеведущего голоса рассказчика.

Перспективы дальнейших исследований видятся, во-первых, в проведении верифицирующего корпусного анализа для количественной оценки функционального распределения выявленных конструкций в различных дискурсивных жанрах (художественная литература, мемуары, исторические хроники). Во-вторых, перспективным представляется сопоставительное изучение микросистем проспективности в других языках для выявления универсальных и идиоэтнических черт в организации этого функционально-семантического поля. В-третьих, углубленного изучения требует взаимодействие проспективности с другими грамматическими категориями, такими как вид и таксис (то есть временная и логическая связь между частями сложного сказуемого), в рамках сложных предикативных комплексов.

Список источников

1. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1975. 356 с.

2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1983. 383 с.

3. Голдберг А.Е. Конструкции: конструкционный подход к грамматике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 12 – 25.

4. Лангакер Р.У. Концепция, образ и символ: когнитивная основа грамматики // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1991. № 1. С. 15 – 30.

5. Сахарова Н.С. Логико-семантический подход к трактовке средств выражения проспективности в английском языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11. С. 120 – 125.

6. Сахарова Н.С., Иванова С.Г., Дмитриева Е.В. Варьирование видовременных форм в значении проспективности в английском языке (диахронический аспект) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11. С. 156 – 161.

7. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. 440 с.

8. Хадлстон Р., Пуллум Дж.К. Кембриджская грамматика английского языка. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 2002. 1842 с.

9. Хилперт М. Конструкционная грамматика как когнитивно-ориентированный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 5 – 21.

10. Хоппер П., Трауготт Э.К. Теория грамматикализации. М.: Языки славянской культуры, 2003. 256 с.

11. Davies N.M.M. The Future Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. URL: https://www.cambridge.org/core/books/future-tense/1D35F060509C00F472F21A45A71B8F0B (дата обращения: 20.09.2023).

12. Declerck R. Tense in English: Its Structure and Use in Discourse. L.: Routledge, 1991. 450 p.

13. Duffley P. Prospective and Proximative in English // The Oxford Handbook of Tense and Aspect / ed. by R.I. Binnick. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 568 – 589. URL: https://academic.oup.com/edited-volume/34521/chapter/292892325 (дата обращения: 20.10.2023).

14. Englebretson R. Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2007. 323 p.

15. Kranich S., Torres Cacoullos R. The English futurity: A corpus-based cognitive analysis of will, be going to, and the present progressive // English Language and Linguistics. 2022. Vol. 26. No. 2. P. 287 – 315. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/english-language-and-linguistics/article/abs/english-futurity/ (дата обращения: 20.10.2023).

16. López-Couso M.J., Los B. From spatial goal to future: A corpus-based study of the be going to construction in Late Modern and Present-Day English // Journal of Historical Linguistics. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 28 – 56. URL: https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/jhl.18035.los (дата обращения: 20.10.2023).

17. Salkie R. Will and shall as markers of modality and futurity in contemporary English: A corpus-based reassessment // Functions of Language. 2019. Vol. 26. No. 2. P. 135 – 162. URL: https://benjamins.com/catalog/fol.26.2.01sal (дата обращения: 20.10.2023).

References

1. Barkhudarov L.S. Essays on the Morphology of Modern English. Moscow: Vysshaya shkola, 1975. 356 p.

2. Blokh M.Ya. Theoretical Grammar of English. Moscow: Vysshaya shkola, 1983. 383 p.

3. Goldberg A.E. Constructions: A Constructional Approach to Grammar. Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology. 1995. No. 3. P. 12 – 25.

4. Langacker R.U. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 1991. No. 1. P. 15 – 30.

5. Sakharova N.S. A Logical-Semantic Approach to Interpreting the Means of Expressing Prospectivity in English. Bulletin of Orenburg State University. 2012. No. 11. P. 120 – 125.

6. Sakharova N.S., Ivanova S.G., Dmitrieva E.V. Variation of Tense-Aspectual Forms in the Meaning of Prospectivity in English (Diachronic Aspect). Bulletin of Orenburg State University. 2014. No. 11. P. 156 – 161.

7. Smirnitsky A.I. Morphology of the English Language. Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1959. 440 p.

8. Huddleston R., Pullum J.K. Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 1842 p.

9. Hilpert M. Constructional Grammar as a Cognitive-Oriented Approach. Issues of Cognitive linguistics. 2008. No. 3. P. 5 – 21.

10. Hopper P., Traugott E.K. The Theory of Grammaticalization. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003. 256 p.

11. Davies N.M.M. The Future Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. URL: https://www.cambridge.org/core/books/future-tense/1D35F060509C00F472F21A45A71B8F0B (date of accessed: 20.09.2023).

12. Declerck R. Tense in English: Its Structure and Use in Discourse. L.: Routledge, 1991. 450 p.

13. Duffley P. Prospective and Proximative in English. The Oxford Handbook of Tense and Aspect. Ed. by R.I. Binnick. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 568 – 589. URL: https://academic.oup.com/edited-volume/34521/chapter/292892325 (date of accessed: 20.10.2023).

14. Englebretson R. Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2007. 323 p.

15. Kranich S., Torres Cacoullos R. The English futurity: A corpus-based cognitive analysis of will, be going to, and the present progressive. English Language and Linguistics. 2022. Vol. 26. No. 2. P. 287 – 315. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/english-language-and-linguistics/article/abs/english-futurity/ (date of accessed: 20.10.2023).

16. López-Couso M.J., Los B. From spatial goal to the future: A corpus-based study of the being going to construction in Late Modern and Present-Day English. Journal of Historical Linguistics. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 28 – 56. URL: https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/jhl.18035.los (date of accessed: 20.10.2023).

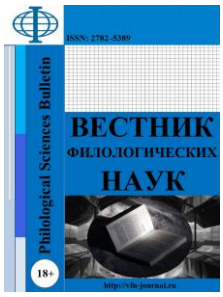
17. Salkie R. Will and shall as markers of modality and futurity in contemporary English: A corpus-based re-assessment. Functions of Language. 2019. Vol. 26. No. 2. P. 135 – 162. URL: https://benjamins.com/catalog/fol.26.2.01sal (date of accessed: 20.10.2023).

Информация об авторах

Сахарова Н.С., *доктор педагогических наук, профессор, кафедра иностранных языков, Оренбургский государственный университет, nssakharova@mail.ru*

Кабанова О.В., *кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Оренбургский государственный университет, oleg-olga2005@yandex.ru*

© Сахарова Н.С., Кабанова О.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)
УДК 811.1/2

[1] Краснощёков Е.В., [1] Лунтовская Д.Д. ***[1] Южный федеральный университет***

Референциальные функции определенного артикля в английском и немецком языках

Аннотация*: в предлагаемой статье рассматриваются референциальные функции определенного артикля в германских языках, в частности: немецком и английском, где артикль выполняет ключевую функцию, определяя отношения между языковым выражением и объектом, на который он ссылается. Артикли помогают определить степень известности или уникальности упомянутого предмета, особенно в уточнении определенности и неопределенности объекта. В ходе проведённого исследования были выявлены как универсальные, так и специфические черты в функционировании референциального механизма определенного артикля в обоих языках. Основные различия обусловлены большей грамматикализацией немецкого артикля и лексико-фразеологическими особенностями. Установлено, что полное функциональное совпадение наблюдается в использовании определённого артикля в сфере ситуативной (экзофорической), анафорической и катафорической референции. Причиной ключевых различий в этих языках являются функции артикля, связанные с наличием падежной системы, категорией рода, а также особенностями его употребления в устойчивых и идиоматических выражениях в немецком языке. Результаты исследования способствуют углублению понимания механизма референции в германских языках и могут найти практическое применение в курсах по теоретической грамматике, лингвистической типологии и в практике преподавания английского и немецкого языков. Материал статьи будет интересен для студентов и аспирантов, изучающих английский и немецкий языки.*

Ключевые слова: *определенный артикль, референция, анафора, катафора, уникальный референт, английский язык, немецкий язык, сравнительная лингвистика*

Для цитирования: Краснощёков Е.В., Лунтовская Д.Д. Референциальные функции определенного артикля в английском и немецком языках // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 45 – 50.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Krasnoschekov E.V., [1] Luntovskaya D.D. ***[1] Southern Federal University***

Referential functions of the definite article in English and German

Abstract: *this article examines the referential functions of the definite article in Germanic languages, specifically German and English, where the article plays a key role in defining the relationship between a linguistic expression and the object it refers to. Articles help determine the degree of familiarity or uniqueness of the referenced object, particularly in clarifying the definiteness or indefiniteness of the object. The study identified both universal and specific features in the referential mechanism of the definite article in both languages. The main differences are due to the greater grammaticalization of the German article and lexical and phraseological features. It was established that complete functional overlap is observed in the use of the definite article in the sphere of situational (exophoric), anaphoric, and cataphoric reference. The key differences between these languages stem from the functions of the article, which are related to the case system, gender, and the specifics of its use in set and idiomatic*

expressions in German. The results of this study contribute to a deeper understanding of the mechanism of reference in Germanic languages and can find practical application in courses on theoretical grammar, linguistic typology, and in the teaching of English and German. This article will be of interest to undergraduate and graduate students studying English and German.

***Keywords**: definite article, reference, anaphora, cataphora, unique referent, English, German, comparative linguistics*

For citation: Krasnoschekov E.V., Luntovskaya D.D. Referential functions of the definite article in English and German. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 45 – 50.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Артикль – это не просто грамматический маркер, а мощное средство управления вниманием слушающего и когнитивной настройки на референт в дискурсе. Определенный артикль выполняет фундаментальную прагматическую функцию: он сигнализирует адресату, что референт (объект, лицо, понятие), к которому отсылает именная группа, является единственным, уникальным или конкретно идентифицируемым в данном коммуникативном контексте для обоих участников (говорящего и слушающего).

С помощью артикля в языке определяются отношения между языковым выражением и объектом, на который оно ссылается. В языках, таких как английский и немецкий, артикли помогают определить степень известности или уникальности упомянутого предмета. Особенно в уточнении определенности и неопределенности объекта. Артикли различают смысловые тонкости, а также влияют на синтаксическую организацию предложений, что особенно важно при переводе, изучении языков и их обучении. Неправильное их использование может привести к недопониманию или искажению информации.

Проблема референциальных функций определённого артикля получила некоторое освещение в зарубежной и отечественной лингвистике, например, Кристофер Лайонс в монографии "Definiteness" (1999) исследовал роль артиклей английского языка, делая акцент на то, как артикли влияют на смысл при переводе. Хокинс Дж. в своей работе "Definiteness and Indefiniteness" (1978) разработал логико-прагматическую теорию местоположения, которая объясняет разницу между определённым и неопределённым артиклями в английском языке и формулирует универсальные принципы, применимые к языкам с системами детерминативов. Из отечественных лингвистов проблемой артикля занималась Л.Н. Фоменко (2015). В статье “Эволюция артиклевой системы в новогреческом и английском языке” она рассматривала основные тенденции развития артиклевой системы в английском и греческом языке, обращая внимание на семантические, синтаксические и морфологические аспекты. М.Я. Блох (1983) смотрит на артикли с точки зрения структуры предложения и их роли в связи с контекстом. В.Г. Адмони (1986) подходил к изучению артиклей с точки зрения сопоставительной лингвистики, выделяя различия между английским и немецким языками и показывая, как функции артикля соотносятся с категориями рода, числа и падежа. Л.С. Бархударов (1975) в своей работе, посвященной переводу, рассматривая его теоретические аспекты, включает проблемы, связанные с передачей артиклей между языками.

Целью предлагаемого исследования является выявление и систематизация сходства и различия в реализации референциальных функций определенного артикля в английском и немецком языках.

В задачи данного исследования входит:

1. Определить понятие референции и классифицировать типы референциального употребления артикля.
2. Отобрать и проанализировать примеры из аутентичных текстов на английском и немецком языках (художественная литература, пресса).
3. Провести сравнительный анализ функционирования артикля в аналогичных контекстах.
4. Выявить случаи расхождения в употреблении артикля, обусловленные системными особенностями языков.

Материалы и методы исследований

Материалом предлагаемого исследования послужили произведения из художественной литературы, а также статьи из прессы. В ходе проведенного анализа данных использовались: сравнительно-сопоставительный метод, контекстуальный анализ, метод сплошной выборки примеров, дескриптивный анализ. Полученные результаты могут быть использованы на практических занятиях по теоретической грамматике, практике перевода, и теории языка.

Результаты и обсуждения

В начале нашего исследования необходимо определить различие между понятиями – смысл и референция. Смысл (sense) – языковое явление, выражающее индивидуальное значение высказывания. Г. Фреге (1892) утверждал, что «смысл выражения определяет его когнитивную значимость» – это то, как человек воспринимает денотат термина. Так, описания «автор Войны и мира» и «сын графа Николая Ильича Толстого и муж Софьи Андреевны» различаются по формулировке, но указывают на один и тот же объект – Льва Николаевича Толстого. Иначе говоря, смысл – «это интенсия выражения, содержание значения, то есть правило или условие, по которому в любой мыслимой ситуации выбираются подходящие объекты» [3, с. 636].

Референт (reference) – это сам объект, к которому отсылается языковое выражение. Это его экстензия в нашем мире и данном контексте. В приведённом примере Лев Толстой является тем самым объектом – референтом или денотатом. Языковые выражения могут быть в разных формах: имени собственного, артикля и существительного, описательной группой, местоимением и так далее.

Понятие «референция» (англ. reference) происходит от глагола to refer, что подразумевает отношение к объекту, указание на него или отсылку к чему-либо. Таким образом, «референция – это отношение включенного в речь имени или выражения (именной группы) к объекту действительности» [2]. Например: «Князь Андрей, невеселый и озабоченный, подъезжал по аллее сада...» читатель, зная контекст, соотносит это имя именно с героем Болконским, а не с любым другим князем Андреем, что и является процессом референции.

Языковые механизмы помогают говорящему и слушателю быть уверенными, что оба имеют в виду один и тот же объект. В данной статье внимание сосредоточено на языках с развитой артиклевой системой – английском и немецком. Ключевую денотативную роль играет определенный артикль. Называя тот или иной предмет, и осуществляя номинацию, мы отбираем не любой, а самый важный с точки зрения нашей культуры признак, отвлекаясь от второстепенных деталей, и основная задача определенного артикля в этом случае – подтвердить идентифицируемость референта для адресата, создавая когнитивное согласие между собеседниками. Английское the и немецкое der/die/das сигнализируют: «мы оба знаем, о чём речь». Будь то объект уже повторяющийся в речи, очевидный из обстановки или нечто уникальное и неповторимое. Тут стоит подробно рассмотреть классификации референциальных функций определенного артикля:

1. Ситуативная (экзофорическая) референция: указание на объект, который идентифицируется через непосредственный физический или культурный контекст, или через ситуацию общения.

EN: "Could you close the window?" (Окно идентифицируется в комнате, где происходит разговор).

DE: "Kannst du das Fenster schließen?" [1, с. 4].

В данном примере различия минимальны. Оба языка используют артикль идентично.

2. Анафорическая референция: отсылка к ранее упомянутому в дискурсе объекту.

Подтипы данной референции:

a) Прямая анафора:

EN: I saw a cat. The cat was black.

DE: Ich sah eine Katze. Die Katze war schwarz.

Наиболее часто используется текстообразующая функция: артикль отсылает к референту, который был ранее введен в дискурс (чаще всего с неопределенным артиклем или другим интродуктивным выражением).

b) Ассоциативная анафора (бриджинг). Говорящий вводит новый референт, который связан с уже установленным в дискурсе через ассоциацию (часть-целое, автор-произведение и т.д.).

EN: We entered a house. The kitchen was huge.

DE: Wir betraten ein Haus. Die Küche war riesig [7, с. 145].

В приведенном примере, функция полностью совпадает. Это демонстрирует, как определенный артикль активирует фоновые знания и схемы в сознании слушающего.

3. Катафорическая референция: референция устанавливается через информацию, которая следует после артикля (часто в постпозиции – комплемент, относительное придаточное, суперлатив и т.д.).

EN: He was the best candidate for the job.

DE: Er war der beste Kandidat für die Arbeit [6, с. 115].

Эти три перечисленные выше типа референции совпадают при межъязыковом сравнении, в обоих языках артикль одинаково определяет идентифицируемость референта, поэтому здесь не требуются особые пояснения. Ключевое различие в морфологии проявляется в том, что немецкий артикль несет информацию о роде, числе и падеже, согласуясь с существительным, что делает его еще более мощным средством связности в тексте.

4. Универсальное (генерическое) употребление. Референт является единственным в своем роде по определению. Сюда часто относятся объекты, уникальные в масштабах вселенной, общества или абстрактные

понятия (английский: the moon, the government, the internet, the theory of relativity; немецкий: der Mond, die Regierung, das Internet, die Relativitätstheorie).

EN: The Sun is bright today.

DE: Die Sonne scheint heute.

В случае, когда в речи необходимо назвать не один конкретный предмет, а целый класс похожих предметов, например, «орел – это хищная птица». Здесь обозначается весь вид в целом, «в системе артиклей германских языков выделяется особая форма – ‘generic article’, выполняющая функцию обобщения» [5 с. 135]. Однако такое употребление возможно лишь в определённом контексте, где чётко противопоставляются два класса предметов (например, «собака – друг человека, а волк – опасный хищник»). Таким образом, это уникальная черта германских языков, где артикль приобретает обобщающее значение, становясь своеобразной языковой универсалией: The tiger is a ferocious animal [9, с. 212].

В английском и немецком для этого чаще всего используются определённый артикль с единственным числом (The computer / Der Computer) и нулевая форма во множественном числе (Computers / Computer). Обе конструкции передают обобщение, но необходимо помнить о различии употребления множественного числа с артиклем. В немецком сочетание die + plural нередко будет обозначать указание на уже определенные, известные нам предметы, а не на класс в целом. Здесь die Computer будет воспринято как конкретные, уже упомянутые компьютеры. В немецком языке принято использовать для обобщения форму единственного числа с артиклем (Der Computer hat die Welt verändert) или иногда нулевой артикль (Computer haben die Welt verändert). В английском языке форма the + plural употребляется гораздо реже и в основном в устойчивых выражениях таких, как the rich, the poor, the Germans.

Приведённая ситуация демонстрирует расхождение в способах выражения определённости при множественном числе. Оно проявляется в том, что в английском языке артикль the при существительном во множественном числе, как правило, опускается. Данное явление, в противоположность немецкой системе, является для английского языка системной чертой, не связанной со стилистикой или синтаксисом конкретного высказывания. При этом важно отметить, что в английском также существуют и другие, частные случаи опущения артикля, которые как раз зависят от стиля или синтаксиса:

EN: Computers have changed the world (нулевой артикль).

DE: Die Computer haben die Welt verändert (определенный артикль).

В немецкой грамматике артикль играет особую роль (указывая род, падеж, число), что влияет на его форму и, в редких случаях, на интерпретацию в сложных синтаксических конструкциях. Благодаря этому даже при перестановке слов понятно, кто действует, и кто (или что) является объектом. Падежная форма помогает разобрать структуру, но сама по себе не делает объект «определенным» (за это отвечает сама функция артикля и контекст). Предлоги и их сращения с артиклем (im, am, ins) дополнительно подсказывают необходимый падеж и тем самым облегчают чтение длинных групп слов. В целом немецкий артикль – это помощник, который способствует референции, определяя падеж и род, но при этом не меняет смысл.

Если говорить об устойчивых выражениях или идиомах, то тут английский и немецкий языки расходятся в выборе артиклей. Это обусловлено лексически закрепленными моделями. Например, в английском при обозначении игры на музыкальном инструменте обычно используется определённый артикль: to play the piano, the violin. В немецком, в тех же контекстах стоит нулевой артикль: Klavier spielen, Geige spielen. «Если нужно указать на конкретный, известный нам инструмент, то определенный артикль будет использоваться в обоих языках» [8, с. 65].

Говоря о частях суток, английское выражение in the morning / in the evening соответствует немецкому am Morgen / am Abend. В данных случаях артикль являются частью устойчивой лексической сочетаемости и синтаксической конструкцией, а не референтом. Определенность здесь появится, когда появится признак конкретного момента: время, дата или иное указательное слово. Можно привести и другие подобные примеры:

EN: on the radio, on the phone, take the bus, go to the hospital.

DE: im Radio, am Telefon, mit dem Bus fahren, ins Krankenhaus gehen.

Употребляя имена собственные, оба языка избегают использования какого-либо артикля, но некоторые правила все же есть. Во-первых, и английский и немецкий языки, называя фамилии во множественном числе, ведут себя одинаково и обозначают семью целиком: the Johnsons / die Johnsons. В немецком возможен и вариант Familie Johnson. В отличие от английского языка, в немецком языке имена собственные могут сочетаться с определенным артиклем, даже если некоторые носители языка осознают определённый южный колорит в таком употреблении.

Это предположение о чёткой идентификации, обычно связанное с определенным артиклем, особенно часто используется в высказываниях, адресованных детям:

а) Ich bin der Peter.

б) Der Karl würde so etwas nicht tun [8, с. 67].

Во-вторых, название городов обычно употребляются без артикля. Однако есть названия, которые изначально используются с определенным артиклем. Следовательно, определенный артикль никакой функции здесь не выполняет: the Hague / Der Haag. В-третьих, страны, реки, моря, горные цепи часто требуют артикля, но в английском и немецком языке совпадений немного:

EN: the Netherlands, the United States, the Thames, the Alps.

DE: die Niederlande, die USA, die Schweiz, der Rhein, die Alpen, die Türkei, der Irak, der Iran и т.д. [10, с. 22].

В таких случаях артикль закреплён лексически и должен запоминаться. В-четвертых, международные организации употребляются в обоих языках с артиклем: the EU / die EU, the UN / die UNO [10, с. 22]. Это обусловлено культурно-историческими нормами и в данном случае артикль показывает уникальность. В такой ситуации следует помнить: для стран и географических объектов необходимо пользоваться списками-исключениями; при модификации собственного имени добавлять артикль в обоих языках.

Выводы

В ходе проведённого исследования были рассмотрены и проанализированы основные референциальные функции определённого артикля в английском и немецком языках. Были выявлены как универсальные, так и специфические черты в работе референциального механизма определенного артикля в обоих языках. Основные различия обусловлены большей грамматикализацией немецкого артикля (наличие падежной системы) и лексико-фразеологическими особенностями.

Полное совпадение наблюдается в функционировании определённого артикля при ситуативной (экзофорической), анафорической и катафорической референции. В обоих языках артикль служит средством установления идентифицируемости референта, указывая на объект, известный из контекста.

Системные различия выявлены в случаях универсального (генерического) употребления и в рамках устойчивых словосочетаний и идиоматических выражений. Английский чаще использует нулевой артикль во множественном числе (Computers…), тогда как немецкий – форму единственного числа с определённым артиклем (Der Computer…).

Таким образом, проведенное исследование, в ходе которого была проведена систематизация референциальных функций определённого артикля на материале английского и немецкого языков, а также выявление зон совпадений и различий на конкретных примерах показало сферу его употребления. Хотя ядро референциальных функций определенного артикля в немецком и английском языках в значительной степени пересекается, именно на периферии – в сфере генерического употребления, употребления с абстракциями и именами собственными – проявляются их глубокие системные различия, отражающие разное грамматическое мироустройство этих двух германских языков.

Список источников

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

2. Мамай Е.С. Явление референции в науке о тексте // Филология и литературоведение. 2013. № 4. URL: https://philology.snauka.ru/2013/04/466.

3. Соломоха А.А., Фоменко Л.Н. История развития артиклей в системе английского языка // Теория и практика современной науки. 2017. № 12 (30). С. 634 – 638.

4. Фоменко Л.Н. Эволюция артиклевой системы в новогреческом и английском // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 1 – 8.

5. Christophersen P. The Articles. A Study of their Theory and Use in English. L.: Oxford Univ. Press, 1939. 201 p.

6. Hawkins J. Definiteness and indefiniteness. A Study in reference and grammaticality prediction. N.J.: Humanities Press, 1978. 316 p.

7. Hawkins J.A. A Comparative Typology of English and German: Unifying the Contrasts. London: Croom Helm, 1986. 262 p.

8. König E., Gast V. Understanding English-German Contrasts: 4th ed. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2012. 381 p.

9. Lyons C. Definiteness (Linguistics), Grammar, Comparative and general – Syntax, Semantics, Pragmatics. 1999. 404 p.

10. Dreyer, Schmitt. Lehr – und Übungsbuch der deutschen Grammatik. Hueber Verlag, 2009. 396 p.

References

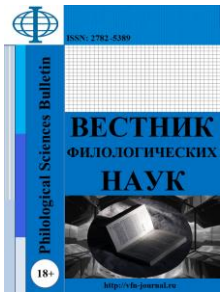
1. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Cognition of the World. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 560 p.
2. Mamay E.S. The Phenomenon of Reference in Text Science. Philology and Literary Studies. 2013. No. 4. URL: https://philology.snauka.ru/2013/04/466.
3. Solomokha A.A., Fomenko L.N. The History of the Development of Articles in the English Language System. Theory and Practice of Modern Science. 2017. No. 12 (30). P. 634 – 638.
4. Fomenko L.N. Evolution of the Article System in Modern Greek and English. APRIORI. Series: Humanities. 2015. No. 4. P. 1 – 8.
5. Christophersen P. The Articles. A Study of their Theory and Use in English. L.: Oxford Univ. Press, 1939. 201 p.
6. Hawkins J. Definiteness and indefiniteness. A Study in reference and grammaticality prediction. N.J.: Humanities Press, 1978. 316 p.
7. Hawkins J.A. A Comparative Typology of English and German: Unifying the Contrasts. London: Croom Helm, 1986. 262 p.
8. König E., Gast V. Understanding English-German Contrasts: 4th ed. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2012. 381 p.
9. Lyons C. Definiteness (Linguistics), Grammar, Comparative and general – Syntax, Semantics, Pragmatics. 1999. 404 p.
10. Dreyer, Schmitt. Lehr – und Übungsbuch der deutschen Grammatik. Hueber Verlag, 2009. 396 p.

Информация об авторах

Краснощёков Е.В., *доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистического образования, Южный федеральный университет, judgin58@mail.ru*

Лунтовская Д.Д., *кафедра лингвистического образования, Южный федеральный университет*

© Краснощёков Е.В., Лунтовская Д.Д., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.37

[1] Павлова И.Н. ***[1] Оренбургский государственный университет***

Когнитивные механизмы метафорической актуализации английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом

Аннотация: *в данной статье рассматриваются когнитивные механизмы, лежащие в основе метафорической актуализации английских фразеологизмов, содержащих в своей структуре зоонимы. Фразеологические единицы с компонентом-названием животного представляют собой идеальный материал для исследования взаимодействия образного, концептуального и языкового уровней сознания. Опираясь на методологический аппарат когнитивной лингвистики (теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теорию метонимии, концепцию фреймовой семантики Ч. Филлмора), в статье анализируется процесс трансформации первичного наглядного образа животного в сложный антропоцентрический концепт. В работе постулируется, что актуализация значения зооморфного фразеологизма в дискурсе представляет собой не просто извлечение статичной словарной единицы, но динамический процесс реконструкции целого комплекса когнитивных структур: культурных стереотипов, метафорических и метонимических моделей, а также ценностных ориентаций, закрепленных в языковом сознании носителей английского языка. На конкретных примерах демонстрируется, как такие механизмы, как концептуальная метафора, метонимия и профилирование атрибутов внутри фрейма, обуславливают семантику и прагматику фразеологизмов.*

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, фразеологизм, зооним, концептуальная метафора, метонимия, фрейм, концепт, образ, актуализация*

Для цитирования: Павлова И.Н. Когнитивные механизмы метафорической актуализации английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 51 – 55.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Pavlova I.N. ***[1] Orenburg State University***

Cognitive mechanisms of metaphorical actualization of English phraseological units with a zoonym component

Abstract: *this article examines the cognitive mechanisms underlying the metaphorical actualization of English phraseological units containing zoonyms. Phraseological units containing the name of an animal provide ideal material for studying the interaction between the figurative, conceptual, and linguistic levels of consciousness. Drawing on the methodological framework of cognitive linguistics (J. Lakoff and M. Johnson's theory of conceptual metaphor, the theory of metonymy, and Charles Fillmore's concept of frame semantics), the article analyzes the transformation of the primary visual image of an animal into a complex anthropocentric concept. The paper postulates that the actualization of the meaning of a zoomorphic phraseological unit in discourse is not simply the extraction of a static vocabulary unit, but a dynamic process of reconstructing an entire complex of cognitive structures: cultural stereotypes, metaphorical and metonymic models, and value orientations entrenched in the linguistic consciousness of English*

speakers. Specific examples are used to demonstrate how mechanisms such as conceptual metaphor, metonymy, and within-frame attribute profiling determine the semantics and pragmatics of phraseological units.

Keywords: *cognitive linguistics, phraseological unit, zoonym, conceptual metaphor, metonymy, frame, concept, image, actualization*

For citation: Pavlova I.N. Cognitive mechanisms of metaphorical actualization of English phraseological units with a zoonym component. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 51 – 55.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Фразеологический фонд языка является не только хранилищем «народной мудрости», но и концентрированным отражением способа мышления, категоризации и концептуализации мира его носителями. Среди многообразия фразеологических единиц (ФЕ) особый интерес представляют фразеологизмы с компонентом-зоонимом (названием животного). Их высокая частотность и семантическая ёмкость свидетельствуют о фундаментальной роли зооморфного кода в человеческом познании. Традиционный структурно-семантический анализ таких единиц, ограничивающийся классификацией и переводческими соответствиями, оказывается недостаточным для проникновения вглубь их природы. Возникает необходимость в обращении к методологии когнитивной науки, позволяющей вскрыть ментальные процессы, порождающие и обусловливающие значение этих устойчивых выражений.

Цель настоящей статьи – выявить и описать ключевые когнитивные механизмы, обеспечивающие метафорическую актуализацию английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом в процессе речепорождения и речевосприятия. Под «актуализацией» здесь понимается процесс извлечения и контекстно-обусловленного применения, скрытого в языковой форме концептуального содержания.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Проанализировать теоретические основания когнитивного подхода к фразеологии в трудах отечественных и зарубежных исследователей.
2. Рассмотреть зооморфную метафору как когнитивный инструмент, опирающийся на процессы категоризации и аналогии.
3. Выделить и систематизировать основные когнитивные модели (метафора, метонимия, фрейм), участвующие в формировании значения зоонимных ФЕ.
4. На примере конкретных английских фразеологизмов продемонстрировать взаимодействие этих моделей в процессе семантической актуализации.

Материалы и методы исследований

Когнитивная лингвистика, сформировавшаяся как междисциплинарная парадигма во второй половине XX века, коренным образом изменила взгляд на язык. Язык перестал рассматриваться как автономная формальная система и стал пониматься как инструмент познания, тесно связанный с другими ментальными способностями человека – восприятием, памятью, вниманием и категоризацией. В контексте фразеологии это означало переход от изучения устойчивых сочетаний как «замороженных» идиом к анализу их как репрезентантов определенных способов концептуализации действительности.

Результаты и обсуждения

Фундаментальный вклад в развитие этого направления внесли Дж. Лакофф и М. Джонсон своей работой «Метафоры, которыми мы живем». Они доказали, что метафора – это не просто риторическая фигура, а базовый когнитивный механизм, позволяющий осмысливать абстрактные и сложные domains (сферы) через более конкретные и телесно-обусловленные [12]. С точки зрения этой теории, фразеологизм – это вербальное воплощение укорененной в сознании концептуальной метафоры.

Важным понятием для нашего анализа является «концепт». В современной когнитивной лингвистике концепт понимается как оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, отражающая содержание опыта и знания [1, 6]. Концепт структурирован, он включает не только ядерные, но и периферийные признаки, а также ценностную составляющую. Фразеологизм, таким образом, выступает как средство вербализации и актуализации определенного концепта.

Другим ключевым аппаратом является «фрейм» – структура данных для представления стереотипной ситуации [9, с. 67]. Значение слова или выражения понимается через его способность вызывать в сознании целостный фрейм. Зооним «лиса» активирует фрейм «ЛИСА», включающий слоты: «внешний вид»

(рыжая шерсть, пушистый хвост), «поведение» (хитрость, ловкость, воровство кур), «место обитания» (нора, лес) и т.д. Фразеологизм «as sly as a fox» профилирует, т.е. выводит на первый план, именно слот «хитрость», который из потенциального признака становится актуальным значением всей ФЕ.

1. Зооморфная метафора: от биологического вида к культурному концепту.

Исходной точкой для формирования зооморфного фразеологизма является не реальное животное как биологический вид, а его культурно-обусловленный образ, сложившийся в коллективном сознании носителей языка. Этот образ представляет собой комплекс устойчивых, часто стереотипных представлений о свойствах и повадках животного. Данный процесс можно представить в виде следующей цепочки трансформации: референт (биологический вид) → перцептивный образ → культурный стереотип → концептуальный признак → фразеологизм [8].

Например, биологический вид «Canis lupus» (волк) в английской лингвокультуре проходит через следующие стадии концептуализации:

- Перцептивный образ: сильный, зубастый, стайный хищник, воющий на луну.
- Культурный стереотип: свирепость, жадность, одиночество, опасность.
- Концептуальные признаки: «ненасытность», «агрессия», «изгнанничество».
- Фразеологизмы: «a wolf in sheep's clothing» (волк в овечьей шкуре – концепт «лицемерия»), «to keep the wolf from the door» (не дать волку войти в дверь – концепт «избавления от голода / нищеты»), «a lone wolf» (одинокий волк – концепт «индивидуализма / отшельничества»).

Как видно из примеров, один и тот же зооним может проецироваться на разные концептуальные сферы, активируя разные аспекты фрейма.

2. Когнитивные механизмы актуализации значения зоонимных фразеологизмов.

Актуализация значения ФЕ в дискурсе – это процесс выбора релевантного концептуального признака из целостного фрейма-образа животного. Этот выбор осуществляется посредством нескольких взаимосвязанных когнитивных механизмов.

3. Концептуальная метафора.

Концептуальная метафора представляет собой проекцию (маппинг) из области-источника (source domain) – в нашем случае, фрейма «ЖИВОТНОЕ» – на область-мишень (target domain) – сферу человеческих качеств, отношений, социальных институтов.

Рассмотрим основные типы таких проекций на материале английских ФЕ [3-5]:

1. ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЖИВОТНОЕ. Это базовая метафора, лежащая в основе большинства зооморфных ФЕ.

- «To work like a horse / a dog» (работать как лошадь/собака). Активируется слот «тяжелый труд / выносливость» из фреймов «ЛОШАДЬ» и «СОБАКА». Область-мишень – трудовые отношения.
- «As stubborn as a mule» (упрямый как мул). Проекция слота «упрямство» из фрейма «МУЛ» на характеристику человека.
- «As busy as a bee» (занятой как пчела). Проекция слота «трудолюбие, активность» из фрейма «ПЧЕЛА».

2. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЖИВОТНЫМИ.

- «A dog-eat-dog world» (мир, где собака съедает собаку). Фрейм «БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ В МИРЕ ЖИВОТНЫХ» проецируется на область-мишень «жестокая конкурентная среда в человеческом обществе».
- «The law of the jungle» (закон джунглей). Аналогично, фрейм «ДЖУНГЛИ» с акцентом на жестокости и праве сильного проецируется на социальные и политические отношения [13].

3. ПОВЕДЕНИЕ / СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА – ЭТО ПОВЕДЕНИЕ ЖИВОТНОГО.

- «To smell a rat» (почуять крысу). Фрейм «КРЫСА» ассоциируется с чем-то подозрительным, нечистоплотным. Проекция на область-мишень «интуитивное ощущение обмана».
- «To be like a bear with a sore head» (быть как медведь с больной головой). Активируется слот «раздражительность, агрессивность» из фрейма «МЕДВЕДЬ». Область-мишень – плохое настроение человека.

4. Метонимия.

Если метафора основана на сходстве (переносе по аналогии), то метонимия – на смежности (контигуитете). В зоонимных ФЕ метонимия часто работает на основе партитивной связи (часть-целое) или связи между животным и его характерным действием / атрибутом [2].

- «To have a bee in one's bonnet» (иметь пчелу в своей шляпе). Здесь метонимически пчела, жужжащая в головном уборе, символизирует навязчивую, «жужжащую» в голове идею. Происходит перенос: ЖИВОТНОЕ → НАВЯЗЧИВАЯ МЫСЛЬ (по смежности ощущения).
- «The black sheep of the family» (черная овца семьи). Метонимия основана на реальном биологическом факте (черная овца выделяется в стаде белых) и ее культурной интерпретации. Черная шерсть (атрибут) метонимически указывает на чужака, изгоя.

- «To hold your horses» (придержать своих лошадей). Метонимия: КОНТРОЛЬ НАД ЖИВОТНЫМ → КОНТРОЛЬ НАД СВОИМИ ПОРЫВАМИ / ЭМОЦИЯМИ.

5. Взаимодействие метафоры и метонимии.

Часто эти два механизма тесно переплетаются в одной ФЕ, образуя метафтонимию [14]. Фразеологизм «to be a guinea pig» (быть морской свинкой) изначально имеет метонимическую природу: морская свинка – это животное, на котором ставят опыты. Однако в применении к человеку эта связь метафоризуется: человек, выступающий в роли испытуемого, уподобляется морской свинке. Сначала метонимия (животное для опытов), затем метафора (ЧЕЛОВЕК-ИСПЫТУЕМЫЙ – ЭТО МОРСКАЯ СВИНКА).

Проследим полный путь актуализации на примере ФЕ «to let the cat out of the bag» (выпустить кошку из мешка, т.е. разболтать секрет).

1. Активация фрейма «КОШКА». У носителя языка активируется целостный фрейм, включающий, среди прочего, слоты: «ловкость», «независимость», «способность прятаться и неожиданно появляться» [10].

2. Активация культурного сценария. Существует устойчивый культурный сценарий, возможно, восходящий к историческому анекдоту о мошеннике, продававшем в мешке поросенка, а на деле оказывалась кошка. Этот сценарий связывает кошку в мешке с обманом и тайной.

3. Профилирование атрибута. В данном контексте профилируется не сам образ кошки, а ситуация «неожиданного раскрытия скрытого». Кошка, будучи выпущенной, делает тайное явным.

4. Концептуальная интеграция (блендинг). Согласно теории ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера, в процессе понимания идиомы происходит интеграция двух ментальных пространств [11]:

- Пространство 1: «Секрет / Обман» (тайна, скрываемая информация).

- Пространство 2: «Кошка в мешке» (скрытый объект, который может быть неожиданно обнаружен).

В «blended space» (пространстве интеграции) возникает новая структура: «разглашение секрета» концептуализируется как «выпускание на свободу того, что было принудительно скрыто». Динамика процесса (выпускание) и его результат (раскрытие) проецируются из пространства 2 в пространство 1, создавая целостное и понятное значение ФЕ.

Аналогичный анализ можно провести для ФЕ «the elephant in the room» (слон в комнате – очевидная проблема, которую все игнорируют). Фрейм «СЛОН» содержит слоты «огромный размер», «невозможность не заметить». Проекция этого фрейма на ситуацию человеческого общения создает мощный визуальный образ: нечто столь же большое и неуклюжее, как слон в маленькой комнате, что делает его игнорирование абсурдным. Актуализация значения требует от слушающего совершить этот когнитивный прыжок – от физической неуместности к социально-психологическому отрицанию [7].

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что английские фразеологизмы с компонентом-зоонимом представляют собой не случайные языковые курьезы, а системные образования, глубоко укорененные в когнитивных процессах человеческого сознания. Их семантика и прагматика детерминированы сложным взаимодействием когнитивных механизмов, главными из которых являются концептуальная метафора, метонимия и фреймовое профилирование. Путь от образа животного к концепту, вербализованному во фразеологизме, – это путь от конкретного чувственного восприятия к абстрактному культурному смыслу. Зооморфный фразеологизм актуализируется в дискурсе как сжатый пакет культурно-когнитивной информации, для декодирования которого реципиент должен реконструировать лежащие в его основе стереотипы, метафорические проекции и метонимические связи.

Понимание этих механизмов имеет не только теоретическое значение для лингвистики и философии языка, но и огромную практическую ценность в области межкультурной коммуникации, перевода и лингводидактики. Различия в зооморфных кодах разных лингвокультур (например, разное концептуальное наполнение образа собаки в английской и русской традициях) объясняют трудности перевода и межкультурные недоразумения. Таким образом, когнитивное исследование фразеологии открывает путь к пониманию глубинных структур национального сознания, запечатленных в языке.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.

2. Багана Ж., Михайлова Ю.С. Фаунонимическая лексика в системе языка и её национально-культурная специфика (на материале лексических единиц в русском, английском и немецком языках) // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 24 (119). Вып. 12. С. 84 – 93.

3. Куличенко Ю.Н. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом // Научный диалог. 2017. № 4. С. 44 – 56.

4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1996. 381 с.
5. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: «Русский язык», 2005. 1210 с.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280 – 287.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие для вузов: 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2018. 258 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 52 – 92.
10. Asimopoulos P. A contrastive analysis of phraseologisms with the zoonym “Cat” in Bulgarian, Greek, Russian and Serbian // Studii si Cercetari de Onomastica si Lexicologie. 2019. Vol. 12. No. 1 (2). P. 134 – 156.
11. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 464 p.
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 387 p.
13. Littlemore J. Metaphors in the Mind: Sources of Variation in Embodied Metaphor. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 258 p.
14. Silaški N. Animal Metaphors in the Lexicon and Discourse of Business English // ESP Today. 2020.Vol. 8. No. 1. P. 66 – 83.

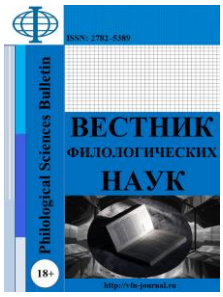
References

1. Arutyunova N.D. Language and the World of Man. Moscow: “Languages of Russian Culture”, 1999. 896 p.
2. Bagana Zh., Mikhailova Yu.S. Faunonymic Lexicon in the Language System and Its National-Cultural Specificity (Based on Lexical Units in Russian, English, and German). Scientific Vedomosti. Series “Humanities”. 2011. No. 24 (119). Iss. 12. P. 84 – 93.
3. Kulichenko Yu.N. Comparative Analysis of Phraseological Units with a Zoonym Component. Scientific Dialogue. 2017. No. 4. P. 44 – 56.
4. Kunin A.V. Course of Phraseology of the Modern English Language. Moscow: Vyssh. shk., 1996. 381 p.
5. Kunin A.V. Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary. Moscow: "Russkiy Yazyk", 2005. 1210 p.
6. Likhachev D.S. Conceptual Sphere of the Russian Language. Russian Literature. From Literature Theory to Text Structure: Anthology. Moscow: Academia, 1997. P. 280 – 287.
7. Maslova V.A. Cognitive Linguistics: Textbook for Universities: 3rd ed., corrected and enlarged. Moscow: Flinta: Nauka, 2018. 258 p.
8. Telia V.N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. Moscow: School "Languages of Russian Culture", 1996. 288 p.
9. Fillmore C. Frames and the Semantics of Understanding. New in Foreign Linguistics. Moscow: Progress, 1988. Iss. 23. P. 52 – 92.
10. Asimopoulos P. A contrastive analysis of phraseologisms with the zoonym “Cat” in Bulgarian, Greek, Russian, and Serbian. Studii si Cercetari de Onomastica si Lexicologie. 2019. Vol. 12. No. 1 (2). P. 134 – 156.
11. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 464 p.
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 387 p.
13. Littlemore J. Metaphors in the Mind: Sources of Variation in Embodied Metaphor. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 258 p.
14. Silaški N. Animal Metaphors in the Lexicon and Discourse of Business English. ESP Today. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 66 – 83.

Информация об авторах

Павлова И.Н., *старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Оренбургский государственный университет, Raptanova@rambler.ru*

© Павлова И.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 82-343.4

[1] Павлова М.Н.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Семантический и лингвокультурологический анализ образов Озерной Девы в легендах о короле Артуре

Аннотация: *в настоящей статье проводится лингвокультурологический и страноведческий анализ образов Озерной Девы в цикле легенд о короле Артуре. Произведения о легендарном короле стали известны в Раннем Средневековье и возникли под влиянием исторических событий, происходивших в то время. С течением времени легенды обрастали подробностями и появлялись новые персонажи, которые удачно вливались в общий сюжет. Происхождение главного героя цикла до сих пор остается неизвестным, не представляется возможным определить, существовал ли король Артур на самом деле, или является вымышленным персонажем. Многие образы, представленные в произведениях артуровского цикла были заимствованы из кельтской мифологии, так, например, образ Озерной Девы перекликается с героиней мифологических сказаний о феях, обитающих в озерах и родниках. Сочетание мифологии, описаний реальных исторических событий и множество вопросов, оставленных без ответа, делают легендарный цикл интересным материалом для исследований. В данной статье приводится краткая историческая справка и лингвокультурологический анализ произведения и образов Девы Озера в произведениях о короле Артуре. В заключении настоящей работы приводятся выводы, которые были получены после изучения эмпирического материала. Материалы данной работы могут быть использованы в педагогической деятельности в рамках курсов по зарубежной литературе и страноведению.*

Ключевые слова: *король Артур, рыцарство, фольклор, легенда, лингвокультороология, мифология*

Для цитирования: Павлова М.Н. Семантический и лингвокультурологический анализ образов Озерной Девы в легендах о короле Артуре // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 56 – 60.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Pavlova M.N.

[1] Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

A semantic and linguocultural analysis of the imagery of the Lady of the Lake in Arthurian legends

Abstract: *this article provides a linguistic, cultural and regional analysis of the images of the Lake Maiden in the cycle of legends about King Arthur. The works about the legendary king became famous in the Early Middle Ages and were influenced by historical events that took place at that time. Over time, the legends became more detailed and new characters appeared, which successfully merged into the overall plot. The origin of the main character of the cycle is still unknown, it is not possible to determine whether King Arthur actually existed or is a fictional character. Many of the images presented in the works of the Arthurian cycle were borrowed from Celtic mythology, for example, the image of the Lake Maiden echoes the heroine of mythological tales about fairies living in lakes and springs. The combination of mythology, descriptions of real historical events and many unanswered questions make the legendary*

cycle an interesting material for research. This article provides a brief historical summary and a linguistic and cultural analysis of the work and images of the Virgin of the Lake in the works about King Arthur. The conclusion of this paper presents the conclusions that were obtained after studying the empirical material. The materials of this work can be used in teaching activities in the framework of courses on foreign literature and regional studies.

Keywords: *King Arthur, knighthood, folklore, legend, linguoculturology, mythology*

For citation: Pavlova M.N. A semantic and linguocultural analysis of the imagery of the Lady of the Lake in Arthurian legends. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 56 – 60.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

На становление и развитие литературы того или иного народа непосредственным образом влияют исторические, политические, социальные и культурные изменения, происходящие в стране. Язык впитывает в себя все изменения и порождает литературные произведения, которые становятся отражением той или иной исторической эпохи. Говоря о Английской литературе, можно выделить несколько исторических периодов, в которых происходили значительные изменения в жанровом, стилистическом и сюжетном плане. Для того, чтобы глубже понять особенности жанра, необходимо обратиться к истории. На рубеже X-XI веков Англия этнически представляла собой государство, в котором ассимилировались благодаря многочисленным завоеваниям англо-саксы, кельты и скандинавы. На смену конгломерату раздробленных королевств пришло относительно стабильное и цельное государство, в котором произошел синтез культур разных народов. Рост городов и экономический подъем повлиял на то, что Англия становится культурным и религиозным центром северо-западного региона Европы с наиболее высоким уровнем развития [4].

В начале XI века в Англии произошло событие, повлекшее за собой целый ряд культурных, социальных и экономических трансформаций, Нормандское завоевание 1066 года. После смерти бездетного короля Эдуарда Исповедника возможные наследники престола из рода англо-саксов начали борьбу за власть и на волне этих событий нормандскому герцогу Вильгельму удалось беспрепятственно вторгнуться на территорию Англии и разгромить войска англо-саксов в битве при Гастингсе 14 октября 1066 года. Это историческое событие стало отправной точкой в становлении нового государства, причем изменения коснулись не только политического и экономического уклада, но и языка, так, в официальных документах государственного уровня стали использовать латынь, а английский язык стал развиваться по своему уникальному пути. Нормандское завоевание стало источником для многих литературных произведений от легенд до исторических романов и легло в основу литературной традиции [7]. Завоевание норманнов послужило толчком к развитию и укреплению феодализма и сильной королевской власти [12]. На смену англо-саксонской элите пришла новая верхушка власти, состоящая из смешанной элиты. Древнеанглийский язык вытесняется латинским в сфере делопроизводства, однако, потоки смешанных браков и крестьянское население страны продолжало использовать английский язык и старались сохранить традиции, культуру и уклад жизни своих предков. Среди населения страны произошло расслоение: так, правящая элита считала себя носителями культуры Континента, в то время как простое население и малоимущая знать считали свей родиной Англию и представляли себя носителями английской культуры в целом [4].

Материалы и методы исследований

В данной работе проводится анализ образов Озерной Девы в цикле легенд о короле Артуре, в качестве эмпирического материала были отобраны народные кельтские легенды, в которых упоминается данный образ, а также произведение Джона Стейнбека "Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола". Был проанализирован рыцарский кодекс чести, а также собрана информация об историческом контексте создания легенд. В данном исследовании применяются исторический метод, сравнительный метод и метод контекстуального анализа.

Результаты и обсуждения

Несомненно, что развитие литературы Англии в период Средневековья тесным образом связано с нормандским завоеванием. В данный исторический период на территории страны использовались три языка: правящая верхушка использовала французский язык, языком официальных грамот и документом, а также языком религиозных служений стала латынь, а коренное население говорила на английском языке, который претерпел значительные изменения после вторжения норманнов. Соответственно, мы можем говорить о том, что литература того времени использовала все три языка [1]. Среди памятников английской литературы особо

можно выделить "Историю Бриттов", написанную Гальфридом Монмаутским, в которой впервые упоминаются легенды о короле Артуре, который представлен мудрым, благородным и справедливым правителем, а его двор – центром рыцарства [1]. Рыцарская служба в Англии представляла собой выполнение военных обязанностей в обмен на владение земельным участком. Рыцари могли использоваться в качестве действующих военных, а также в качестве личных охранников короля. Такую службу мог даровать лорд за личные качества, а также за отличное несение службы и совершение ратных подвигов [10]. "В рыцарской среде сложились определенные нормы куртуазного (изысканного) поведения, согласно которым рыцарь должен был быть бескорыстным и честным, благородным по отношению к слабым и беззащитным, преклоняться перед "прекрасной дамой" и служить ей также верно, как вассал служит своему сеньору" [1, с. 14]. Понятие благородства является значимым для английской культуры, при этом данное понятие предстает в двух различных аспектах: благородство крови и благородство духа, причем иногда эти два аспекта могут противопоставляться друг другу [6]. В Средневековой Англии формируется особый рыцарский кодекс поведения, следуя которому, рыцарю необходимо было чтить законы Церкви, приходить на помощь слабым и беззащитным, совершать добрые поступки, быть щедрым и справедливым, и бороться против несправедливости и зла. При этом наряду с высокими моральными качествами, рыцарь также должен обладать физической силой и готовностью постоять за свою честь и достоинство, а также за честь и достоинство своего сюзерена. Быть рыцарем означало следовать высоким ценностным идеалам, титул рыцаря необходимо было заслужить [3].

В легендах о короле Артуре представлен идеализированный образ рыцаря как воплощение всех идеалов того времени, однако, истории о благородном короле возникли задолго до появления понятия рыцарства в кельтской мифологии. Король Артур был персонажем кельтских легенд, который боролся с иноземными захватчиками. Образ героя легенд весьма размыт и сочетает в себе как характеристики реально существующего исторического персонажа, так и полубога, который сражался с драконами и иными вымышленными существами. До сих пор остается открытым вопрос, существовал ли король Артур на самом деле, но если верить "Истории Бриттов", то Артур провел 12 сражений в борьбе с саксами и был успешным полководцем. Однако после нормандского завоевания и необходимости смены ценностных ориентиров легендарный король становится королем нормандского происхождения, по некоторым источникам, из династии Плантагенетов. С течением времени сложился литературный образ главного героя легенд – справедливый и мудрый правитель, собравший вокруг себя весь цвет рыцарства и являющийся воплощением смелости и отваги [8].

Легенды о короле Артуре настолько прочно вошли в культуру Великобритании, что породили вокруг себя множество мифов и легенд, связанных с данным персонажем. Огромное количество различных авторов обращались к теме рыцарства на протяжении столетий и продолжают обращаться у ней до сих пор [13]. Впервые, как уже было обозначено выше, в литературных источниках имя короля Артура появляется в сочинении Гальфрида Монмутского "История бриттов", где Артур предстает перед читателем великим королем и мудрым правителем, идеальным рыцарем. Со временем истории о полулегендарном персонаже начинают обрастать новыми фактами и появляются новые сюжетные линии, где более полно раскрываются взаимоотношения рыцарей круглого стола и появляются темы любви и рыцарского долга и чести. В XV веке Томас Мэлори, английский рыцарь собрал воедино разрозненные легенды о короле Артуре и написал роман "Смерть Артура", изданный в 1485 году. Эта версия романа является классической до сих пор [9]. В настоящее время насчитывается более 140 произведений, посвященных королю Артуру и несколько экранизаций [13].

Персонажи произведений о короле Артуре знакомы читателям с детства: благородный сэр Ланселот, загадочный волшебник Мэрлин, и прекрасная Озерная Дева. Образ озерной девы, или Владычицы озера, предстает перед нами в начале повествования. Король Артур, утратив свой меч, горько сожалеет о потере, и волшебник Мерлин советует правителю отправиться на озеро, чтобы добыть новое оружие. Приехав на место, путники увидели, что из воды торчит рука с мечом: "Посреди озера торчит из воды рука в рукаве богатого белого шелка, а в ней зажат великолепный меч в ножнах" [11]. Меч принадлежал Владычице озера, которая предложила его королю Артуру взамен на то, что тот в свое время выполнит желание Прекрасной Девы. В легенде Владычица озера описывается следующим образом: "Это Владычица Озера, – отвечал Мерлин, – и в запасе у нее изрядно чудес. Живет она в прекраснейшем из дворцов, а расположен тот дворец в глубине озера под высокой скалой" [11]. Образ Владычицы озера присутствует в мифологии древних кельтов. Вода имела огромное значение для древнего народа, поскольку являлась не только символом жизни, но и проходом в потусторонний мир. У каждого источника, по верованиям кельтов, был свой хозяин, которому люди приносили подношения в виде украшений, драгоценных камней и оружия. Дева, представшая перед королем Артуром, отождествляется с кельтским божеством Рианнон, прекрасной богиней, которая стала объектом страсти волшебника Мерлина. Рианнон отличалась удивительной красо-

той и грациозностью и покорила не одно сердце [2]. Неслучайно Владычица озера дарует меч королю Артуру, поскольку в озерах хранилось самое богатое и прекрасное оружие.

Озерная дева является персонажем многих кельтских легенд. Так, в одной из них в прекрасную девушку из озера влюбляется простой пастух. Описание девушки вполне соответствует традиционным представлениям об озерных божествах: "... сидит посреди озера на маленьком островке девушка красоты неописанной, золотые волосы сияют как солнце, и расчесывает она их золотым гребнем" [5, с. 51]. Как мы можем видеть, в различных источниках Озерная дева – это прекрасная девушка, которая очаровывает своей красотой.

В легенде о короле Артуре образ Владычицы озера двойственен: с одной стороны, это прекрасная девушка, которая щедро одарила Артура мечом, а с другой – жестокая и непреклонная правительница, потребовавшая за свой дар головы своих врагов. Под маской благородной владычицы скрывается злая и жестокая волшебница, которая не останавливается ни перед чем, чтобы добиться мести: "...дама эта – злая колдунья, и своими чарами сгубила много славных рыцарей" [11]. Сэр Балин обезглавливает колдунью и тем самым рассеивает злые чары. Образ Владычицы озера переплетается с образом Озерной девы из кельтских преданий, причем в зависимости от переводов и авторов сборников, он трансформируется в разных персонажей. В цикле легенд о короле Артуре возникает еще один персонаж, который именуется Девой Озера – это прекрасная девушка Нинева, в которую без памяти влюбляется Мерлин. В тексте упоминается, что Нинева служила у Владычицы озера, подарившей меч королю Артуру и могла научиться у той колдовству магическим чарам. Образы Владычицы озера и Ниневы переплетаются в различных сказаниях и невозможно сделать вывод, являются они одним персонажем, или перед нами предстают разные действующие лица. Безусловно, Нинева должна была обладать некой магической силой, поскольку она смогла очаровать и пленить такого могущественного волшебника как Мерлин. Волшебник неотступно следует за девушкой по пятам, желая получить ее благосклонность и ради нее отказывается от чародейства. Коварной и хитрой соблазнительнице вскоре наскучил старый волшебник, и она, воспользовавшись страшным заклинанием, которое выведала у Мерлина, замуровала его в пещере [11]. Так или иначе, образы озерных дев неразрывно связаны с колдовством и жестокостью. И Владычица озера, и Нинева являются коварными, холодными и непреклонными красавицами, которые в попытках удовлетворить свои желания, пользуются нечестными и жесткими методами. Сочетание страсти и холодности, любви и жесткости неразрывно связано с образами озерных дев.

Выводы

Авторство легенд о короле Артуре до сих пор не установлено, соответственно, в цикле легенд о бесстрашном правителе причудливым образом переплетаются заимствования из кельтской мифологии, легендарные сюжеты, собранные различными писателями и народные представления о различных персонажах. Озерная дева, как персонаж, может рассматриваться как собирательный образ, заимствованный из народных преданий. Характерные черты, присущие данному образу связаны с темой любви и мести, безрассудством и четкими и коваными планами. Древние сказания перекликаются со средневековыми понятиями о чести и достоинстве из рыцарских кодексов. Так, убив Владычицу озера, сэр Балин навлек на себя гнев короля Артура, поскольку таким образом он нарушил правила гостеприимства. Прекрасная дева, с одной стороны, помогает правителю, а с другой выглядит холодной и жесткой колдуньей. Такой образ может быть связан с народными представлениями о феях, живущих в водных источниках, которые также зачастую олицетворяли удивительную красоту, могущество и коварство.

Список источников

1. Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы: учеб. пособие для студентов педагог. ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1975. 528 с.

2. Васильченко С. Кельтская мифология (энциклопедия). М.: Эксмо, 2002. 640 с.

3. Голодова Е.Ю. Рыцарский кодекс поведения: динамика лингвокультурных ценностей (на материале английского языка): дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2015. 25 с.

4. Горелов М.М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб.: Алетейя, 2007. 176 с.

5. Джек и золотая табакерка: Сказки народов Великобритании и Северной Ирландии / пер. с англ. М. Литвиновой, сост.е. Нестеровой, вступл. А. Налепина. М.: Дет. лит., 1989. 295 с.

6. Комова Т., Шарапкова А. Путь от знатности в англо-саксонский период к благородству и рыцарской доблести в среднеанглийский период. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/put-ot-znatnosti-v-anglo-saksonskiy-period-k-blagorodstvu-i-rytsarskoy-doblesti-v-sredneangliyskiy-period/viewer (дата обращения: 11.10.2025).

7. Метлицкая З.Ю. Англосаксонская Англия и Нормандское завоевание. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/anglosaksonskaya-angliya-i-normandskoe-zavoevanie/viewer (дата обращения: 11.10.2025).

8. Новикова В.Ю. Образ короля Артура в Средневековых летописях: историко-культурный анализ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-korolya-artura-v-srednevekovyh-letopisyah-istoriko-kulturnyy-analiz/viewer (дата обращения: 11.10.2025).

9. Попова М.К. Легенда о короле Артуре в культуре елизаветинской Англии. URL: https://svr-lit.ru/svr-lit/articles/english/popova-legenda-o-korole-arture.htm (дата обращения: 12.10.2025).

10. Портал Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/knight-service (дата обращения: 11.10.2025).

11. Стейнбек Дж. Легенды о короле Артуре и рыцарях круглого стола. URL: https://1.librebook.me/the_acts_of_king_arthur_and_his_noble_knights/vol1/1 (дата обращения: 18.10.2025).

12. Шаруда А.А. К вопросу о нормандском завоевании Англии и его последствиях. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-normandskom-zavoevanii-anglii-i-ego-posledstviyah/viewer (дата обращения: 11.10.2025).

13. Ширяева Ж.Л. Легенда о короле Артуре в англоязычной литературе XX века. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/legenda-o-korole-arture-v-angloyazychnoy-literature-hh-veka/viewer (дата обращения: 12.10.2025).

References

1. Anikin G.V., Mikhal'skaya N.P. History of English Literature: a textbook for students of pedagogical institutes and faculties of foreign languages. Moscow: Vysshaya shkola, 1975. 528 p.

2. Vasilchenko S. Celtic Mythology (Encyclopedia). Moscow: Eksmo, 2002. 640 p.

3. Golodova E.Yu. Chivalrous Code of Conduct: the Dynamics of Linguocultural Values (based on the English language): Cand. Sci. (Philology): 10.02.19. Volgograd, 2015. 25 p.

4. Gorelov M.M. Danish and Norman Conquests of England in the 11th Century. St. Petersburg: Aleteya, 2007. 176 p.

5. Jack and the Golden Snuffbox: Fairy Tales of the Peoples of Great Britain and Northern Ireland. Translated from English by M. Litvinova, compiled by E. Nesterova, introduction by A. Nalepina. Moscow: Children's Literature, 1989. 295 p.

6. Komova T., Sharapkova A. The Path from Nobility in the Anglo-Saxon Period to Nobility and Knightly Valor in the Middle English Period. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/put-ot-znatnosti-v-anglo-saksonskiy-period-k-blagorodstvu-i-rytsarskoy-doblesti-v-sredneangliyskiy-period/viewer (date of accessed: 11.10.2025).

7. Metlitskaya Z.Yu. Anglo-Saxon England and the Norman Conquest. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/anglosaksonskaya-angliya-i-normandskoe-zavoevanie/viewer (date of accessed: 11.10.2025).

8. Novikova V.Yu. The Image of King Arthur in Medieval Chronicles: A Historical and Cultural Analysis. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-korolya-artura-v-srednevekovyh-letopisyah-istoriko-kulturnyy-analiz/viewer (date of accessed: 11.10.2025).

9. Popova M.K. The Legend of King Arthur in the Culture of Elizabethan England. URL: https://svr-lit.ru/svr-lit/articles/english/popova-legenda-o-korole-arture.htm (date of accessed: 12.10.2025).

10. Britannica Portal. URL: https://www.britannica.com/topic/knight-service (date of accessed: 11.10.2025).

11. Steinbeck J. The Legends of King Arthur and the Knights of the Round Table. URL: https://1.librebook.me/the_acts_of_king_arthur_and_his_noble_knights/vol1/1 (date of accessed: 18.10.2025).

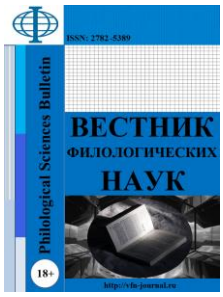
12. Sharuda A.A. On the Question of the Norman Conquest of England and its Consequences. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-normandskom-zavoevanii-anglii-i-ego-posledstviyah/viewer (date of accessed: 11.10.2025).

13. Shiryaeva Zh.L. The Legend of King Arthur in English-Language Literature of the 20th Century. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/legenda-o-korole-arture-v-angloyazychnoy-literature-hh-veka/viewer (date of accessed: 12.10.2025).

Информация об авторах

Павлова М.Н., *старший преподаватель, кафедра иностранных языков, ФГАОУ ВО "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", komo4ek87@mail.ru*

© Павлова М.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81.1

[1] Родионова Ю.А. ***[1] Государственный университет просвещения***

Особенности адаптации англоязычных терминов сферы образования

Аннотация: *целью статьи является анализ фонетической структуры русского и английского языков, рассмотрение фонетических и лексических особенностей терминов сферы образования, способов фонетической и лексической адаптации иностранных слов в русском языке, уточнение лингвистических и экстралингвистических причин заимствований.*

Основное содержание работы посвящено описанию результатов фонетического и лексического исследования терминологической лексики сферы образования, которые были получены с помощью методов обобщения и прогнозирования. Автором были выделены структурно-семантические особенности заимствованных лексем и с помощью социолингвистических методов проанализированы наиболее употребляемые из них, установлена связь между частотностью употребления заимствованного слова и его фонетическим обликом.

По итогам проведенного исследования был сделан вывод о наиболее частых способах фонетической и лексической адаптации заимствованных слов, терминов области образования в русском языке и уточнены причины включения иноязычных элементов в русскую речь.

В статье обобщён материал по исследуемой теме, предложен фонетический и лексический анализ некоторых новейших заимствований в сфере образования, уточнены причины появления иностранных слов в деловой речи сферы образования.

Ключевые слова: *англицизмы, лексическая адаптация, лексикология, фонема, фонетика, фонетическая адаптация, фонетическая аналогия*

Для цитирования: Родионова Ю.А. Особенности адаптации англоязычных терминов сферы образования // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 61 – 72.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Rodionova Yu.A. ***[1] Federal State University of Education***

Features of adaptation of English-language terms in the field of education

Abstract: *the purpose of the article is to analyze the phonetic structure of the Russian and English languages, to consider the phonetic and lexical features of terms in the field of education, methods of phonetic and lexical adaptation of foreign words in the Russian language, and to clarify the linguistic and extralinguistic reasons for borrowings.*

The main content of the work is devoted to the description of the results of the phonetic and lexical study of the terminological vocabulary of the education sphere, which were obtained using the methods of generalization and forecasting. The authors identified the structural and semantic features of borrowed lexemes and, using sociolinguistic methods, analyzed the most commonly used of them, established a connection between the frequency of use of a borrowed word and its phonetic appearance.

Based on the results of the study, a conclusion was made about the most common methods of phonetic and lexical adaptation of borrowed words and terms in the field of education in the Russian language, and the reasons for the inclusion of foreign language elements in Russian speech were clarified.

The article summarizes the material on the topic under study, offers a phonetic and lexical analysis of some of the latest borrowings in the field of education, and clarifies the reasons for the appearance of foreign words in business speech in the field of education.

Keywords: *anglicisms, lexical adaptation, lexicology, phoneme, phonetics, phonetic adaptation, phonetic analogy*

For citation: Rodionova Yu.A. Features of adaptation of English-language terms in the field of education. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 61 – 72.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

В современном мире активное взаимодействие культуры и экономики способствует интенсивному обмену не только товарными и финансовыми потоками, но и языковыми элементами. Особенно заметно это влияние в деловой среде, где английский язык давно уже утвердился как глобальный язык коммуникации. Русский деловой язык, с его традициями и нормами, не остаётся в стороне от этих процессов, активно включая в свой лексикон заимствования из английского языка.

В настоящее время границы стираются под влиянием глобализации, английский язык утвердился в качестве международного языка. Это обуславливает активный процесс заимствования английских слов и выражений во многие языки, включая русский. В связи с популяризацией употребления английских заимствований в речи, всё чаще можно увидеть англицизмы и в педагогической среде. Эта тенденция вызвала интерес к анализу лингвистических процессов адаптации заимствованных слов в русском языке.

Задача данного исследования состоит в анализе фонетической структуры двух языков, в рассмотрении особенностей заимствованных терминов сферы образования и способов их адаптации, а также в уточнении лингвистических и экстралингвистических причин заимствования.

По данной проблеме были проанализированы работы В.Д. Аракина, А.И. Дьякова, Л.А. Камаловой, Л.А. Козловой, Л.П. Крысина. Одновременно учитываются подходы основных научных школ к описанию фонологической системы: Санкт-Петербургской (Ленинградской) школы (Л.В. Щерба), Московской школы (А.А. Реформатский, М.В. Панов, Л.Л. Касаткин), а также идеи Пражского лингвистического кружка (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон). Это позволяет интерпретировать адаптационные процессы с позиции фонологических оппозиций, аллофонии и функциональной нагрузки.

Описываемое исследование терминологической лексики сферы образования было проведено на основе структурно-семантического, фонетического анализа выбранных слов, сопоставления фонетического облика слов двух языков, обобщения данных и прогнозирования. В частотной части работы использованы социолингвистические процедуры и данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Материалы и методы исследований

Англицизмами принято называть единицы любого языкового уровня, перенесённые в русский язык, которые прошли определенную графическую трансформацию или остались в своем оригинальном облике [2, с. 15]. Таким образом, в наш язык входит новая единица, которая может иметь аналог в русском языке, и наряду с этим появляется новое понятие, расширяющее или сужающее семантику того слова, которое уже было в русском языке.

Можно согласиться с мнением Л.П. Крысина, который считал, что основной причиной заимствования иноязычных слов является необходимость в наименовании вещей и понятий. Учёный выделял следующие лингвистические причины:

1) потребность в наименовании новой вещи, нового явления;

2) необходимость разграничить содержательно близкие, но всё же различающиеся понятия;

3) необходимость специализации понятий;

4) обозначение цельного, не расчленённого на отдельные составляющие, объекта, одним словом.

К экстралингвистическим, социально-психологическим причинам заимствования относится коммуникативная актуальность обозначаемого понятия, когда иноязычное слово воспринимается всем коллективом говорящих как более престижное, «учёное», «красиво звучащее», и т.п.

Е.В. Клементьева выделяет наиболее распространённые способы английских заимствований:

1) прямые заимствования: лексемы, имеющие идентичную форму и значение;

2) гибриды: слова, образованные присоединением к иностранному корню русских аффиксов и флексий;

3) калькирование: слова или словосочетания, сохранившие фонетический и графический облик заимствования;

4) экзотизмы: заимствования, имеющие отражение специфических черт иной культуры, не имеющие аналогов в русском языке;

5) композиты: слова, включающие в себя два английских слова;

6) профессионализмы: заимствования, употребляющиеся в разных сферах деятельности человека [4, с. 260].

При заимствовании слов из английского языка в русский язык применяют:

1) транскрипцию – этот способ передает звучание иноязычного элемента;

2) транслитерацию – побуквенная передача слов, то есть передача слов с одного языка буквами другого языка;

3) калькирование – это буквальный перевод иноязычного слова или выражения, точное воспроизведение с сохранением морфологической структуры слова;

4) полукалькирование – слова представляют собой выражения, которые состоят частично из элементов исходного языка, частично из элементов принимающего языка [10, с. 1086].

Результаты и обсуждения

В процессе заимствования языковой единицы происходит адаптация её в принимающий язык. Одним из способов адаптации англицизмов к русскому языку является фонетическое приспособление, при котором заимствованные единицы приобретают новый буквенный или фонемный состав [3, с. 162]. Важно отметить, что чем ближе степень родственности взаимодействующих языков, тем проще будет происходить процесс адаптации [4, с. 17]. Английский язык относится к германской группе индоевропейской языковой семьи, русский язык – к славянской группе индоевропейской семьи. Фонетико-графическая структура этих языков существенно различается.

Фонема – кратчайшее общее фонетическое представление, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова. Вместе с этим, фонема – основная единица фонетического уровня языка, которая представляет собой мельчайшую языковую единицу, выполняющую образующую, отождествляющую и смыслоразличительную функции.

В английском языке 26 букв и 44 звука. 20 гласных фонем состоят из 12 монофтонгов [i, e, æ, ɪ, ɜ:, ə, ɒ, ɔ:, u:, ɑ:, ʌ, ʊ] и 8 дифтонгов [aɪ, aʊ, eɪ, oʊ, ɔɪ, eə, ɪə, ʊə] [8, с. 34]. Важно отметить, что для монофтонгов особая роль отводится признаку ряда и подъёма. Всего рядов в английском языке 5. К признакам ряда можно отнести гласные: переднего ряда ([i], [e], [æ]); среднего отодвинутого ряда ([ɪ]); среднего ряда ([ɜ:], [ə]); заднего ряда ([ɒ], [ɔ:], [u:]); заднего продвинутого ряда ([ɑ:], [ʌ], [ʊ]). Также по этому признаку существует 6 оппозиций: [i:-u:], [ɪ-ʊ], [e-ɜ:], [æ-ɑ:], [ɑ:-ɒ], [ʌ-ɔ:]. Подъёмов тоже 5. К признакам подъёма можно отнести гласные: верхнего подъёма узкие ([i:], [u:]); верхнего подъёма широкие ([ɪ], [ʊ]); среднего подъёма узкие ([e], [ɜ:]); среднего подъёма широкие ([ə]); нижнего подъёма узкие ([ʌ], [ɔ:]); нижнего подъёма широкие ([æ], [ɑ:], [ɒ]). По этому признаку существует 4 оппозиции в пределах одного подъёма: [i:-ɪ], [u:-ʊ], [ɜ:-ə], [ɔ:-ɒ] и 7 оппозиций в пределах разных подъёмов: [i:-æ], [i:-e], [ʊ-ɑ:], [u:-ɒ], [ʊ-ʌ], [ɪ-e], [u:-ɔ:]. 24 согласных фонемы представлены в следующем виде: [p, t, k, b, d, g, f, θ, s, ʃ; w, v, ð, z, ʒ, h, tʃ, dʒ, m, n, r, l, j, ŋ]. Различия заключены и качественном контексте как, например, ряд, подъём, лабиализация. Подсистема согласных достаточно разнообразна. Можно выделить взрывные [p, t, k, b, d, g], щелевые [f, θ, s, ʃ; w, v, ð, z, ʒ, h], аффрикаты [tʃ, dʒ] и сонорные [m, n, r, l, j, ŋ]. Также по степени звонкости-глухости можно определить 6 пар: [p-b], [t-d], [k-g], [f-v], [s-z], [tʃ-dʒ].

В русском языке всего 33 буквы, которыми обозначается 41 звук. Для обозначения 6 гласных фонем [а, о, и, ы, у, э] используется 10 букв: а, у, о, е, и, я, ю, ё, э, ы. 21 буква: б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ обозначают 35 согласных фонем [п, п’, т, т’, к, к’, б, б’, д, д’, г, г’, ф, ф’, с, с’, х, х’, в, в’, з, з’, м, м’, н, н’, р, р’, л, л’, ш, ж, ч, ц, й] [7, с. 89]. Кроме этого, в русском языке буквы ь и ъ не имеют звуков. В русском языке 6 гласных фонем, но по признакам ряда и подъёма подгруппы отсутствуют. Дифтонги в русском языке также отсутствуют. Так, по признакам ряда русские гласные можно разделить на гласные переднего ряда [и, э], среднего [ы] и заднего [а, о, у]. По признаку подъёма русские гласные можно разделить на гласные верхнего подъёма [и, ы, у], среднего [э, о] и нижнего [а]. Здесь можем выделить 4 оппозиции: [и-у], [ы-у], [э-о], [и-ы]. Что касается оппозиций в пределах одного подъёма, то в русском языке они отсутствуют, однако существует 6 оппозиций в пределах разных подъёмов: [и-э], [э-а], [у-а], [у-о], [о-а], [у-э]. Подсистема согласных в русском не менее разнообразна, чем в английском языке. Наряду со взрывными [п, п’, т, т’, к, к’; б, б’, д, д’, г, г’], щелевыми [ф, ф’, с, с’, ш, х, х’, в, в’, з, з’, ж], аффрикатами [ч, ц] и сонорны-

ми [м, м’, н, н’, р, р’, л, л’, й], существуют долгие [ж’:, ш’:]. И здесь мы видим 9 коррелирующих пар по звонкости-глухости: [п-б], [п’-б’], [т -д], [т’-д’], [к-г], [ф-в], [с-з], [с’-з’], [х-к].

Важно отметить, в русском языке существует корреляция по палатальности согласных, где выделено 10 пар: [б-б’], [п-п’], [в-в’], [ф-ф’], [м-м’], [т-т’], [н-н’], [с-с’], [з-з’] [л-л’], [р-р’]. Кроме этого, в английском языке, в отличие от русского отсутствует оппозиция по мягкости-твёрдости.

Ещё одним существенным фонетическим различием в двух языках является артикуляция. В английском языке существует 6 групп по месту артикуляции: альвеолярные [t, d, n, l, s, z], межзубные (интерденталь-ные) [θ, ð], лабиальные [p, b, m] и один билабиальный [w], среднеязычный [j], заднеязычные [k, g, ŋ] и гортанный [h]. В русском языке нет интерденталь-ных, билабиальных и гортанных звуков, а вместо альвеолярных – зубные [т, т', д, д, с, с, з, ц, н, н', л]. Таким образом, согласные английского языка можно условно разделить на 3 группы по способу артикуляции:

– звуки, близкие по артикуляции к звукам русского языка [p, b, s, z, g];

– звуки, которые кажутся похожими на звуки русского языка [t, d, n];

– звуки, не имеющие артикуляционных и акустических аналогов в русском языке [θ, ð, w, ŋ, h].

Последняя группа согласных представляет для нашей работы особый интерес. Чтобы понять, каким способом английские заимствования, в которых содержатся эти фонемы адаптировались нашем языке, мы отобрали 25 англицизмов, часто использующихся в сфере образования и провели фонетический сравнительный анализ (таблица 1).

Таблица 1

Способы фонетической адаптации английских звуков [θ, ð, w, ŋ, h] в русском языке.

Table 1

Methods of phonetic adaptation of English sounds [θ, ð, w, ŋ, h] in Russian.

Английское написание	**Транскрипция**	**Русское написание**	**Транскрипция**
authorization	[ˌɔːθəraɪˈzeɪʃn]	авторизация	[лфтър’иза́цыjь]
art therapy	[ˌɑːt ˈθerəpi]	арт-терапия	[а́р$^{\overline{Т}}$,ьръп’и́jь]
budding	[ˈbʌdɪŋ]	баддинг	[ба́$^{\overline{Д}}$,инк]
banding	[ˈbændɪŋ]	бендинг	[бэ́нд’инк]
bilingualism	[baɪˈlɪŋgwəlɪzəm]	билингвизм	[б’ил’ингв’и́зм]
brainstorming	[ˈbreɪnstɔːmɪŋ]	брейншторминг	[бръйнштóрм’инк]
briefing	[ˈbriːfɪŋ]	брифинг	[бри́ф’инк]
bookcrossing	[ˈbʊkkrɒsɪŋ]	буккроссинг	[бу$^{\overline{К}}$рóс’инк]
bullying	[ˈbʊlɪŋ]	буллинг	[бу́$^{\overline{Л}}$,инк]
webinar	[ˈwebɪnɑː(r)]	вебинар	[в’ьб’ина́р]
video training	[ˈvɪdiəʊ ˈtreɪnɪŋ]	видеотренинг	[в’ид’ьлтрэ́н’инк]
workout	[ˈwɜːkaʊt]	воркаут	[влркáут]
coaching	[ˈkəʊtʃɪŋ]	коучинг	[кóучинк]
marathon	[ˈmærəθən]	марафон	[мърлфóн]
method	[ˈmeθəd]	метод	[м’э́тът]
monitoring	[ˈmɒnɪtərɪŋ]	мониторинг	[мън’итóр’инк]
networking	[ˈnetwɜːkɪŋ]	нетворкинг	[нътвóрк’инк]
press wall	[pres wɔːl]	пресс-волл	[пр’эсвóл]
prolongation	[ˌprəʊlɒŋˈgeɪʃn]	пролонгация	[пръллнга́цыjь]
recruiting	[rɪˈkruːtɪŋ]	рекрутинг	[р’$^{\text{и}^{\text{э}}}$кру́т’инк]
SWOT analysis	[ˈswɒt ənæləsɪs]	свот-анализ	[свóт лна́л’ис]
stakeholder	[ˈsteɪkhəʊldə(r)]	стейкхолдер	[стъjкхóлдър]
hackathon	[ˈhækəθɒn]	хакатон	[хъклтóн]
handout	[ˈhændaʊt]	хэндаут	[хэндáут]
hashtag	[ˈhæʃtæg]	хэштэг	[хэштэ́к]

В каждом языке существует связь между фонетикой и орфографией. Эта связь определяется системой правописания языка, которая основана на одном из трёх основных принципов:

Принцип фонетической транскрипции – буква полностью отображает произношение слова.

Лексический принцип – буквы отражают только часть произношения слова (русский язык).

Исторический принцип – написание слова объясняется исторической традицией и несовместимо с произношением (английский язык) [2, с. 28].

Ввиду принципиального отличия правописания английского языка и русского, сопутствующими трудностями станут и фонетические процессы. Фонетическая адаптация – это процесс, при котором звуки в заимствованном слове изменяются, чтобы соответствовать звукам в принимающем языке [1, с. 90].

Опираясь на русскую транскрипцию англицизмов, мы видим, что согласный звук [θ] в русском языке может звучать как [т, ф, фт], звук [ŋ] чаще всего звучит как [н, нк], английский [w] в русском звучит как [в], а [h] мы произносим как [х]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что, не имея фонетических аналогов, принимающий язык подбирает наиболее схожие по звучанию фонемы, что помогает заимствованному слову лучше адаптироваться.

Лексическая адаптация терминов сферы образования.

Рассмотрим вышеперечисленные англицизмы с точки зрения из значения в русском и английском языках (таблица 2).

Таблица 2

Лексическое значение заимствованных слов в английском и русском языке.

Table 2

The lexical meaning of loanwords in English and Russian.

Английское слово	**Значение**	**Русское слово**	**Значение**
authorization	Официальное разрешение или полномочия на что-либо; акт дачи разрешения. Документ, который даёт кому-то официальное разрешение на какие-либо действия	авторизация	Предоставление определённых полномочий на выполнение некоторых действий, например, в системе обработки данных
art therapy	Вид психотерапии, в ходе которого вам предлагается выразить себя с помощью художественных материалов	арт-терапия	Вид психотерапии и психологической коррекции, основанный на искусстве (обычно изобразительном) и творчестве с целью воздействия на психоэмоциональное состояние пациента, достижение гармонизации развития личности через развитие способности самовыражения и самопознания
budding	Начинающий развиваться или добивающийся успеха	баддинг	1. Метод обучения, основанный на предоставлении друг другу информации и (или) установлении объективной и честной обратной связи. Баддинг подразумевает поддержку в достижении целей, а также приобретении новых навыков. 2. Помощь, руководство и защита одного человека другим
banding	Политика разделения школьников на группы одинакового уровня	бендинг	Распределение школьников на три группы (полосы) по способностям (для последующего формирования классов из учащихся разного уровня; производится в последнем классе начальной школы)

Продолжение таблицы 2
Continuation of table 2

bilingualism	Способность одинаково хорошо говорить на двух языках	билингвизм	Владение двумя языками
brainstorming	Способ заставить группу людей задуматься о чём-то одновременно, часто для того, чтобы решить проблему или создать хорошие идеи	брейншторминг	Коллективное обсуждение проблемы при полной свободе выдвижения проектов решения (в том числе иррациональных), как способ поиска и принятия оптимальных решений
briefing	Подробные инструкции или информация, которые даются людям на собрании, созванном для того, чтобы дать эти инструкции	брифинг	Краткое, информационное совещание
bookcrossing	Практика оставлять книгу в общественном месте, чтобы другой человек мог найти её, прочитать, а затем оставить там, где её найдет кто-то другой	буккроссинг	Общественное движение, идея которого состоит в том, что если ты прочитал очень хорошую книгу, то оставь её на видном месте, чтобы кто-нибудь ещё взял её и прочитал
bullying	Использование силы или могущества для того, чтобы напугать или причинить боль более слабым людям	буллинг	Агрессивное поведение, выражающееся в злонамеренном преследовании, жестокости, попытках оскорбления и унижения человека, подрыве его репутации и т.п.
webinar	Презентация или семинар (встреча для обсуждения или тренинга), проводимые через Интернет	вебинар	Онлайн-семинар; разновидность веб-конференции, проведение онлайн-встреч или презентаций через Интернет в режиме реального времени
video training	Обучающие видеокурсы	видеотренинг	Метод практического обучения, элемент деловых игр. Позволяет имитировать ситуацию деловой встречи, во время которой учащиеся учебной группы поочерёдно выступают, например, в роли руководителя и подчинённого, деловых партнёров. Их действия записываются на видео, а затем просматриваются и обсуждаются
workout	Период физических упражнений, которые выполняются, чтобы поддерживать себя в форме	воркаут	Вид неформального спорта с идеологическим подтекстом; уличная гимнастика, тренировки на силу и выносливость с использованием всех атрибутов улицы: дворовых турникетов, архитектуры и т.п.

Продолжение таблицы 2
Continuation of table 2

coaching	1. Процесс обучения кого-либо занятиям спортом, лучшему выполнению работы или совершенствованию какого-либо навыка. 2. Процесс дополнительного обучения студента определённому предмету	коучинг	Наставничество, система внешнего содействия тому, чтобы работник осознавал, что, зачем и как он делает и на базе этого повышал производительность. Термин, обычно используемый в области бизнеса, управления, построения жизни или карьеры. Коучинг является обучающим процессом
marathon	Что-либо, что длится долго и требует больших усилий, концентрации и т.д.	марафон	Длительные соревнования, обычно состоящие из нескольких ступеней.
monitoring	1. Наблюдение и проверка чего-либо в течение определённого периода времени, чтобы увидеть, как это развивается, чтобы можно было внести любые необходимые изменения. 2. Использование технологии для наблюдения за кем-либо / чем-либо, особенно по соображениям безопасности. 3. Прослушивание телефонных звонков, зарубежных радиопередач и т.д., чтобы узнать информацию, которая может оказаться полезной	мониторинг	Систематическое наблюдение за каким-нибудь процессом с целью фиксировать соответствие (или несоответствие) результатов этого процесса первоначальным предположениям
networking	Система попыток встретиться и поговорить с другими людьми, которые могут быть полезны вам в вашей работе	нетворкинг	Процесс поиска, налаживания и последующее поддержание контактов с опытными людьми, профессионалами своего дела для налаживания контактов для карьерного роста
press wall	Фон, используемый на мероприятиях, особенно со значительным присутствием средств массовой информации, обычно представляющий бренды, логотипы и спонсоров	пресс-волл	Мобильный рекламный стенд с каркасом из алюминия, предназначенный для фотографирования, оформления пространства на конференциях, форумах
prolongation	Действие, направленное на то, чтобы что-то прослужило дольше	пролонгация	Продление срока действия договора, соглашения, векселя, займа и т.д.

Продолжение таблицы 2
Continuation of table 2

recruiting	1. Поиск новых людей для работы в компании, организации, вооруженных силах и т.д. 2. Найм кого-нибудь, чтобы он что-то сделал, чтобы убедить кого-то что-то сделать, особенно чтобы помочь вам. 3. Набор людей для формирования новой армии, команды и т.д., убеждая новых людей присоединиться к ней	рекрутинг	Услуги по подбору и оценке кадров
SWOT analysis	Исследование, проводимое организацией с целью выявления ее сильных и слабых сторон, а также того, с какими проблемами или возможностями ей следует бороться. SWOT состоит из начальных букв слов "сильные стороны", "слабые стороны', 'возможности' и 'угрозы'	свот-анализ	Система структурирования и последующего анализа информации о событии, ситуации и т. п., базирующаяся на следующих критериях: достоинства, недостатки, возможности, угрозы или риски. Используется для составления бизнес-планов и на предварительных стадиях принятия решений
stakeholder	1. Человек или компания, которые вовлечены в определённую организацию, проект, систему и т.д., особенно потому, что они вложили в это деньги. 2. Лицо, которому принадлежат все ставки, сделанные на игру или гонку, и которое выплачивает деньги победителю	стейкхолдер	Группа, организация или индивид, на которые влияет компания и от которых она зависит. Группа людей или организаций, чей вклад (работа, капитал, ресурсы, покупательная способность, распространение мнения о компании и т.п.) является основой успеха организации
hackathon	Мероприятие, на котором большое количество людей совместно работают над разработкой компьютерных программ, обычно в течение нескольких дней	хакатон	Форум, командное мероприятие для разработчиков программного обеспечения, во время которого специалисты из разных областей сообща работают над решением какой-либо проблемы. Обычно хакатоны длятся от одного дня до недели

Продолжение таблицы 2
Continuation of table 2

handout	1. Бесплатный документ, содержащий информацию о событии или вопросе, представляющем общественный интерес, или излагающий взгляды политической партии и т.д. 2. Деньги, которые выделяются лицу или организации правительством и т.д., например, для поощрения коммерческой деятельности. 3. Еда, деньги или одежда, которые даются бедному человеку. 4. Документ, который выдаётся учащимся на уроке или людям, присутствующим на выступлении, и т.д. и который содержит краткое изложение урока / выступления, набор упражнений и т.д.	хэндаут	Информационный или учебный материал, раздаваемый всем учащимся перед семинаром; учебная разработка
hashtag	Слово или фраза с символом "#" перед ним, используемые на сайтах социальных сетей и в приложениях для поиска контента на ту же тему	хэштэг	Слово или фраза, которым предшествует символ # (решётка), позволяющий объединить группу сообщений по теме или типу. Слово с решёткой # после публикации представляется в виде ссылки. Найдя необходимый хэштэг, пользователь получает набор сообщений, которые его содержат

Исходя из содержания таблицы, можно сказать, что, заимствованные слова в русском языке имеют меньше вариантов значений [9, с. 54]. Например, слова авторизация, коучинг, метод, мониторинг, рекрутинг, стейкхолдер, хэндаут имеют больше одного значения в языке-доноре, являясь полисемантичными, против одного, моносемантичного, в языке-реципиенте, за исключением слова баддинг, которое в словаре англицизмов русского языка представлено двумя толкованиями. Таким образом, мы видим, что происходит сужение значения заимствованной лексики, обобщая несколько аутентичных толкований в одно более широкое, либо, напротив, раскрывая только одно из нескольких, ввиду употребления данного слова в русском языке только в определённой сфере, например, слово стейкхолдер употребляется, в основном, в управленческой среде.

Кроме этого, представляется интересным, насколько сильно адаптировались представленные нами англицизмы в текстах русского языка. Частота использования того или иного заимствования коррелируется с частотой его использования в разных социолингвистических вариантах языка. Для этого мы обратились к Национальному корпусу русского языка (табл. 3).

Проанализировав таблицу частотности заимствованных слов, можно заметить, что слова с большим индексом употребления (авторизация, брифинг, коучинг, марафон, метод, мониторинг, пролонгация), используются и в разных сферах деятельности человека, они становятся привычными для носителей русского языка. Термины с нулевой частотностью использования (баддинг, бендинг, брейншторминг, воркаут, нетворкинг, пресс-волл, свот-анализ, хэндаут) обозначают новые явления, до недавнего времени не существующие в социальной среде сферы образования. Коммуникативная актуальность этих слов равна нулю, так как эти слова воспринимаются как книжные, в повседневной речи работников образования они не встречаются, а в методической литературе, например, вместо термина брейншторминг употребляется прямой перевод: мозговой штурм.

Слова арт-терапия, билингвизм, буккроссинг, буллинг, вебинар, видеотренинг, рекрутинг, стейкхолдер, хэштэг, которые по данным источника используются достаточно редко, применяются в основном в определённом узком профессиональном сегменте ввиду необходимости специализации понятий. Так, например, термины рекрутинг и пролонгация используются в сфере менеджмента, в частности, менеджмента в образовании.

Таблица 3

Частота употребления английских заимствований в русском языке.

Table 3

The frequency of use of English borrowings in the Russian language.

Англицизм	Частота использования
авторизация	84
арт-терапия	20
баддинг	0
бендинг	0
билингвизм	15
брейншторминг	0
брифинг	250
буккроссинг	6
буллинг	13
вебинар	23
видеотренинг	1
воркаут	0
коучинг	118
марафон	526
метод	41076
мониторинг	2390
нетворкинг	0
пресс-волл	0
пролонгация	118
рекрутинг	18
свот-анализ	0
стейкхолдер	16
хакатон	13
хэндаут	0
хэштэг	12

Для исследования особенностей английских заимствований в деловой речи сферы образования применялись следующие методы: наблюдение, дискурс-анализ, изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу, анализ современных словарей, анализ способов проникновения англицизмов в профессиональную разговорную речь сферы образования.

Таким образом, существует несколько способов фонетической адаптации заимствованных слов в русском языке. Легко приспосабливаются к русскому произношению иноязычные звуки, если они близки по артикуляции к звукам русского языка. Чаще всего работает закон фонетической аналогии, если иностранные звуки кажутся похожими на русские. В том случае, если в языке нет фонетических аналогов, принимающий язык подбирает наиболее схожие по звучанию фонемы, что помогает заимствованному слову лучше адаптироваться.

Вместе с этим, большая часть заимствованных слов сферы образования претерпевает изменение значения в сторону его сужения, как правило, обобщается несколько аутентичных толкований в одно более широкое, либо, напротив, раскрывается только одно из нескольких значений, так как слово употребляется в русском языке только в определённой сфере. Интересным является тот факт, что частота использования того или иного заимствования коррелируется с частотой его использования в разных социолингвистических вариантах языка.

Выводы

В результате проведённого автором исследования можно сделать вывод о том, что легко приспосабливаются к русскому произношению те слова, в которых иноязычные звуки близки по артикуляции к звукам русского языка. Многие примеры из приведённого исследования подтверждают работу закона фонетической аналогии, когда похожесть звуков способствует быстрому приятию иностранного слова русским языком. В том случае, если в языке нет фонетических аналогов, принимающий язык подбирает наиболее схожие по звучанию фонемы, что помогает заимствованному слову лучше адаптироваться. Большая часть представленных в исследовании заимствованных слов сферы образования употребляется в русском языке только в одном терминологическом значении научной или официально-деловой сферы речи.

Практическая значимость исследования заключается в том, что автором был обобщён материал по исследуемой теме, предложен фонетический и лексический анализ некоторых новейших заимствований в сфере образования, уточнены причины появления иностранных слов в деловой речи сферы образования.

Список источников

1. Абдулхаева Б.Х. Фонетические процессы развития в современном русском языке // Journal of new century innovations. 2023. Т. 41. № 1. С. 89 – 92.

2. Алиева М.А. Основы фонетики в английском и русском языках // Universum: филология и искусствоведение. 2021. № 7 (85). С. 28 – 30.

3. Гальченко С.И., Маслова А.В., Воронова Е.А. Пути и способы проникновении английской заимствованной лексики в русский язык // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества. 2021. С. 159 – 163.

4. Дьяков А.И. Графическая ассимиляция англицизмов в русском языке // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 12 – 21.

5. Клементьева Е.В. Адаптация иноязычных заимствований в русском языке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5. С. 260 – 263.

6. Нагель О.В., Волкова М.В. Семантические сдвиги лексических заимствований в русском языке и прагматика их употребления // Язык и культура. 2023. № 64. С. 8 – 27.

7. Наумова Д.А. Роль фонетики английского языка в формировании навыков межкультурной коммуникации // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2020. № 3. С. 88 – 98.

8. Попова С.В., Карандеева Л.Г. Особенности обучения фонетике английского языка на основе аутентичных видеоматериалов // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы. 2021. С. 33 – 35.

9. Сулак С. Проблемы заимствования в лексике и специфика терминологического заимствования // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в контексте современных подходов. 2023. С. 49 – 153.

10. Хонимкулова Ф.Р. Англицизмы в современном русском языке // Academic research in educational sciences. 2021. Т. 2. № 5. С. 1086 – 1093.

References

1. Abdulkhaeva B.Kh. Phonetic processes of development in the modern Russian language. Journal of new century innovations. 2023. Vol. 41. No. 1. P. 89 – 92.

2. Alieva M.A. Fundamentals of phonetics in the English and Russian languages. Universum: philology and art-science. 2021. No. 7 (85). P. 28 – 30.

3. Galchenko S.I., Maslova A.V., Voronova E.A. Ways and means of penetration of English borrowed vocabulary into the Russian language. The future is ours: a view of young scientists on the innovative development of society. 2021. P. 159 – 163.

4. Dyakov A.I. Graphic assimilation of Anglicisms in the Russian language. Theory of language and intercultural communication. 2012. No. 2. P. 12 – 21.

5. Klementyeva E.V. Adaptation of Foreign-Language Borrowings in Russian. Historical and Social-Educational Thought. 2014. No. 5. P. 260 – 263.

6. Nagel O.V., Volkova M.V. Semantic Shifts of Lexical Borrowings in Russian and the Pragmatics of Their Use. Language and Culture. 2023. No. 64. P. 8 – 27.

7. Naumova D.A. The Role of English Phonetics in Developing Intercultural Communication Skills. ASOU Conference: Collection of Scientific Papers and Materials of Scientific and Practical Conferences. 2020. No. 3. P. 88 – 98.

8. Popova S.V., Karandeeva L.G. Features of Teaching English Phonetics Based on Authentic Video Materials. Teaching Foreign Languages in a Multicultural World: Traditions, Innovations, Prospects. 2021. P. 33 – 35.

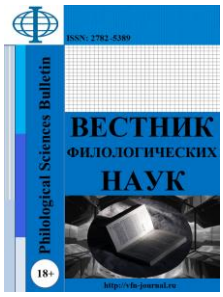
9. Sulak S. Problems of Borrowing in Lexicon and Specifics of Terminological Borrowing. Actual Problems of Linguistics and Lingvodidactics in the Context of Modern Approaches. 2023. P. 49 – 153.

10. Khonimkulova F.R. Anglicisms in the Modern Russian Language. Academic Research in Educational Sciences. 2021. Vol. 2. No. 5. P. 1086 – 1093.

Информация об авторах

Родионова Ю.А., *кафедра славистики, общего языкознания и культуры коммуникации, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», iua.zakharova@stud.mgou.ru*

© Родионова Ю.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’42

[1] Стренева Н.В. ***[1] Оренбургский государственный университет***

Скриптологическое пространство как семиотическая система: функционально-семантический анализ граффити

Аннотация: *данное исследование посвящено комплексному анализу функционально-семантического наполнения граффити в рамках скриптологического пространства – ограниченной поверхности (учебные парты), используемой для спонтанных надписей. Цель работы – выявить и системно описать закономерности и связи между локализацией граффити в конкретном секторе скриптологической сетки и его содержательно-смысловыми, а также коммуникативными характеристиками. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) провести критический обзор современных отечественных и зарубежных исследований в области лингвистики, семиотики пространства и социолингвистики, касающихся феномена граффити; 2) разработать и апробировать методику полевого сбора и картографирования текстов-граффити с привязкой к скриптологической сетке; 3) осуществить семантическую, прагматическую и коммуникативную классификацию собранного корпуса текстов; 4) выявить статистически значимые закономерности распределения типов граффити по секторам пространства; 5) интерпретировать полученные данные в контексте теорий пространственной семиотики и коммуникативных стратегий. Эмпирическую базу данного исследования составил корпус из 300 текстов-граффити. В результате доказано, что расположение граффити не является случайным, а подчиняется глубоким закономерностям, отражающим интенции и психоэмоциональное состояние скриптора (автора граффити). Выявленные «диалогичные» и «не диалогичные» сектора, а также зоны концентрации специфических типов дискурса (инвективного, романтического, прагматического) свидетельствуют о системной организации скриптологического пространства. Практические результаты могут быть применены в социолингвистической диагностике, педагогической психологии, дизайне образовательной среды и при изучении неинституциональных форм коммуникации.*

Ключевые слова: *скриптологическое пространство, граффити, семантика, прагматика, коммуникативная стратегия, скриптор, семиотика пространства, лингвопрагматика*

Для цитирования: Стренева Н.В. Скриптологическое пространство как семиотическая система: функционально-семантический анализ граффити // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 73 – 77.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Streneva N.V. ***[1] Orenburg State University***

Scriptological space as a semiotic system: functional and semantic analysis of graffiti

Abstract: *this study is dedicated to a comprehensive analysis of the functional-semantic content of graffiti within the scriptological space – a limited surface (such as school desks) used for spontaneous inscriptions. The aim of the work is to identify and systematically describe the patterns and connections between the localization of graffiti in a specific sector of the scriptological grid and its substantive, meaningful, as well as communicative characteris-*

tics. To achieve this goal, the following tasks were set: 1) to conduct a critical review of contemporary domestic and foreign research in the fields of linguistics, semiotics of space, and sociolinguistics related to the phenomenon of graffiti; 2) to develop and test a methodology for field collection and mapping of graffiti texts linked to the scriptological grid; 3) to carry out semantic, pragmatic, and communicative classification of the collected corpus of texts; 4) to identify statistically significant patterns in the distribution of types of graffiti across space sectors; 5) to interpret the obtained data in the context of spatial semiotics theories and communicative strategies. The empirical basis of this research consisted of a corpus of 300 graffiti texts. As a result, it was proven that the placement of graffiti is not random, but follows deep patterns that reflect the intentions and psycho-emotional state of the scriptor (the author of the graffiti). The identified "dialogic" and "non-dialogic" sectors, as well as zones of concentration of specific types of discourse (invective, romantic, pragmatic), indicate a systematic organization of the scriptological space. The practical results can be applied in sociolinguistic diagnostics, educational psychology, the design of educational environments, and in the study of non-institutional forms of communication.

Keywords: *scriptological space, graffiti, semantics, pragmatics, communicative strategy, scriptor, semiotics of space, linguo-pragmatics*

For citation: Streneva N.V. Scriptological space as a semiotic system: functional and semantic analysis of graffiti. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 73 – 77.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена малой изученностью письменных практик как элемента структурированного пространства. В современной лингвистике и смежных дисциплинах наблюдается «пространственный поворот», суть которого заключается в переосмыслении языковых явлений сквозь призму их неразрывной связи с социальными практиками и условиями конкретной среды функционирования.

Граффити, будучи маргинальным, но ярким феноменом спонтанной письменной речи, представляет собой уникальный материал для изучения того, как текст не просто помещается в пространство, но и осмысляется через него, а пространство, в свою очередь, актуализируется через текст. Классические работы отечественных исследователей [2, 6, 8] заложили основы социолингвистического и жанрового анализа граффити, однако попытки системного описания граффити как элемента целостной пространственно-семиотической системы, функционирующей по определенным законам, до сих пор носят фрагментарный характер.

В современной научной парадигме пространство перестало рассматриваться как пассивный фон. Как отмечают современные исследователи, городское пространство выступает активным участником коммуникации, порождающим и трансформирующим смыслы [1, 5]. Этот подход находит отражение и в исследованиях цифровых сред, и в анализе оффлайн-пространств. Работы последних лет [1, 5, 7, 9] подчеркивают необходимость междисциплинарного подхода, интегрирующего методы лингвистики, семиотики, антропологии и психологии.

Проблема исследования заключается в отсутствии целостной модели, описывающей, как функционально-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики граффити детерминируются их позицией в ограниченном и структурированном скриптологическом пространстве. Гипотеза состоит в том, что такое пространство не является нейтральным контейнером для текстов, а обладает собственной семиотической нагрузкой и функциональной специализацией секторов, которая неосознанно распознается скрипторами и влияет на выбор тематики, стиля и коммуникативной стратегии.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужил корпус из 300 текстов-граффити, собранных методом сплошной выборки. Сбор данных проводился на поверхностях учебных парт в нескольких вузах г. Оренбурга, что обеспечило репрезентативность и однородность материала. Все надписи были зафиксированы фотографически с последующей транскрипцией и точной привязкой к месту расположения.

Ключевым инструментом пространственного анализа выступила скриптологическая сетка, разработанная по аналогии с мизансценической сеткой А.Я. Бродецкого [4]. Поверхность стандартной двухместной парты была условно разделена на 23 сектора (таблица 1), что позволило стандартизировать процесс картографирования и последующего сравнения данных.

Для обработки и анализа собранного материала был применен комплекс взаимодополняющих методов:

1. Метод контекстуального и дискурс-анализа позволил выявить не только явные семантические характеристики текстов, но и их скрытые интенции, иллокутивную силу и роль в коммуникативном акте. Учитывались такие параметры, как модальность, оценочность, использование пресуппозиций.

2. На основе семантических, прагматических и коммуникативных критериев, а также с использованием метода классификации и типологизации были выделены устойчивые типы текстов-граффити и соответствующие им типы скрипторов («романтик», «агрессор / инвектор», «циник», «прагматик», «пассивный граффитист», «коллективист»).

3. С помощью описательной статистики (подсчет частотности, процентов) были установлены закономерности распределения типов текстов по секторам сетки.

4. Сравнительно-сопоставительный метод использовался для выявления аналогий и различий между моделью пространства театральной сцены [4] и реальным скриптологическим пространством, а также для сопоставления данных с выводами других исследований.

Таблица 1

Скриптологическая сетка и сектора пространства.

Table 1

Scriptological grid and spatial sectors.

1	2	3	4	5
6	7	8	9	
10	11	12	13	14
15	16	17	18	
19	20	21	22	23

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ позволил построить детализированную семантико-прагматическую карту скриптологического пространства, демонстрирующую четкую связь между локализацией граффити и его содержанием.

Центральные сектора (7, 12, 16, 17): зона «романтиков» и эмоциональной рефлексии.

Данные сектора, особенно сектор 12, соответствующий центральной точке, характеризуются концентрацией текстов с высокой степенью эмоциональной насыщенности и рефлексии. Для них характерна ритмическая организация, относительная объемность и темы любви, жизни, философских поисков. Скриптор-«романтик» открыто манифестирует свои чувства, стремясь сделать их всеобщим достоянием. Например:

Я хотел бы стать рекой
быть темною водой.

Встречаются примеры и на английском:

I love you / я тоже / а я нет (во всех приведенных в работе примерах сохранена авторская орфография и пунктуация).

Примечательной особенностью является высокая степень «диалогичности» этих текстов. Около 70% текстов в центральных секторах имеют приписки, что свидетельствует о их провокативном характере. Однако эти приписки часто носят деструктивный характер, будучи созданными скрипторами-«циниками», которые пытаются «разрушить» созданный эмоциональный образ.

Верхние и центрально-правые сектора (2, 3, 8, 13): зона «агрессоров» и инвективного дискурса. Сектор 2 (аналог 11-й точки у А.Я. Бродецкого [4]) и прилегающие к нему зоны являются эпицентром агрессивного и протестного дискурса. А.Г. Антипов определяет авторов подобных текстов как «инвективных граффитистов» [2]. Здесь доминируют тексты с лексически сниженной, инвективной семантикой, выражающие резкое недовольство учебным процессом, преподавателями, социальными явлениями. Например:

Матанал – г...но / это правда / базаришь!

Количественный анализ показал, что на долю текстов с лексически сниженными значениями приходится 26% от всей выборки, причем 70% из них сконцентрированы именно в этих секторах. Эти зоны являются наиболее «диалогичными» – коэффициент ответных реакций (приписок) здесь достигает 85%.

Периферийные и нижние сектора (1, 5, 6, 10, 14, 15, 18, 19, 20, 22): зона утилитарных и маркировочных практик. Данные сектора, наименее удобные для публичного предъявления, заняты текстами «прагматиков» и «пассивных граффитистов». Тексты-«прагматики» (шпаргалки, формулы, конспекты) локализуются в секторах 15, 18, 19, 20, 22. Их появление в секторе 20, который по А.Я. Бродецкому символизирует «тревожность, стресс, страх» [4] и объясняется прагматикой создания шпаргалки – действием, вызванным неуверенностью и страхом перед оценкой. Например:

to decline – уменьшаться.

$E = mc^2$

Тексты «пассивных граффитистов» (имена, названия групп, отдельные слова) превалируют в крайних левых (1, 6, 10, 15) и правых (5, 14, 17) секторах. Эти тексты, по выражению А.Г. Антипова, «немногословны, неинформативны, несамоутвердительны» [2] и имеют крайне низкий потенциал к диалогу.

Одним из ключевых результатов стало выделение «диалогичных» и «не диалогичных» секторов скриптологического пространства. К «диалогичным» (39% от общего числа секторов) были отнесены те, где на один исходный текст приходится две и более ответных реакции-приписки. Картографирование показало, что это сектора 2, 3, 7, 8, 11, 13, 16, 17 (таблица 2).

Таблица 2

Характеристика диалогичных секторов.

Table 2

Characteristics of dialogic sectors.

Сектор	Преобладающий тип дискурса	Коэффициент диалогичности (среднее число приписок на текст)
2, 3, 13	Инвективный, агрессивный	2.8
7, 16, 17	Эмоционально-рефлексивный	2.1
8, 11	Смешанный (агрессия / цинизм)	2.5

«Не диалогичные» сектора (61%) – это зоны прагматиков и пассивных граффитистов, а также некоторые центральные сектора (12), где текст, несмотря на свою эмоциональность, может восприниматься как законченный монолог, не требующий ответа. Соотношение 39% / 61% близко к пропорции «золотого сечения» (38.2% / 61.8%), что может служить дополнительным аргументом в пользу наличия глубокой, возможно, бессознательной системности в организации этого вида коммуникации. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что скриптологическое пространство является сложной семиотической системой, функционирующей по собственным законам. Выявленная специализация секторов подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что пространство активно влияет на коммуникативное поведение скриптора.

Данные исследования хорошо согласуются с теорией С.А. Борисовой о том, что «текст является материальным носителем «содержания» пространства» [3]. Мы видим, что пространство учебной парты «содержит» в себе потенциальные сценарии коммуникации, которые актуализируются скрипторами. Центр ассоциируется с открытостью и демонстративностью, периферия – с закрытостью и утилитарностью, правая сторона (часто ассоциирующаяся с будущим и активным действием) – с агрессией и цинизмом.

При сопоставлении с моделью мизансценической сетки А.Я. Бродецкого, обнаружено как частичное сходство, так и существенное различие. Совпадение наблюдается в характеристиках центра (спокойствие, нежность) и сектора 2 (активность, агрессивность). Однако «мрачный» нижний левый угол в скриптологическом пространстве теряет свою негативную коннотацию, превращаясь в функциональную зону для шпаргалок. Это расхождение объясняется прагматическим императивом: в конкретном виде деятельности (учеба) пространственные стереотипы могут переопределяться утилитарными потребностями.

Пространственный выбор является частью коммуникативной стратегии. «Агрессор» выбирает заметные и символически нагруженные сектора для усиления воздействия своего сообщения. «Романтик» помещает текст в центр, надеясь на максимальный охват аудитории. «Прагматик» и «пассивный граффитист», напротив, используют пространство как «тайник» или личную территорию, минимизируя коммуникативные риски.

Выводы

Проведенное исследование позволило перейти от анализа отдельных текстов-граффити к пониманию скриптологического пространства как целостной семиотической системы. Установлено, что это пространство структурно организовано и функционально специализировано. Сектора сетки несут четкую семантическую и прагматическую нагрузку, выступая маркерами коммуникативных стратегий различных типов скрипторов – от «романтиков» и «агрессоров» до «прагматиков» и «коллективистов».

Выявленное соотношение «диалогичных» и «не диалогичных» зон, близкое к «золотому сечению», а также частичное соответствие характеристик пространства модели театральной сцены А.Я. Бродецкого свидетельствуют о глубокой, вероятно, бессознательной системности, лежащей в основе, казалось бы, хаотичного феномена граффити. Это доказывает, что спонтанная письменная коммуникация подчиняется внутренним законам, определяемым взаимодействием психологии личности, социального контекста и семиотики пространства. Таким образом, скриптологическое пространство предстает не как пассивная по-

верхность, испещренная надписями, а как динамический «гипертекст», в котором местоположение сообщения является неотъемлемой частью его смысла. Данная работа открывает путь для дальнейших изысканий на стыке лингвистики, семиотики и социологии, направленных на декодирование языка пространства и невербальных аспектов человеческой коммуникации.

Список источников

1. Алимурадов О.А., Горбунова М.А. Функциональный потенциал поликодового текста в городском пространстве: лингвосемиотический аспект // Научный диалог. 2023. № 12 (10). С. 142 – 165.
2. Антипов А.Г. Морфонологическая категоризация словообразовательной формы: дис. … док. филол. наук: 5.9.8. Кемерово, 2002. 471 с.
3. Борисова С.А. Онтологическая триада «пространство – человек – текст» как специфическая коммуникативная система: дис. … док. филол. наук: 5.9.8. Ульяновск, 2004. 492 с.
4. Бродецкий А.Я. Внеречевое общение в жизни и в искусстве: Азбука молчания: учебное пособие для творческих учеб. заведений, фак. педагогики и психологии. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 192 с.
5. Капков С.А. Трансформация городских общественных пространств: дис. … канд. филос. наук: 5.9.8. М., 2020. 198 с.
6. Лебедева Н.Б. Студенческое граффити: жанроведческий аспект (Часть первая: Фациент “Автор”) // Вестник Алтайской науки. Образование. Барнаул, 2001. С. 83 – 87.
7. Пиксендеева В.Г. Концептуальный аспект времени и пространства в когнитивной лингвистике // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / ред. Ж.В. Мурзина. Чебоксары, 16 ноября 2019 года. Чебоксары: ИД «Среда», 2020. С. 133 – 136.
8. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 221 – 237.
9. Тюкаева Н.И. Граффити как жанр естественной письменной русской речи: дис. … канд. филол. наук: 5.9.8. Барнаул, 2005. 256 с.

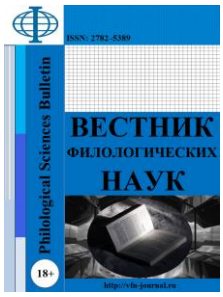
References

1. Alimuradov O.A., Gorbunova M.A. Functional Potential of a Polycode Text in Urban Space: Linguistic Semiotic Aspect. Scientific Dialogue. 2023. No. 12 (10). P. 142 – 165.
2. Antipov A.G. Morphonological Categorization of Word-Formation: Diss. … Doc. of Philological Sciences: 5.9.8. Kemerovo, 2002. 471 p.
3. Borisova S.A. Ontological Triad “Space – Person – Text” as a Specific Communicative System: Diss. … Doc. of Philological Sciences: 5.9.8. Ulyanovsk, 2004. 492 p.
4. Brodetsky A.Ya. Extra-verbal communication in life and in art: The ABCs of silence: a teaching aid for creative educational institutions, the faculty of pedagogy and psychology. Moscow: Humanitarian publishing center VLADOS, 2000. 192 p.
5. Kapkov S.A. Transformation of urban public spaces: diss. ... Cand. of Philosophy: 5.9.8. Moscow, 2020. 198 p.
6. Lebedeva N.B. Student graffiti: a genre studies aspect (Part One: Faculty “Author”). Bulletin of Altai Science. Education. Barnaul, 2001. P. 83 – 87.
7. Piksendeyeva V.G. Conceptual aspect of time and space in cognitive linguistics. Current issues in the research and teaching of native languages and literatures: Proc. of the International scientific and practical conf. Ed. Zh.V. Murzina. Cheboksary, November 16, 2019. Cheboksary: ID "Sreda", 2020. P. 133 – 136.
8. Sakharny L.V. Primitive texts and patterns of their generation. The human factor in language. Language and speech generation. Moscow: Nauka, 1991. P. 221 – 237.
9. Tyukaeva N.I. Graffiti as a genre of natural written Russian speech: diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.8. Barnaul, 2005. 256 p.

Информация об авторах

Стренева Н.В., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Оренбургский государственный университет, nstreneva@yandex.ru*

© Стренева Н.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81-2

[1] Сян Нань ***[1] Хэйлунцзянский университет науки и технологий***

Роль языка и речи и их взаимосвязь в процессе общения

Аннотация: *данное исследование посвящено глубокому изучению роли речи и языка в процессе коммуникации между людьми. В данной работе последовательно разграничиваются понятия "язык" и "речь", определяются ключевые свойства и функции этих понятий. Анализу диалектической взаимосвязи языка, как системы и речи, как деятельности, уделяется особое внимание: язык представляет собой некий инструмент для общения, а речь насыщает и редактирует язык посредством практики его использования.*

Теоретическая основа исследования состоит из современных и классических концепций отечественной и зарубежной лингвистики. В частности, работа опирается на теории, разработанные Ф. де Соссюром, теории В. Фон Гумбольдта, а также на материалы из области психолингвистики (Леонтьев А.А.) и функциональной стилистики (Кожина М.Н.). Результаты работы могут быть применены в области изучения и преподавания языков, риторики, межкультурной коммуникации и разработки языковых технологий.

Ключевые слова: *коммуникация, язык, общение, речь, функции языка, лингвистика, психолингвистика, функциональная стилистика, языкознание*

Для цитирования: Сян Нань. Роль языка и речи и их взаимосвязь в процессе общения // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 78 – 85.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Xiang Nan ***[1] Heilongjiang University of Science and Technology***

The role of language and speech and their interrelation in the communication process

Abstract: *this study is devoted to an in-depth study of the role of speech and language in the process of communication between people. In this work, the concepts of "language" and "speech" are consistently distinguished, and the key properties and functions of these concepts are determined. Special attention is paid to the analysis of the dialectical relationship between language as a system and speech as an activity: language is a kind of tool for communication, and speech saturates and edits language through the practice of its use.*

The theoretical basis of the research consists of modern and classical concepts of Russian and foreign linguistics. In particular, the work is based on the theories developed by F. de Saussure, the theory of W. Von Humboldt, as well as materials from the field of psycholinguistics (Leontiev A.A.) and functional stylistics (Kozhina M.N.). The results of the work can be applied in the field of language learning and teaching, rhetoric, intercultural communication and the development of language technologies.

Keywords: *communication, language, communication, speech, language functions, linguistics, psycholinguistics, functional stylistics, linguistics*

For citation: Xiang Nan. The role of language and speech and their interrelation in the communication process. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 78 – 85.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы составляет основная роль, которую речь и язык играют во всех аспектах человеческой жизни. В современном информационном обществе, где эффективная коммуникация – это ключевой ресурс, понимание системы, которая лежит в ее основе, является не только академическим интересом, но и необходимостью. Коммуникативные ошибки, которые возникают на уровне межличностного общения, в международной дипломатии или бизнес-среде, происходят по причине непонимания глубинной связи между речью как процессом и языком как системой. Изучение и понимание этой связи сейчас актуально не только как база качественного общения, но и для развития искусственного интеллекта и систем машинного перевода, ибо для них помимо оперирования формального кода важно обладать живой, вариативной речью. Помимо этого, благодаря цифровизации возникают новые формы коммуникации (социальные сети), речевые практики обретают новый вид, для чего требуется переосмысление традиционных категорий.

Таким образом, анализ единства и противоречий языка и речи на более углубленном уровне позволяет не только расширить теоретические знания, но решить ряд практических задач в лингвистике, психологии, социологии, информационных технологиях и педагогике.

Цели и задачи исследования состоят в комплексном анализе феномена языка и речи и установлении характеристики их взаимосвязи в коммуникативном процессе, проведении теоретического анализа и разграничении понятий «язык», «речь», «речевая деятельность» и «коммуникация», характеристике свойств языка как знаковой системы и его основных функций, исследовании природы речи, как психологического процесса, ее видов и фаз, выявлении диалектической взаимосвязи языка и речи.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу работы составили научные источники разных временных периодов и направлений науки: базовые труды по теории языка (Ф. де Соссюр, В. Фон Гумбольдт), работы по психолингвистике и теории речевой деятельности (А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев) исследования функциональной лингвистики (М.Н. Кожина), современные научные публикации, изучающие проблемы разграничения языка и речи (М.К. Артына, Х.М. Курданова, А.В. Криволесова), учебно-методическая литература по лингвистике и культуре речи (Н.А. Ипполитова, О.Ю. Князева, М.Р. Савова).

В методах исследования применялся комплекс взаимодополняющих методов: теоретические методы: системный и сравнительно-сопоставительный анализ для изучения языка как системы и разграничение понятий, функциональный анализ роли языка в коммуникациях. В эмпирические методы входит наблюдение за речевой практикой, анализ речевых ошибок и коммуникативных задач. В общенаучных методах применяется анализ, синтез, дедукция, классификация видов речи и функций языка.

Результаты и обсуждения

Язык как сущность, как специфическая знаковая система проявляется в речи. Речь – это функционирование языка [9, с. 21]. Современные лингвисты для разграничения языка и речи используют преимущественно те признаки, которые предложил Ф. де Соссюр [13, с. 87], но, если в основе дихотомии, по Ф. де Соссюру, находятся несколько признаков, в последующих работах по данной теме их количество снижается до одного или двух.

В настоящее время при изучении языка в меньшей степени учитываются такие аспекты, как противопоставление языка и речи с точки зрения психической и физической природы, социального признака, а также системности [10, с. 53]. В последующих исследованиях использовались такие признаки разграничения: 1) язык – нечто общее, речь – конкретное; 2) язык – постоянная, долговечная, речь – переменная, неустойчивая, недолговечная [14, с. 797]. Почти все лингвисты, признающие дихотомию «язык-речь», считают язык системой, а речь – механизмом ее реализации.

При этом многие научные деятели не признают теорию дихотомии, разработанную Ф. де Соссюром. К ним относятся Л. Блумфильд, В. Дорошевский, А. Коэн, Дж. Фьорс, А. Чикобава, А. Эсперсен.

Чтобы исследовать соотношение языка и речи более полно, необходимо использовать все возможные подходы: гносеологический, онтологический и прагматичный.

Как было упомянуто, Ф. де Соссюр считал, что язык – явление социальное, а речь – сугубо индивидуальное [4, с. 32]. Многие исследователи критиковали данное положение. По мнению С.Д. Кацнельсона, речи о полной социальности языка и индивидуальности речи не может и быть.

Язык социален по своему функциональному назначению и индивидуален по способу существования (сохранения), причем превалирует в языке социальное.

Речь индивидуальна по исполнению, она всегда принадлежит определенному конкретному лицу, то есть имеет автора. Значение же речи как средства общения в коллективе является социальным. Социальность речи проявляется и в том, что она служит объединению людей в коллектив, и в том, что она базируется на едином для всего коллектива говорящих языке.

Преобладает в речи индивидуальное. Индивидуальность речи выражается в отборе элементов речи (в употреблении одних и в отказе от других), в частотности употребления определенных элементов речи, в порядке расположения речевых элементов во фразе, в различных модификациях использованных языковых единиц, в том числе умышленных или неосознанных нарушениях речевых норм.

Другими словами, речь отражает языковую компетенцию индивида, его опыт, являющийся своеобразным видом свободной творческой деятельности индивида. Индивидуальность речи придает речевому акту уникальность, неповторимость, оригинальность, тогда как социальность обеспечивает взаимопонимание.

Другими словами, речь отражает языковую компетенцию индивида, его опыт, являющийся своеобразным видом свободной творческой деятельности индивида [16, с. 21].

Язык и речь противопоставляют и по другим признакам. Так, в частности, речь разворачивается во времени и реализуется в пространстве, тогда как язык не имеет этих параметров.

Основными коммуникативными признаками уровня развития речи, по мнению М.Н. Кожиной, являются: правильность, точность, логичность, богатство (разнообразие), чистота, уместность, достаточность (понятие количества речи), качество, выразительность, эмоциональность. Конечно, все эти признаки зависят от того, нарушены или не нарушены в речи правила: организации языковой системы, логики или психологии, эстетики или этики [5, с. 117].

В зависимости от того, как мы используем слова, а также от условий, в которых осуществляется общение, выделяют разные виды языка:

Внутренний язык – мысле-речевая деятельность.

Внешний язык – его еще называют устным, предназначенный для людей, находящихся рядом с вами.

Диалогическая речь – так называемая разговорная, которая поддерживается взаимными словами собеседниками.

Монологическая речь – произносится одним человеком при обращении к другому или многим людям сразу.

Письменный язык появился при необходимом общении между людьми, разделенными пространством и временем. Под письменным понимают язык с использованием письменных знаков [3, с. 66].

Итак, речь является открытой динамической гетерогенной материальной функциональной системой. Речь может иметь две формы – диалогическую и монологическую. При этом, речь имеет множество особенностей, среди которых темп, акцент, громкость и т.д.

Характеристики речи также зависят от эмоционального и психологического состояния субъекта речи. Также речь можно оценить с содержательной, нравственной и эстетической точки зрения [6, с. 29].

Ошибочным является противопоставление языка и речи как системного и несистемного, так как речь не теряет своей системности в процессе функционирования. Правда, в речи асистемные явления все же встречаются. С исторической точки зрения речь вторична, а язык первичен (язык сложился из фактов речи).

С синхронной (современной) точки зрения речь первична, а язык вторичен: любое речевое произведение строится из уже имеющихся в языке элементов [1, с. 338].

Поскольку Ф. де Соссюр не только резко противопоставил язык и речь, но и заявил о необходимости создания двух разных лингвистических дисциплин – лингвистики языка и лингвистики речи, то в языкознании начались поиски языковых и речевых единиц.

Так, русский языковед Алан Гардинер все традиционные элементы, встречающиеся в речевом потоке, относил к языку, а все то, что определяется конкретными условиями, интенцией говорящего – к речи.

Например, структуру предложения он считал фактом языка, а предложение в его отнесенности к действительности, то есть конкретные высказывания – фактом речи.

А. Смирницкий относил к языку те явления, которые воспроизводятся (слова, фразеологизмы, морфологические формы и т.д.), а к речи – явления, которые создаются в процессе коммуникации (словосочетания, конкретные предложения).

Такое распределение языковых единиц между языком и речью отрицали те ученые, которые рассматривали язык и речь как два аспекта одного и того же объекта [7, с. 163].

Однако найти во всех традиционно выделяемых единицах речевой и языковой аспекты, т.е. определить инварианты и варианты, не удается, поэтому отрезки, выделяемые вследствие членения речевого потока (такты, фонетические синтагмы, сверхфразные единства), рассматриваются только как единицы речи.

«Эволюционный» необихевиоризм впервые был представлен в лице Ч. Осгуда и Дж. Миллера. Именно они стали основателями американской психолингвистики [15, с. 128].

Книга Б. Скиннера «Речевое поведение» - труд позднего бихевиоризма – создавалась на фоне полемики с новой книгой – «Psycholinguistics», в которой освещались единство позиций по речи представителей разных наук, в частности психологии, лингвистики и др., а также наработки в области психолингвистических единиц, что значительно повлияло на развитие американской и мировой науки [12, с. 240].

Итак, те или иные направления в психолингвистике рассматривают конкретные речевые события с разных позиций. Однако можно выделить следующие основные характеристики речевых ситуаций:

- процессуальность;
- субъект;
- объект;
- мотив;
- намерение;
- содержание;
- цель;
- средства.

С возникновением идеи речевой деятельности (рис. 1) как трехчленной системы она начала трактоваться как процесс кодирования и декодирования, в котором заданное содержание формируется заранее [8, с. 21].

Что же касается самой триады, то в ней языковая способность начала соотноситься не только с сознанием и подсознательными пластами психики, но и с целостной личностью человека; речевую деятельность считали процессом саморегуляции социальных групп, общества в целом; речь трактовалась как система ориентиров, необходимых для деятельности человека в предметном и социальном мире, окружающем ее.

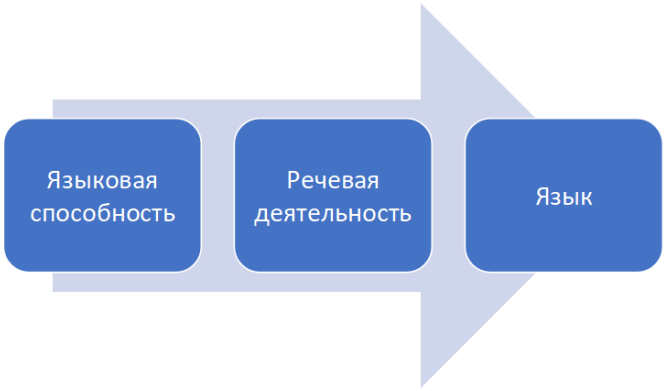


Рис. 1. Речевая деятельность как трехчленная система.
Fig. 1. Speech activity as a three-member system.

Если американская психолингвистика всегда была лингвистически ориентированной, то отечественная возникла и с самого начала развивалась как неотъемлемая часть общей психологии. В ней речь трактовалось не как система реакций, а, в отличие от необихевиоризма, как активная целенаправленная речевая деятельность; освещалась ее социальная природа и социальная обусловленность; процессы речеобразования и речевосприятия органично вписывались во всю систему человеческой деятельности, которая содержала в себе три компонента: мотивационный, целевой и исполнительный [11, с. 103].

Речевая деятельность рассматривалась как процесс, который рождается по необходимости; она предусматривает использование социальных средств, знаков, планирование ее конечной цели и определение средств ее выполнения. Осуществляя деятельность, человек достигает поставленной цели.

Распространено также мнение, что речь не является самостоятельной деятельностью, она не имеет собственных мотивов, целей, которые реализуются определенными средствами в конечный результат, поскольку посвящена другой деятельности, производится для удовлетворения мотивов и достижения цели других неречевых видов деятельности: познавательных, игровых, перцептивных, теоретических, практических и тому подобное. В этом контексте речь служит другим видам деятельности как средство, орудие.

Только благодаря различным видам деятельности речевая становится актуальной, нужной в различных ситуациях жизнедеятельности, и поэтому не может считаться автономной.

Однако собственно словосочетание «речевая деятельность» А.А. Леонтьев считает нетерминологичным. По его мнению, в психологическом смысле, оно может иметь место только в тех случаях, когда целью речевой деятельности является собственно построение высказывания, когда речь самодостаточна. Коммуникативное употребление речи почти всегда предполагает определенную неречевую цель. Высказывания, как правило, возникают для чего-то. Говорение же происходит, чтобы достичь какого-то результата. То есть речь входит как составная часть в деятельность иного порядка [8, с. 21].

Таким образом, выделение речевой деятельности как отдельного явления среди различных речевых процессов имеет большое прикладное значение, особенно для лингвометодики, поскольку дает представление об отличительных свойствах их течения, специфических особенностях их психофизиологических механизмов, а затем позволяет организовывать процесс обучения, адресно направляя его на развитие речи.

Отдельной особенностью языка является его неоднородность. В. Гумбольдт писал, что нужно абстрагироваться от утверждения, что речь функционирует лишь для обозначения предметов и для общения, и, наоборот, обратить большее внимание на ее тесную связь с внутренней, духовной деятельностью и на слияние этих двух процессов [2, с. 93]. Кроме того, речевая деятельность личности обусловлена сложным взаимодействием функционирования таких процессов, как внимание, восприятие, мышление, память, которые выполняют роль общефункциональных психологических механизмов данной деятельности.

Как уже упоминалось выше, речевая деятельность характеризуется своим фазным построением. Первая фаза речевой деятельности рассматривается в связи с механизмом мотивации, который является начальным механизмом. Эта фаза реализуется тесным взаимодействием потребностей, мотивов и цели как будущего результата. Необходимо отметить, что понятие деятельности обязательно связано с понятием мотива. Деятельность без мотива невозможна. Все же основным возбудителем деятельности является потребность, необходимость в чем-то.

Потребность может полностью проявить себя только в предмете деятельности. Сначала потребность имеет неосознанный характер или не совсем осознанный характер своего существования. Но когда потребность в процессе своего развития связывается с предметом речи и целями речевой деятельности, она трансформируется, превращаясь в мотив.

Все же о мотиве речевой деятельности надо рассуждать с определенными оговорками. Человек реализует речевую деятельность не с целью осуществления процесса говорения или письма, а с целью что-то сообщить, повлиять на кого-то или что-то. В этом случае речь не представляет самоцель, другими словами, свойства речевого мотива простые высказывания не имеют. Собственно говоря, мотив речи заложен не в самой сфере речевой деятельности, а в деятельности более высокого уровня - коммуникативной деятельности.

Итак, речевую деятельность можно назвать в определенной степени интеллектуальной деятельностью. Это, прежде всего, объясняется природой предмета речевой деятельности и ее основных целей. Адекватное воспроизведение предмета в речи обязательно предполагает объективный анализ воспроизводимого, использование всех основных мыслительных действий и операций, включая анализ и синтез.

Виды речевой деятельности, используемые в процессе обучения инофонов, представлены на рис. 2.

Все упомянутые выше характеристики речевой деятельности позволяют по-новому посмотреть на нее. В частности, речевая деятельность – это не просто речевая активность, не просто речевая практика, даже не речь, не акт, не процесс индивидуального пользования языком и не общение в целом.

Таким образом, речь – это функционирование языка. Речь является открытой динамической гетерогенной материальной функциональной системой. Речь может иметь две формы – диалогическую и монологическую. С синхронной (современной) точки зрения речь первична, а язык вторичен: любое речевое произведение строится из уже имеющихся в языке элементов.

Рис. 2. Виды речевой деятельности.
Fig. 2. Types of speech activity.

Выводы

На основе проведенного анализа делается вывод о том, что природа речи двойственная: она представляет собой открытую, динамичную и материальную функциональную систему. С одной стороны, речь – это выражение индивидуальной языковой компетенции, отражающий уникальность опыта человека, с другой стороны, социальная природа речи обеспечивает базу для взаимопонимания в процессе коммуникации. Вне зависимости от точек зрения о несистемности речи данное исследование подчеркивает системность речи, хотя асистемные явления все же допускаются в отдельных случаях.

На основе аналитики научных подходов можно прийти к выводу о том, что речь – это сложная система, имеющая много аспектов и обладающая признаками открытости, динамичности и функциональности. Единство языка и речи проявляется в их исторической и синхронной взаимосвязи: в историческом аспекте язык формировался из речевых фактов, в синхронном – первичный процесс реализации языковых возможностей – это речь. У научных школ разный подход к разграничению языковых и речевых единиц - от противопоставления (А. Гардинер, А. Смирницкий) до рассмотрения их в качестве взаимодополняющих аспектов общения. Важно понимать речевую ситуацию как многокомпонентное образование, где имеются признаки процесса, субъективно-объектные отношения, используемые средства коммуникации.

Американская и отечественная психолингвистика имеет разное мнение о речевой деятельности. Бихевиористская модель рассматривает речь как систему реакций, тогда как российские ученые (А.А. Леонтьев и др.) считают, что речь – это целенаправленная и естественная с точки зрения социума деятельность, которая органично встроена в человеческую активность.

Таким образом, речевая деятельность может быть самодостаточным процессом только тогда, когда целью является построение высказывания. В большинстве коммуникативных ситуаций речь – это средство достижения неречевых целей. Такой подход имеет большое значение для лингвометодики, где можно развивать психофизиологические механизмы речеобразования и речевосприятия. Речевая деятельность должна пониматься как функционирование языка со сложной организацией, и при этом, с синхронной точки зрения, речь первична по отношению к языку, ибо любое речевое произведение – это система имеющихся языковых элементов для удовлетворения определенных коммуникативных потребностей.

Список источников

1. Артына М.К. Внутренняя речь как аспект речемыслительной деятельности в современной лингвистике // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 336 – 339.

2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. М., 1964. 93 с.

3. Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р. Русский язык и культура речи: учебник. М.: Проспект, 2014. 439 с.

4. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 216 с.

5. Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 620 с.

6. Криволесова А.В. Разговорный язык и разговорная речь: дифференциации понятий // Кино. Речь. Культура: материалы Международной студенческого форума / отв. ред. Е.И. Лелис. Санкт-Петербург, 25-26 мая 2018 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2019. С. 28 – 32.

7. Курданова Х.М. О проблеме противопоставления языка и речи // Научный альманах. 2019. № 11-1 (61). С. 163 – 164.

8. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Психология": 4-е изд., испр. М.: Academia: Смысл, 2005. 21 с.

9. Логинова Е.Г. Семиотический резонанс в естественной коммуникации и художественном дискурсе: монография. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2021. 283 с.

10. Петрова Т.А. Педагогический подход к разграничению понятий "норма языка" и "норма речи" // Естественно-гуманитарные исследования. 2017. № 15 (1). С. 52 – 55.

11. Сергеева О.Е. Лингводидактические основы коммуникативно-игрового метода обучения русскому языку как иностранному детей дошкольного возраста: дис. ... док. пед. наук: 13.00.02. М., 2004. 103 с.

12. Скиннер Б.Ф. Вербальное поведение. Нью-Йорк, 1957. 240 с.

13. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 425 с.

14. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / сост., подгот. текста и коммент. В.М. Живова, вступ. статьи Н.И. Толстого, Л.Н. Гумилева. М.: Прогресс: Универс, 1995. 797 с.

15. Хромов С.С., Жданова Е.В. Общее языкознание: лекции. М.: ЕАОИ, 2011. С. 127 – 129.

16. Шоков Н.Н. Стиль и язык: разграничение понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 1. С. 20 – 23.

References

1. Artyna M.K. “Inner Speech as an Aspect of Speech-Thinking Activity in Modern Linguistics.” The World of Science, Culture, and Education. 2019. No. 2 (75). P. 336 – 339.

2. Humboldt W. “On the Difference in the Structure of Human Languages and Its Influence on the Spiritual Development of Mankind.” Moscow, 1964. 93 p.

3. Ippolitova N.A., Knyazeva O.Yu., Savova M.R. “Russian Language and Culture of Speech: A Textbook”. Moscow: Prospect, 2014. 439 p.

4. Katsnelson S.D. “Language Typology and Speech Thinking.” Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1972. 216 p.

5. Kozhina M.N. “Speech Studies.” Theory of Functional Stylistics: Selected Works. Moscow: FLINTA: Nauka, 2014. 620 p.

6. Krivolesova A.V. Colloquial Language and Colloquial Speech: Differentiation of Concepts. Cinema. Speech. Culture: Proceedings of the International Student Forum. Ed. by E.I. Lelis. St. Petersburg, May 25-26, 2018. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Film and Television, 2019. P. 28 – 32.

7. Kurdanova H.M. On the Problem of Contrasting Language and Speech. Scientific Almanac. 2019. No. 11-1 (61). P. 163 – 164.

8. Leontiev A.A. Fundamentals of Psycholinguistics: Textbook. for university students majoring in Psychology: 4th ed., corrected. Moscow: Academia: Smysl, 2005. 21 p.

9. Loginova E.G. Semiotic Resonance in Natural Communication and Artistic Discourse: Monograph. Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Yesenin, 2021. 283 p.

10. Petrova T.A. Pedagogical Approach to Distinguishing Between the Concepts of "Language Norm" and "Speech Norm". Research in the Humanities. 2017. No. 15 (1). P. 52 – 55.

11. Sergeeva O.E. Lingvodidactic Foundations of the Communicative-Game Method of Teaching Russian as a Foreign Language to Preschool Children: Diss. ... Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.02. Moscow, 2004. 103 p.

12. Skinner B.F. Verbal Behavior. New York, 1957. 240 p.

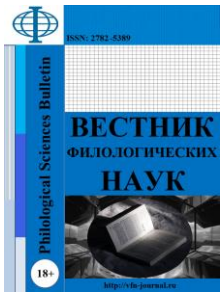
13. Saussure Ferdinand de. Course of General Linguistics. Yekaterinburg: Ural University Press, 1999. 425 p.

14. Trubetskoy N.S. History. Culture. Language. Compiled, prepared by V.M. Zhivov, with introductions by N.I. Tolstoy, L.N. Gumilyov. Moscow: Progress: Univers, 1995. 797 p.
15. Khromov S.S., Zhdanova E.V. General Linguistics: Lectures. M.: EAOI, 2011. P. 127 – 129.
16. Shokov N.N. Style and language: delineation of concepts. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 20 – 23.

Информация об авторах

Сян Нань, *кандидат филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет науки и технологий, xn121212@mail.ru*

© Сян Нань, 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки)
УДК 81-114.4

[1] Тимофеева Е.М.

[1] Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Роль и функция имплицитной оценки и самооценки в политическом дискурсе

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности имплицитной оценки в англоязычном политическом дискурсе как инструмента идеологического воздействия. Исследование основано на материале публичных речей, публикаций и высказываний в социальных сетях современных американских политиков (Д. Трампа, Дж. Байдена, Б. Обамы, Н. Хейли и др.) за период 2016–2024 гг. Целью работы является выявление функциональных и прагматических особенностей имплицитных оценочных средств, используемых для формирования эмоционального восприятия и убеждений аудитории. Методологическую основу исследования составляют положения аппрейзал-теории (M. Martin, P. White, 2005), а также методы дискурсивного, контент-, когнитивно-семантического и прагмалингвистического анализа. Показано, что имплицитная оценка, в отличие от эксплицитной, действует мягко, не вызывая сопротивления у адресата, но при этом формирует устойчивое эмоциональное отношение. На материале политических текстов и постов выявлены типичные средства имплицитного оценивания: метафора, сарказм, эвфемизм, пресуппозиция и гибридные паттерны, сочетающие положительные и отрицательные элементы. Делается вывод, что имплицитная оценка играет ключевую роль в реализации прагматических стратегий убеждения, легитимации и манипуляции в политическом дискурсе.*

Ключевые слова: *имплицитная оценка, самооценка, политический дискурс, скрытая оценочность, самоидентификация*

Для цитирования: Тимофеева Е.М. Роль и функция имплицитной оценки и самооценки в политическом дискурсе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 86 – 90.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Timofeeva E.M.

[1] Herzen State Pedagogical University of Russia

Role and function of implicit assessment and self-assessment in political discourse

Abstract: *the article examines the features of implicit evaluation in English-language political discourse as a tool of ideological influence. The study is based on public speeches, publications, and social media statements of contemporary U.S. politicians (D. Trump, J. Biden, B. Obama, N. Haley, etc.) from 2016 to 2024. The aim is to identify the functional and pragmatic characteristics of implicit evaluative means used to shape audience emotions and beliefs. The methodological framework draws on the Appraisal Theory (M. Martin, P. White, 2005), complemented by discourse, content, cognitive-semantic, and pragmalinguistic analyses. The findings demonstrate that implicit evaluation, unlike explicit assessment, operates subtly, avoiding overt confrontation while establishing stable emotional attitudes. The study identifies key forms of implicit evaluation such as metaphor, sarcasm, euphemism, presupposition, and hybrid evaluative patterns combining positive and negative elements. It is concluded that implicit evaluation serves as a crucial instrument of persuasion, legitimization, and manipulation in political communication, ensuring the efficiency and emotional resonance of ideological messages.*

Keywords: *implicit evaluation, self-evaluation, political discourse, hidden evaluativity, self-identification*

For citation: Timofeeva E.M. Role and function of implicit assessment and self-assessment in political discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 86 – 90.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Одной из основных черт политического дискурса является идеологически целенаправленное воздействие на массового адресата, реализуемое посредством разнообразных аксиологических средств как эксплицитных, так и имплицитных.

Политический дискурс представляет собой в большинстве случаев поле идеологической борьбы за умы и настрой массовой аудитории. Основная задача адресанта в рамках политического дискурса заключается в формировании у адресата определённого отношения к окружающей его картине мира, соответствующего целям и задачам политического адресанта. Языковые средства оценки в данном контексте выступают в качестве инструмента убеждения адресата в правоте представлений и оценок адресанта политической картины мира. Как свидетельствует исследование М. Мартин и П. Уайта в рамках исторической аппрейзал-теории, политическая риторика насыщена компонентами отношения (Attitude), вовлечения (Engagement) и степенного модификатора (Graduation).

Вместе с тем, хотя именно имплицитная оценка «присутствует почти во всех типах дискурса» и оказывает особенно сильное воздействие на адресата [1], на протяжении длительного времени основное внимание исследователей уделялось эксплицитным оценкам, тогда как скрытые, имплицитные компоненты оценки, оставались на периферии анализа.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили англоязычные политические тексты, высказывания и публикации в социальных сетях современных политических деятелей США (Д. Трампа, Дж. Байдена, Б. Обамы, Н. Хейли и др.) за период 2016–2024 гг. Анализ проводился с опорой на аппрейзал-теорию (M. Martin, P. White, 2005) и современные исследования имплицитной оценки [1, 10]. В работе использовались методы дискурсивного и контент-анализа, прагмалингвистический и когнитивно-семантический подходы, что позволило выявить особенности функционирования имплицитных оценочных средств и их роль в реализации идеологического воздействия в политическом дискурсе.

Результаты и обсуждения

Благодаря своей когнитивной гибкости имплицитная оценка в политических текстах и дискурсах выступает в роли мягкого «речевого катализатора», позволяя адресанту передать свою позицию не напрямую, а через контекстные подтексты, образные конструкции и ассоциативные намёки. По мнению Е.А. Гейко, именно такие средства дают возможность говорящему «выпустить пар» - выразить эмоции и отношение, избегая открытой конфронтации с получателем информации, смягчая категоричность высказывания [3]. Имплицитные формы оценки активно используются как в печатных текстах, так и в блогах и социальных сетях политической тематики, где сарказм, гипербола и метафорические сравнения становятся способами выражения критического мнения, отношения к проблеме. Так, например, сравнительный твит - «политическая стабильность держится на тех же трёх китах, что и вера – привычке, страхе и надежде», связывающий политическую стабильность с верой намекает на безысходность ситуации, где отрицательная оценка скрыта под внешне нейтральной метафорой. Подобные конструкции избегают прямых оценочных маркеров (прилагательных типа плохой, неэффективный), но благодаря контексту, образу и иронии транслируют негативный смысл [2, 4].

Показателен в этом отношении и пример политического сарказма. Так, президент США Дональд Трамп иронично отозвался о речи юной экоактивистки Греты Тунберг, написав в Twitter 12 декабря 2019 года: “She looks like a very happy young girl looking forward to a bright and wonderful future. So nice to see!” («Она выглядит как очень счастливая молодая девушка, с оптимизмом смотрящая в светлое и прекрасное будущее. Приятно это видеть!». Действительное настроение Тунберг было прямо противоположным, и позитивное высказывание Трампа под маской похвалы скрывает на самом деле насмешку, негативную оценку речевого/неречевого поведения Греты Тунберг.

Семантически имплицитная оценка тесно связана с упомянутой выше теорией аппрейзал. Исследователи подчёркивают, что скрытая оценка отличается высокой степенью «интенсиональной тональности» [5, 6]. В

частности, Сун и Лю отмечает, что в политическом дискурсе имплицитные ресурсы оценки используются для накопления эмоциональных тонов речи [10]. Это означает, что эффект имплицитной оценки двояк: с одной стороны, она действует ненавязчиво, с другой – остаётся уязвимой к неосознанию аудиторией. Такая скрытность часто бывает выгодна: отрицательный подтекст или самопохвала «проскальзывают» мимо критического фильтра слушателя, что облегчает внушение нужного восприятия и формирует более гибкое «радужное» или «кислое» отношение к обсуждаемым событиям.

Так, метафорическое сравнение нелегальных иммигрантов с троянским конём в речи Дональда Трампа не содержит прямых оценочных эпитетов, однако формирует сверхнегативный образ «чужаков» как угрозы национальной безопасности. Так, в июне 2016 года, после теракта в Орландо, Трамп прямо заявил, что программа по приему беженцев из стран Ближнего Востока, особенно из Сирии, может быть использован террористами для проникновения в США под видом мирных переселенцев, подобно тому, как греки проникли в Трою внутри деревянного коня: “We’re taking in thousands of people into our country. We don’t know where they come from, we don’t know who they are. They could be ISIS, it could be a Trojan horse”. В ходе своей предвыборной компании в 2016 году Д. Трамп вновь озвучил аналогию с троянским конем: “We are letting people come into our country … This could be the ultimate Trojan horse”. Ещё один сходный пример – резонансный твит сына политика, Дональда Трампа-младшего, сравнившего сирийских беженцев с отравленными конфетами Skittles. В сентябре 2016 года он опубликовал изображение, на одной стороне была фотография руки, держащей миску конфет Skittles, а на другой фотография сирийских беженцев: “If I had a bowl of skittles and I told you just three would kill you. Would you take a handful? That’s our Syrian refugee problem.” («Если бы у меня была миска Skittles и я сказал, что три из них убьют вас, стали бы вы их есть? Вот наша проблема с сирийскими беженцами»). Подобные образы, формально избегая прямых оскорблений, вызывают у аудитории негативные ассоциации (скрытая опасность, яд, враг внутри), порождая чувство угрозы, а также иллюстрируют жесткую риторику в отношении иммиграции [9].

На прагматическом уровне имплицитные оценки выступают одним из ключевых инструментов речевого воздействия. Её использование позволяет политикам варьировать интонацию, применять лингвистические «ловушки» - метафоры, эвфемизмы, элементы игровой лексики – и тем самым незаметно изменять эмоциональный фон высказывания с целью влияния на адресанта. Имплицитная оценка используется политиками не ради «красоты речи», а ради конкретных прагматических целей: изменить эмоции и убеждения аудитории, замаскировать ответственность, легитимизировать или дискредитировать, а иногда и косвенно ввести в заблуждение [8].

Наряду с метафорами политики нередко прибегают к культурно обусловленным эвфемизмам для имплицитной отрицательной оценки оппонентов. Так, в интервью телеканалу FOX 5 Atlanta от 20 февраля 2024 года бывшая губернатор Южной Каролины Никки Хейли, прокомментировала брошенную ею фразу во время своей предвыборной кампании 19 февраля 2024 года в отношении Дональда Трампа: “Bless his heart!”. Это классическое выражение из южноамериканского английского, которое на поверхности является вежливым и даже сочувственным, однако на практике в определенных ситуациях и определенных ее участников (отношения Никки Хейли к Дональду Трампу прошли сложную и полную трансформацию, на сегодняшний день их можно охарактеризовать как стратегические, прагматичные и напряженные; ее отношение – это смесь политической необходимости поддержать кандидата от своей партии и личного стремления сохранить свое влияние и идеологическое наследие для будущего Республиканской партии) означает снисходительно-пренебрежительное «ну bless тебе, бедняжка». Хейли выбрала формально учтивую форму, которая на самом деле подразумевает резкое негативное отношение, оставаясь при этом внешне корректной. В ходе интервью она развила свою мысль и добавила: “I will pray for him any day” («Я буду молиться за него в любой день»), что в контексте описанной ситуации является иронией. В данном случае ирония – это оружие в политической риторике Хейли. Это была вежливая, но язвительная уловка с целью нанести удар по репутации Трампа, одновременно соблюдая формальные приличия.

Имплицитная оценка используется и для смягчения нежелательных новостей или ситуаций.

Пресуппозиция: летом 2022 года на фоне экономического спада, представители Белого дома, выступая перед аудиторией нередко трансформировали данное положение вещей, переоформляя негативную ситуацию в нейтрально-позитивном ключе. Администрация постоянно противопоставляла негативные макроэкономические данные позитивным показателям занятости. Например, 24 июля 2022 года в интервью телеканалу NBC “Meet the press” министр финансов Джанет Йеллен заявила: “We have a very strong labor market. This is not an economy that’s in recession… When you have 375 000 jobs created a month, that is not a recession” («У нас очень сильный рынок труда. Это не экономика, находящаяся в рецессии… Когда вы создаете 375 000 рабочих мест в месяц – это не рецессия»). Использование одного позитивного индикатора (низкая без-

работица) для дискредитации негативного общего тренда (падение ВВП). Йеллен не просто сообщает данные о сложившейся ситуации с стране, она использует комплекс имплицитных средств: переопределяет понятие рецессии, интенсифицирует позитивные аспекты, смещает фокус на выгодные показатели, апеллирует к неявной норме через конкретные цифры. Это позволяло администрации заявлять, что фундамент экономики остается прочным, несмотря на «временные трудности».

Одним из частотных приемов выражения имплицитной оценки. Является и «Гибридный паттерн». Этот риторический прием, заключается в чередовании позитивных и негативных эпитетов и является эффективным инструментом влияния в политической коммуникации. Он создает иллюзию объективности, но на деле служит для градуированного и кумулятивного усиления главного, негативного вывода. Например, рассмотрим высказывание Джо Байдена о «МАГА» - республиканцах в 2022 году: “There are many fine Republicans out there. There are decent ones who I disagree with, but they’re decent. But the MAGA Republicans are different. They’re extremist, and they’re threatening the very foundations of our republic.” («Есть много хороших республиканцев. Есть достойные люди, с которыми я не согласен, но они достойные. Но республиканцы из MAGA – это другое дело. Они экстремисты, и они угрожают самим основам нашей республики.»). Похвалив «хороших» республиканцев, Байден делает образ «МАГА»-республиканцев не просто оппонентами, а чудовищной аномалией, угрозой самой системе. Позитивная оценка одной группы случит для усиления негативной оценки другой. Таким образом выражается кумулятивный эффект. Данный гибридный паттерн делает оценку более изощренной, убедительной, разрушительной.

Сочетание анафоры, параллелизма и метафоры выступает как один из мощных риторических инструментов. Этот комплексный прием гипнотизирует слушателя ритмом, усиливает мысль за счет повтора и впечатывает в сознание яркий, оценочный образ. Обратимся к примеру, где данный комплект используется для имплицитного утверждения «они – угроза». 2 ноября 2022 года в свой предвыборной речи на митинге в поддержку кандидатов от Демократической партии Джона Феттермана (в Сенат) и Джоша Шапиро (на пост губернатора) Барак Обама сказал: “We have to be honest with ourselves: Too often we see a politics that’s driven by rancor and paranoia. Too often we see a culture that’s fueled by conspiracy and disdain for the truth. Too often we see a media environment that’s amplifying the worst in us rather than helping us find common ground.” («Мы должны быть честны с собой: слишком часто мы видим политику, движимую злобой и паранойей. Слишком часто мы видим культуру, подпитываемую заговорами и пренебрежением к истине. Слишком часто мы видим медиасреду, усиливающую худшее в нас, а не помогающую нам найти общий язык.»). Обама выступал как «тяжелая артиллерия» демократической партии, чтобы мобилизовать избирателей и повысить явку на критически важных выборах, которые определяли бы контроль над Сенатом. Обвинения не адресованы прямо, но слушатель понимает о ком речь. Барак Обама имплицитно оценивает оппонентов как силу, которая систематически отравляет саму основу общества: его политику, культуру и информационное поле. Угроза в данном фрагменте прослеживается через внутренний распад и уход в иррациональность.

Выводы

Таким образом, сочетание различных языковых приёмов способствует формированию у слушателя устойчивого эмоционального импульса, который носит сложный, гибридный характер (он может быть одновременно направленным – мобилизующим или успокаивающим), градуированным по интенсивности и устойчивым во времени, даже если основная оценка выражена неявно.

Список источников

1. Булатая Е.В. Имплицитная оценка в художественном тексте (на материале рассказов А.П. Чехова) // Содружество наук 2015: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей. Барановичи: Изд-во БарГУ, 2015. Ч. 3. С. 76 – 78.
2. Видинеева Н.Ю. Имплицитность в жанре политического блога: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2022. 16 с.
3. Гейко Н.Р., Сиривля М.А. Имплицитные оценки в политическом дискурсе // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2 (28). С. 164 – 166.
4. Зимина Е.А. Лексические способы реализации имплицитной оценки в немецкоязычных печатных СМИ // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2025. № 2 (127). С. 18 – 25.
5. Кашкина О.В. Оценочный аспект самопрезентации политиков в СМИ // Политическая лингвистика. 2006. № 17. С. 101 – 123.

6. Куликова В.А. Имплицитная и эксплицитная оценочность словообразовательных новообразований в заголовках интернет-СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Гуманитарные науки». 2021. № 1. С. 54 – 62.
7. Павлина С.Ю. Репрезентация идиоматического образа в редакционной карикатуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 93. С. 93 – 122.
8. Селиванова И.В. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 51 – 63.
9. Babelyuk O., Koliasa O. Language Means of Expressing Implicit Evaluation in Contemporary Political Discourse: Pragmatic Aspect // Scientific Journal of Polonia University. 2022. № 55 (6). С. 95 – 107.
10. Sun J., Liu Z. Evaluation Mechanism of Political Discourse: A Holistic Approach // Journal of Psycholinguistic Research. 2023. № 52 (6). С. 2143 – 2179.

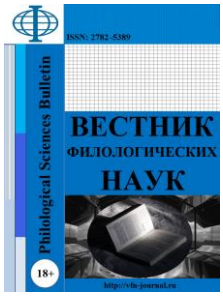
References

1. Bulataya E.V. Implicit Evaluation in a Fiction Text (Based on the Stories of A.P. Chekhov). Commonwealth of Sciences 2015: Proc. of the XI International Scientific and Practical Conf. of Young Researchers. Baranovichi: BarSU Publishing House, 2015. Part 3. P. 76 – 78.
2. Vidineeva N.Yu. Implicitness in the Political Blog Genre: Abstract of a Cand. Sci. (Philological) Dissertation. Penza: Penza State University, 2022. 16 p.
3. Geiko N.R., Sirivlya M.A. Implicit Evaluations in Political Discourse. Bulletin of Bryansk State University. 2016. No. 2 (28). P. 164 – 166.
4. Zimina E.A. Lexical Methods of Implementing Implicit Evaluation in German-Language Print Media. Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev. 2025. No. 2 (127). P. 18 – 25.
5. Kashkina O.V. Evaluative Aspect of Politicians' Self-Presentation in the Media. Political Linguistics. 2006. No. 17. P. 101 – 123.
6. Kulikova V.A. Implicit and Explicit Evaluation of New Word-Formation Formations in Online Media Headlines. Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series "Humanities". 2021. No. 1. P. 54 – 62.
7. Pavlina S.Yu. Representation of an Idiomatic Image in an Editorial Cartoon. Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2025. No. 93. P. 93 – 122.
8. Selivanova I.V. Ideologemes as a Resource of Speech Impact in the Public Discourse of the Spanish Monarchy. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2022. Vol. 20. No. 3. P. 51 – 63.
9. Babelyuk O., Koliasa O. Language Means of Expressing Implicit Evaluation in Contemporary Political Discourse: Pragmatic Aspect. Scientific Journal of Polonia University. 2022. No. 55 (6). P. 95 – 107.
10. Sun J., Liu Z. Evaluation Mechanism of Political Discourse: A Holistic Approach. Journal of Psycholinguistic Research. 2023. No. 52 (6). P. 2143 – 2179.

Информация об авторах

Тимофеева Е.М., *РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург, elapshina96@gmail.com*

© Тимофеева Е.М., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)
УДК 81’34

[1, 2] Яковлева Т.О.

[1] Московский государственный лингвистический университет
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Мультимодальная организация просодических и невербальных средств в парламентском политическом дискурсе

Аннотация: *настоящая статья посвящена теоретическому осмыслению мультимодальной организации парламентского политического дискурса. Целью исследования является уточнение понятийного аппарата мультимодального анализа применительно к политической коммуникации, а также описание типичных конфигураций взаимодействия вербального, просодического и невербального компонентов в парламентских дебатах. Теоретической основой работы выступают современные российские и зарубежные исследования мультимодальности и политического дискурса. В статье обсуждаются критерии выделения просодических и кинесических параметров, релевантных для описания риторического воздействия, а также обосновывается необходимость корпусного подхода к парламентской речи. Особое внимание уделяется комплексному взаимодействию просодических и кинесических средств: показано, что просодические комплексы «частота основного тона + интенсивность звукового сигнала» и «частота основного тона + интенсивность звукового сигнала + слоговая длительность» наиболее часто коррелируют с акцентирующими жестами, маркируя ключевые смыслы высказывания. Сопоставительный анализ британской и немецкой парламентских традиций позволяет интерпретировать различия в степени экспрессивности, телесной вовлечённости и интонационной вариативности как проявление национально-культурных представлений о допустимых формах публичной конфронтации и нормах политической полемики. Сделан вывод о том, что мультимодальный анализ парламентского дискурса обладает значительным потенциалом для дальнейших лингвопрагматических и перцептивных исследований.*

Ключевые слова: *политический дискурс, парламентская риторика, мультимодальность, просодия, невербальная коммуникация, жест*

Для цитирования: Яковлева Т.О. Мультимодальная организация просодических и невербальных средств в парламентском политическом дискурсе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 91 – 94.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1, 2] Yakovleva T.O.

[1] Moscow State Linguistic University
[2] Russian Academy of National Economy and Public Administration

Multimodal organization of prosodic and non-verbal means in parliamentary political discourse

Abstract: *this article is devoted to the theoretical understanding of the multimodal organization of parliamentary political discourse. The aim of the study is to clarify the conceptual framework of multimodal analysis in relation to political communication, as well as to describe typical configurations of interaction of verbal, prosodic and non-verbal components in parliamentary debates. The theoretical basis of the work is modern Russian and foreign studies of multimodality and political discourse. The article discusses criteria for identifying prosodic and kinesic parameters relevant to the description of rhetorical impact, and also substantiates the need for a corpus approach to parliamentary speech. Special attention is paid to the complex interaction of prosodic and kinesic means: it is shown that the prosodic complexes "pitch frequency + sound intensity" and "pitch frequency + sound intensity + syllabic duration" most often correlate with accentuating gestures, marking the key meanings of the utterance. A comparative analysis of the British and German parliamentary traditions makes it possible to interpret differences in the degree of expressivity, bodily involvement, and intonation variability as a manifestation of national and cultural beliefs about acceptable forms of public confrontation and norms of political polemics. It is concluded that the multimodal analysis of parliamentary discourse has significant potential for further linguistic and perceptual research.*

Keywords: *political discourse, parliamentary rhetoric, multimodality, prosody, nonverbal communication, gesture*

For citation: Yakovleva T.O. Multimodal organization of prosodic and non-verbal means in parliamentary political discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 91 – 94.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Парламентский политический дискурс представляет собой институционально организованную форму коммуникации, в которой риторическое воздействие реализуется через сложный комплекс просодических и невербальных параметров. В отличие от других типов публичной речи, парламентские выступления разворачиваются в условиях регламентированного формата, предполагающего одновременную ориентацию на несколько аудиторий – участников заседания, журналистов и дистанционную массовую аудиторию [2, с. 78, 7, с. 140, 9, с. 56]. Усиление медийного характера политической коммуникации приводит к тому, что парламентская речь всё в большей степени функционирует как аудиовизуальный продукт, потребляемый в цифровой среде и подчинённый логике сетевой циркуляции политического контента [4, с. 20]. Именно это обстоятельство делает обращение к мультимодальному анализу не только методологически оправданным, но и принципиально необходимым.

В современных отечественных исследованиях мультимодальный подход выступает в качестве одного из ключевых инструментов анализа медиаполитического дискурса, включая политические ток-шоу, телевизионные интервью, интернет-мемы и креолизованные тексты [4, с. 20]. При этом остаются дискуссионными вопросы о границах применения мультимодального анализа, об объёме понятия «мультимодальность» и о процедурах аннотирования разнородных семиотических ресурсов [3, с. 85].

Материалы и методы исследований

В данном теоретическом обзоре парламентский политический дискурс понимается как комплексная мультимодальная конструкция, возникающая в результате сложного взаимодействия вербального компонента, его просодической реализации и кинесического сопровождения [5, с. 96]. Особое внимание уделяется просодико-кинесической организации выступлений женщин-политиков, для которых характерна повышенная значимость невербальных стратегий в создании имиджа, транслирующего харизматичность и компетентность.

Результаты и обсуждения

Понятие мультимодальности описывает ситуацию, в которой коммуникативное событие реализуется через несколько разнородных модусов (вербальный, визуальный, аудиальный, кинетический и др.), совместно участвующих в порождении и интерпретации смысла [1, с. 230, 6, с. 172].

Просодические характеристики парламентской речи включают частоту основного тона, диапазон интонационной вариативности, интенсивность звукового сигнала, темп речи и паузы. Исследователи отмечают, что в выступлениях депутатов Палаты общин и Бундестага просодический профиль характеризуется расширением диапазона частоты основного тона и увеличением громкости, а также замедлению темпа речи для выделения наиболее значимых слов [8, с. 117, 10, с. 3799].

Невербальное поведение парламентариев включает жесты, позу, направленность взгляда и мимику, формируя кинесический профиль политика. На материале выступлений членов Палаты общин фиксируется высокая частота акцентирующих жестов, подчеркивающих значимые лексические единицы в речи политиков. В Бундестаге жестовый репертуар чуть более сдержан: преобладают компактные жесты в зоне корпуса, ориентированные на сопровождение структурных элементов высказывания, а также телодвижения [8, с. 188, 10, с. 3798].

Для женской речи, как в британском, так и в немецком парламенте, характерна более сложная конфигурация мимических и жестовых маркеров при сохранении общей кинесической сдержанности. Движения головы выполняют функцию визуального усиления просодических акцентов, а микродвижения бровей и глаз служат средством уточнения модально-оценочного компонента высказывания [8, с. 118, 10, с. 3799].

Необходимо отметить, что качественные описания мультимодальных явлений нуждаются в дополнении корпусными методами, обеспечивающими репрезентативность наблюдений и возможность статистической верификации выявленных закономерностей. Для парламентского дискурса это означает необходимость создания специализированных мультимодальных корпусов, включающих синхронизированные видеозаписи, аудиодорожки, стенографические тексты и разметку просодических и кинесических параметров. В качестве базовых уровней аннотирования могут быть выделены: 1) сегментация речи на интонационно-смысловые комплексы; 2) маркировка акцентных структур и типов пауз; 3) классификация жестов по их функциональному типу (ударные, иконические и др.); 4) описание мимических реакций и направленности взгляда.

Перспективным представляется сочетание мультимодального дискурс-анализа с экспериментальными перцептивными методиками, позволяющими проверить, какие именно комбинации просодических и невербальных параметров оказывают наибольшее влияние на оценку адресантом доверия, компетентности и харизмы политика. Такая связка корпусного и экспериментального подходов даёт возможность перейти от дескриптивного описания мультимодальных паттернов к построению моделей риторической эффективности, учитывающих как культурно-специфические, так и индивидуальные особенности политических выступлений.

Выводы

Теоретический обзор мультимодальной организации парламентского политического дискурса Великобритании и Германии позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, мультимодальный подход к исследованию парламентских выступлений предоставляет продуктивный инструментарий для описания интеграции вербальных, просодических и невербальных средств в политической речи, позволяя конкретизировать характеристики «экспрессивности» и «харизмы» через набор определенных аудиовизуальных параметров. Во-вторых, сопоставление британской и немецкой парламентских традиций демонстрирует, что просодические и кинесические стратегии тесно связаны с национально-культурными представлениями о допустимых формах публичной конфронтации и норме политической полемики.

В-третьих, гендерный аспект мультимодальной организации парламентской речи проявляется в более тонкой настройке просодико-кинесических комплексов в выступлениях женщин-политиков. В-четвёртых, дальнейшее развитие исследований требует создания специализированных мультимодальных корпусов парламентской речи и комбинирования дискурс-аналитических методов с перцептивными экспериментами. Перспективным направлением представляется также расширение сравнительного поля за счёт включения региональных парламентов и наднациональных институтов, что позволит уточнить статус национально-специфических и универсальных характеристик мультимодальной организации политического дискурса.

Список источников

1. Байкова А.В. Мультимодальный дискурс-анализ как один из методов исследования коммуникативных практик // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (54). С. 230 – 234.

2. Дутова Н.В. Мультимодальный подход к изучению убеждения в политических ток-шоу // Политическая лингвистика. 2023. № 5. С. 76 – 83.
3. Загидуллина М.В. Современное состояние мультимодального анализа: к вопросу о перспективах метода // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 84 – 99.
4. Клушина Н.И. Мультимедийный код языка и его роль в политической лингвистике // Политическая лингвистика. 2020. № 6. С. 19 – 25.
5. Кудинова Е.С., Юкляева Е.А. Лингвистические и экстралингвистические критерии успешности имиджа современных политиков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 4 (846). С. 114 – 119.
6. Миронова Н.Н., Канцзэ Д. Мультимодальные дискурсы в фокусе современных исследований // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2025. № 1. С. 168 – 187.
7. Степанова Н.В. Сущностные характеристики медиаполитического дискурса в цифровой среде // Дискурс. 2025. № 1. С. 138 – 154.
8. Цибуля Н.Б., Яковлева Т.О. Роль гендерного фактора в корреляции просодических и невербальных средств в английском политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 114 – 119.
9. Чжан Ю. Политическое телеинтервью как динамичный мультимодальный жанр политического дискурса // Современная коммуникативистика. 2025. № 2. С. 55 – 60.
10. Яковлева Т.О. Корреляция просодических и невербальных средств в немецком политическом дискурсе: роль гендерного фактора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 10. С. 3794 – 3800.

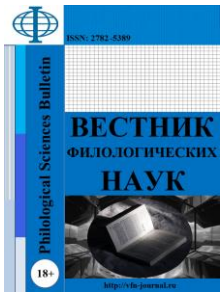
References

1. Baykova A.V. Multimodal Discourse Analysis as one of the Research Methods of Communicative Practices. Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. 2022. No. 2 (54). P. 230 – 234.
2. Dutova N.V. A Multimodal Approach to the Study of Persuasion in the Genre of Political Talk Shows. Political Linguistics. 2023. No. 5. P. 76 – 83.
3. Zagidullina M.V. The Current State of Multimodal Analysis: on the Question of the Prospects of the Method. Research Result. Social Studies and Humanities. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 84 – 99.
4. Klushina N.I. Multimedia Language Code and its Role in Political Linguistics. Political Linguistics. 2020. No. 6. P. 19 – 25.
5. Kudinova E.S., Yuklyaeva E.A. Linguistic and Extralinguistic Success Criteria Modern Politicians' Image. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2021. Iss. 4 (846). P. 114 – 119.
6. Mironova N.N., Kangze D. Multimodal Discourses: Contemporary Research Focus. Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Theory. 2025. № 1. P. 168 – 187.
7. Stepanova N.V. Essential characteristics of media political discourse in the digital environment. Discourse. 2025. No. 1. P. 138–154.
8. Tsibulya N.B., Iakovleva T.O. Correlation between prosodic and nonverbal means of communication in political discourse (gender study). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2024. Iss. 2 (883). P. 114 – 119.
9. Zhang Yu. Political television interview as a dynamic multimodal genre of political discourse. Modern Communication Studies. 2025. No. 2. P. 55 – 60.
10. Iakovleva T.O. Correlation of Prosodic and Non-verbal Means in German Political Discourse: The Role of the Gender Factor. Philology. Theory & Practice. 2024. No. 10. P. 3794 – 3800.

Информация об авторах

Яковлева Т.О., Московский государственный лингвистический университет; преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

© Яковлева Т.О., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 821.111

[1] Исакбаева П.В., [1] Зайдуллина Д.А.

[1] Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологии

Жанровый синкретизм романа «The Fault In Our Stars» Джона Грина

Аннотация: *в данной статье исследуется роман Джона Грина «The Fault In Our Stars» («Виноваты звезды») в аспекте его жанрового своеобразия. В романе-преодолении «Виноваты звезды» персонажи борются со смертельной болезнью, Хейзел обретает близкого человека и теряет его, на своем пути инициации героиня встречает много трудностей и много радостей, она познает и находит саму себя. Анализ текста показывает, что произведение представляет собой сложный синтез жанровых моделей young adult fiction, романа-воспитания (Bildungsroman) и любовного романа, которые трансформируются под влиянием центральной темы онкологического заболевания. Доказывается, что, несмотря на использование традиционных для подростковой литературы элементов, роман Грина, выходит за её рамки за счёт философской глубины, интертекстуальных отсылок к классической литературе и деконструкции клише «истории о больных раком». Цель – выявить и охарактеризовать механизмы этого жанрового синкретизма и его роль в создании уникального художественного высказывания. Методология исследования включает сравнительный анализ, интертекстуальный и мотивный подходы. Данный анализ целесообразно применять на практических занятиях по зарубежной литературе, а также при подготовке к практическим занятиям, посвященных изучению зарубежной литературы XXI века.*

Ключевые слова: *Джон Грин, «The Fault In Our Stars», young adult fiction, роман-воспитание, жанровый синкретизм, интертекстуальность, тематика смерт*

Для цитирования: Исакбаева П.В., Зайдуллина Д.А. Жанровый синкретизм романа «The Fault In Our Stars» Джона Грина // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 95 – 99.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Isakbaeva P.V., [1] Zaydullina D.A.

[1] Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology

Genre syncretism in John Green's novel «The Fault In Our Stars»

Abstract: *this article explores John Green's novel «The Fault In Our Stars» («It's Not My Fault») from the perspective of its genre uniqueness. In the overcoming novel «It's Not My Fault» the characters struggle with a fatal illness, Hazel finds and loses a loved one, and she encounters both challenges and joys on her journey of self-discovery. The analysis of the text shows that the work is a complex synthesis of genre models of young adult fiction, a novel of upbringing (Bildungsroman) and a love novel, which are transformed under the influence of the central theme of cancer. It is proved that despite the use of traditional elements for teen literature, Green's novel goes beyond its limits due to its philosophical depth, intertextual references to classical literature and deconstruction of the cliche «stories about cancer patients». The purpose of the article is to identify and characterize the mechanisms of this genre syncretism and its role in creating a unique artistic statement. The research methodology includes comparative analysis,*

intertextual and motivational approaches. It is advisable to apply this analysis in practical classes on foreign literature, as well as in preparation for practical classes devoted to the study of foreign literature of the 21st century.

Keywords: *John Green, «The Fault In Our Stars», young adult fiction, parenting novel, genre syncretism, intertextuality, death theme*

For citation: Isakbaeva P.V., Zaydullina D.A. Genre syncretism in John Green's novel «The Fault In Our Stars». Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 95 – 99.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Роман Джона Грина «The Fault In Our Stars» («Виноваты звёзды») стал культурным феноменом, определившим на несколько лет вперёд развитие рынка young adult литературы. Название романа связано с одним из ведущих мотивов ранней американской словесности – мотивом провиденциальности (providence). «Поэтика заглавия романа «The Fault in Our Stars» метафорически отсылает читателя к воле высших сил, предопределенности человеческой жизни, невозможности героев повлиять на свою судьбу» [1].

Традиционно роман классифицируют как представителя young adult fiction с элементами романтического произведения. Тем не менее, поверхностный взгляд не учитывает, как тема смертельной болезни героев радикально трансформирует каждую из жанровых составляющих, создавая произведение, балансирующее на грани сентиментального клише и философского высказывания о жизни, смерти и любви.

Материалы и методы исследований

Целью данного исследования является комплексный анализ жанровых особенностей романа «The Fault In Our Stars» через призму синтеза трёх ключевых моделей: young adult fiction, романа-воспитания (Bildungsroman) и любовного романа. Задачи исследования состоят в выявлении признаков каждого из жанров в тексте, демонстрации того, как они видоизменяются под влиянием тематики смерти и анализе роли интертекстуальности как структурообразующего элемента.

Методология исследования строится на принципах жанрового и интертекстуального анализа, а также на сравнительно-типологическом подходе.

Результаты и обсуждения

Young adult (от англ. «молодой взрослый», иногда янг эдалт, YA) – направление художественной литературы, ориентированное на аудиторию подросткового возраста. «С художественной точки зрения young adult характеризуется многоплановостью сюжета, его динамичностью, напряженностью и быстрым темпом повествования, а также понятным стилем, современным языком, аутентичными диалогами, наличием ярких персонажей и острых жизненных ситуаций» [2].

Одной из ключевых особенностей данного жанра являются «ориентация на подростковую аудиторию, определенная тематическая специфика: вопросы самоопределения, становления личности, первая любовь, первая потеря близкого человека, измена одного из родителей и т.д., стремление к идентификации с аудиторией через адаптацию языка, образовательный аспект, выражающийся через «наращивание» жизненного опыта, поэтому конфликт таких произведений будет связан с приобретением первого опыта посредством прохождения героем различных испытаний или конфликт будет затрагивать важные социальные или этические вопросы, сталкивая подростков с различными моральными дилеммами» [6].

«Литература young adult оказывает эффект психологической поддержки при переходе от детства к статусу взрослого, в кризисный период физиологических изменений, становления критического мышления, обострения эмоциональности и оценочности, поэтому кстати, двоемирие является отличительной чертой янг эдалта» [5].

Тексты данного жанра, как правило, отличаются доступностью языка; динамичность и увлекательностью сюжета, однако это не является обязательной характеристикой, поскольку современное массовое искусство акцентирует внимание на создании выразительных образов персонажей.

Хейзел и Огастус не являются идеализированными персонажами, однако обладают такими привлекательными для подростковой аудитории качествами: они остроумны, саркастичны, интеллектуальны и открытые. Кроме того, оба персонажа склонны к философским рассуждениям, что придает их образам дополнительную сложность и многогранность. Например, Огастус, когда отвечает на вопрос Хейзел, почему он всегда держит сигарету во рту, но не курит, использует метафорическое представление о борьбе с соб-

ственными разрушительными или вредными желаниями: «You put the killing thing right between your teeth, but you don't give it the power to do its killing» [4].

На поверхностном уровне роман соответствует ключевым параметрам жанра young adult: протагонисты-подростки (Хейзел и Огастус), центральная тема инициации, конфликт с окружающим миром (в данном случае – с болезнью и обществом, её стигматизирующим), акцент на первом любовном опыте [10].

Жизни Хейзел и Огустус наполнены типичными подростковыми проблемами, диалогами и рутиной, однако осложнена серьёзными обстоятельствами. В произведении развиваются любовные отношения (Хейзел и Огастус), дружеские отношения (Хейзел, Огастус и Айзек), а также показаны сложные взаимоотношения между подростками и их родителями. Так, во время ссоры с мамой, Хейзел сравнивает себя с гранатой, что напоминает о неизбежности ее болезни: «I'm like. Like. I'm like a grenade, Mom. I'm a grenade and at some point, I'm going to blow up and I would like to minimize the casualties, okay?» [4].

Нацеленность романа на подростковую аудиторию выражена в лингвистических особенностях языка, а именно в широком содержании сленговых выражений («Take pot» – курить траву, «to paw out» – лапать, «dude» – чувак) и употреблении сокращений («gonna» – going to, «kinda» – kind of, «gotta» – got to).

Традиционно романы о подростках с онкологическими заболеваниями относят «к поджанру «sick lit», для которого характерны сентиментальность, мелодраматизм и определённая дидактичность» [9]. Однако Грин сознательно дистанцируется от этих клише, что заставляет рассматривать его произведение как «уникальный гибрид, синтезирующий конвенции YA-романа с философской глубиной притчи и самосознательностью металитературы» [3].

Автор сознательно деформирует канон young adult. Во-первых, стандартный конфликт «подросток против мира» здесь заменён на экзистенциальный – «человек против смерти, абсурда и забвения». Социальные проблемы отступают перед метафизическими. Во-вторых, инициация, ключевой элемент подросткового романа, связана не с обретением места в обществе, а с принятием конечности бытия. Хейзел не взрослеет, чтобы жить, она взрослеет, чтобы умереть, и её путь – это путь к экзистенциальной зрелости. Таким образом, роман использует оболочку young adult, но наполняет её содержанием, выходящим далеко за рамки возрастной литературы, обращаясь к универсальной аудитории.

Также, на первый взгляд, «The Fault In Our Stars» – это история о любви двух прекрасных подростков, разлучённых роковой болезнью. Однако Грин избегает сентиментальности и эксплуатации страдания. Их любовь лишена пафоса и построена на интеллектуальном и духовном родстве, что выражено через общий интерес к книге «Вознесение», философским шуткам, игре в метафоры.

Мотив «любви до гроба» здесь лишён романтизации смерти. Смерть Огастуса некрасива и жестока, а не возвышенна. Кульминацией любовной линии становится не его смерть, а исполнение их общего желания – встреча с Ван Хутеном и последующая поездка в Амстердам, которая является актом утверждения жизни, а не пассивного ожидания конца. Любовь в романе выступает не как панацея от боли, а как сила, позволяющая вынести эту боль и придать смысл ограниченному времени.

В произведении прослеживается мотив романа-воспитания (Bildungsroman). Классический роман-воспитания предполагает «становление личности героя через серию испытаний и приобретение жизненного опыта» [8]. «Разновидностью романа-воспитания является «роман-преодоление». В романе такого типа герой преодолевает экзистенциальный кризис, совершает какое-то активное действие: борется с болезнью, совершает убийство или участвует в нем, разгадывает тайну, преодолевает жизненные обстоятельства» [1].

Структура романа следует этой модели: Хейзел проходит путь от депрессии и замкнутости, вызванных болезнью, к открытию для любви и, в конечном счёте, к принятию жизни во всей её трагической полноте. Однако традиционный роман-воспитание ориентирован на будущее героя. В романе же будущее Хейзел и Огастуса радикально ограничено. Поэтому «воспитание» здесь приобретает иной смысл. Это не линейное движение к успеху, а концентрация на настоящем, обретение «маленького бесконечного» в ограниченном времени. Роман не предполагает счастливого финала. Однако он использует другой приём, главные герои провели счастливое и незабываемое время «здесь и сейчас». Трагический финал не отменяет того, что Хейзел и Огастус нашли и испытали глубокую любовь, которая изменила их жизни.

Важнейшим структурным элементом, связывающим все жанровые уровни, является интертекстуальность. Вымышленный роман «Вознесение» и его автор Ван Хутен выполняют несколько функций. Во-первых, это сюжетообразующий текст. Стремление узнать судьбу персонажей «Вознесения» является двигателем фабулы (поездка в Амстердам). Во-вторых, вымышленный роман несет философскую незавершённость, что становится своеобразной метафорой незавершённости любой жизни, акцентируя внимание и проблематику финала произведения. В-третьих, апелляция к сложному модернистскому тексту (каким

представляется «Вознесение») выводит подростковый роман на уровень рефлексии о природе искусства и интерпретации, что нетипично для жанра young adult.

Роман-воспитание, как правило, содержит традиционную систему персонажей, среди которых «второстепенные персонажи в определенной степени становятся «учителями» для протагонистов и помогают им раскрыть их многогранный внутренний мир» [7].

«Наставник» Питер Ван Хутен – это Творец, который мог бы объяснить замысел и смысл текста/жизни. Но встреча с ним разочаровывает: автор оказывается пьяным циником, не способным дать ответы. Фигура Ван Хутена пародийна: вместо мудрого руководства он предлагает лишь экзистенциальный тупик и разочарование. «Этот эпизод деконструирует романтический миф о всезнающем авторе и передаёт ответственность за смысл самому герою (и читателю), что является ключевым признаком металитературности» [3].

Истинное «воспитание» герои проходят друг с другом, через диалоги о жизни, смерти и смысле существования. Главный герой Огастус боится забвения после своей смерти. Однако осознаёт, что это неизбежно: «I fear oblivion. I fear it like the proverbial blind man who's afraid the dark» [4].

Таким образом, интертекст служит не просто украшением, а ключом к пониманию центральных тем романа, поднимая его над уровнем массовой литературы.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что жанровая уникальность романа Джона Грина «The Fault In Our Stars» («Виноваты звёзды») заключается в сложном и продуктивном синтезе жанровых моделей. Будучи формально соотнесённым с young adult fiction, романом-воспитанием и любовным романом, произведение Джона Грина последовательно трансформирует каждую из этих форм.

Тема смертельной болезни становится не просто мелодраматическим фоном, а катализатором жанрового сдвига. Она превращает подростковый конфликт в экзистенциальный, инициацию – в принятие конечности, а любовную историю – в философский союз перед лицом небытия. Активное использование интертекстуальности (мотив «Вознесения») дополнительно усложняет структуру романа, выводя его на уровень металитературной рефлексии.

В результате, «The Fault In Our Stars» («Виноваты звёзды») представляют собой пример успешного жанрового синкретизма, где элементы массовой литературы переосмысляются для создания глубокого и многогранного высказывания о фундаментальных вопросах человеческого существования. Это позволяет рассматривать роман не только как яркий феномен подростковой литературы, но и как значимое явление в современной прозе, преодолевающее жанровые границы.

Список источников

1. Баранова К.М., Шалимова Н.С. Роман инициации в творчестве Дж. Грина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/roman-initsiatsii-v-tvorchestve-dzh-grina (дата обращения: 29.09.2025).
2. Березина А.В., Бочарова А.В. Литература young adult в круге чтения старшеклассников: Результаты теоретико-эмпирического исследования // Вестник ЧГАКИ. 2023. № 1 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/literatura-young-adult-v-kruge-chteniya-starsheklassnikov-rezultaty-teoretiko-empiricheskogo-issledovaniya (дата обращения: 18.09.2025).
3. Вульф В.Я. Современная зарубежная литература: жанровая динамика и дискурсивность. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 280 с.
4. Грин Дж. Виноваты Звёзды: книга для чтения на английском языке. Санкт-Петербург: КАРО, 2020. 288 с.
5. Зелезинская Н.С. Генезис проблемного подростково-молодежного романа // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. 2022. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-problemnogo-podrostkovo-molodezhnogo-romana (дата обращения: 8.10.2025).
6. Сеничева А.А. Подростковая драма: к вопросу о генезисе и специфике жанра // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podrostkovaya-drama-k-voprosu-o-genezise-i-spetsifike-zhanra (дата обращения: 01.10.2025).
7. Baranova K.M., Shalimova N.S. Main Characters in D. Tartt's prose: Exploring the hero // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2025. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/main-characters-in-d-tartt-s-prose-exploring-the-hero (дата обращения: 15.10.2025).
8. John Frow, Melissa Hardie, Vanessa Smith. The Bildungsroman: form and transformations, Textual Practice. 2020. Vol. 34. № 12. P. 1905 – 1910. DOI: 10.1080/0950236X.2020.1834692.

9. Tosenberger C. «The Emperor's New Clothes?»: Literary Inflation and Teenagers with Cancer // Children's Literature Association Quarterly. 2013. Vol. 38. No. 4. P. 435 – 452.
10. Cart M. Young Adult Literature: From Romance to Realism. Chicago: American Library Association, 2016. 256 p.

References

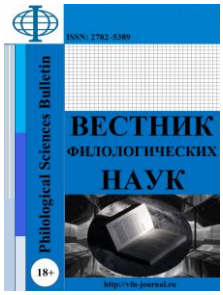
1. Baranova K.M., Shalimova N.S. The Initiation Novel in the Works of J. Green. Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2023. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/roman-initsiatsii-v-tvorchestve-dzh-grina (accessed: 29.09.2025).
2. Berezina A.V., Bocharova A.V. Young Adult Literature in the Reading Circle of High School Students: Results of a Theoretical and Empirical Study. Bulletin of the ChGAKI. 2023. No. 1 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/literatura-young-adult-v-kruge-chteniya-starsheklassnikov-rezultaty-teoretiko-empiricheskogo-issledovaniya (accessed: 18.09.2025).
3. Wolf V.Ya. Contemporary Foreign Literature: Genre Dynamics and Discursivity. Moscow: IMLI RAS, 2019. 280 p.
4. Green J. The Fault in Our Stars: A Book to Read in English. St. Petersburg: KAPO, 2020. 288 p.
5. Zelezinskaya N.S. Genesis of the Problematic Teenage-Youth Novel. Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences. 2022. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-problemnogo-podrostkovo-molodezhnogo-romana (accessed: 08.10.2025).
6. Senicheva A.A. Teenage Drama: On the Issue of the Genesis and Specifics of the Genre. Bulletin of the Cherepovets State University. 2025. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podrostkovaya-drama-k-voprosu-o-genezise-i-spetsifike-zhanra (accessed: 01.10.2025).
7. Baranova K.M., Shalimova N.S. Main Characters in D. Tartt's Prose: Exploring the Hero. Bulletin of RUDN University. Series: Literary Studies, Journalism. 2025. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/main-characters-in-d-tartt-s-prose-exploring-the-hero (accessed: 15.10.2025).
8. John Frow, Melissa Hardie, Vanessa Smith. The Bildungsroman: Form and Transformations, Textual Practice. 2020. Vol. 34. No. 12. P. 1905 – 1910. DOI: 10.1080/0950236X.2020.1834692.
9. Tosenberger C. "The Emperor's New Clothes?": Literary Inflation and Teenagers with Cancer. Children's Literature Association Quarterly. 2013. Vol. 38. No. 4. P. 435 – 452.
10. Cart M. Young Adult Literature: From Romance to Realism. Chicago: American Library Association, 2016. 256 p.

Информация об авторах

Исакбаева П.В., старший преподаватель, кафедра германских языков, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологии

Зайдуллина Д.А., Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологии

© Исакбаева П.В., Зайдуллина Д.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81-11

[1] Исмагилова А.Р., [1] Палутина О.Г., [1] Багманова Н.И. ***[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет***

Наименования сериалов как зеркало социальных процессов

Аннотация: *в статье проведено исследование наименований сериалов России, Аргентины и Бразилии как инструментов репрезентации социальных процессов. Рассматриваются вопросы социальных изменений, происходящих в период с 1990-1999 годы на материале изучаемых стран. Сериалы – это не только предмет досуга и развлечения, но и телевизионная модель жизни социума. Репрезентация данной модели может являться как реалистичной и показывать действительность жизненного уклада того или иного общества. В ином случае, модель является идеалистической, когда показывают желаемую форму реальности. И в том, и в другом случае, наименования являются механизмом воздействия на потенциальную аудиторию и привлечения внимания зрителей. В статье представлены результаты сопоставительного анализа семантических параметров наименований сериалов России, Аргентины и Бразилии. Показано, что социальные процессы способны оказать влияние на выбор наименования телесериалов. Авторы приходят к выводу о том, что семантические модели языковой репрезентации наименований телесериалов России, Аргентины и Бразилии различны. Актуальность исследования обусловлена популярностью телесериалов у большого числа зрителей и тем, что наименования способны являться своего рода лингвистической эмблемой содержания.*

Ключевые слова: *наименования сериалов, социальные процессы, глобализация, общество, язык СМИ*

Для цитирования: Исмагилова А.Р., Палутина О.Г., Багманова Н.И. Наименования сериалов как зеркало социальных процессов // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 100 – 106.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Ismagilova A.R., [1] Palutina O.G., [1] Bagmanova N.I. ***[1] Kazan (Volga Region) Federal University***

TV series titles as a mirror of social processes

Abstract: *this article examines the titles of television series in Russia, Argentina, and Brazil as tools for representing social processes. It examines social changes occurring between 1990 and 1999, using materials from the countries under study. Television series are not only a means of leisure and entertainment but also a televised model of social life. This model can be represented realistically, demonstrating the reality of a given society's way of life. Alternatively, the model is idealistic, depicting a desired form of reality. In both cases, titles serve as a mechanism for influencing potential audiences and attracting viewers' attention. This article presents the results of a comparative analysis of the semantic parameters of television series titles in Russia, Argentina, and Brazil. It is demonstrated that social processes can influence the choice of television series titles. The authors conclude that the semantic models of linguistic representation of television series titles in Russia, Argentina, and Brazil differ. The*

relevance of this study stems from the popularity of television series among large audiences and the fact that titles can serve as a kind of linguistic emblem of their content.

Keywords: *series titles, social processes, globalization, society, media language*

For citation: Ismagilova A.R., Palutina O.G., Bagmanova N.I. TV series titles as a mirror of social processes. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 100 – 106.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Ономастическое пространство является актуальной областью научных исследований, поскольку современные социальные процессы способствуют тесным языковым контактам, изменениям словоформ и новым семантическим трансформациям. Ономастическое пространство формируется под влиянием политических, экономических и социальных процессов, тем самым образуя новые имена и термины. Неоднородность ономастической лексики обуславливается наличием нескольких направлений ономастических исследований. По мнению Суперанской А.В. ономастическое пространство представляет собой артионимы, эргонимы, урбанонимы, библионимы, топонимы, антропонимы, а также названия объектов искусства: опер, кинофильмов, песен, балетов и т.д. [17]. Наименования данных групп являются ёмкими и внутри каждой группы способны образовывать подгруппы ономастической классификации. В данном исследовании, наше внимание привлекают фильмонимы, которые учёными понимаются как автономные языковые единицы, репрезентующие кинематографические названия. По мнению А.П. Ивановой и О.В. Лавровой, фильмонимы выполняют коммуникативную функцию как средства передачи информации и кумулятивную, иными словами национальную [3]. Таким образом, авторы отмечают, что фильмонимы несут лингвокультурную информацию и рассматриваются в одном ряду с литературными наименованиями. Авторы отмечают, что фильмонимы способны войти во фразеологический фонд языка, как это стало с русскими фильмонимами «Москва слезам не верит», «Сирота казанская» и др. Ряд учёных добавляют, что создание кинозаголовка предполагает ориентацию на фоновые знания целевой аудитории, что позволяет создать в сознании реципиента представление о данном кинопродукте. Одной из функций фильмонимов является аттрактивная функция, которая реализовывается еще до начала выхода фильма [1]. Как отмечает Кныш Е.В., фильмонимы являются своего рода аббревиацией фильма и способны выступать летописью киноискусства [7].

Материалы и методы исследований

Вопросы исследования имён собственных были обозначены ещё в конце 60х годов. Наиболее актуальными проблемами были такие как роль имени собственного в языковой системе, его отличие от имени нарицательного, национально-культурные компоненты имён собственных, а также их функции. Исследованию классификаций имён собственных и их параметров посвятили свои труды такие учёные как А.А. Реформатский, Л.А. Булаховский, О' В.Д. Бондалетов, В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Н.В. Нодольская, А.А. Белецкий, В.Н. Топоров, Л.А. Введенская и другие ученые. Материалом исследования явились 250 наименований телесериалов России, Аргентины и Бразилии в период с 1990-1999 годы. В работе предлагается классификация лексико-семантических параметров названий сериалов согласно классификации Суперанской А.В. и Подольской Н.В.

А.В. Суперанская предлагает выделятьв качестве основных семантических групп антропонимы, зоонимы, мифонимы, топонимы, космонимы, астронимы и фитонимы [17].

Н.В. Подольская в своем словаре русской ономастической терминологиидополнила классификацию соционимам - именами сферы человеческой деятельности [14].

Результаты и обсуждения

Средства массовой информации являются инструментом, который имеет возможность воздействовать на широкую группу людей. Как отмечают Попова Л.О., Ромах О.В., популярность телесериалов обуславливается их избытком на телевидении как одним из способов заполнить экранное время, а также по причине того, что многосерийные фильмы показывают жизни героев и их семей в развитии времени, что погружает зрителей в их жизни и фактически переносит в киномир. Сюжетные материалы в сериалах преподносятся малыми дозами, и если зритель пропустил несколько серий, он всё равно может понять произошедшее, что делает сериалы наиболее комфортной формой киномедиа для просмотра. Так же по мнению авторов, популярность сериалов характеризуется реальностью сюжетов и развитие сюжетной линии вызывает персо-

нальный интерес зрителей, сопоставление со своей жизнью или наоборот, просмотром модели жизни, которую бы хотели иметь в реальности [15].

Как отмечает Жираткова Ж.В. по данным Левада-Центра, 79% населения России смотрит сериалы и фильмы 1 раз в неделю и чаще при этом больше всего сериалы смотрят студенты: 17,6 % из них смотрит сериалы ежедневно. Также автор отмечает, что образы любимых киногероев могут формировать жизненные цели и мировоззрение молодых телезрителей, а также выступать ролевым макетом поведения [2].

Куликов Е.М. в своих исследования добавляет, что сериалы принято рассматривать как вид досуговой практики и продукт массовой культуры. В данном аспекте телесериалы способны выполнять воспитательную функцию, которая заключается в оказании разностороннего воздействия на аудиторию [9].

Капанян Н. Н. отмечает, что сериалы могут оказывать влияние на формирование новых увлечений, в частности у молодого поколения. Под впечатлением сериалов молодые люди начинают заниматься спортом, изучением иностранного языка и увлекаются той или иной профессией. Активные практики вовлеченности в спортивную деятельность являются проявлением положительного воздействия [4]. Однако мы бы хотели отметить и способность сериалов к негативному воздействию на аудиторию и формирование деструктивного поведения. К примеру, после выхода сериала «Слово пацана» обострились вопросы стремления подростков формироваться в группы и были случаи хулиганства, совершенные группами подростков. Также сериал «Содержанки» позволил теме неравных отношений стать вновь актуальной темой в обществе. Мы не говорим о намерении популяризировать негативные модели поведения конкретно данными примерами сериалов, тем не менее, хотим указать на то, что помимо положительного воздействия, сериалы способны оказывать и негативное воздействие, особенно на подростков, как на неокрепшую психологически группу населения.

Положительное влияние телесериалов в своём исследовании отмечает и Кислова Л.С. По ее мнению, телесериалы способны транслировать зрителю возможность расширить свой кругозор и узнать о ранее неизвестных явлениях и странах [6].

Козлов Е.В. указывает на то, что сериал может быть одной из форм восприятия культуры на сегодняшний день. У сериала есть способность и возможность показывать меняющийся мир и социальные процессы, в том числе с применением современных технологий [8].

Петров Г.Н. в своём исследовании добавляет, что это даёт возможность зрителям обогатить свой жизненный опыт и показать клишированные модели поведения [13].

В данном исследовании предлагается сопоставительный анализ наименований сериалов России и стран Латинской Америки, в частности, Аргентины и Бразилии. В исследовании Кислова Л.С. отмечает, что, основной героиней латиноамериканских сериалов является наивная девушка, жительница села, которая приехала в город, поскольку эта тема востребована в латиноамериканском мире [6].

Лопес А.М. считает, что героини латиноамериканских сериалов, как правило, прибывшие в большой город из провинции, придерживаются идеалистических взглядов на мир, не понимая, что в городе образ жизни и поведения иной. Таким образом, это не только сопоставление плохих и хороших, но и разных образов жизни в городской и сельской местностях [18].

В своём исследовании Кислова Л.С. анализирует аргентинские телесериалы и считает, что в центре сюжета аргентинского телесериала представлен образ кроткой мученицы. Также автор отмечает, что если бразильские телепроекты по большей части создаются в относительно реалистическом ключе, то авторы аргентинских сериалов стараются показывать действительность сквозь призму нравственных постулатов. Автор считает, что в бразильских сериалах, главная героиня – это чаще всего представительница коренного населения. Неискушенная индейская девушка, оказавшись в большом городе, сталкивается с жестокостью окружающего мира. В телепространстве Бразилии конфликт «природа – цивилизация» репрезентируется как противостояние наивных деревенских жителей, воплощающих духовность, и обитателей каменных джунглей города, отрицающих нравственные ценности [6].

В своём исследовании Расторгуев С.В., провёл анализ российских сериалов в период за 2023 год и пришёл к выводу, что индустрия сериалов акцентирует ценности отдыха и развлечений, а также социального статуса и авторитета в межличностных коммуникациях. Важными темами выступают самореализация, профессиональное и личностное развитие. В то время как ценности, основанные на важности общественногопредставлены в меньшей степени [16].

Необходимо отметить, что социальные процессы находят отражение в названиях фильмов и сериалов, поскольку они должны быть понятными, запоминающимися и привлекать внимание потенциальных зрителей. Именно модель существующего или наоборот, желаемого жизненного уклада лежит в основе многих сериалов. Сериал как длительный телевизионный продукт принято завершать положительным финалом и в

основном он ориентирован на идеализированную реальность. Однако он отражает социальные процессы или острые социальные вопросы, которые понятны аудитории зрителей. Период с 1990 по 1999 был обусловлен рядом масштабных изменений не только в отдельных странах, но и в целом в мире. Это стало временем распада СССР и Югославии, развития процесса глобализации благодаря техническому прорыву и новым территориальным изменениям. В то же время, это был период ярких изменений в каждой из стран по отдельности.

В период с 1990 по 1999 годы в Аргентине установилась неолиберальная модель, которая пришла на смену экономического кризиса и территориальных конфликтов. В 1991г. был создан Общий рынок Юга Америки (Меркосур) в составе Аргентины, Бразилии, Уругвая, Парагвая.

За экономической реформой последовала политическая. В1994г. реформируется конституция Аргентины. По темпам роста ВВП Аргентина вышла на второе место после Чили [10].

Первая проверка реформ на прочность состоялась в 1995 г., когда Аргентина попала под воздействие финансового кризиса в Мексике («текиловый кризис»). Аргентинская экономика оказалась особенно уязвимой к воздействию кризиса из-за высокой зависимости от притока иностранного капитала, негибкости установленного валютного режима и слабостей финансовой системы. Особенно сильное давление на аргентинскую экономику оказал мировой финансовый кризис 1997–1999 гг., который показал ее уязвимость и сильную зависимость от внешних источников финансирования [11].

В это время в Бразилии также происходил ряд экономических реформ под названиями «Плано Крузадо» и «ПланоКолор», которая заключалась во введении новой денежной единицы крузадо, фиксации заработных плат и цен, заморозке инвестиций и ряда других мер. Эти меры обострили экономико-финансовую ситуацию в стране, привели к уменьшению банковской деятельности и затруднению экономического роста. Последствием стало расслоение населения, наличие внешних долгов и обострению социальных вопросов. Ситуация лишь немного смягчилась в 1994 году, после того как правительство страны заключило соглашение с крупными зарубежными банками о реструктуризации своих долгов [5].

Период с 1990 по 1999 годы в России совпадает с кризисом и крушением социально-политической системы советского общества. Социальная структура общества претерпела радикальные изменения и приняла ярко-выраженный биполярный характер, что привело к обострению социальной напряженности в обществе. В конце июля 1992 года появилась программа углубления экономических реформ, в которой в качестве главной цели выделялось повышение уровня и качества жизни граждан России и проводилась реформа по либерализации цен. Однако за год цены на многое выросли в разы, а большая часть населения получала низкие зарплаты. Оставшись без государственного финансирования разрушались системы образования и здравоохранения [12].

Статья представляет анализ лексико-семантических параметров наименований телесериалов России, Аргентины и Бразилии в период с 1990 по 1999 годы.

В статье проанализированы 87 названий сериалов Аргентины за указанный отрезок времени. Наибольшее число названий сериалов представлены ***соционимами*** (37): **Дикий ангел, Богатые и знаменитые, Девушка по имени судьба, Цыганка, Провинциалка, Принцесса, Чемпионы, Бедняки, Уязвимые, Ангелы не плачут, Старшая сестра, Женщины не плачут, Космическая девушка, Тощая и др.** Данные примеры являются соционимами женского рода. Среди группы соционимов характерным приемом наименования является ***антитеза***: **Провинциалка – Принцесса, Чемпионы – Бедняки, Космическая девушка – Тощая, Дикий ангел.** Данные примеры ярко противопоставляют образы героинь по социальному признаку, а также личным качествам. Так же нам кажутся интересными следующие примеры: **Ангелы не плачут, Женщины не плачут,** которые демонстрируют уязвимую позицию женщины в обществе. Далее по количествам примеров представлены названия телесериалов с функциональной лексикой (25): **Черная жемчужина, История любви, что посеешь, то пожнешь, Простите наши грехи, Чёрный список, Истинные последствия, Огонь в сердце, Золото и грязь**и др. В основном они олицетворяют тему любви и душевных переживаний. Следующая группа наименований – это антропонимы (15): **Селеста, Мануэла, Антонелла, Нежная Ана и др.** Как и соционимы, антропонимы представлены в женском роде. Мы это объясняем тем, что телесериалы в основном интересны женскому полу и по этой причине используются названия, которые привлекают внимание женщин. Как обычно принято, телесериалы принято завершать счастливым концом и это дарит зрительницам иллюзию и надежду на счастье в реальном мире. Среди примеров были выявлены единичные группы топонимов, нумеронимов и фитонимов. Примеры классифицированы следующим образом:

- топонимы (6): **Касабланка, Русская гора, Американские горки, Буэнос-Айрес: говори мне о любви** и др.;

- нумероним (3): **Модели 90-60-90, Полтора апельсина, Половина правды;**
- фитоним (1): **Голубое дерево.**

За период с 1990 по 1999 годы в Бразилии были выпущены 123 сериала. Доминантной семантической группой наименований стала функциональная лексика (58): **Во имя любви, Воздушные замки, История любви, Шальные деньги, Власть желания, Сладкий ручей, Лабиринт, Счастье и др.** Названия демонстрируют темы любви, взаимопонимания и человеческих отношений. Следующей частотной группой явились соционимы (28): **Новая жертва, Жестокий ангел, В мире женщин, Властелин мира, Суррогатная мать, Манекенщица, Кости барона и др.** В отличие от названий телесериалов Аргентины, где примеры только женского рода, в бразильских примерах представлены как наименования женского рода, так и мужского. Тем не менее, есть различия в образах репрезентации. В наименованиях появились новые для того времени веяния как **Суррогатная мать, Манекенщица и Сексапил**. Женщина демонстрируется не только как уязвимый член общества, но у неё появляется социальный функционал в обществе, образ профессии. Наименования мужского рода демонстрируют принадлежность мужчин к криминальному миру и его доминантную роль: **Кости барона, Властелин мира**. Как и соционимы, антропонимы содержат имена как женского рода, так и мужского рода. В рамках исследования были выявлены 23 антропонима: **Неукротимая Хильда, Новый Геркулес, Шика де Сильва, Тихие страсти Магдалены и др.**Примечательно в данных случаях обращение к библионимам: **Геркулес и Магдалена**. Также единичные примеры топонимов, нумеронимов и зоонимов:

- топонимы (5): **Вавилонская башня, Случай в Антаресе и др.;**
- нумеронимы (4): **Дона Флор и два ее мужа, Четыре на четыре, Однажды, Шестеро из них и др.;**
- зоонимы (4): **Опасные индюшки, Улыбка ящерицы и др.**

В примерах наименований сериалов Бразилии выявлены 7 примеров оксюморона: **Нежный яд, Роковое наследство, Жестокий ангел, Моя любовь, моя печаль, Его любовь и его грехи, Тихие страсти Магдалены, Королева металлолома.**

Период с 1990 по 1999 годы для России был переломным и сложным как политически, так и экономически, что сказалось на кинопроизводстве. В России в этот период были сняты 40 сериалов. Для этого периода больше характерны полнометражные фильмы, однако для сопоставительного анализа фокус нашего внимания сосредоточен на названиях сериалов. В отличие от наименований сериалов Аргентины и Бразилии, названия сериалов России в большей степени представлены примерами мужского рода. Это можно объяснить тем, что страна была на этапе новых реформ и политическая роль мужчины была главенствующей не только в экономике страны, но и в социальной жизни. Это также объясняется ростом криминала, где также ключевую роль играли мужчины. Наибольшая группа наименований представлена 18 примерами функциональной лексикой, которая прямо указывает на общественные проблемы и расцвет криминальных структур: **Директория смерти, Тишина, Улицы разбитых фонарей, Простые истины, Русский транзит, Поворот ключа, Рэкет и др.**В равной степени по 7 примеров в группах антропонимы: **Каменская, Проклятие Дюран, Детство Никиты и др.,** а также соционимы: **Короли российского сыска, Агент национальной безопасности, Что сказал покойник, День рождения буржуя, Самозванцы**и др. Выявленные примеры презентуют представителей милиции, сыскных служб, новых состоятельных слоёв населения, нуворишей, и сфокусированы на противопоставлении закона и криминала. Единичными примерами представлены топонимы, зоонимы и нумеронимы, которые можно классифицировать следующим образом:

- Топонимы (4): **Петербургские тайны, На углу у Патриарших и др.;**
- Зоонимы (2): **Конь белый, Под знаком скорпиона.**
- Нумеронимы (2): **Сердца трех, 33 квадратных метра**

В отличие от аргентинских сериалов, российские в большей степени представлены функциональной лексикой. Семантическая группа российских сериалов также представлена более разнообразной группой. Соционимами и антропонимами являются наименования мужского пола.

Выводы

Наименования сериалов стран Латинской Америки позиционируют больше сентиментальности по сравнению с наименованиями сериалов России в период с 1990 по 1999 годы. Для наименований телесериалов Аргентины характерен «женский облик». Основной героиней телесериала является девушка, которая столкнулась со сложностями жизни и несправедливостью мира. Наименования аргентинских сериалов демонстрируют уязвимость женского пола в обществе. В названиях телесериалов Бразилии отражены основные герои и сюжетные линии, где в равной степени представлены как мужчины, так и женщины. Женщина представлена эмансипированной, деятельной и независимой. Мужчина в основном в

образе представителя криминальной сферы. У наименований российских сериалов образ «мужской», показана борьба добра и зла, а также доминантной является криминальная сфера. Таким образом, можно объяснить популярность латиноамериканских сериалов в России того периода. Основными зрителями являлись женщины. В отличие от российских сериалов, где главную роль отдавали мужчине, латиноамериканские сериалы в центр сюжета ставили женщину. Образ новых стран, независимость женщины и сентиментальность сюжета, помогали смягчить реальность и окунуться в воображаемый сериальный мир.

Список источников

1. Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. Лингвокультурная локализация заголовков // RussianJournalofLinguistics, Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 435 – 439.
2. Жираткова Ж.В., Малолетнева И.В., Козловская Л.В. Новый ценностный мир современной студенческой молодежи – «до», «в период» и «после» локдауна // Вестник РМАТ. 2021. № 2. С. 46 – 52.
3. Иванова А.П., Лаврова О.В. Языковые особенности тематической группы фильмонимов // ArtLogos. 2021. С. 61 – 66.
4. Капанян Н.Н. Влияние кинематографа на создание образа героя нашего времени в молодёжном сегменте современного российского общества // Вестник Южно-Российского Государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. № 5. 2020. С. 84 – 90. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-5-84-90.
5. Килячков Н.А. Социально-экономические преобразования Бразилии в 1990-е годы // Финансы и кредит. 2000. С. 49 – 58.
6. Кислова Л.С., Ветошкина М.А. Телесериал как социальный проект в современном массовом дискурсе: национальная специфика // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. № 1 (25). С. 80 – 105. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105.
7. Кныш Е.В. Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке: диссертация кандидата филологических наук. Одесса, 1992. 200 с.
8. Козлов Е.В. Нарратив сериала: между буквой и цифрой // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. статей. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. 2018. С. 63 – 69.
9. Куликов Е.М., Куликова Н.А. Массовая культура как фактор генезиса экстремистских установок современной российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. № 1-2. 2011. С. 86 – 89.
10. Матлина А.А. Латинская Америка в меняющемся мире. Москва: Наука.1992. 248 с.
11. Мунгалов А.В. Экономические реформы в Аргентине в 1990-е годы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2008. № 2. С. 98 – 107.
12. Николаева Л.Н. Социальная политика Российских Федерации и ее последствия для российского общества (региональный аспект // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. С. 58 – 63.
13. Петров Г.Н. Телевизионная драматургия: Проблемы журналистского мастерства и особенности творчества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 1999. 119 с.
14. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М. Наука. 1988. 187 с.
15. Попова Л.О., Ромах О.В. Феномен телевизионных сериалов в современной массовой культуре // Аналитика культурологии. 2008.
16. Расторгуев С.В., Давыдова М.А. Российские сериалы как механизмы формирования и подкрепления ценностей молодежи // Политическая наука. 2024. № 4. С. 98 – 120.
17. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 366 с.
18. Lopez A.M. Tears and desire: women and melodrama in the ‘Old’ Mexican Cinema // Feminism and Film. Oxford; New York: Oxford University Press. 2000. P. 505 – 520.

References

1. Anisimov V.E., Borisova A.S., Konson G.R. Linguocultural Localization of Headlines. Russian Journal of Linguistics, RUDN University Bulletin. Series: Linguistics. 2019. No. 2. P. 435 – 439.
2. Zhiratkova Z.V., Maloletneva I.V., Kozlovskaya L.V. The New Value World of Modern Student Youth – “Before,” “During,” and “After” the Lockdown. RMAT Bulletin. 2021. No. 2. P. 46 – 52.
3. Ivanova A.P., Lavrova O.V. Linguistic Features of a Thematic Group of Filmonyms. ArtLogos. 2021. P. 61 – 66.

4. Kapanyan N.N. The Influence of Cinema on the Creation of the Image of the Hero of Our Time in the Youth Segment of Contemporary Russian Society. Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences. No. 5. 2020. P. 84 – 90. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-5-84-90.

5. Kilyachkov N.A. Socioeconomic Transformations of Brazil in the 1990s. Finance and Credit. 2000. P. 49 – 58.

6. Kislova L.S., Vetoshkina M.A. Television Series as a Social Project in Contemporary Mass Discourse: National Specifics. Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian Research. Humanitates. 2021. No. 1 (25). P. 80 – 105. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105.

7. Knysh E.V. Linguistic Analysis of Film Titles in Russian: Candidate of Philological Sciences Dissertation. Odessa, 1992. 200 p.

8. Kozlov E.V. Narrative of the TV Series: Between Letter and Number. Kult-tovary: Mass Literature of Contemporary Russia Between Letter and Number: Collection of Scientific Articles. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University. 2018. P. 63 – 69.

9. Kulikov E.M., Kulikova N.A. Mass Culture as a Factor in the Genesis of Extremist Attitudes of Contemporary Russian Youth.Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. No. 1-2. 2011. P. 86 – 89.

10. Matlina A.A. Latin America in a changing world. Moscow: Nauka.1992. 248 p.

11. Mungalov A.V. Economic reforms in Argentina in the 1990s. Bulletin of Omsk University. Series "Economics". 2008. No. 2. P. 98 – 107.

12. Nikolaeva L.N. Social Policy of the Russian Federation and Its Consequences for Russian Society (Regional Aspect). Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2013. P. 58 – 63.

13. Petrov G.N. Television Drama: Problems of Journalistic Mastery and Peculiarities of Creativity. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. 1999. 119 p.

14. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian Onomastic Terminology. Moscow: Nauka. 1988. 187 p.

15. Popova L.O., Romakh O.V. The Phenomenon of Television Series in Contemporary Mass Culture. Analytics of Cultural Studies. 2008.

16. Rastorguev S.V., Davydova M.A. Russian Series as Mechanisms for Forming and Reinforcing Youth Values. Political Science. 2024. No. 4. P. 98 – 120.

17. Superanskaya A.V. General Theory of Proper Names. Moscow: Nauka, 1973. 366 p.

18. Lopez A.M. Tears and Desire: Women and Melodrama in the ‘Old’ Mexican Cinema. Feminism and Film. Oxford; New York: Oxford University Press. 2000. P. 505 – 520.

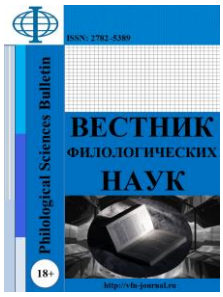
Информация об авторах

Исмагилова А.Р., кандидат филологических наук, доцент, кафедра европейских языков и культур, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Палутина О.Г., кандидат филологических наук, доцент, кафедра европейских языков и культур, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Багманова Н.И., старший преподаватель, кафедра европейских языков и культур, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, nibagmanova@kpfu.ru

© Исмагилова А.Р., Палутина О.Г., Багманова Н.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.1

[1] Мамедов С.З.

[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Особенности перевода текстов военной направленности: коммуникативно-функциональный подход

Аннотация: *цель исследования – определить актуальность использования тактики прагматической адаптации, а также тактики правильного оформления информации в рамках стратегии коммуникативно-равноценного перевода при переводе текстов военной дестинации. В статье рассматриваются примеры переводов текстов указанного типа с последующим анализом с целью подтверждения применимости вышеуказанной переводческой стратегии и тактик, направленных на ее реализацию при осуществлении перевода военных текстов с английского языка на русский и с русского языка на английский. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале русского и английского языков описан принцип ведения переводческой деятельности в военной сфере с точки зрения коммуникативно-функционального подхода к переводу с учетом прагматических факторов, таких, как цели, преследуемые коммуникантами и их национально-культурные черты, а также особенности русской и английской военной терминологии. Также предлагается комплекс переводческих тактик, направленных на реализацию выбранной стратегии в каждой коммуникативной ситуации, в частности тактики прагматической адаптации и тактики правильного оформления информации в рамках стратегии коммуникативно-равноценного перевода при переводе текстов военной направленности с целью подтверждения ее применимости (на материале русского и английского языков). В результате определено, что ввиду необходимости не просто перевести тот или иной текст указанного типа с одного языка на другой, но и адаптировать его под иностранного получателя (в данном случае – иностранного военнослужащего, корреспондента, студента/курсанта, изучающего военное дело, военнопленного и т.д.), основываясь на его национально-культурных чертах, а также преследуемых целях и нормах терминообразования в русском и английском языках, применимы вышеуказанные переводческие тактики в рамках стратегии коммуникативно-равноценного перевода.*

Ключевые слова: *военный перевод, военный дискурс, стратегии перевода, переводческие тактики, тактика прагматической адаптации, тактика правильного оформления информации*

Для цитирования: Мамедов С.З. Особенности перевода текстов военной направленности: коммуникативно-функциональный подход // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 107 – 118.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Mamedov S.Z.

[1] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch

Military-oriented texts translation features: communicative-and-functional approach

Abstract: *the article is aimed at determining the relevance of using the tactics of pragmatic adaptation, as well as the tactics of proper information processing within the framework of the communicatively equivalent translation strategy while translating military-oriented texts. The examples of the translation of texts of the type with subsequent analysis aimed at confirming the applicability of the mentioned translation strategy and tactics aimed at its implementation are given. The scientific novelty of the study is reasoned by describing the principle of conducting translation activities in the military field from the point of view of the communicative-and-functional approach to translation, taking into account pragmatic factors such as the goals pursued by communicants and their national and cultural characteristics, as well as the peculiarities of Russian and English military terminology. A set of translation tactics aimed at implementing the chosen strategy in each communicative situation, in particular, pragmatic adaptation tactics and tactics of correct information proceeding within the framework of a strategy of communicatively-equivalent translation in translating military texts in order to confirm its applicability (based on the material of Russian and English) is also proposed. The results show the necessity not only to translate a military text from one language to another, but also to adapt it to a foreign recipient (in our case, a foreign military serviceman/ a correspondent, a student/cadet studying military affairs, a prisoner of war, etc.), based on the national and cultural characteristics, as well as the peculiarities of the Russian and English languages terminology formation standards.*

Keywords: *military translation, military discourse, translation strategies, translation tactics, pragmatic adaptation tactics, proper information proceeding tactics*

For citation: Mamedov S.Z. Military-oriented texts translation features: communicative-and-functional approach. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 107 – 118.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена следующим фактором: в эпоху глобализации и трансграничных угроз роль военной переброски приобрела стратегическое значение в обеспечении национальной безопасности и поддержании международного мира. Военный перевод, который выходит за рамки простой лингвистической трансформации, представляет собой сложную интеллектуальную деятельность, направленную на передачу специализированной информации в контексте военных операций, разведывательной деятельности и военно-технического сотрудничества.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить ряд задач. Во-первых, определить различные типы дискурса, присутствующие в военной сфере. Во-вторых, необходимо определить стратегию перевода, используемую при переводе военных текстов. В-третьих, необходимо определить тактику перевода, направленную на реализацию этой стратегии, включая тактику прагматической адаптации и тактику правильного оформления информации.

Для определения необходимой переводческой стратегии и тактик были использованы следующие методы: анализ коммуникативных ситуаций в военной сфере, направленный на выявление специфики военного дискурса и элементов других видов дискурса, присутствующих в текстах военной направленности; сопоставление результатов перевода с коммуникативными ситуациями для определения целей авторов оригинала и цели создания перевода; теоретическое осмысление выбора конкретной стратегии перевода и использование соответствующих переводческих тактик для достижения задач перевода текстов военной дестинации, исходя из целей коммуникантов, типа получателя и его национально-культурной принадлежности, а также норм терминообразования в русском и английском языках.

Теоретической базой исследования послужили публикации авторов, в которых рассматриваются характеристики текстов военной направленности, а также особенности военного дискурса (Стрелковский, 1979; Юсупова, 2009), особенности военной терминологии и ее перевода (Нелюбин, Дормидонтов, Васильченко 1981; Дюков, Кургалина, 2020; Данилин, 2020), а также перевода военных сленгизмов (Митчелл, 2014;

Hanaqtah, 2016) и вопросы выбора необходимой стратегии перевода и переводческих тактик (Сдобников, 2015).

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявляемая в статье переводческая стратегия - стратегия коммуникативно-равноценного перевода, и переводческие тактики, направленные на реализацию вышеуказанной стратегии, могут быть использованы при переводе английских текстов военной дестинации, предназначенных для русскоязычных получателей. Полученный результат может быть также применен в процессе преподавания ряда дисциплин, включая «Практический курс перевода первого иностранного языка (английский язык)», а также «Перевод в профессиональной сфере» (Военный перевод) (английский язык)».

Материалы и методы исследований

В процессе исследования были использованы материалы из различных текстов военной направленности на русском и английском языках, используемых преимущественно в учебных и массово-информационных целях. Основным источником информации стали научные публикации, посвященные анализу особенностей русской и английской военной терминологии, а также учебные и методические пособия по переводу, содержащие примеры данной терминологии и способы перевода. Проведено исследование содержания и структуры военных текстов с целью выявления специфических особенностей военного дискурса, носящего гибридный характер и терминологии. Также проведен сравнительный анализ текстов оригиналов и их переводов с целью определения применимых стратегий и тактик перевода. Теоретическую основу составили труды, посвященные особенностям военного дискурса, его терминологии и переводческих стратегий. Практические аспекты исследовались через анализ переводов текстов, направленных на разные категории аудитории (иностранного военнослужащего, корреспондента, студента/курсанта, изучающего военное дело, военнопленного и т.д.). Особое внимание уделялось тактикам прагматической адаптации и правильного оформления информации.

Результаты и обсуждения

Прежде чем приступать к рассмотрению особенностей военного перевода, обратимся к такому понятию, как «военный дискурс».

Итак, военный дискурс – это сложная и динамичная система коммуникации, глубоко укоренённая в институциональной структуре вооружённых сил. Его историческая изменчивость отражает эволюцию самих армий, поскольку известно, что структура воинских подразделений, звания, знаки различия претерпевают изменения со временем. Яркий пример - исчезновение звания «унтер-офицер» в российской армии, в отличие от его сохранения в американской. Аналогично, американские ВВС отказались от организационной единицы «воздушная дивизия» (англ. *Air Division*), в то время как другие страны могут использовать аналогичные структуры под другим названием. Эти изменения не только влияют не только на терминологию, но и на саму структуру общения внутри армии, перестраивая внутренние коммуникативные потоки и способы передачи информации.

Военный дискурс, несмотря на историческую изменчивость, характеризуется устойчивыми особенностями институциональной коммуникации. Субординация является центральным понятием, определяющим иерархические отношения и статус участников. Воинское звание влияет на манеру общения, строго регламентированную уставом.

Коммуникация отличается четкостью и структурированностью: приказы, доклады и распоряжения лаконичны, точны и однозначны, что критически важно для недопущения негативных последствий; военная документация (приказы, рапорты, сводки) имеет строгую структуру, использует терминологию и формализованный стиль. К примеру, рапорт о потерях должен содержать определенные данные в установленном формате.

Кроме того, военный дискурс характеризуется широким использованием не только специальной терминологии, но и акронимов и сокращений, понятных лишь внутри профессиональной среды, что с одной стороны способствует быстрому и точному обмену информацией между военнослужащими, с другой - создаёт языковой барьер для посторонних. Например, такой термин, как «маневр» имеет специфическое значение в военном контексте и не всегда может быть понятен в широком, общеупотребительном смысле.

Т.С. Юсупова, в свою очередь, разделяет военный дискурс на формальный и неформальный. В первом случае мы имеем дело с официальной коммуникацией, регулируемой уставами и инструкциями. Неформальный дискурс, в свою очередь, представляет собой общение в неформальной обстановке, вне рамок строгой иерархии. Однако, даже в неформальном общении прослеживаются особенности военного дискурса: специфический юмор, жаргон, общие темы, связанные с военной службой [9].

Жанры военного дискурса представляют собой сложную и многогранную область исследования, требующую внимательного анализа различных аспектов. Существующие классификации, предложенные отечественными и зарубежными учеными, часто различаются по используемым критериям, но большинство из них соглашаются в необходимости разделения текстов по функциональному назначению. Г.М. Стрелковский, например, выделяет две основные группы: тексты, регламентирующие деятельность вооруженных сил, и тексты информационного характера. Однако такое деление, хотя и удобное в первом приближении, является несколько упрощенным и требует дальнейшей детализации [8, с. 21].

Первая группа военных текстов включает уставы, приказы, инструкции и другие документы, характеризующиеся формальным стилем, строгой структурой, специализированной терминологией и клише. Низкая контекстуальность и отсутствие эмоций обеспечивают однозначное толкование и объективность. Эти тексты регулируют деятельность военной организации и обеспечивают единообразие действий. Формальные требования к документам могут различаться в разных странах; вторая группа – тексты информационного содержания, охватывающие военно-научные публикации, военно-технические тексты, военно-информационные сводки, военно-публицистические материалы и военные мемуары. Границы между подгруппами размыты, и текст может сочетать элементы разных жанров. На военный дискурс влияют политические и идеологические факторы. Новые информационные технологии приводят к появлению новых жанров и форм военного дискурса.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о многогранности военного дискурса, включающего в себя элементы многих других видов дискурса. В качестве примера можно привести следующие:

Наиболее распространёнными являются оперативный дискурс (планирование операций, оценка противника), политический (формирование общественного мнения, заявления чиновников), технический (инновации и технологии в вооружении) и культурный (отражение военных тем в искусстве). Оперативный дискурс связан с техническим, поскольку современные операции опираются на технологии. Политический дискурс влияет на масштабы операций и моральный дух армии, а пропаганда может искажать реальность. Культурный дискурс формирует стереотипы и образы войны, влияя на общественное мнение и политику. Оперативные решения часто диктуются политическими целями. Стремление к быстрым или осторожным действиям может быть связано с общественным мнением или не допущением эскалации конфликта.

Технический дискурс, в свою очередь, не только описывает существующие технологии, но и влияет на оперативный и политический уровни. Разработка нового оружия или тактики может привести к пересмотру стратегических планов и изменить баланс сил, а обсуждение новых технологий в публичном пространстве может повлиять на общественное мнение и поддержать или, наоборот, ослабить политическую волю к войне. Взаимодействие технического и культурного дискурса также заслуживает внимания. Изображение новейшего оружия в художественных произведениях может сформировать определённый образ войны, влияющий на восприятие обществом как самой войны, так и технологий, используемых в ней. Это может привести к росту военного бюджета или, напротив, к усилению антивоенных настроений.

Литература, кино, музыка и другие формы искусства, не просто отражающие военный опыт, но и формирующие его восприятие, поскольку образы войны, создаваемые художниками, писателями и режиссёрами, могут стать источником национальной идентичности, символами мужества и самопожертвования, или, наоборот, причиной критики и протеста против военных действий, свидетельствуют о присутствии элементов как культурного, так и художественного дискурса в ряде текстов военной направленности. Кроме того, данный вид дискурса способствует сохранению памяти о войнах и передаче военного опыта будущим поколениям.

Ещё одним важным аспектом военного дискурса является использование пропаганды и дезинформации. Соответственно, массово-информационный дискурс также часто используется для манипулирования общественным мнением, оправдания военных действий и поддержания военного морального духа. Как известно, пропаганда может искажать реальность, преувеличивать достижения своей стороны и умалять достижения противника; дезинформация, в свою очередь, направлена на введение в заблуждение противника, с целью получения тактического или стратегического преимущества. Разбор и критический анализ пропагандистских и дезинформационных потоков является неотъемлемой частью изучения военного дискурса.

Как мы видим, классификация Юсуповой не охватывает всех аспектов военного дискурса. Необходимо выделить промежуточный тип, обладающий междискурсивным статусом: военно-художественная литература, военная публицистика и военно-политические материалы. Эти тексты, хотя и основаны на военной тематике, не всегда подчиняются строгой формальности военного дискурса, поскольку в ряде случаев могут использоваться и художественные приемы, образность и свободный стиль изложения (что

говорит о возможности выделения и художественного дискурса), но при этом сохраняют некоторые особенности военного языка и тематики. Например, военный роман может содержать специфическую терминологию, описывать военные операции, но при этом опирается на художественные приёмы для создания образного повествования. Аналогично, военная публицистика, стремясь достичь широкой аудитории, часто использует более доступный язык, но при этом остается связанной с военной проблематикой [9, с. 1055-1057].

В коммуникативных ситуациях, имеющих место в военных госпиталях или, к примеру, в медицинской литературе, предназначенной для подготовки военных медиков, можно также выделить **медицинский** дискурс.

Соответственно, военный дискурс – это динамичная и многогранная система общения, характеризующаяся строгой иерархией, чёткостью и структурированностью, использованием специальной терминологии и наличием как формальных, так и неформальных форм коммуникации. Его исследование требует учёта его исторической изменчивости, междискурсивных связей и взаимодействия с другими типами дискурса. Понимание особенностей военного дискурса необходимо не только для специалистов в области лингвистики, но и для широкого круга исследователей, интересующихся военной историей, политикой и социологией.

Вышесказанное подтверждает следующее: разнообразие видов жанров и дискурса и, следовательно, типов коммуникантов и преследуемых целей говорит о необходимости использования различных видов стратегий и тактик при осуществлении перевода в той или иной коммуникативной ситуации, возникающей в военной сфере.

Успех перевода и работы переводчика зависит от выбора стратегии. В.В. Сдобников выделяет три основных типа:

Стратегия коммуникативно-равноценного перевода, применимая в ситуациях, когда цели создания текста оригинала и цели создания перевода совпадают.

Стратегия терциарного перевода, актуальная в случаях, когда цель создания перевода отличается от цели создания оригинала.

Стратегия переадресации, необходимая при переводе текстов, предназначенных для получателя, отличающегося от реципиента оригинала с точки зрения не только культуры, но и социально (по возрастной категории, социальному статусу и т.д.) [7, с. 145].

Что касается перевода текстов непосредственно военной направленности, ввиду необходимости как передать русскоязычному получателю информации, содержащейся в тексте оригинала, так и оказать соответствующее эмоционально-психологическое воздействие, применима именнос стратегия коммуникативно-равноценного перевода.

В первую очередь следует обратить внимание на перевод специальной военной терминологии, а также свойственных данной тематике сленговых выражений.

В своем фундаментальном труде Л.Л. Нелюбин подробно анализирует специфику военного перевода. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим при передаче терминологии с английского языка на русский и наоборот, что обусловлено значительными языковыми расхождениями. Ученый указывает, что без тщательного анализа исходного текста, без понимания его контекста и заложенной в нем смысловой нагрузки, даже опытный специалист может столкнуться с непреодолимыми трудностями. Как уже упоминалось, незнание контекста может привести к неверной интерпретации аббревиатур и сокращений, что чревато не только искажением информации, но и передачей заведомо ложных данных. Классический пример – английская аббревиатура *EAGLE (Elevation Angle Guidance Landing Equipment)* - один из вариантов правильного перевода - *посадочное оборудование «Игл»* («оборудование для посадки с наведением по углу возвышения»); или же русская аббревиатура «ДШК», которую следует не только транслитерировать - *DShK*, но и дать определение - *a Soviet/Russian heavy belt-fed machine gun firing the 12.7×108mm cartridge, using a butterfly trigger*. Неправильный перевод подобных терминов может иметь катастрофические последствия в оперативной деятельности.

Автор также подчеркивает влияние интернационализации на перевод военных понятий и реалий. Так, английское слово *army* в ряде случаев переводится как «сухопутные войска», а не просто как «армия», что в русском языке является более широким понятием, включающим в себя различные рода войск. Это различие важно учитывать, чтобы избежать неточностей и недоразумений. Аналогичная проблема возникает при переводе терминов, имеющих неполное соответствие в обоих языках. Например, термин *military academy* в ряде случаев правильнее переводить как «военное училище», а не «военная академия», поскольку в России под военными академиями принято понимать учебные заведения высшего уровня, в то время как в

англоязычном мире данный термин может обозначать и училище, соответственно, ключевую роль играет не только лексическое соответствие, но и понимание организационной структуры вооруженных сил в каждой стране [6, с. 235].

Кроме того, ученый обращает внимание на значимые различия между американским и британским вариантами английского языка, что вносит дополнительную сложность в процесс перевода военной документации. Даже одно и то же слово может иметь различные значения. Например, *troop* в Великобритании обозначает «взвод», в то время как в США – это «разведывательная рота», а термин *troops,* употребляемый непосредственно во множественном числе, означает «войска» в целом. Подобные расхождения требуют от переводчика предварительного определения географической привязки исходного текста и учета соответствующих лексических норм. Более того, существуют диалектные особенности даже внутри одной страны, например, различия в военной терминологии, используемой в разных родах войск США или Великобритании.

Важно также отметить, что современная военная терминология постоянно развивается, появляются новые технологии и концепции, что требует от переводчиков постоянного обновления своих знаний. Использование специализированных словарей и баз данных, а также обращение к консультациям со специалистами-военными являются неотъемлемой частью качественного военного перевода. Например, новые типы вооружений и боеприпасов, особенности современных систем связи и разведки, специфическая терминология, связанная с кибервойной, требуют глубокого понимания не только языка, но и технологических аспектов.

Важной функцией военного языка является создание и поддержание групповой идентичности. Специальная терминология способствует формированию «своего» и «чужого», создавая чувство сплоченности и единства внутри воинских подразделений. Это не только упрощает коммуникацию внутри группы, но и укрепляет командный дух, повышает боеспособность и психологическую устойчивость военнослужащих в экстремальных условиях. Знание специфической терминологии является своего рода «паролем», подтверждающим принадлежность к определенному сообществу.

Как мы убедились, анализ специфики перевода терминологии требует глубокого понимания их семантической структуры. Ключевую роль здесь играет работа А.С. Данилина [1], где он выделяет три основных аспекта семантики термина: свободное значение, прямое значение и номинативное значение, каждое из которых обладает четкими семантическими границами. Свободное значение отражает общее понятие, лежащее в основе термина, прямое значение – его узкоспециальное толкование в конкретной области знания, а номинативное – непосредственно само название, являющееся условным обозначением конкретного понятия. Нарушение этих границ при переводе может привести к искажению смысла и потере точности. Например, перевод термина *bandwidth* как «полоса пропускания» в контексте компьютерных сетей будет являться адекватным отображением прямого и номинативного значений, в то время как свободное значение может быть связано с более общим понятием «пропускной способности». Однако, следует учитывать, что в контексте акустики, тот же термин может описывать диапазон частот.

Важно отметить, что специфичность перевода терминов также определяется их синтаксической структурой и способами словообразования. В английском языке, как и в русском, термины формируются различными способами, что существенно влияет на стратегии их перевода. Данилин не затрагивает подробно вопрос словообразования терминов, но мы можем расширить его анализ. Рассмотрим основные способы словообразования английских терминов, которые представляют особую сложность при переводе:

●Аффиксация, подразумевающая прибавление морфем (приставок и суффиксов) к основе, к примеру, *-eer → volunteer; -ant → assistant; -extra→ extraterrestrial и т.д*.

●Словосложение (композиция), т.е. образование новых слов путем соединения двух и более основ. Примеры (*break+down; counter+attack; manhandle*) демонстрируют простоту перевода в отдельных случаях. Однако, словосложение может порождать термины, имеющие идиоматическое значение, что требует более глубокого анализа при переводе. Например, *catch-22* не переводится дословным словосложением, а требует передачи его идиоматического значения – «безвыходное положение».

●Сокращение, т.е. образование новых слов путем укорачивания существующих. Примеры (*loc → locality; auth → authorize*) показывают, что сокращения часто используются в технической документации и требуют знания специфических аббревиатур и их расшифровок. Неправильное толкование сокращения может привести к серьезным ошибкам.

●Конверсия: изменение части речи слова без изменения его формы. (*a commission → to commission; an officer → to officer*) В этом случае особенную сложность представляет точная передача грамматических и

семантических оттенков в целевом языке [1].

Российский исследователь Р.В. Дюков в своей работе обоснованно подчёркивает критическую важность глубокого понимания нюансов воинской терминологии при переводе текстов военного характера. Неправильный перевод может привести к серьёзным последствиям, от искажения смысла до стратегических ошибок. Дюков приводит примеры, иллюстрирующие эту проблему: транслитерация термина *Master sergeant* - «мастер-сержант», что является общепринятым и достаточно точным способом передачи этого звания старшего унтер-офицера в армии США, Великобритании и ряда других стран. Однако, простое использование транслитерации не всегда достаточно. Важно понимать контекст и функции этого звания в конкретной армии, так как структура и полномочия старшего сержанта могут незначительно отличаться. Например, в армии США мастер-сержант может руководить взводом, а в британской армии – компанией, что существенно влияет на точность перевода [2, с. 75-83].

Ещё один пример – *General Staff,* переведённый как «общий штаб». Этот перевод, хотя и близок к истинному значению, является упрощением. В английском языке данный термин означает не просто штаб, а определённую структуру, группу высокопоставленных офицеров, отвечающих за планирование и координацию военных операций на стратегическом уровне. Простой перевод «общий штаб» не передаёт всю сложность и специфику этой структуры. Важно понимать, что *General Staff* в армии США отличается по структуре и функциям от *General Staff* в армии Великобритании или, например, в армии Франции. Поэтому для качественного перевода необходимо учитывать конкретную армию и её организационную структуру.

Что касается термина *Green Berets*, переведённый как «Силы специального назначения Армии США». Хотя это верный перевод, он опять же не учитывает нюансы, поскольку «Зелёные береты» – это специфическое подразделение в составе спецназа армии США, имеющее свою историю, уникальную подготовку и специфические задачи. Перевести просто как «спецназ» будет неточно, так как в армии США (собственно, как и в армиях многих других стран) существует множество спецподразделений, принадлежащих различным ведомствам и родам войск. Для точного перевода необходимо понимать различия между *Green Berets* и другими подразделениями, такими как *Navy SEALs, Delta Force* в англоязычных странах и «спецназ ВМФ»/«спецназ ГРУ»/«спецназ ФСБ» в России и т.д.

Рассмотрим ещё несколько примеров, приведенных в исходном тексте, и расширим их, добавив нюансы и детали: термин *extraction* (экстракция) обычно ассоциируется с извлечением чего-либо, но в военном деле его значение приобретает конкретику и многообразие. В контексте «экстракция гильз» мы говорим о банальном сборе стреляных гильз после стрельбы, важном для поддержания чистоты на позициях и предотвращения нежелательных сбоев в работе автоматики оружия. Однако «экстракция» может также обозначать операцию по эвакуации повреждённой или застрявшей техники с поля боя – это сложная процедура, требующая специального оборудования, например, мощных тягачей или вертолётов, а иногда и рискованных манёвров под огнём противника. И наконец, «экстракция» может относиться к выводу десантных подразделений из тыла противника после выполнения диверсионной, разведывательной или другой миссии. Эта операция требует тщательного планирования, координации действий различных подразделений, и часто сопровождается активными боевыми действиями по обеспечению безопасного отхода. Успешная «экстракция» в данном случае – показатель высокого профессионализма и слаженной работы всего военного контингента.

Аналогично многозначен термин *acquisition*. Помимо обычного понимания как «приобретение» (например, новой техники или вооружения), в военном деле он означает обнаружение и захват цели. Процесс *acquisition* включает в себя обнаружение цели с помощью различных сенсоров (радар, инфракрасные датчики, акустические системы), её идентификацию (определение типа, принадлежности), и, наконец, захват цели для дальнейшего сопровождения и поражения. Это сложный алгоритм, требующий высокой точности и быстродействия систем наблюдения и управления вооружением.

Что касается термина *surveillance* (наблюдение), в военном контексте первое значение - «базовая разведка», но в современной войне под данным термином может пониматься скрытое наблюдение, а также комплексное наблюдение с использованием всего арсенала технических средств. Это не только визуальное наблюдение с помощью наблюдательных постов, но и применение радиолокационных станций различных диапазонов, инфракрасных систем тепловизионного наблюдения, беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) с высокоточными камерами и сенсорами, а также систем электронной разведки, способных перехватывать и анализировать радиосигналы противника. Современные системы *surveillance* позволяют создавать полную картину ситуации на поле боя в реальном времени, обеспечивая преимущество для наступающей стороны. Таким образом, простые на первый взгляд термины в военном лексиконе обретают глубину и сложность, отражая многогранность современных военных операций [11, с. 313-317].

Однако Военный язык включает не только строгую терминологию, но и профессиональный сленг для неформального общения. Сленг упрощает коммуникацию, сокращает время передачи информации и помогает справляться со стрессом. Часто он содержит юмористические элементы, что помогает военнослужащим справляться с эмоциональными нагрузками. Например, ироничное использование английского термина *pigeon* («голубь») для обозначения военно-воздушных сил США иллюстрирует контраст между мирным символом и суровой реальностью военной службы.

Образование сленговых выражений в военном языке происходит различными способами. Это может быть лексико-семантическое словообразование (перенос значения, например, *boot* - новобранец, от слова «сапог»), словосложение (*chair force* - ВВС, ироничное обозначение, подчеркивающее, что пилоты больше сидят, чем находятся в воздухе), сокращения (*corp*. от *corporal* - капрал), звукоподражание (*whiz bang* - снаряд), образование фразеологизмов (*to dog a watch* - нести дозор) и, конечно же, заимствования из других языков (*Blitzkrieg* (нем.) - «молниеносная война», однако транслитерация «Блицкриг» тоже используется) [4, с. 64-73.]. Некоторые сленговые выражения со временем входят в официальный военный язык, подтверждая динамическую природу этого особого вида коммуникации. Также стоит отметить использование различных кодов и шифров, необходимых для обеспечения секретности передаваемой информации, что является неотъемлемой частью военного языка. Разработка и внедрение новых криптографических систем также вносит свой вклад в постоянное обновление и усложнение военного языка. Всё это подчеркивает его многогранность и ключевую роль в обеспечении эффективной работы вооруженных сил.

Говоря о военном сленге, следует отметить, что это особый «мир», наделенный специфическими терминами, понятиями и аббревиатурами, непонятными непосвященным. Его использование связано с необходимостью быстрой коммуникации в экстремальных условиях и созданием внутригруппового кода. Однако специфичность сленга усложняет перевод военных текстов, выходя за рамки простой лексической замены. Проблема заключается в глубоких языковых и культурных различиях: англоязычный военный сленг содержит исторические аллюзии и специфические культурные коды, часто ироничные или саркастические, что делает прямой перевод трудным и может привести к искажению смысла.

Рассмотрим пример, приведенный в исследовании Е.М. Масленниковой (2018): слово *boot* в значении «новобранец». Его русский эквивалент – «дух». Однако сочетание «американский дух» или «дух-американец» для обозначения американских новобранцев звучит не только неуместно, но и комично. Это наглядно демонстрирует, что простое соответствие слов не гарантирует адекватного перевода. Ключевая проблема – несоответствие культурных контекстов. «Дух» в русском языке имеет более широкое значение и часто ассоциируется с чем-то эфемерным, духовным, в то время как *boot* в англоязычной военной среде – это конкретный, хотя и неопытный, боец [3, с. 53-57].

В целом, влияние военных конфликтов на формирование сленга – обширная и малоизученная область лингвистики. Сленг, возникающий на полях сражений, отражает не только специфику военной жизни, но и психологическое состояние бойцов, их отношение к войне, врагу и друг другу. Новые слова и выражения, часто абсурдные или ироничные, появляются как способ справиться со стрессом, упростить общение в экстремальных условиях и создать внутригрупповой код, понятный только «своим». Рассмотрим подробнее, как различные военные конфликты породили уникальные лексические пласты:

К примеру, корейская война (1950-1953) стала источником множества военных сленгизмов, отражающих специфику боевых действий того времени. К примеру, термин *Carrier pigeon* («почтовый голубь») – ироничное прозвище для корейских посыльных, использовавшихся из-за отсутствия надежной радиосвязи. Этот термин подчеркивает неэффективность и архаичность метода связи в сравнении с современными технологиями. *Chicom* («чикам») – сокращение от *Chinese communist* («китайский коммунист») – простое и презрительное обозначение китайских солдат, ярко демонстрирующее враждебное отношение к противнику; *K-day* («День "К"») – обозначает первый день участия в боевых действиях, важный момент, отмечающий переход от подготовки к реальному столкновению со смертью; *flute*, что в дословном переводе означает «флейта» – неожиданное название для реактивного самолета, вероятно, связанное с его формой или звуком.

Война во Вьетнаме (1955-1975), в свою очередь, оказала еще более значительное влияние на формирование американского военного сленга. Его богатство и разнообразие отражают длительность и интенсивность конфликта, а также психологическое напряжение, которое испытывали американские солдаты. *Crunchie* (дословно - «хрустящий») – прозвище пехотинца, возникшее из-за звука ступней, идущих по гравию или каменистой земле. Это наглядно демонстрирует основной аспект земных работ, выполняемых пехотой. *Double-hatted* («двухшляпный») – обозначение солдата, занимающего две

должности одновременно, что отражает нехватку личного состава; *bring smoke* («принести дым») – эвфемизм для вызова авиаудара, указывает на способность воздушной поддержки; *bring the max* («принести максимум») – означает полное уничтожение противника, подчеркивая жестокость войны; *friendly fire* («дружественный огонь») – трагический термин, обозначающий случайное поражение своих войск, подчеркивающий хаос и неопределенность боя; *John Wayne* («Джон Уэйн») – прозвище для солдата, демонстрирующего излишнее геройство, происходящее от имени известного актера, чьи роли воплощали образ бесстрашного ковбоя.

Влияние Вьетнамской войны на развитие американского военного сленга настолько велико, что его следы прослеживаются и по сей день. Многие термины, появившиеся во время этого конфликта, вошли в общеупотребительный язык, став частью американской культуры. Изучение военного сленга дает ценную информацию не только о языке, но и о социальных, культурных и психологических аспектах военного опыта. Дальнейшие исследования в этой области позволят полнее понять процессы, происходящие в обществе во время войн и после них, и оценить влияние военных конфликтов на эволюцию языка. Нельзя забывать и о других конфликтах, например, войнах в Ираке и Афганистане, которые также внесли свой вклад в формирование современного военного сленга, добавив новые термины, связанные с современными методами ведения войны, такими как беспилотные летательные аппараты и кибервойна. Все это подчеркивает необходимость более глубокого исследования военного сленга как ценного источника исторической и социолингвистической информации.

Таким образом, военному переводчику приходится учитывать следующие факторы:

- Исторический контекст, поскольку многие сленговые выражения имеют корни в исторических событиях и войнах, понятных носителям исходного языка, но не всегда очевидных для представителей другой культуры.

- Социальная иерархия, т.к. военный сленг часто отражает субординацию и неформальные отношения внутри воинских подразделений, что требует тонкого понимания этих нюансов для адекватного перевода.

- Ирония и сарказм: юмор и ирония, часто присутствующие в военном сленге, могут быть легко потеряны при переводе, если не учитывать культурные особенности восприятия юмора.

- Прагматика текста, т.к. цель военного, как и любого другого перевода играет важную роль. Перевод для внутреннего пользования в воинской части может допускать большую степень условности, чем перевод для широкой публики.

Следовательно, задача переводчика - не просто передать смысл, но и сохранить эмоциональную окраску и воздействие исходного текста, аналогичное воздействию, оказываемому текстом оригинала. Задача усложняется тем, что идеальный эквивалент сленгового выражения в переводящем языке часто отсутствует, что требует от переводчика креативного поиска и применения различных переводческих стратегий, включая компенсацию, транскрипцию или описательный перевод/пояснение. Возьмем, к примеру, термин "прапорщик", обозначающий соответствующее звание в Российских вооруженных силах и МВД: ввиду отсутствия подобного звания в армиях англоговорящих стран, при переводе на английский язык, помимо транслитерации - *Praporshchik,* необходим и описательный перевод (заносимый в скобки/сноску при осуществлении письменного перевода) - *a rank used by the Russian Armed Forces and a number of former communist states. The rank is a non-commissioned officer's and is equivalent to Michman in the corresponding navies. It is usually equivalent to warrant officer class 1 or sergeant major in English-speaking armies. Within NATO forces, the rank is rated as OR-7 or OR-8.* («воинское звание, используемое в Вооруженных силах России и ряда бывших коммунистических государств; является унтер-офицерским и эквивалентно мичману в соответствующих военно-морских силах. Обычно оно эквивалентно уорент-офицеру 1-го класса или старшему сержанту в англоязычных армиях. В вооруженных силах НАТО это звание оценивается как OR-7 или OR-8»).

Соответственно, среди наиболее распространённых методов, можно выделить функциональный эквивалент, культурный эквивалент, модуляцию, компенсацию и описательный перевод [10, 2016]. Рассмотрим ещё несколько примеров:

Функциональный эквивалент: английский термин collateral damage (сопутствующие потери) не имеет прямого аналога в русском языке, но его функциональный эквивалент – это «гражданские потери» или «потери среди мирного населения», которые передают суть явления, избегая потенциально неоднозначного или слишком прямолинейного перевода. Выбор лучшего варианта зависит от контекста и целевой аудитории.

Культурный эквивалент: перевод воинского звания или названия подразделения может потребовать использования аналога, отражающего соответствующую структуру и иерархию в культуре целевого языка.

Так, американский Sergeant Major не может быть просто переведён как «сержант-майор», поскольку это не полностью отражает его функции и статус в структуре армии США; более того, данный вариант перевода будет непонятен русскоязычному реципиенту, поскольку в русском языке подобный вариант отсутствует в системе званий в России. Следовательно, наиболее оптимальным способом будет использование эквивалента - «старшина», но с пояснением в примечаниях для более точного понимания.

Модуляция: фраза The enemy was annihilated (дословно - «враг был уничтожен») в некоторых контекстах может быть переведена как «враг потерпел полное поражение», что звучит менее категорично и более дипломатично, но сохраняет основную идею. Этот метод особенно важен при передаче эмоционально заряженных высказываний.

Касаемо описательного перевода можно привести ещё один пример - перевод сложной системы вооружения, включающий не только название, но и характеристики, функциональные возможности и тактико-технические данные.

Рассмотрим несколько практических примеров:

1. Отрывок описания специального подразделения вооруженных сил

Великобритании (перевод с английского языка на русский):

The Special Air Service (SAS) is famous around the world. Its highly trained men are renowned for their skills in covert surveillance, close-combat fighting and hostage rescue. The SAS was created during the Second World War, when small bands of soldiers were dropped behind enemy lines in North Africa and Europe. Since then, it has been deployed in most of Britain's wars.

(https://www.nam.ac.uk/explore/SAS)

Перевод:

«Специальная воздушная служба (SAS)) известна во всем мире. Ее высококвалифицированные сотрудники известны своими навыками скрытого наблюдения, а также комплексного наблюдения с использованием всего арсенала технических средств, ведения ближнего боя и освобождения заложников. Данное подразделение было создано во время Второй мировой войны, когда небольшие группы солдат были заброшены в тыл врага в Северной Африке и Европе. С тех пор оно было задействовано в большинстве войн, в которых принимала участие Великобритания».

В переводе данного отрывка, аббревиатура SAS переведена дословно - «Специальная воздушная служба», однако в ряде случаев, если текст перевода предназначен для неспециалиста или же человека, только изучающего военное дело и незнакомого с иностранной военной терминологией и названиями подразделений зарубежных стран, необходимо также пояснение - «(Специальная авиадесантная или авиационная служба (САС). Занимается разведкой сил противника, участвует в контртеррористических операциях и прямых вооружённых столкновениях, а также в освобождении заложников»; вышеупомянутый термин surveillance, в свою очередь, переведен не просто как «наблюдение», а «скрытое наблюдение, а также комплексное наблюдение с использованием всего арсенала технических средств» для лучшего понимания функционала и деятельности подразделения; что касается термина bands, для корректного восприятия русскоязычным получателем, перевод звучит как «небольшие группы», поскольку очевидно, что дословный перевод «банды» может привести реципиента к неправильному пониманию; то же самое касается и фразы behind enemy lines (досл. «за вражеские линии» - смысловой перевод «в тыл врага»); словосочетание Britain's wars также следует перевести не дословно - «Британские войны», а «войны, в которых принимала участие Великобритания», т.к. происходили они не на территории Великобритании. Как мы видим, вышеуказанные примеры подтверждают необходимость использования тактики прагматической адаптации текста перевода под иностранного реципиента; использование тактики правильного оформления информации можно выделить в переводе географических названий - «Северная Африка», «Европа» и Second World War - «Вторая мировая война».

2. Отрывок статьи об участнике специальной военной операции на Украине, взятый из информационного портала города Полевской (перевод с русского языка на английский):

«Полевчанин Алексей Алексеевич Шахмин в начале 2023 года добровольно встал на защиту интересов Родины. Прапорщик Шахмин выполняет задачи по проведению специальной военной операции с 03 февраля 2023 года. За время своей службы в комендантской роте войсковой части 13637 прошел путь от солдата до командира комендантского взвода, с присвоением воинского звания – прапорщик».

(https://polevskoy24.ru/news/geroi-polevskogo-praporshhik-shaxmin/130677/)

Перевод:

Alexey Shakhmin, born in the town of Polevskoy, volunteered to defend the interests of his homeland in early 2023. Ensign Shakhmin has been carrying out the tasks of conducting a special military operation since February

03, 2023. During his service in the commandant's company of military unit 13637, he rose from a soldier to commander of the commandant's platoon, with the assignment of the military rank of ensign.

Как мы видим, в тексте перевода опущено отчество «Алексеевич», ввиду отсутствия подобного явления во многих иностранных культурах; территориальная принадлежность «Полевчанин» переведена как born in the town of Polevskoy («родившийся в городе Полевской») для корректного понимания иностранным получателем (не лишним будет уточнить, что Полевской - город в Свердловской области России); при переводе звания «прапорщик», как уже упоминалось, необходимо использовать не только приближенный перевод ensign, но и описательный перевод (см. с. 17-18).

Что касается терминов «рота» и «взвод», помимо использования английских эквивалентов company и platoon, в ряде случаев необходимо также пояснение, поскольку в системах вооруженных силах большинства англоязычных стран данные виды подразделений трактуются немного по-другому:

Company - a military unit, typically consisting of 100–250 soldiers and usually commanded by a major or a captain. Most companies are made up of three to seven platoons, although the exact number may vary by country, unit type, and structure. Usually several companies are grouped as a battalion.

A platoon is a military unit typically composed of two to four squads, sections, or patrols. Platoon organization varies depending on the country and the branch, but a platoon can be composed of 20–50 men, although specific platoons may range from 10 to 100 people.

Как мы видим, вышеуказанные примеры подтверждают актуальность использования стратегии коммуникативно-равноценного перевода при переводе текстов военной направленности; для реализации данной стратегии применимы не только тактика максимально полной и точной передачи информации, содержащейся в тексте оригинала, но и тактики прагматической адаптации текста под иностранного получателя и тактики правильного оформления информации.

Выводы

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Проведенный анализ текстов военной дестинации позволяет сделать вывод о гибридном характере военного дискурса, в рамках которого в разных коммуникативных ситуациях выделяются также элементы оперативного, политического, технического, культурного, художественного, массово-информационого, медицинского и многих других видов дискурса.

Анализ переводов текстов военной направленности с английского языка на русский и с русского языка на английский, в свою очередь, подтверждает применимость стратегии коммуникативно-равноценного перевода, ввиду необходимости как передать русскоязычному получателю информации, содержащейся в тексте оригинала, так и оказать соответствующее эмоционально-психологическое воздействие; данная стратегия реализуется посредством набора тактик, среди которых можно выделить тактику прагматической адаптации текста под русскоязычного получателя, исходя из его национально-культурных особенностей, а также особенностей передачи английской спортивной терминологии на русском языке и тактику правильного оформления информации, используемую для лучшего восприятия текста перевода иностранным получателем; для реализации данных тактик используются такие способы перевода, как транслитерация, описательный перевод, пояснения, уточнения, заимствования и межъязыковые соответствия.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление переводческих стратегий и тактик, применимых при переводе текстов военной дестинации, используемых в рамках других коммуникативных ситуаций (имеющих место на и т.д.) с итальянского/турецкого языка на русский и с русского языка на итальянский/турецкий.

Список источников

1. Данилин А.С. Особенности перевода военных терминов с английского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 9 (838). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-voennyh-terminov-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy (дата обращения: 07.01.2025).
2. Дюков Р.В., Кургалина М.В. Военная лексика в аспекте перевода // Язык, коммуникация и социальная среда. 2020. Т. 18. С. 75 – 83.
3. Масленникова Е.М. Локализация: адаптация или лингвокреативность? // Индустрия перевода. 2018. С. 53 – 57.
4. Митчелл П.Д. Английский военный сленг: понятие, способы образования и тематическая классификация // Язык и культура. 2014. № 3 (27). С. 64 – 73.

5. Митчелл П.Д., Холдаенко И.С. Американский военный сленг. Влияние войны во Вьетнаме // Язык и культура. 2015. № 3. С. 37 – 51.
6. Нелюбин Л.Л., Дормидонтов А.А., Васильченко А.А. Учебник военного перевода. Английский язык. М.: Военное издательство Мин-ва Обороны СССР, 1981.
7. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: Флинта; Наука, 2015. 461 с.
8. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода. Немецкий язык. М.: Воениздат, 1979. С. 21.
9. Юсупова Т.С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. Вып. 4. С. 1055 – 1057.
10. Hanaqtah M.F. Translating Military Slang Terms from English into Formal Arabic //Research on Humanities and Social Sciences. 2016. Vol. 6. No. 24 [Electronic resource]. Mode of access: https://iiste.org/Journals/index.php/RHSS/article/viewFile/34797/35778 (дата обращения: 12.01.2025).
11. Mitchell L.A., Mitchell P.J., Vozdvizhenskiy V.V. The Role of Actual Situation-al Contexts in the Interpretation of Situation-Bound Utterances // Procedia – Social and Behavioral Sciences 200. 2015. P. 313 – 317.

References

1. Danilin A.S. Features of the translation of military terms from English into Russian. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2020. No. 9 (838). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-voennyh-terminov-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy (accessed: 07.01.2025).
2. Dyukov R.V., Kurgalina M.V. Military vocabulary in terms of translation. Language, communication and social environment. 2020. Vol. 18. P. 75 – 83.
3. Maslennikova E.M. Localization: Adaptation or Linguistic Creativity? Translation Industry. 2018. P. 53 – 57.
4. Mitchell P.D. English Military Slang: Concept, Methods of Formation, and Thematic Classification. Language and Culture. 2014. No. 3 (27). P. 64 – 73.
5. Mitchell P.D., Kholdaenko I.S. American Military Slang. The Impact of the Vietnam War. Language and Culture. 2015. No. 3. P. 37 – 51.
6. Nelyubin L.L., Dormidontov A.A., Vasilchenko A.A. Textbook of Military Translation. English. Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense, 1981.
7. Sdobnikov V.V. Translation and Communicative Situation: Monograph. Moscow: Flinta; Science, 2015. 461 p.
8. Strelkovsky G.M. Theory and Practice of Military Translation. German Language. Moscow: Voenizdat, 1979. 21 p.
9. Yusupova T.S. Structural Features of Military Discourse. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2009. Vol. 11. Iss. 4. P. 1055 – 1057.
10. Hanaqtah M.F. Translating Military Slang Terms from English into Formal Arabic. Research on Humanities and Social Sciences. 2016. Vol. 6. No. 24 [Electronic resource]. Mode of access: https://iiste.org/Journals/index.php/RHSS/article/viewFile/34797/35778 (accessed: 12.01.2025).
11. Mitchell L.A., Mitchell P.J., Vozdvizhenskiy V.V. The Role of Actual Situation-al Contexts in the Interpretation of Situation-Bound Utterances. Procedia – Social and Behavioral Sciences 200. 2015. P. 313 – 317.

Информация об авторах

Мамедов С.З., Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, saidmamedow@yandex.ru

© Мамедов С.З., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.37

[1] Павлова И.Н. ***[1] Оренбургский государственный университет***

Сопоставительный анализ способов идиоматического выражения семантического ядра глагола «играть» / «to play» в русском и английском языках

Аннотация: *в данной статье проводится сопоставительный анализ идиоматических выражений, репрезентирующих семантическое ядро глаголов «играть» (рус.) и "to play" (англ.). Цель исследования – выявить универсальные и лингвоспецифические черты в способах концептуализации и категоризации сферы «игры» в двух лингвокультурах. На материале современных словарей и корпусов текстов демонстрируется, что, несмотря на общность базовых сем («активность», «недетерминированность», «условность»), русский и английский языки вырабатывают существенно различные идиоматические картины. Семантическое ядро русского глагола «играть» в идиоматике тяготеет к сферам судьбы, риска, эмоциональной неустойчивости и социальной манипуляции, в то время как ядро "to play" чаще ассоциируется со стратегическим поведением, соблюдением правил, публичной деятельностью и функциональным использованием. Анализ проводится в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы с привлечением методов компонентного и концептуального анализа. Результаты свидетельствуют о глубоких культурно-обусловленных различиях в восприятии игровой деятельности.*

Ключевые слова: *сопоставительная фразеология, семантическое ядро, идиоматика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, концепт «игра», ассоциация, коннотация*

Для цитирования: Павлова И.Н. Сопоставительный анализ способов идиоматического выражения семантического ядра глагола «играть» / «to play» в русском и английском языках// Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 119 – 123.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Pavlova I.N. ***[1] Orenburg state university***

Comparative analysis of the ways of idiomatic expression of the semantic core of the verb "igrat'" / "to play" in the Russian and English languages

Abstract: *this article provides a comparative analysis of idiomatic expressions representing the semantic core of the verbs "igrat'" (Russian) and "to play" (English). The aim of the study is to identify universal and linguistically specific features in the ways of conceptualizing and categorizing the sphere of "game" in the two linguistic cultures. Using modern dictionaries and text corpora, it is demonstrated that, despite the commonality of basic semes ("activity," "indeterminacy," "conventionality"), Russian and English languages develop significantly different idiomatic patterns. The semantic core of the Russian verb "igra'" (to play) in idioms gravitates toward the spheres of fate, risk, emotional instability, and social manipulation, while the core "to play" is more often associated with strategic behavior, rule-following, public activity, and functional use. The analysis is conducted within the framework of the cognitive-discursive paradigm, employing methods of componential and conceptual analysis. The results indicate profound cultural differences in the perception of gaming activities. This article examines both theo-*

retical and practical aspects of linguistic expertise in humorous content. It analyzes the phenomenon of humor, its verbal characteristics, functions, and classifications. Special attention is directed towards the challenges arising from the identification of indicators of prohibited information within humorous texts, which are influenced by the subjectivity of comedic perception. Methodological approaches to the analysis of such texts are proposed, including the examination of creolized texts (internet memes) and oral discourse (stand-up comedy). The article is illustrated with examples and their linguistic analysis.

Keywords: *comparative phraseology, semantic core, idiomatics, linguacultural studies, cognitive linguistics, concept of "game", association, connotation*

For citation: Pavlova I.N. Comparative analysis of the ways of idiomatic expression of the semantic core of the verb "igrat'" / "to play" in the Russian and English languages. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 119 – 123.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Феномен игры, будучи одним из фундаментальных антропологических констант, находит свое отражение в языке, прежде всего, через систему глаголов с семантикой игры и их разветвленную идиоматику. Идиоматические выражения, будучи «квантами» языкового сознания, аккумулируют в себе культурный опыт и специфику национальной концептосферы [1, 2]. Сопоставительный анализ таких выражений позволяет выявить не только формальные расхождения, но и глубинные различия в способах категоризации действительности.

Глаголы «играть» и “to play” занимают центральное место в соответствующих языковых картинах мира. Их семантическое ядро, понимаемое как инвариантная совокупность дифференциальных сем, включает в себя такие компоненты, как: 1) наличие субъекта активности; 2) осуществление деятельности, не направленной напрямую на утилитарный результат; 3) наличие правил, явных или имплицитных; 4) элемент условности, «понарошности»; 5) вариативность исхода. Однако, как показывают данные идиоматики, это абстрактное ядро «обрастает» культурно-специфическими коннотациями и ассоциациями, которые и составляют предмет настоящего исследования [9].

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на принципы когнитивной лингвистики (В.Н. Телия), в рамках которой идиомы рассматриваются не как произвольные сочетания, а как мотивированные языковые единицы, отражающие определенные когнитивные модели (фреймы, сценарии, концептуальные метафоры). В частности, продуктивным является подход к идиомам как к фразеологизированным воплощениям концептуальных метафор (например, «ЖИЗНЬ – ЭТО ИГРА», «ОБЩЕНИЕ – ЭТО ИГРА», «МАНИПУЛЯЦИЯ – ЭТО ИГРА»).

Методологическая основа включает:

1. Компонентный анализ для вычленения инвариантных сем в структуре значений глаголов «играть» и “to play”.
2. Концептуальный анализ для реконструкции культурных концептов, стоящих за идиоматикой.
3. Сопоставительный анализ для выявления зон конвергенции и дивергенции в двух языковых системах.
4. Корпусный анализ (на материале Национального корпуса русского языка и British National Corpus) для верификации частотности и типичных контекстов употребления идиом [10].

Материалом послужили данные современных фразеологических и толковых словарей русского и английского языков [3, 5].

Семантическое ядро глаголов «играть» и “to play”: общее и различное.

Проведенный компонентный анализ позволяет выделить следующие инвариантные семы для обоих глаголов:

- активность
- имплицитные/эксплицитные правила
- цель, не сводимая к утилитарной пользе
- условность (виртуальная реальность)
- вознаграждение (материальное или символическое)

Однако уже на уровне базовой лексики наблюдается расхождение в сочетаемости и, следовательно, в актуализации тех или иных аспектов ядра.

Русский глагол «играть» демонстрирует широту сочетаемости, простирающуюся от конкретных действий (играть в футбол, в карты) до абстрактных и переносных значений: играть на нервах (манипуляция), играть роль (симуляция), играть красками (изменчивость), играть с огнем (риск). Эта широта указывает на метафорическую продуктивность концепта «игра» в русском языковом сознании, его связь с областями непредсказуемости, импровизации и потенциальной опасности.

Английский глагол “to play” также обладает широкой семантикой, но с иным акцентом. Помимо прямых значений (play football, play the piano), он активно используется в контекстах, связанных со стратегией и функциональностью: play a role (выполнять функцию), play the market (действовать на бирже), play by the rules (действовать по правилам). Здесь на первый план выходит сема следования установленному порядку и достижения результата в рамках системы.

Результаты и обсуждения

Таким образом, можно сделать предварительный вывод: семантика русского «игры» тяготеет к экспрессивно-импровизационному полюсу, в то время как семантика английского “play” – к функционально-стратегическому.

Анализ идиоматических выражений: лингвокультурные доминанты

1. Игра и судьба / риск

В русской идиоматике ярко выражена связь игры с иррациональными силами, судьбой и высоким риском.

Играть с огнем – Engaging in extremely risky behavior. Метафора подчеркивает неконтролируемость и потенциально катастрофические последствия.

Играть в рулетку / в русскую рулетку – To play Russian roulette. Указывает на фаталистическое принятие случайности, игру со смертью.

Игра судьбы – A twist/quirk of fate. Судьба персонифицируется как игрок, а жизнь человека – как игровое поле, что отражает пассивную позицию человека перед лицом обстоятельств.

Ставка в игре (высокая ставка) – High stakes. Подчеркивает цену проигрыша.

В английском языке эта тема также присутствует, но часто лишена фаталистического оттенка и носит более расчетливый характер [6,7]:

To play with fire – калькирует русское выражение, но частотность ниже.

To play Russian roulette – заимствованная, экзотическая метафора.

The game of life – концептуализация жизни как игры, но часто с акцентом на стратегии и выигрыше.

To risk it all in one throw– рисковать всем (букв. «в одном броске»), здесь риск – осознанная тактика, а не фатальная данность.

Доминанта: Для русского сознания игра с судьбой – это встреча со стихией, где исход предопределен или случаен. Для английского – это один из видов рискованной деятельности, которую можно просчитать.

2. Игра и манипуляция / общение

Оба языка метафорически осмысляют межличностные отношения как игру.

Русский язык:

Играть на нервах – To play on someone's nerves. Уникальная идиома, указывающая на тонкую, разрушительную манипуляцию, вызывающую эмоциональное напряжение.

Играть в кошки-мышки – To play cat and mouse. Общая для обоих языков идиома, подчеркивающая отношения преследователя и жертвы.

Ведет свою игру – He is playing his own game. Указывает на скрытые, эгоистичные мотивы.

Играть чувствами – To play with someone's feelings. Акцент на эмоциональной сфере как объекте манипуляции.

Английский язык:

To play mind games – Манипулировать, используя психологические приемы. Концепт «mind games» высокопродуктивен и отражает интерес к психологическим аспектам манипуляции.

To play someone – В современном сленге: манипулировать, обманывать кого-либо. Глагол используется транзитивно, что указывает на объектное восприятие партнера по коммуникации.

To play hard to get – Притворяться недоступным. Стратегия в романтических отношениях, регламентированная социальными сценариями [4].

To play the victim – Играть роль жертвы. Критическая оценка симуляции определенного социального статуса.

Доминанта: Русская идиоматика в этой сфере делает акцент на эмоционально-деструктивном аспекте манипуляции (игра на нервах). Английская – на стратегическом и психологическом (mind games, to play someone).

3. Игра и социальная роль / публичность

Здесь наблюдается наиболее заметное расхождение.

Русский язык:

Играть роль – Иметь значение (о факторе), либо притворяться. В значении «притворяться» часто несет негативную оценку («играть роль праведника»).

Играть на публику – To play to the gallery. Выражение подразумевает неискренность, позерство, ориентацию на внешний эффект, а не на суть.

Это не игра – «Это серьезно». Противопоставление игры и настоящей, важной деятельности.

Английский язык:

To play a role/part – Играть роль. Нейтральное или позитивное значение, связанное с выполнением функции в системе (в театре, в команде, в процессе).

To play along – Подыгрывать, соглашаться с планом или обманом, часто тактически.

To play it cool – Демонстрировать спокойствие, следовать социально одобряемому сценарию поведения в стрессовой ситуации.

All the world's a stage (Shakespeare) – Устойчивая культурная метафора, легитимизирующая понятие социальной роли.

Доминанта: В русской лингвокультуре социальная «игра» (роль, публичность) часто оценивается негативно, как симуляция, противопоставленная «истинному» Я [8]. В английской культуре выполнение социальной роли (“to play a role”) воспринимается как естественный и функциональный аспект социального взаимодействия.

4. Игра и функциональность / использование

Эта зона практически отсутствует в русской идиоматике, но высокопродуктивна в английской.

Английский язык:

To play into someone's hands – Сыграть кому-то на руку. Тактическая ошибка, работающая на пользу противника.

To play for time – Тянуть время. Использование временного ресурса как тактики.

To play one's cards right – Умело использовать имеющиеся возможности. Чисто стратегическая метафора из карточной игры.

To play the system – Использовать правила системы в своих интересах, обходить их.

Отсутствие прямых эквивалентов для to play the system, to play for time в русском языке указывает на то, что концептуализация игры как инструмента для манипуляции системой не является доминирующей в русской языковой картине мира.

Выводы

Проведенный сопоставительный анализ идиоматических выражений, репрезентирующих семантику глаголов «играть» и “to play”, позволяет сделать следующие выводы.

1. Универсальным является само ядро концепта «игры», включающее семы активности, условности, правил и вариативности. Оба языка используют метафорические расширения этого концепта для осмысления таких сфер, как судьба, риск, манипуляция и социальное взаимодействие.

2. Лингвоспецифическим являются культурные доминанты, определяющие акценты в концептуализации.

В русской языковой картине мира идиоматика, производная от «игры», тяготеет к полюсам судьбы/риска и эмоциональной манипуляции. Игра осмысляется как стихийная, часто деструктивная сила, связанная с непредсказуемостью и азартом. Социальная роль («играние роли») часто получает негативную оценку как неискренность.

В английской языковой картине мира доминирует функционально-стратегический аспект. Игра метафоризируется как деятельность, подчиненная правилам, направленная на достижение результата, тактический расчет и эффективное использование ресурсов (включая саму систему правил). Социальная роль воспринимается как естественный и необходимый компонент публичного взаимодействия.

Таким образом, русский глагол «играть» в своей идиоматике раскрывается как экспрессивный концепт, связанный с внутренними состояниями и роковыми случайностями, в то время как английский “to play” предстает как прагматичный концепт, ориентированный на внешние стратегии и системное поведение. Данное исследование подтверждает тезис о том, что анализ фразеологии является ключом к реконструкции

глубинных структур национального сознания и культурных моделей, определяющих восприятие фундаментальных человеческих активностей.

Список источников

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. В 2х томах. Т. 1. Парадигматика. Москва: Языки Славянской культуры, 2009. 767 с.
2. Воркачёв С.Г., Карасик В. И., Маслова В.И. Лингвокультурная концептология /отв. ред. М.В. Пименова. Изд. 1-е. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2025. 288 с.
3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка [более 130 тысяч лексических единиц]. The Commercial Press, 2020. 1481 с.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Издательство Феникс, 2005. 382 с.
5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Издательство: Дрофа ООО, 2007. 944 с.
6. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. 326 p.
7. Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Oxford: Clarendon Press, 1998. 354 p.
8. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Активные процессы в русском языке новейшего периода: учебное пособие. Издательство Флинта, 2022, 232 с.
9. Радбиль Т.Б. Когнитивистика. Издательство: Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.
10. Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кузнецова Ю.Н. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания, 2024. № 2. С. 7 – 34.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры»,1996. 288 с.

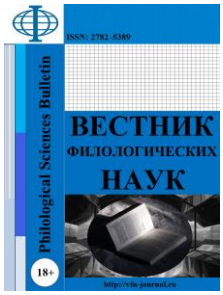
References

1. Apresyan Yu.D. Studies in Semantics and Lexicography. In 2 volumes. Vol. 1. Paradigmatics. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2009. 767 p.
2. Vorkachev S.G., Karasik V.I., Maslova V.I. Lingvocultural Conceptology. Ed. M.V. Pimenova. 1st ed. St. Petersburg: SPbGEU Publishing House, 2025. 288 p.
3. Kuznetsov S.A. Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language [over 130,000 lexical units]. The Commercial Press, 2020. 1481 p.
4. Kunin A.V. Course in Phraseology of Modern English. Moscow: Phoenix Publishing House, 2005. 382 p.
5. Kunin A.V. English-Russian Phraseological Dictionary. Publisher: Drofa OOO, 2007. 944 p.
6. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. 326 p.
7. Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Oxford: Clarendon Press, 1998. 354 p.
8. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V. Active Processes in the Russian Language of the Modern Period: Study Guide. Flint Publishing House, 2022, 232 p.
9. Radbil T.B. Cognitive Science. Publisher: Nizhny Novgorod State University, 2018. 375 p.
10. Savchuk S.O., Arkhangelsky T.A., Bonch-Osmolovskaya A.A., Donina O.V., Kuznetsova Yu.N. National Corpus of the Russian Language 2.0: New Possibilities and Development Prospects. Issues of Linguistics, 2024. No. 2. P. 7 – 34.
11. Telia V.N. Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. Moscow: School "Languages of Russian Culture", 1996. 288 p.

Информация об авторах

Павлова И.Н., старший преподаватель, Оренбургский государственный университет, Raptanova@rambler.ru

© Павлова И.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1'271.1

[1] Соломка Н.А. ***[1] Волгоградский государственный университет***

Семантическое поле слова счастье: лексикографическое и психолингвистическое описание

Аннотация: *в статье представлены результаты изучения содержательной стороны слова счастье, которое репрезентирует одну из основных ценностей человека, что и определяет особый исследовательский интерес. Исследование направлено на описание семантического поля лексемы счастье, для чего выявляются и сопоставляются лексикографическое и психолингвистическое значения. Лексикографическое значение определяется методом словарных дефиниций, психолингвистическое значение формируется посредством проведенного ассоциативного эксперимента. Результаты ассоциативного эксперимента позволили, во-первых, выявить семантические компоненты, для которых вычислен индекс яркости, во-вторых, получить три ассоциативных поля, из которых составить одно интегрированное семантическое поле. Наиболее частотные компоненты ассоциативного поля лексемы счастье определены в результате рассмотрения и интерпретации полученных реакций. Кроме того, семантические компоненты сгруппированы в макрополя; установлены системные отношения между компонентами семантического поля. Анализ составленных макрополей показал, что, во-первых, их границы диффузны; во-вторых, семантические компоненты, входящие в структуру разных макрополей, занимают близкую позицию в структуре макрополей (центральную или периферийную); в-третьих, выявлены частотные семы, которые входят в структуру большинства семантических компонентов: 'отсутствие', 'я', 'другой'; в-четвертых, в семантической структуре наблюдается языковое явление «энантиосемия» как в рамках одного макрополя, так и разных макрополей.*

Ключевые слова: *семантика, семантическое поле, ассоциативный эксперимент, лексикографическое значение, психолингвистические значение, парадигматические отношения*

Для цитирования: Соломка Н.А. Семантическое поле слова счастье: лексикографическое и психолингвистическое описание // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 124 – 131.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Solomka N.A. ***[1] Volgograd State University***

Semantic field of the word happiness: lexicographical and psycholinguistic description

Abstract: *the article presents the results of a study on the semantic content of the word happiness, which represents one of the fundamental human values, thus defining its special research interest. The study aims to describe the semantic field of the lexeme happiness, based on a comparison of lexicographical and psycholinguistic meanings. The lexicographical meaning is determined by the method of dictionary definitions, while the psycholinguistic meaning is formed through an associative experiment. The results of the associative experiment allowed, firstly, to identify semantic components for which a salience index was calculated, and secondly, to obtain three associative fields from which one integrated semantic field was constructed. The most frequent components of the associative field of the lexeme happiness were determined by examining and interpreting the obtained reactions. Furthermore, the semantic components were grouped into macropoles; and systemic relationships between the components of the semantic field*

were established. The analysis of the constructed macropoles revealed that, firstly, their boundaries are diffuse; secondly, semantic components belonging to the structure of different macropoles occupy a close position within the structure of the macropoles (central or peripheral); thirdly, frequent semes were identified that are part of the structure of most semantic components: 'absence', 'I', 'another'; and fourthly, the linguistic phenomenon of enantiosemy was observed in the semantic structure, both within a single macropole and across different macropoles.

Keywords: *semantics, semantic field, association experiment, lexicographical meaning, psycholinguistic meaning, paradigmatic relations*

For citation: Solomka N.A. Semantic field of the word happiness: lexicographical and psycholinguistic description. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 124 – 131.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Счастье как языковая единица, репрезентирующая одну из основных ценностей человека, не раз становилась объектом лингвистического исследования. Языковеды рассматривали счастье как концепт, который отражается в сознании носителей русского языка [2, 7, 14]. Кроме того, лексема изучалась в лингвокультурном аспекте [6, 8, 12], в сопоставлении языковых единиц различных культур [1, 16, 17], в сравнении с языковыми единицами с близким значением [10]. Семантическое поле лексемы также исследовалось учеными. Так, в работе Бутаковой Л.О. и Гуц Е.Н. представлено описание семантического поля лексемы счастье в динамическом аспекте [5]. Нашего исследование направлено не только на описание семантического поля лексемы счастье, основанное на сопоставлении лексикографического и ассатиативного значений, но и на его изучннии в качестве сложной языковой единицы, обладающей системной организацией.

Такой подход представляет особый интерес, поскольку значение, охарактеризованное разными методами, «предстает в лингвистике в различных по характеру, объему и полноте описаниях» [19, с. 11]. Отметим также, что лексикографическое описание слова – результат работы лингвистов, в котором дается минимальный набор семантических компонентов, психолингвистическое описание – отображение сознания языковой личности, поэтому двусторонний подход к описанию значения позволяет не только глубже показать его, выявив максимальный набор семантических компонентов, но и охарактеризовать слово как единицу, репрезентирующую психологическую реалию. Таким образом, цель нашей работы – дать системное описание семантического поля языковой единицы счастье как многокомпонентного языкового единства.

Материалы и методы исследований

Наше исследование проведено в три основных этапа. Во-первых, методом словарных дефиниций было определено обобщенное лексикографическое значение лексемы счастье. Как известно, при описании одних и тех же значений в словарях выявляются несовпадения, поэтому для составления лексикографического значения в работе были использованы данные следующих словарей: «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [3, с. 1297], «Большой толковый словарь русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко [4, с. 194, 231], «Новый словарь русского языка» Ефремовой Т.Ф. [9, с. 738], Толковый словарь русского языка Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. [15, с. 783], «Толковый словарь современного русского языка» Лопатина В.В. и Лопатиной Л.Е. [13, с. 797], «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой [11, с. 19, 245], «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [18, с. 320], Во-вторых, методом направленного ассоциативного эксперимента составлено ассоциативное слова счастье. В-третьих, проведено сравнение ассоциативного и лексикографического значений, выявлены соответствя и системные отношения. Проведение ассоциативного эксперимента базировалось на методике, описанной Стерниным И.А. [20, с. 34-87].

Результаты и обсуждения

1. В словарях счастье зафиксировано в 2 – 4 лексико-семантических вариантах. Предстаивм полученные обобщенные толкования исследуемой лексемы: 1) Состояние высшей, абсолютной удовлетворенности жизнью, полноты жизни, чувство глубокого, наивысшего удовольствия, радости, восторга, испытываемое кем-либо; 2) Успех, удача, везение, сопутствующие кому-либо, большие достижения в какой-либо области, положительный результат; 3) Участь, доля, судьба; 4) Хорошо, удачно.

Также составлено семантическое поле. Ядро: ‘состояние’, ‘высшая степень проявления признака’, ‘положительные обстоятельства’; околоядерная зона: ‘жизнь’, ‘удовольствие’, ‘удовлетворенность’, ‘положительный результат’; ближняя периферия: ‘радость’, ‘лицо’; дальняя периферия: ‘восторг’, ‘дело’, ‘благополучие’.

2. В направленном ассоциативном эксперименте по определению психолингвистической семантики слова счастье приняли участие 193 респондента, для которых русский язык является родным. Форма проведения эксперимента – письменная. Участникам было предложено дать по одному ответу на вопросы: Счастье – это что? Счастье – это что делать? Счастье – это быть каким? Всего получено 579 реакций.

Посредством семантической интерпретации сформулированы семантические компоненты (далее – СК), для каждого вычислен индекс яркости (далее – ИЯ). В результате получено три ассоциативных поля, которые мы представим следующим образом: наименование ассоциативного поля с указанием количества реакций, после чего обозначим СК с указанием ИЯ, а через двоеточие реакции с указанием количества. Отметим, что иногда одна и та же реакция (в работе сохранена формулировка респондентов) интерпретируется по-разному, поэтому объективирует разные СК.

Семантическое поле «Счастье – это что» (193 реакции, из которых отказов – 8): **‘радость’** ИЯ 0,17: радость 11, веселье 3, слезы радости 3, улыбка 3, праздник 6, ощущение прекрасное 3, эмоции 2, состояние 2, свет 1; **‘удовольствие’** ИЯ 0,12: удовольствие 7, хорошо 4, ощущение прекрасное 3, эмоции 3, состояние 2, тепло 3, свет 1, уют 1, гордость 1; **‘отсутствие переживаний’** ИЯ 0,1: благополучие 7, мир 4, беззаботность 3, безмятежность 3, умиротворение 2, равнодушие 2; **‘жизнь’** ИЯ 0,08: жить 13; жизнь 1, время 1; **‘любовь’** ИЯ 0,07: любимый человек 7, любовь 5, в любви1; **‘положительный результат’** ИЯ 0,06: успех 7, достижение 3, победа 1, получение желаемого 1; **‘семья’** ИЯ 0,06: семья 8; дом 3, в семье 1; **‘деньги’** ИЯ 0,05: деньги 10; **‘отсутствие вреда для другого’** ИЯ 0,005: сохранять счастье без вреда другим 1; **‘давать что-либо кому-либо’** ИЯ 0,04: дарить счастье другим 4, делиться счастьем 2, воодушевлять людей 2; **‘отсутствие ограничений’** ИЯ 0,04: свобода 6, крылья 1; **‘проявление признака’** ИЯ 0,036: без границ 1, необъятное 1, чрезмерное мимолетно 1, момент 1, мало кто им обладает 2; **‘дар’** ИЯ 0,03: подарок 6, выиграть в лотерею 1; **‘отсутствие’** ИЯ 0,02: ничто 3, ложь 1; **‘дружба’** ИЯ 0,015: друзья 3; **‘здоровье’** ИЯ 0,01: здоровье 2; **‘мечта’** ИЯ 0,01: мечты 2; **‘цель’** ИЯ 0,01: цель 2; **‘животное’** ИЯ 0,01: кот 1, щенки 1; **‘горе’** ИЯ 0,005: горе 1; **‘деятельность’** ИЯ 0,005: отсутствие свободного времени 1; **‘дистант’** ИЯ 0,005: диктант 1; **‘поиск’** ИЯ 0,005: ищем 1; **‘положительные обстоятельства’** ИЯ 0,005: возможность 1; **‘сигарета’** ИЯ 0,005: сигарета 1; **‘совокупность факторов’** ИЯ 0,005: совокупность факторов1; **‘утро’** ИЯ 0,005: утро 1.

Семантическое поле «Счастье – это что делать?» (193 реакции, из которых отказов – 11): **‘радость’** ИЯ 0,19: радоваться 20, улыбаться 11, смеяться 3, не грустить 1, не унывать 1, радоваться каждому дню 1; **‘жизнь’** ИЯ 0,12: жить 23; **‘удовольствие’** ИЯ 0,1: наслаждаться жизнью 12, наслаждаться 5, кайфовать 3, наслаждаться миром 1; **‘отсутствие ограничений’** ИЯ 0,09: делать, что хочешь 6, делать, что нравится 5, заниматься любимым делом 4, делать свой выбор 1, заниматься тем, что желает сердце 1; **‘любовь’** ИЯ 0,06: любить10; любить жизнь 1; **‘давать что-либо кому-либо’** ИЯ 0,05: дарить радость другим 3, делиться радостью 3, делать, что улучшает настроение других 1; **‘отсутствие деятельности’** ИЯ 0,05: ничего не делать 8, лежать 1; **‘мечта’** ИЯ 0,04: мечтать 4, исполнить мечту 4; **‘отдых’** ИЯ 0,04: отдыхать 7, спать1; **‘отсутствие переживаний’** ИЯ 0,03: не заботиться ни о чем 1, не зацикливаться 1, не обращать внимание 1, ни о чем не переживать 1, чувствовать покой в душе 1; **‘положительный результат’** ИЯ 0,04: добиваться целей 4, исполнить мечту 4; **‘развитие’** ИЯ 0,03: изменяться 2, изучать новое 1, развиваться 1, читать 1; **‘семья’** ИЯ 0,025: создать семью 5; **‘признание значимости’** ИЯ 0,025: ценить 5; **‘деятельность’** ИЯ 0,03: работать 2; заниматься 1, продолжать 1, стараться 1, зарабатывать деньги 1; **‘общество’** ИЯ 0,016: быть со всеми 1, влиться в общество 1, находиться в кругу близких 1; **‘воздействие на другого’** ИЯ 0,01: быть влиятельным 2; **‘дружба’** ИЯ 0,01: дружить 2; **‘питание’** ИЯ 0,01: есть 1, кушать 1; **‘поиск’** ИЯ 0,01: искать счастье в мелочах 1, искать счастье в простоте 1; **‘деньги’** ИЯ 0,005: зарабатывать деньги 1.

Семантическое поле «Счастье – это быть каким?» (193 реакции, из которых отказов – 12): **‘удовлетворение’** ИЯ 0,1: удовлетворенным 12, довольным собой 6, жизнью 2; **‘удовольствие’** ИЯ 0,09 довольным 16, получающим удовольствие от своего дела 1; **‘радость’** ИЯ 0,09: радостным 8, веселым 6, жизнерадостным 4; **‘любовь’** ИЯ 0,09: любимым 14, влюбленным 3, любвиобильным 1; **‘доброта’** ИЯ 0,07: добрым 11, не злым 1, заботливым 1; **‘отсутствие переживаний’** ИЯ 0,07: умиротворенным 8, спокойным 6; **‘верность себе’** ИЯ 0,06: быть самим собой 8, настоящим, 3, быть собой 1; **‘отсутствие ограничений’** ИЯ 0,056: свободным 8, независимым 2, неограниченным 1; **‘необходимость’** ИЯ 0,05: нужным 10; **‘правдивость’** ИЯ 0,05: искренним 5, открытым 4; **‘согласие с собой’** ИЯ 0,05: гармоничным 7, в гармонии 3; **‘жизнь’** ИЯ 0,03: живым 6; **‘отдых’** ИЯ 0,016: отдохнувшим 6; **‘положительный результат’** ИЯ 0,016: успешным 6; **‘развитие’** ИЯ 0,01: идущим вперед 1, целеустремленным 1; **‘соответствие требованиям кого-либо’** ИЯ 0,01: полноценным 1, правильным 1; **‘превосходство над другими’** ИЯ 0,01: лучшим 1, самым 1; **‘положительные обстоятельства’** ИЯ 0,005: везучим 1; **‘побуждение к деятельности’** ИЯ 0,005: воодушевленным 1; **‘деятельность’** ИЯ 0,005: втянутым во что-либо 1; **‘сила духа’** ИЯ 0,005: стойким 1; **‘ум’** ИЯ 0,005: умным 1.

Далее было определено интегрированное семантическое поле счастья (табл. 1), вычислен интегрированный индекс яркости (ИИЯ) для каждого СК.

Наиболее частотными СК являются ‘радость’, ‘удовольствие’, которые определяются ядерными компонентами ассоциативного поля. ‘Жизнь’, ‘любовь’, ‘отсутствие переживаний’, ‘отсутствие ограничений’ – околоядерные. Ближнюю периферию составляют: ‘положительный результат’, ‘давать что-либо кому-либо’, ‘удовлетворение’, ‘семья’, ‘доброта’, ‘верность себе’, ‘отдых’, ‘деньги’, ‘мечта’, ‘необходимость’, ‘отсутствие деятельности’, ‘правдивость’, ‘согласие с собой’, ‘деятельность’, ‘развитие’, ‘проявление признака’, ‘дар’, ‘дружба’, ‘признание значимости’; дальнюю периферию составляют СК: ‘отсутствие’, ‘общество’, ‘поиск’, ‘воздействие на другого’, ‘животное’, ‘здоровье’, ‘питание’, ‘положительные обстоятельства’, ‘превосходство над другими’, ‘соответствие требованиям кого-либо’, ‘цель’, ‘дистант’, ‘горе’, ‘отсутствие вреда’, ‘побуждение к деятельности’, ‘сигарета’, ‘сила духа’, ‘совокупность факторов’, ‘ум’, ‘утро’.

Таблица 1

Интегрированное семантическое поле языковой единицы счастье.

Table 1

Integrated semantic field of the linguistic unit happiness.

СК	Ассоциативное семантическое поле			ИИЯ
	Счастье – это что	Счастье –что делать	Счастье – быть каким	
‘Радость’	0,17	0,19	0,09	0,45
‘Удовольствие’	0,12	0,1	0,09	0,31
‘Жизнь’	0,08	0,12	0,03	0,23
‘Любовь’	0,07	0,06	0,09	0,22
‘Отсутствие переживаний’	0,1	0,03	0,07	0,2
‘Отсутствие ограничений’	0,04	0,09	0,056	0,19
‘Положительный результат’	0,06	0,04	0,016	0,12
‘Удовлетворение’			0,1	0,1
‘Давать что-либо кому-либо’	0,04	0,05		0,09
‘Семья’	0,06	0,025		0,085
‘Доброта’			0,07	0,07
‘Верность себе’			0,06	0,06
‘Отдых’		0,04	0,016	0,056
‘Деньги’	0,05	0,005		0,055
‘Мечта’	0,01	0,04		0,05
‘Необходимость’			0,05	0,05
‘Отсутствие деятельности’		0,05		0,05
‘Правдивость’			0,05	0,05
‘Согласие с собой’			0,05	0,05
‘Деятельность’	0,005	0,03	0,005	0,04
‘Развитие’		0,03	0,01	0,04
‘Проявление признака’	0,036			0,036
‘Дар’	0,03			0,03
‘Дружба’	0,015	0,01		0,025
‘Признание значимости’		0,025		0,025
‘Отсутствие’	0,02			0,02
‘Общество’		0,016		0,016
‘Поиск’	0,005	0,01		0,015
‘Воздействие на другого’		0,01		0,01
‘Животное’	0,01			0,01
‘Здоровье’	0,01			0,01
‘Питание’		0,01		0,01
‘Положительные обстоятельства’	0,005		0,005	0,01
‘Превосходство над другими’			0,01	0,01

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

‘Соответствие требованиям кого-либо’			0,01	0,01
‘Цель’	0,01			0,01
‘Дистант’	0,005			0,005
‘Горе’	0,005			0,005
‘Отсутствие вреда для другого’	0,005			0,005
‘Побуждение к деятельности’			0,005	0,005
‘Сигарета’	0,005			0,005
‘Сила духа’			0,005	0,005
‘Совокупность факторов’	0,005			0,005
‘Ум’			0,005	0,005
‘Утро’	0,005			0,005

3. Как видим, ядерные компоненты ‘радость’, ‘удовольствие’ входят и в структуру лексикографического значения, однако они не занимают в нем ядерные позиции. ‘Жизнь’ в обоих полях структурно занимает одинаковое положение. Околоядерные компоненты ‘любовь’, ‘отсутствие переживаний’, ‘отсутствие ограничений’ ассоциативного поля не входят в структуру лексикографического значения. Таким образом, во-первых, СК, отсутствующие в лексикографическом значении, составляют как периферию, так и ядро ассоциативного поля; во-вторых, СК лексикографического значения в структуре ассоциативного поля занимают разные позиции.

СК сгруппированы в макрополя (далее – МП), для каждого МП вычислен индекс яркости (табл. 2).

Таблица 2

Макрополя в структере лексемы счастье.

Table 2

Macrofields in the structure of the lexeme happiness.

Макрополе	Семантические компоненты	ИЯ
Внутреннее состояние	‘радость’ 0,45, ‘удовольствие’ 0,31, ‘жизнь’ 0,23, ‘любовь’ 0,22, ‘отсутствие переживаний’ 0,2, ‘отсутствие ограничений’ 0,19, ‘удовлетворение’ 0,1, ‘верность себе’ 0,06, ‘отдых’ 0,056, ‘согласие с собой’ 0,05, ‘мечта’ 0,05, ‘проявление признака’ 0,036, ‘здоровье’ 0,01, ‘горе’ 0,005	1,97
Деятельность	‘жизнь’ 0,23, ‘положительный результат’ 0,12, ‘удовлетворение’ 0,1, ‘давать что-либо кому-либо’ 0,09, ‘отдых’ 0,056, ‘мечта’ 0,05, ‘отсутствие деятельности’ 0,05, ‘деятельность’ 0,04, ‘развитие’ 0,04, ‘признание значимости’ 0,025, ‘дружба’ 0,025, ‘отсутствие’ 0,02, ‘поиск’ 0,015, ‘воздействие на другого’ 0,01, ‘питание’ 0,01, ‘цель’ 0,01, ‘побуждение к деятельности’ 0,005, ‘отсутствие вреда для другого’, 0,005	0,9
Отношения	‘отсутствие ограничений’0,19, ‘давать что-либо кому-либо’ 0,09, ‘семья’ 0,085, ‘верность себе’ 0,06, ‘необходимость’ 0,05, ‘согласие с собой’ 0,05, ‘отсутствие’ 0,02, ‘общество’ 0,016, ‘дружба’ 0,025, ‘признание значимости’ 0,025, ‘воздействие на другого’ 0,01, ‘превосходство над другими’ 0,01, ‘соответствие требованиям кого-либо’ 0,01, ‘отсутствие вреда для другого’ 0,005, ‘побуждение к деятельности’ 0,005	0,65
Реалии внешнего мира	‘деньги’ 0,055, ‘дар’ 0,03, ‘отсутствие ограничений’ 0,19, ‘животные’ 0,01, ‘положительные обстоятельства’ 0,01, ‘дистант’ 0,005, ‘сигарета’ 0,005, ‘совокупность факторов’ 0,005, ‘утро’ 0,005	0,32
Качество личности	‘доброта’ 0,07, ‘правдивость’ 0,05, ‘превосходство над другими’ 0,01, ‘сила духа’ 0,005, ‘ум’ 0,005	0,14

Так, в ассоциативном поле счастье выделены следующие МП: 1) внутреннее состояние; 2) процесс; 3) отношения; 4) реалии внешнего мира; 5) качества личности. Охарактеризуем его, определив для каждого, во-первых, структуру, во-вторых, парадигматические отношения между компонентами МК.

Макрополе Внутреннее состояние

Ядро: ‘радость’, ‘удовольствие’; околоядерная зона: ‘жизнь’, ‘любовь’, ‘отсутствие переживаний’, ‘отсутствие ограничений’; ближняя периферия: ’удовлетворение’, ‘верность себе’, ‘отдых’, ‘согласие с собой’, ‘мечта’, ‘проявление признака’; дальняя периферия: ‘здоровье’, ‘горе’.

Компоненты группы вступают в парадигматические отношения включения: ‘удовольствие’ – ‘радость’, ‘удовлетворение’ (‘удовольствие’ полностью входит в структуру ‘радость’, ‘удовлетворение’), ‘жизнь’ – ‘здоровье’ (если рассматривать жизнь как функционирование организма, то ‘жизнь’ входит в структуру ‘здоровье’), перекрещивающиеся: ‘отсутствие ограничений’ – ‘отсутствие переживаний’ (общий компонент (далее – ОК) – ‘отсутствие’), ‘верность себе’ – ‘согласие с собой’ (ОК – ‘я’), противоположные (‘радость’ – ‘горе’, противоположные компоненты (далее – ПК) – ‘положительное’ – ‘отрицательное’).

Макрополе Деятельность

Ядро: ‘жизнь’; околоядерная зона: ‘положительный результат’, ‘удовлетворение’, ‘давать что-либо кому-либо’; ближняя периферия: ‘отдых’, ‘мечта’, ‘отсутствие деятельности’, ‘деятельность’, ‘развитие’, ‘признание значимости’, ‘дружба’, ‘отсутствие’; дальняя периферия: ‘поиск’, ‘воздействие на другого’, ‘питание’, ‘цель’, ‘побуждение к деятельности’, ‘отсутствие вреда для другого’.

Компоненты группы вступают в парадигматические отношения включения: ‘жизнь’ – ‘отдых’, ‘деятельность’, ‘развитие’, ‘отсутствие деятельности’ (жизнь как существование человека вхадит в структуру остальных компонентов), ‘деятельность’ – ‘развитие’, ‘отсутствие’ – ‘отсутствие деятельности’, ‘отсутствие вреда для другого’, ‘деятельность’ – ‘побуждение к деятельности’), перекрещивающиеся (‘побуждение к деятельности’ – ‘отсутствие деятельности’(ОК – ‘деятельность’), ‘развитие’ – ‘цель’ (ОК – ‘достижение’), ‘отсутствие деятельности’– ‘отсутствие вреда для другого’(ОК – ‘отсутствие’), противоположные (‘деятельность’ – ‘отсутствие деятельности’ (ПК – ‘наличие’ – ‘отсутствие’, ‘занятость’ – ‘не занятость’).

Макрополе Отношения

Ядро: ‘отсутствие ограничений’; околоядерная зона: ‘давать что-либо кому-либо’, ‘семья’, ‘верность себе’, ‘необходимость’, ‘согласие с собой’; ближняя периферия: ‘отсутствие’, ‘общество’, ‘дружба’, ‘признание значимости’; дальняя периферия: ‘воздействие на другого’, ‘превосходство над другими’, ‘соответствие требованиям кого-либо’, ‘отсутствие вреда для другого’, ‘побуждение к деятельности’.

Компоненты МП вступают в парадигматические отношения включения: ‘отсутствие’ – ‘отсутствие вреда для другого’, перекрещивающиеся: ‘воздействие на другого’ – ‘превосходство над другими’ – ‘соответствие требованиям кого-либо’ – ‘отсутствие вреда для другого’ – ‘давать что-либо кому-либо’ – ‘воздействие на другого’ – ‘признание значимости’ – ‘превосходство над другими’ – ‘соответствие требованиям кого-либо’ – ‘побуждение к деятельности’ (ОК – ‘другой’).

Макрополе Реалии внешнего мира

Ядро: ‘деньги’; околоядерная зона: ‘дар’, ‘отсутствие ограничений’; ближняя периферия: ‘животные’, ‘положительные обстоятельства’; дальняя периферия: ‘дистант’, ‘сигарета’, ‘совокупность факторов’, ‘утро’.

СК группы вступают в перекрещивающиеся отношения: ‘положительные обстоятельства’ – ‘совокупность факторов’ (ОК – ‘обстоятельство’), ‘деньги’ – ‘дар’ (ОК – ‘материальное благо’), ‘животные’ – ‘утро’ (ОК – ‘природа’).

Макрополе Качество личности

Ядро: ‘доброта’; околоядерная зона: ‘правдивость’; ближняя периферия: ‘превосходство над другими’; дальняя периферия: ‘сила духа’, ‘ум’.

Компоненты группы вступают в перекрещивающиеся отношения: ‘доброта’ – ‘правдивость’ – ‘сила духа’ – ‘ум’ (ОК – ‘положительный’).

В результате проведенного анализа выявлен ряд закономерностей. 1. Границы МП диффузны; 2. СК, входящие в структуру разных МП, занимают приблизительно одинаковую позицию; например: ‘жизнь’ в МП Внутреннее состояние находится в околоядерной зоне, в МП Деятельность – в ядерной; ‘отдых’ и в МП Внутреннее состояние, и МП Деятельность – в зоне ближней периферии; ‘превосходство над другими’ в МП Качество личности – ближняя периферия, в МП Отношения – дальняя периферия; 3. Выявлены частотные семы, которые входят в структуру большинства СК: ‘отсутствие’, ‘я’, ‘другой’; например: ‘отсутствие’ как часть СК вычленяется в: ‘отсутствие переживаний’, ‘отсутствие ограничений’, ‘отсутствие деятельности’, ‘отсутствие вреда для другого’; ‘другой’ – ‘дават другому’, ‘воздействие на другого’, ‘отсутствие вреда для другого’, ‘превосходство над другим’, ‘соответствие требованиям кого-либо’, ‘побуждение к деятельности’, ‘дружба’, ‘общество’, ‘семья’; 4. В семантической структуре выявлена энантиосемия, которая наблюдается как в рамках одного МП (‘деятельность’ – ‘отсутствие деятельности’), так и разных МП: ‘отсутствие ограничений’ – ‘соответствие требованиям кого-либо’, ‘давать что-либо другому’ – ‘дар’.

Выводы

Проведённое исследование дало возможность составить детальную структуру семантического поля *счастье*. Сопоставление лексикографического и психолингвистического значений показало, что СК лексикографического значения входят в структуру психолингвистического значения, однако наблюдается позици-

онное перераспределение. СК ассоциативного поля группируются в МП и вступают в парадигматические отношения включения, перекрещивания, противоположнисти как в рамках одного МП, так и разных МП. Так, содержательная сторона слова *счастье* – сложное структурно-семантическое образование, которое отражает как обобщенные, так и индивидуальные ассоциации носителей языка.

Список источников

1. Абильдинова Ж.Б. Вербализация концепта «счастье / бақыт / happiness» в русском, казахском и английском языковом сознании (по данным ассоциативного эксперимента) // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве: сборник материалов Международного научного конгресса. Москва, 06-10 декабря 2021 года. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. 2021. Т. 1. С. 478 – 481.
2. Беккулова Д.К. Концепт «счастье» в языковом сознании народа // Alatoo Academic Studies. 2021. № 2. С. 206 – 212.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт». 2004. 1536 с.
4. Большой Толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2005. 864 с.
5. Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Субъективная семантика ценностно ориентированных слов: трендовое исследование лексемы счастье // Этнопсихолингвистика. 2021. № 1 (4). С. 8 – 31.
6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. Москва: Гнозис. 2004. 192 с.
7. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47 – 58.
8. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Счастье: значимостная составляющая лингвокультурного концепта // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий 2017: сборник статей XV-го Международного лингвистического семинара / под ред. Л.Н. Ягуповой. Донецк: Донецкий национальный университет. 2017. С. 37 – 42.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000 Т. 2: П–Я. 1088 с.
10. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры. 2005. С. 153 – 175.
11. Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН. Ин-т рус. яз. Азбуковик, 2003. 720 с.
12. Кофтан И.И. Структура символического концепта счастье: когнитивный и лингвокультурологический анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2021. № 4 (71). С. 107 – 113.
13. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2008. 928 с.
14. Овсепян С.А. Концепт счастье в русском языковом сознании на материале фразеологизмов // Science Time. 2023. № 2 (109). С. 30 – 32.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ» 2003. 944 с.
16. Рябова И.Ю. Концепт «счастье.» в сопоставительном межъязыковом аспекте (на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций) // Филология и человек. 2017. № 4. С. 140 – 148.
17. Сидорович Д.О., Долгова А.Д. Концепт счастье в русском и английском языках // Актуальные проблемы гуманитарного образования. Минск: БГУ. 2018. С. 264 – 271.
18. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз. Полиграфресурсы. 1999. Т. 4. 1999. 800 с.
19. Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. «Ламберт», 2011. 194 с.
20. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: «Истоки». 2011.150 с.

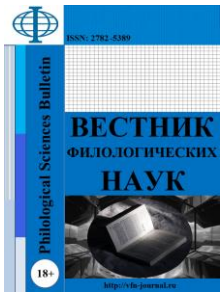
References

1. Abildinova Zh.B. Verbalization of the concept "happiness / baqyt / happiness" in the Russian, Kazakh, and English linguistic consciousness (based on an associative experiment). Russian language in the global scientific and educational space: collection of materials from the International Scientific Congress. Moscow, December 6-10, 2021. Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language. 2021. Vol. 1. P. 478 – 481.
2. Bekkulova D.K. The concept "happiness" in the linguistic consciousness of the people. Alatoo Academic Studies. 2021. No. 2. P. 206 – 212.
3. The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed.-in-Chief S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint. 2004. 1536 p.
4. The Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. Edited by prof. L.G. Babenko. Moscow: AST-PRESS KNIGA. 2005. 864 p.
5. Butakova L.O., Guts E.N. Subjective Semantics of Value-Oriented Words: A Trend Study of the Lexeme Happiness. Ethnopsycholinguistics. 2021. No. 1 (4). P. 8 – 31.
6. Vorkachev S.G. Happiness as a Linguistic and Cultural Concept. Moscow: Gnosis. 2004. 192 p.
7. Vorkachev S.G. The Concept of Happiness: Conceptual and Figurative Components. Izvestiya of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series. 2001. Vol. 60. No. 6. P. 47 – 58.
8. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Happiness: A Significant Component of the Linguocultural Concept. Comparative and Diachronic Studies of Language Units and Categories 2017: Collection of Articles from the XV International Linguistic Seminar. Edited by L.N. Yagupova. Donetsk: Donetsk National University. 2017. P. 37 – 42.
9. Efremova T.F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation. Moscow: Rus. lang., 2000 Vol. 2: P–Ya. 1088 p.
10. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Happiness and Enjoyment in the Russian Linguistic Picture of the World. Key Ideas of the Russian Linguistic Picture of the World. Moscow: Languages of Slavic Culture. 2005. P. 153–175.
11. Nouns with Abstract Meaning. Being. Matter, Space, Time. Connections, Relationships, Dependencies. Spiritual World. State of Nature, Humanity. Society. Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings. Edited by N. Yu. Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language. Azbukovik, 2003. 720 p.
12. Koftan I. I. The Structure of the Symbolic Concept of Happiness: Cognitive and Linguocultural Analysis. Bulletin of Tver State University. Philology Series. 2021. No. 4 (71). P. 107 – 113.
13. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Explanatory dictionary of modern Russian language. M.: Eksmo, 2008. 928 p.
14. Hovsepyan S.A. The concept of happiness in the Russian linguistic consciousness based on phraseological units. Science Time. 2023. No. 2 (109). P. 30 – 32.
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language named after. V.V. Vinogradova. 4th ed., expanded. M.: OOO "IT TECHNOLOGIES" 2003. 944 p.
16. Ryabova I.Yu. The concept of "happiness." in a comparative interlingual aspect (on the example of L.N. Tolstoy's novel "Anna Karenina" and four English-language interpretations). Philology and Man. 2017. No. 4. P. 140 – 148.
17. Sidorovich D.O., Dolgova A.D. The concept of happiness in Russian and English. Actual problems of humanitarian education. Minsk: BSU. 2018. P. 264 – 271.
18. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / RAS, Institute of Linguistic Studies. Edited by A.P. Evgenyeva. 4th ed., reprinted. Moscow: Russian language. Polygraphresources. 1999. Vol. 4. 1999. 800 p.
19. Sternin I.A., Rudakova A.V. Psycholinguistic meaning of the word and its description. "Lambert", 2011. 194 p.
20. Sternin I.A., Salomatina M.S. Semantic analysis of the word in context. Voronezh: "Istoki". 2011. 150 p.

Информация об авторах

Соломка Н.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, na_solomka@volsu.ru

© Соломка Н.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81.2

[1] Таджибова Р.Р. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Лингвокультурологические особенности концепта FATE в англоязычном художественном дискурсе (на материале произведений С. Моэма)

Аннотация: *в статье рассматривается концепт FATE как ключевая категория в англоязычной лингвокультуре и его реализация в художественном дискурсе на материале произведений английского писателя Сомерсета Моэма. Анализируются философские и культурные основания концепта, его лексико-семантическая структура, а также способы репрезентации через языковые единицы и художественные образы. Внимание уделяется взаимодействию концепта FATE с сопутствующими понятиями – волей, случайностью, предопределением. Материалом исследования послужили романы Of Human Bondage и The Painted Veil, в которых прослеживаются разные модели осмысления судьбы. Статья выполнена в русле лингвокультурологического подхода и направлена на выявление глубинных ментальных структур, зафиксированных в литературном тексте. Статья представляет интерес для студентов иностранных отделений, а также – специалистов, исследующих художественную прозу 20 в.*

Ключевые слова: *концепт, судьба, FATE, лингвокультурология, Сомерсет Моэм, англоязычный художественный дискурс, воля, предопределение, случайность*

Для цитирования: Таджибова Р.Р. Лингвокультурологические особенности концепта FATE в англоязычном художественном дискурсе (на материале произведений С. Моэма) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 132 – 135.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Tadzhibova R.R. ***[1] Daghestan State University***

Linguocultural peculiarities of FATE concept in English fiction discourse (on the basis of works by W.S. Maugham)

Abstract: *the article explores the concept of FATE as a key category in the English linguistic worldview and its literary representation in the works of W. Somerset Maugham. The study focuses on the philosophical and cultural background of the concept, its lexical-semantic structure, and the linguistic means used to represent it. Special attention is given to the interaction of the concept of fate with related notions such as will, chance, and predestination. The analysis is based on the novels Of Human Bondage and The Painted Veil, which present different models of conceptualizing destiny. The study employs a linguocultural approach and aims to identify deep mental structures embedded in literary texts. It may be interesting for students of philological specialties, as well as for wide audience dealing with fictional prose of the XX century.*

Keywords: *concept, FATE, linguoculturology, W. Somerset Maugham, English literary discourse, will, predestination, chance*

For citation: Tadzhibova R.R. Linguocultural peculiarities of fate concept in English fiction discourse (on the basis of works by W.S. Maugham). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 132 – 135.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Концепт FATE представляет собой одно из наиболее значимых и многогранных понятий, укоренённых в философской, религиозной и художественной традиции. Он охватывает представления о неизбежности, предопределении, случайности и личной ответственности, образуя сложное смысловое поле, отражающее базовые установки англоязычной культуры. Изучение данного концепта через призму художественного текста позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические аспекты его функционирования.

Особое место в репрезентации концепта FATE занимает творчество английского писателя Сомерсета Моэма. Его произведения насыщены философскими размышлениями о смысле жизни, свободе воли, моральном выборе и случайности. В рамках данной статьи рассматриваются два романа Моэма – *Of Human Bondage и The Painted Veil*, где судьба предстает как активная составляющая нарративной структуры и смыслового наполнения текста.

Материалы и методы исследований

Понятие концепта стало центральным в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Оно представляет собой ментальную единицу, формирующуюся в сознании человека на основе языкового, культурного и индивидуального опыта. Согласно Е.С. Кубряковой, концепт – это «единица ментального кода культуры», связывающая языковое выражение с когнитивной и культурной информацией [2, с. 12].

Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в человеческом сознании» [5, с. 90]. Таким образом, концепт нельзя свести к лексеме или понятию – он включает в себя образ, ассоциации, эмоциональную и культурную компоненты.

Концепт FATE охватывает представления о судьбе как неизбежности, как предначертанной силе, как случайности и как следствии личного выбора. В различных философских и религиозных традициях он интерпретировался по-разному: в античности судьба была «неотвратимой волей богов» [1], в христианстве – проявлением божественного промысла, в эпоху модерна – часто субъективным ощущением детерминизма или экзистенциальной обречённости [4, с. 77].

Лингвистически концепт FATE представлен как многоуровневая структура, включающая ядерные компоненты (например, лексемы fate, destiny, doom) и периферийные (chance, lot, fortune, will, predestination). Каждая из этих лексем несёт свой культурно-смысловой оттенок и отражает различный подход к интерпретации судьбы: от мистического и религиозного до рационального или фаталистического.

Сопоставительный анализ словарных дефиниций (Oxford, Collins, Merriam-Webster, Cambridge) показывает, что fate определяется как внешняя сила, управляющая событиями; как неизбежный результат или конец; как судьба личности [7, 10]. В то же время такие синонимы, как chance и fortune, несут в себе идею случайности, удачи или её отсутствия, тогда как will и predestination отражают полюса антиномии свободы и необходимости [7, 10].

Таким образом, теоретическая база исследования концепта FATE включает многослойное взаимодействие философского содержания, культурных традиций и лексико-семантической реализации, что и обуславливает актуальность его изучения в художественном дискурсе, особенно в текстах, насыщенных экзистенциальной проблематикой.

Результаты и обсуждения

В романе *Of Human Bondage* концепт FATE выступает как определяющий элемент нарративной и философской структуры.

Главный герой, Филип Кэри, на протяжении всего повествования сталкивается с фундаментальными вопросами человеческого существования: свобода и детерминизм, случай и необходимость, воля и обречённость.

Одним из центральных средств репрезентации концепта судьбы является лексема *fate*, употребляющаяся в ситуациях, где персонаж ощущает бессилие перед внешними обстоятельствами. Так, в одном из эпизодов Моэм пишет: «*Philip cursed **the fate** which chained him to such a woman*» [8, с. 45], подчеркивая ощущение внутренней несвободы и отчаяния, возникающее у героя. Здесь судьба – не просто событие, а символ неотвратимости и душевной боли.

Кроме того, важную роль играют лексемы *will* и *chance*. *Will* в романе часто маркирует внутреннее стремление героя к автономии, к выбору собственного пути. Однако это стремление сталкивается с реальностью, в которой свобода воли оказывается иллюзорной. В эпизоде *«He had not **the will** to advance himself»* [8, с. 62] подчеркивается внутренняя слабость героя и его неспособность преодолеть обстоятельства.

Слово *chance* в романе приобретает особое значение, отражая случайные события, которые изменяют жизнь Филипа. Судьба здесь предстает как совокупность случайностей, не поддающихся контролю, что хорошо сочетается с модернистским восприятием мира как хаотичного и неопределенного.

Роман *The Painted Veil* представляет собой иной ракурс осмысления концепта судьбы по сравнению с *Of Human Bondage*. Здесь С. Моэм акцентирует внимание не столько на внутреннем разладе личности, сколько на трансформации мировоззрения под действием внешних обстоятельств и нравственных испытаний.

Главная героиня Китти сталкивается с рядом драматических ситуаций, которые вынуждают её переосмыслить своё существование, свои ценности и ответственность перед собой и другими.

Одним из ключевых выражений концепта судьбы в этом произведении становится фраза: *«He could never have been so inhuman as to leave her to her **fate**»* [9, с. 55].

Здесь *судьба* выступает как неотвратимое наказание, которого можно избежать только через милосердие и участие другого человека. Китти предстает жертвой не только своих поступков, но и обстоятельств, в которые она попала – по воле случая или Провидения.

Лексема *chance* играет важную роль в романе, представляя собой один из способов художественной репрезентации непредсказуемости жизни. Например: *She had not taken **the chance*** [9, с. 80].

Акцент делается на упущенной возможности изменить свою жизнь, где шанс – это потенциальный путь к свободе, который героиня не реализовала.

Другим показателем функционирования концепта FATE является употребление слова *«providence»*: *By the mercy of **Providence** I was at the door just as she came* [9, с. 94].

В данном контексте судьба осмысляется как проявление божественной воли, направленной на спасение, – редкий случай, когда С. Моэм вводит элемент религиозной фатальности.

Стоит отметить, что в *The Painted Veil* концепт FATE раскрывается через внутреннее преображение героини, её путь от эгоизма и наивной самоуверенности к смирению и духовному пробуждению. Судьба здесь не столько наказывается, сколько воспитывает. Образ судьбы приобретает педагогическую функцию, направляя героиню к моральной зрелости.

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить особенности репрезентации концепта FATE в англоязычном художественном дискурсе на материале произведений Сомерсета Моэма. Концепт FATE в романах писателя является неотъемлемой частью философской и этической проблематики, глубоко вплетённой в структуру повествования, характеризацию персонажей и развитие событий.

Анализ лексико-семантических средств показал, что концепт FATE реализуется в художественном тексте через широкий спектр лексем – от прямых наименований судьбы (*fate, destiny, doom*) до синонимических и контекстуальных маркеров (*will, chance, fortune, providence*).

Эти слова приобретают различную смысловую нагрузку в зависимости от нарратива: в одном случае они выражают идею обречённости и отсутствия выбора, в другом – возможность осознанного изменения и личной ответственности.

В романе *Of Human Bondage* судьба предстает как внешняя, доминирующая сила, ограничивающая свободу выбора персонажа и подчёркивающая его экзистенциальную уязвимость. Здесь концепт FATE тесно связан с чувством беспомощности, иллюзией свободы воли и драматическим конфликтом между желаниями и обстоятельствами.

В *The Painted Veil* напротив, судьба становится инструментом внутренней трансформации. Через череду испытаний, случайных и предопределённых, героиня романа проходит путь морального и духовного очищения. Концепт FATE в данном случае предстает как фактор, инициирующий личностный рост и возвращающий человека к подлинным ценностям.

Таким образом, С. Моэм демонстрирует многомерность концепта судьбы, подчеркивая его культурную и философскую значимость. Лингвокультурологический анализ показывает, что концепт FATE в англоязычной литературе рубежа XIX–XX вв. утрачивает однозначность и приобретает новые интерпретации, отражающие кризис традиционных мировоззренческих систем и поиски новых смыслов человеческого бытия.

Романы Моэма позволяют проследить, как через художественное слово реализуется сложный ментальный конструкт, объединяющий личный опыт, культурные стереотипы и универсальные категории человеческого сознания.

Проведённое исследование подтверждает продуктивность лингвокультурологического подхода в анализе концептов и открывает перспективы для дальнейшего изучения судьбы как лингвокультурного феномена в других авторских и национальных литературных контекстах.

Список источников

1. Иванова Л.И., Пименова М.В. Проблема типологии концептов в современной лингвистике. Кемерово: Графика, 2011. 385 с.
2. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М., 2000. С. 7 – 25.
3. Папшева А. Применение категории «код» в лингвокультурологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2020. Т. 2. № 3. С. 493.
4. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва: Русские словари, 2008. 395 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Наука, 2001. 312 с.
6. Таджибова З.Т. К вопросу о понятии «концепт» в современной лингвистике // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2023. № 02 (94). Режим доступа: https://scipress.ru/philology/ articles/k-voprosu-o-ponyatii-kontsept-v-sovremennoj-lingvistike.html (дата обращения: 01.10.2025).
7. Merriam – Webster Learner's Dictionary. URL: https://www. merriam-webster.com (дата обращения: 23.10.2025).
8. Maugham W.S. On Human Bondage. London: University Press, 1993. 452 p.
9. Maugham W.S. The Painted Veil. Moscow: Rainbow, 2004. 398 p.
10. Oxford’s Students Dictionary of Current English. Oxford: University Press, 1984. 1623 p.

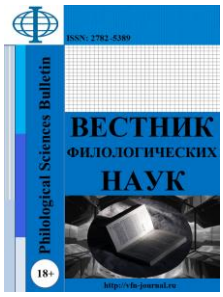
References

1. Ivanova L.I., Pimenova M.V. The Problem of Concept Typology in Modern Linguistics. Kemerovo: Grafika, 2011. 385 p.
2. Kubryakova E.S. On the Concepts of Discourse and Discourse Analysis in Modern Linguistics (Review). Discourse, Speech, Speech Activity: Functional and Structural Aspects: A Collection of Reviews. Moscow, 2000. P. 7 – 25.
3. Papsheva A. Application of the Category “Code” in Linguocultural Studies. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 2. No. 3. 493 p.
4. Rakhilina E.V. Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Compatibility. Moscow: Russkie Dictionari, 2008. 395 p.
5. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience. Moscow: Nauka, 2001. 312 p.
6. Tadjibova Z.T. On the Concept of "Concept" in Modern Linguistics. Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal. 2023. No. 02 (94). Available at: https://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-o-ponyatii-kontsept-v-sovremennoj-lingvistike.html (accessed: 01.10.2025).
7. Merriam – Webster Learner's Dictionary. Available at: https://www. merriam-webster.com (accessed: 23.10.2025).
8. Maugham W.S. On Human Bondage. London: University Press, 1993. 452 p.
9. Maugham W.S. The Painted Veil. Moscow: Rainbow, 2004. 398 p.
10. Oxford’s Students Dictionary of Current English. Oxford: University Press, 1984. 1623 p.

Информация об авторах

Таджибова Р.Р., доцент кафедры английской филологии, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

© Таджибова Р.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:004.738.5

[1] Щепичак С.С., [1] Никитин А.А., [1] Никитина Т.И. ***[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет***

Методы противодействия фейковым новостям и инфоповодам в социальных сетях

Аннотация: *статья посвящена анализу медийных, социальных и коммуникативных практик противодействия фейковым новостям и искусственно сконструированным инфоповодам в российских социальных сетях. Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровые платформы становятся ключевым каналом потребления новостного контента и фактором формирования общественного мнения, тогда как распространение недостоверной информации подрывает доверие к медиа и усиливает манипулятивные процессы в коммуникации. Цель исследования - выявить и систематизировать методы противодействия дезинформации на примере Telegram и ВКонтакте. Методология основана на контент- и дискурс-анализе, сравнительном анализе медиапрактик и экспертных интервью. В результате выявлены три группы практик противодействия фейкам: институциональные, редакционно-журналистские и пользовательские. Показано, что эффективность противодействия определяется сочетанием технологических инструментов и коммуникативных стратегий доверия, прозрачности и саморегуляции.*

Ключевые слова: *дезинформация, фейковые новости, инфоповоды, социальные сети, медиаграмотность, Telegram, ВКонтакте*

Для цитирования: Щепичак С.С., Никитин А.А., Никитина Т.И. Методы противодействия фейковым новостям и инфоповодам в социальных сетях // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 136 – 143.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Shchepichak S.S., [1] Nikitin A.A., [1] Nikitina T.I. ***[1] Kazan (Volga Region) Federal University***

Methods of countering fake news and information guides on social networks

Abstract: *the article is devoted to the analysis of media, social and communication practices of countering fake news and artificially constructed information channels in Russian social networks. The relevance of the study is due to the fact that digital platforms are becoming a key channel for the consumption of news content and a factor in shaping public opinion, while the dissemination of false information undermines trust in the media and enhances manipulative processes in communication. The purpose of the study is to identify and systematize methods of countering disinformation using the example of Telegram and VKontakte. The methodology is based on content and discourse analysis, comparative analysis of media practices and expert interviews. As a result, three groups of anti-fake practices have been identified: institutional, editorial, journalistic, and user-based. It is shown that the effectiveness of counteraction is determined by a combination of technological tools and communicative strategies of trust, transparency and self-regulation.*

Keywords: *disinformation, fake news, information channels, social networks, media literacy, Telegram, VKontakte*

For citation: Shchepichak S.S., Nikitin A.A., Nikitina T.I. Methods of countering fake news and information guides on social networks. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 136 – 143.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

В условиях стремительной цифровой трансформации медиапространства все большей значимостью обладает феномен распространения недостоверной информации, в том числе так называемых «фейковых новостей» и крупных инфоповодов, создаваемых либо адаптируемых специально для социальных сетей. Социальные сети выступают не только каналами коммуникации, но и значимой составляющей медиасреды, где происходит формирование общественного мнения и артикуляция интерпретаций текущих событий. Исследования показывают, что цифровые платформы, опирающиеся на алгоритмическую персонализацию и сетевые механизмы вирусного распространения контента, радикально ускоряют циркуляцию слухов, неподтвержденных сведений и умышленно искаженной информации. Это явление связывается с феноменом «информационного расстройства», объединяющего дезинформацию, пропаганду и манипулятивные инфоповоды [16].

Фейковые новости и искусственно сконструированные инфоповоды оказывают не только информационный, но и социально-политический эффект. Они способны подрывать доверие к традиционным и цифровым медиа, усиливать поляризацию и создавать условия для управляемой мобилизации общественного мнения. Показано, что ложная информация распространяется в сетевых медиа быстрее и шире, чем корректные сообщения: дезинформация характеризуется большей эмоциональной насыщенностью и сенсационностью, что стимулирует пересылку и цитируемость [15]. Следовательно, противодействие фейкам уже не сводится к техническому фильтрованию контента, но приобретает междисциплинарный характер и включает аспекты медиакультуры, социологии доверия, этики журналистики и медиаобразования. При этом в научном и профессиональном дискурсе наблюдается смещение акцентов с констатации присутствия фейков как угрозы к анализу стратегий и практик борьбы с ними. Внимание исследователей все чаще направлено на то, каким образом формируются устойчивые механизмы верификации информации и каковы реальные модели саморегуляции внутри цифровых сообществ [5, 13]. Значимым становится вопрос не только о детекции фейка, но и о доверии к процедуре опровержения: аудитория должна воспринимать разъяснение как легитимное и компетентное, иначе процесс проверок лишь усиливает конфликт. Несмотря на рост количества публикаций по тематике дезинформации, сохраняются по крайней мере три недостаточно проработанных аспекта. Во-первых, российская часть исследований часто сосредоточена на нормативно-правовом регулировании и институциональной модерации контента, тогда как менее полно изучены горизонтальные механизмы саморегуляции аудитории и неформальные формы коллективного фактчекинга. Во-вторых, зарубежные исследования детально описывают феномен «экономики внимания» и алгоритмической эксплуатации эмоциональных реакций, но редко учитывают специфику локальных платформ, отличных от глобальных корпораций. В-третьих, недостаточно систематизированы коммуникативные стратегии, используемые участниками медиапространства для легитимации своих опровержений. Целью настоящего исследования является выявление и систематизация методов противодействия фейковым новостям и инфоповодам в социальных сетях с акцентом на медийных, социальных и коммуникативных практиках. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: провести обзор и анализ существующих международных и российских исследований по теме фейковых новостей, инфоповодов и противодействия им; Описать медиасреду и особенности функционирования Telegram и ВКонтакте как площадок дезинформации и противодействия дезинформации; Выявить и классифицировать ключевые практики противодействия фейковым сообщениям, применяемые в медиа- и пользовательской среде; Оценить эффективность указанных практик и обозначить рекомендации для медиапрактики и дальнейших исследований.

Объектом исследования выступает медиасреда социальных сетей как пространство распространения фейковых новостей и управляемых инфоповодов. Предметом исследования являются конкретные медийные, социальные и коммуникативные практики противодействия этим феноменам.

Проблематика фейковых новостей и дезинформации в социальных сетях активно изучается в зарубежной науке с середины 2010-х годов, когда платформы стали ключевыми каналами распространения новостного контента. Ключевой вклад в это направление внесли исследования, описывающие динамику распространения ложной информации и ее социальные последствия. Так, показано, что ложные сообщения распространяются быстрее и шире, чем проверенные сообщения, за счет когнитивной восприимчивости поль-

зователей к новизне и эмоциональной насыщенности сообщений [15]. Это усиливает роль так называемой «экономики внимания», в рамках которой фейковые инфоповоды не просто возникают стихийно, но могут создаваться как инструмент управления общественной повесткой.

Зарубежные авторы предлагают рассматривать проблему дезинформации как многофакторное явление, включающее технологические, социальные и когнитивные аспекты. В работах Lazer и соавторов дезинформация описывается как элемент устойчивой информационной экосистемы, где пересекаются платформенные алгоритмы, медийные интересы и ограниченные когнитивные ресурсы аудитории [12]. Wardle и Derakhshan (2017) предлагают концепт «информационного расстройства» (information disorder) и выделяют три типа проблематичной информации: дезинформация (умышленно ложная), мисинформация (распространяемая без злого умысла) и малинформация (информация, передающаяся без искажений, но распространяемая в вредоносном контексте). Данный подход важен тем, что смещает фокус с бинарной оппозиции «правда/ложь» к анализу стратегий манипуляции вниманием [16].

Современная зарубежная литература постепенно уходит от чисто технологических описаний (алгоритмы обнаружения фейков, автоматизированный фактчекинг) и обращается к вопросам доверия, этики и саморегуляции. Pennycook и Rand (2021) показывают, что повышение рефлексивности пользователя (в частности, напоминание проверять достоверность перед репостом) приводит к статистически значимому снижению распространения недостоверных сообщений. В этом контексте медиаграмотность рассматривается не только как образовательный ресурс, но и как социальный механизм стабилизации коммуникации [13].

Российские исследования традиционно уделяют внимание социокультурным и институциональным аспектам дезинформации. Фейковые новости рассматриваются как элемент медиакультуры постправды, в рамках которой истина перестает выступать обязательным критерием легитимности публичного высказывания; вместо этого ключевым становится способность сообщения мобилизовать и эмоционально вовлечь аудиторию. При этом подчеркивается, что борьба с фейками не является чисто технической задачей, поскольку затрагивает культуру восприятия информации и механизмы формирования доверия [5].

Отдельная линия российских исследований посвящена специфике платформ Telegram и ВКонтакте. Telegram изучается как пространство оперативной, маломодерируемой, репутационно управляемой коммуникации, где конкурируют официальные и неофициальные источники информации. Исследования указывают, что отсутствие жесткой институциональной модерации одновременно увеличивает риск дезинформации и создает условия для горизонтального фактчекинга: аудитория способна коллективно оспаривать сомнительные сообщения и требовать подтверждений у авторов каналов, чья репутация является ключевым ресурсом [6]. ВКонтакте, напротив, характеризуется сочетанием редакционных и институциональных механизмов контроля и маркировки спорного контента, что сближает его с традиционными медийными структурами и облегчает интеграцию официальных источников [2].

Значимое направление внутри российской научной дискуссии - исследование медиаграмотности и критического мышления как условий устойчивости медиасреды. Федорова и Ильин (2021) выделяют несколько уровней медиаграмотности: информационный (умение находить данные), когнитивный (умение интерпретировать и сопоставлять источники), критический (умение распознавать манипуляцию) и этический (ответственность за распространение информации). Подобный подход подчеркивает необходимость не только блокировки ложного контента, но и формирования у аудитории устойчивых практик ответственного участия в цифровой коммуникации.

В ряде работ, посвященных феномену инфоповодов, подчеркивается, что инфоповод в современной сетевой среде выступает не только в качестве журналистского повода для освещения события, но и как инструмент целенаправленного управления вниманием аудитории. Тем самым в цифровой среде возможна не просто передача ложной информации, но и конструирование дискурсивных рамок, в которых определенные трактовки события становятся неоспоримыми до появления опровержения. Это создает необходимость не только проверки факта, но и анализа нарратива, риторики и мотивации источника.

Таким образом, обзор литературы позволяет выделить три ключевые методологические линии. Первая - технологическая (алгоритмы обнаружения фейков, платформенная модерация). Вторая - коммуникативная (саморегуляция сообществ, формирование доверия, прозрачность источников). Третья - когнитивно-образовательная (медиаграмотность как фактор устойчивости медиасреды). На стыке этих линий формируется повестка исследования практик противодействия фейкам как социального феномена.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на комплексную методологическую стратегию, сочетающую количественные и качественные методы анализа медиаконтента. Основная задача данного раздела - описать, какие данные были собраны, каким образом они были обработаны и по каким критериям интерпретированы.

Эмпирическую базу исследования составили публикации и медиаматериалы, размещенные в 2024–2025 гг. в двух ключевых социальных сетях российского сегмента - Telegram и ВКонтакте. Выбор именно этих платформ обусловлен их высокой вовлеченностью аудитории и прямым участием в формировании новостной повестки. Telegram выступает каналом быстрой, малоинституционализированной коммуникации, где значительная часть контента распространяется через анонимные или полуанонимные каналы. ВКонтакте, напротив, сохраняет черты платформы с выраженной интеграцией редакционных практик и присутствием официальных СМИ.

В анализ были включены: 20 Telegram-каналов информационно-публицистического профиля, в том числе каналы независимых аналитических проектов, региональных новостных сообществ и пабликов, предлагающих фактчекинг; 15 публичных страниц и групп во ВКонтакте, транслирующих новостной контент, публикующих заявления официальных структур и/или осуществляющих опровержения слухов.

Общий массив составил свыше 300 публикаций (постов, сообщений, заметок) и порядка 5000 пользовательских комментариев. Единицей анализа выступало сообщение или пост, включающий утверждение о фактах публично значимого события и/или ссылку на источник. Для включения в выборку использовались критерии: наличие новостного инфоповода, наличие признаков сомнительной достоверности, наличие реакций аудитории и/или контрсообщений с опровержением.

Для анализа собранного материала применялись следующие методы:

1. Контент-анализ. Он использовался для количественной фиксации структурных характеристик сообщений: тематической направленности, присутствия эмоционально заряженных оценок, апелляций к срочности и эксклюзивности («только что стало известно», «источник сообщает»), ссылок на первоисточники, наличия маркировки «фейк» или аналогичных предупреждений. Схема кодирования включала категории «тип источника», «форма подачи», «реакция пользователей», «наличие проверки фактов», «маркеры достоверности». Контент-анализ позволил оценить распространенность различных типов реакций на фейковые сообщения и выделить наиболее устойчивые практики проверки [11].

2. Дискурс-анализ. Он применялся для изучения риторических стратегий, с помощью которых авторы публикаций обосновывают достоверность информации или, напротив, дискредитируют конкурирующие версии событий. Анализ проводился с опорой на критический дискурс-анализ [9, 14] и адаптировался к цифровым медиа. Особое внимание уделялось: (а) структуре аргументации, (б) способам конструирования авторитетности источника, (в) использованию визуальных маркеров доказательности (скриншоты документов, фрагменты официальных заявлений, ссылки на записи трансляций).

3. Сравнительный анализ. Он позволил сопоставить практики противодействия дезинформации в Telegram и ВКонтакте. Критериями сравнения являлись степень институционализированности источника (официальный/неофициальный), скорость реакции на фейк, использование маркировки недостоверного контента, вовлеченность аудитории в процесс проверки, наличие обратной связи между авторами и аудиторией.

4. Метод экспертных интервью. В исследовании использованы шесть неформализованных интервью с медиаспециалистами (редакторы крупных Telegram-каналов, журналисты новостных пабликов, преподаватели факультетов журналистики). Интервью применялись для уточнения критериев эффективности противодействия фейкам и для интерпретации наблюдаемых коммуникативных практик.

Методологическая рамка исследования опирается на концепцию информационных экосистем, в рамках которой дезинформация рассматривается как продукт взаимодействия алгоритмов, медиаорганизаций и аудиторий [12]; на идею медиакультуры постправды, где достоверность подменяется эффективностью мобилизации аудитории [5]; а также на подходы к медиаграмотности и критическому мышлению как к элементу социальной устойчивости цифровых сообществ [4, 13].

Исследование реализовывалось поэтапно. На подготовительном этапе (I кв. 2024 г.) была сформирована выборка источников и разработана кодировочная схема. На аналитическом этапе (II–III кв. 2024 г.) осуществлялся сбор и систематизация материалов из Telegram и ВКонтакте, проводились контент- и дискурс-анализ. На интерпретационном этапе (IV кв. 2024 г.) формировалась типология практик противодействия, обобщались данные экспертных интервью. На заключительном этапе (I кв. 2025 г.) были сформулированы рекомендации и обозначены перспективы дальнейших исследований.

Необходимо зафиксировать ограничения исследования. Во-первых, ограничение платформами Telegram и ВКонтакте не позволяет автоматически переносить выводы на иные цифровые среды с отличной структурой интеракций (например, видеоплатформы). Во-вторых, исследование носит качественный характер и не претендует на статистическую репрезентативность российского сегмента социальных сетей в целом. В-третьих, роль анонимности и неформальных каналов коммуникации в Telegram осложняет проверку под-

линности источников. Тем не менее, полученные данные дают возможность выявить закономерности, релевантные для понимания медиапрактик и механизмов саморегуляции в российском цифровом пространстве.

Результаты и обсуждения

1. Общие тенденции

Анализ медиаконтента Telegram и ВКонтакте за 2024-2025 гг. показал, что противодействие фейковым новостям имеет многоуровневый характер, включающий институциональные, редакционные, пользовательские и гибридные формы реагирования. В условиях цифровой децентрализации и ослабления традиционных медиа-иерархий борьба с дезинформацией становится не столько технологическим, сколько социально-коммуникативным процессом [13].

2. Типология практик противодействия

2.1. Институциональные практики

К ним относятся меры официальных структур и медиаорганизаций - фактчекинг, маркировка недостоверного контента, просветительские кампании и платформенные ограничения охвата сомнительных сообщений. Эти формы встречаются примерно в 27 % исследованных публикаций. Их достоинство - достоверность и легитимность; слабое место - инерционность и ограниченный охват аудитории.

2.2. Редакционно-журналистские практики

Это инициативы независимых редакций и гражданской журналистики, ориентированные на оперативное опровержение фейков и формирование культуры доказательности. В Telegram-каналах широко используется маркировка «фейк», ссылки на документы и объяснение контекста («почему сообщение недостоверно»). Такие тексты формируют доверие через рационализацию и метакоммуникацию, при этом демонстрируют скорость реакции и горизонтальную координацию.

2.3. Пользовательские и гибридные практики

Пользователи активно участвуют в выявлении и опровержении фейков через комментарии, репосты с пометкой «проверено» и коллективный фактчекинг. Особенно активно такие механизмы развиваются во ВКонтакте в форме специализированных групп, где обсуждается достоверность контента. Telegram демонстрирует гибридные формы, где независимые фактчекинговые каналы объединяют журналистов и активных пользователей.

Таблица 1

Сравнительный анализ Telegram и ВКонтакте.

Table 1

Comparative analysis of Telegram and VKontakte.

Параметр	**Telegram**	**ВКонтакте**
Тип коммуникации	Децентрализованный, горизонтальный	Полуструктурированный, с модерацией
Основные субъекты	Независимые авторы, экспертные сообщества, пользователи	СМИ, официальные сообщества, модераторы
Формы противодействия	Саморегуляция, маркировка «фейк», коллективный фактчекинг	Алгоритмическая фильтрация, уведомления, блокировка
Скорость реакции	Высокая	Средняя
Уровень доверия аудитории	Средне-высокий (репутационный капитал)	Высокий к институциональным источникам
Ограничения	Отсутствие формальной модерации, нестабильность каналов	Зависимость от алгоритмов и платформенных правил

Эти различия показывают, что Telegram лучше справляется с оперативным противодействием фейкам, тогда как ВКонтакте обеспечивает институциональную устойчивость и большую формализацию процедур проверки.

4. Коммуникативные стратегии и нарративные особенности

Выделены следующие доминирующие стратегии в публикациях, направленных на опровержение фейков: рационализация - логическое объяснение и ссылки на факты; Эмпатическая аргументация - уважительный тон, избегание обвинений аудитории; Метакоммуникация - разъяснение процесса проверки; Визуальная верификация - инфографика, документы, скриншоты; Рефрейминг - смена угла зрения: от сенсации к аналитическому контексту.

Использование этих стратегий способствует формированию культуры цифрового доверия и снижению конфликтности медиадискурса.

5. Эффективность практик и ограничения. Институциональные меры надежны, но запаздывают. Редакционные - гибкие, но зависят от профессионализма и репутации. Пользовательские - массовые, но неустойчивые без платформенной поддержки.

В целом эффективность противодействия фейкам зависит от интеграции всех трех уровней и наличия открытой коммуникации между медиа, платформами и пользователями.

Выводы

Проведенное исследование позволило систематизировать основные практики противодействия фейковым новостям и инфоповодам в российских социальных сетях Telegram и ВКонтакте. Полученные результаты подтверждают, что борьба с дезинформацией в цифровой среде является сложной системой социальных взаимодействий, а не исключительно технологической задачей.

Во-первых, противодействие фейкам носит многоуровневый характер. Институциональные структуры (платформы, редакции, официальные организации) обеспечивают маркировку и формальные опровержения недостоверной информации. Редакционно-журналистские инициативы предоставляют оперативные разъяснения, раскрывают происхождение слухов и укрепляют культуру доказательности. Пользовательские и гибридные практики формируют механизмы горизонтальной саморегуляции и коллективного фактчекинга, характерные прежде всего для Telegram.

Во-вторых, Telegram и ВКонтакте демонстрируют различные модели информационной регуляции. Telegram представляет модель гибких горизонтальных сетей, где значительную роль играет репутация автора и открытая критика контента. ВКонтакте воплощает модель институциональной устойчивости, в которой важна формализация ответственности и процедур верификации. Сочетание этих моделей позволяет рассматривать российскую цифровую медиасреду как многослойную экосистему, где конкурируют разные режимы производства доверия.

В-третьих, эффективность противодействия дезинформации определяется не только технологическими фильтрами, но и качеством коммуникации: прозрачностью источников, объяснением процедур проверки, уважительной работой с аудиторией и развитием навыков медиаграмотности. Исследования по медиаграмотности показывают, что критическое мышление и этическая ответственность пользователей напрямую влияют на степень распространения фейковых новостей [4, 13].

В-четвертых, особого внимания требует феномен инфоповода как инструмента управления вниманием аудитории. В условиях платформенной конкуренции инфоповоды могут выступать самостоятельным продуктом сетевой манипуляции. Это требует усиления аналитической журналистики, прозрачности источников и внедрения профессиональных стандартов, ограничивающих тиражирование искусственных поводов.

Практические рекомендации исследования включают: (1) внедрение в редакционную практику четких протоколов фактчекинга и раскрытия источников информации; (2) развитие внутри платформ интерфейсных механизмов маркировки спорного контента и объяснительных карточек с проверкой фактов; (3) интеграцию модулей медиаграмотности, цифровой этики и анализа дезинформации в образовательные программы журналистских и гуманитарных факультетов; (4) поддержку сетевых инициатив саморегуляции и горизонтального фактчекинга как важного элемента общественного контроля над качеством циркулируемой информации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением сравнительного анализа на другие платформы (видеосервисы и стриминговые площадки), а также с изучением динамики доверия к источникам в условиях конкуренции официальных и неформальных каналов коммуникации. Кроме того, перспективным представляется моделирование экосистем саморегуляции, в которых аудитория не только потребляет новостной контент, но и участвует в его проверке и интерпретации.

Таким образом, устойчивость современной медиасреды определяется способностью не только обнаруживать дезинформацию, но и воспроизводить в публичной коммуникации нормы прозрачности, ответственности и доказательности. Именно эти нормы обеспечивают долгосрочную устойчивость доверия как ключевого ресурса цифрового общественного дискурса.

Список источников

1. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе // Вестник СПбГУ. Социология. 2020. Т. 15. № 2. С. 129 – 143.
2. Григорян Д.К. Фейковые новости в эпоху цифровизации: технологии противодействия распространению // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3. С. 132 – 136.
3. Кихтан В.В., Мамиева Б.Ю. К вопросу о манипулировании современных СМИ // Вестник Волжского Университета им. В.Н. Татищева. 2018. № 2. С. 236 – 242.
4. Котляр П.С. Медиаграмотность в условиях развития цифровых технологий // Вестник Вятского государственного университета. 2017. Т. 10. № 8. С. 26 – 32.
5. Несина В.В. Фейковые новости как явление современного медиапространства // Гуманитарный научный вестник 2022. № 10. С. 12 – 17.
6. Турсунова Д.Б. Специфика использования телеграм-каналов журналистами: особенности и тенденации развития // /Universum: филология и искусствоведение. 2024. № 1 (115). С. 12 – 14.
7. Bakir V., McStay A. Fake news and the economy of emotions // Digital Journalism. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 1 – 20.
8. Boyd D., Ellison N. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. 2019. Vol. 24. No. 4. P. 131 – 148.
9. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language // London: Longman. 1995. 270 p.
10. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Boston: Beacon Press. 1984. 480 p.
11. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. 4th ed. Thousand Oaks: Sage. 2018. 470 p.
12. Lazer D., Baum M., Benkler Y. et al. The science of fake news // Science. 2018. Vol. 359. No. 6380. P. 1094 – 1096.
13. Pennycook G., Rand D. Nudging users to think before they share fake news online // PNAS. 2021. Vol. 118. No. 13. C. 1 – 5. DOI: 10.1073/pnas.2019527118.
14. Van Dijk T.A. Discourse and Power. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2011. 304 p.
15. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science. 2018. Vol. 359. P. 1146 – 1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.
16. Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework. Strasbourg: Council of Europe. 2017. C. 1 – 107.

References

1. Veselov Yu.V. Trust in the Digital Society. Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 129 – 143.
2. Grigoryan D.K. Fake News in the Digital Age: Technologies for Countering Proliferation. Jurist-Pravoved. 2024. No. 3. P. 132 – 136.
3. Kikhtan V.V., Mamieva B.Yu. On the Issue of Manipulating Modern Media. Bulletin of V.N. Tatishchev Volzhsky University. 2018. No. 2. P. 236 – 242.
4. Kotlyar P.S. Media Literacy in the Context of Digital Technology Development. Bulletin of Vyatka State University. 2017. Vol. 10. No. 8. P. 26 – 32.
5. Nesina V.V. Fake news as a phenomenon of the modern media space. Humanitarian Scientific Bulletin 2022. No. 10. P. 12 – 17.
6. Tursunova D.B. Specifics of the use of Telegram channels by journalists: Features and development trends. /Universum: philology and art criticism. 2024. No. 1 (115). P. 12 – 14.
7. Bakir V., McStay A. Fake news and the economy of emotions. Digital Journalism. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 1 – 20.
8. Boyd D., Ellison N. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. Journal of Computer-Mediated Communication. 2019. Vol. 24. No. 4. P. 131 – 148.
9. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman. 1995. 270 p.
10. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Boston: Beacon Press. 1984. 480 p.
11. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. 4th ed. Thousand Oaks: Sage. 2018. 470 p.
12. Lazer D., Baum M., Benkler Y. et al. The science of fake news. Science. 2018. Vol. 359.No. 6380. P. 1094 – 1096.

13. Pennycook G., Rand D. Nudging users to think before they share fake news online. PNAS. 2021. Vol. 118. No. 13. P. 1 – 5. DOI: 10.1073/pnas.2019527118.
14. Van Dijk T.A. Discourse and Power. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2011. 304 p.
15. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online. Science. 2018. Vol. 359. P. 1146 – 1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.
16. Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework. Strasbourg: Council of Europe. 2017. P. 1 – 107.

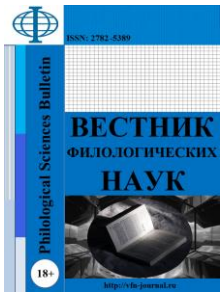
Информация об авторах

Щепичак С.С., старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, Sschepichak@gmail.com

Никитин А.А., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, alexey011281@mail.ru

Никитина Т.И., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, tatyana_shreya@mail.ru

© Щепичак С.С., Никитин А.А., Никитина Т.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81-116

[1] ***Абиодун Адетокунбо***

[1] ***Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы***

Понятие семантического поля

Аннотация: *в статье показано, как структуралистское понятие парадигматических смысловых отношений было применено к подходу, который называется лексической теорией поля. Основываясь на исследованиях исторической семантики, Й. Триер ввел термин «семантическое поле», который он определил, как набор семантически связанных слов, значения которых ограничивают друг друга. Значение слова может быть полностью определено только на контрасте с другими словами в поле. С диахронической точки зрения это означает, что любое изменение значения одного слова влияет на семантику других слов, с которыми оно связано. Согласно Й. Триеру, члены поля охватывают всю понятийную или предметную область без каких-либо пробелов или наложений, т.е. границы лексического поля могут быть четко разграничены. Кроме того, в статье проведен лингвоисториографический анализ научных трудов отечественных и зарубежных лингвистов, которые стояли на позициях системного подхода к изучению языковых явлений (Л.В. Щерба, Ф, де Соссюр, М.М. Покровский). Их исследования стали фундаментом для развития теории поля и активного применения критериев системности и структурности в описании лексико-семантических феноменов языка.*

Ключевые слова: *системные свойства языка, структура, семантическое поле, понятийные знаки, теория поля, концептуальное значение*

Для цитирования: Абиодун Адетокунбо. Понятие семантического поля // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 144 – 149.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] ***Abiodun Adetokunbo***

[1] ***Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba***

Definition of semantic field

Abstract: *the article demonstrates the application of the structuralist concept of paradigmatic meaning relations to the approach known as lexical field theory. Drawing on research in historical semantics, J. Trier introduced the term "semantic field," which he defined as a set of semantically related words meanings of which mutually constrain one another. A word's meaning can only be fully determined through its contrasts with other words within the field. From a diachronic perspective, this implies that any change in a word's meaning affects the meanings of other words connected to it. According to J. Trier, field members comprehensively cover the entire conceptual or subject domain without gaps or overlaps, meaning that lexical field boundaries can be precisely delineated. Furthermore, the article provides a linguo-historiographical analysis of the scientific works by Russian and foreign linguists who advocated for a systemic approach to the study of language phenomena (L.V. Shcherba, F. de Saussure, M.M. Pokrovsky). Their research laid the foundation for the development of field theory and the active application of criteria of system and structure in describing the lexico-semantic phenomena of language.*

Keywords: *system properties of the language, structure, semantic field, conceptual signs, field theory, conceptual meaning*

For citation: Abiodun Adetokunbo. Definition of semantic field. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 144 – 149.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Развитие теории системности в лингвистике в целом, приложение этих принципов к изучению каждого яруса языка, в том числе лексического, дало исследователям основания говорить о наличии определенных семантических полей, которые объединены по принципу интегрального признака. Когнитивный слой общества, вся предыдущая и последующая познавательная активность человечества сосредоточена в языках. Хранилищем смыслов в этом случае являются отдельные лексемы, а точнее семы, заключающие в себе информацию об определенных явлениях реального мира и способные передавать ее, сочетаясь с другими лексемами в различных контекстах, образуя бесконечное множество смыслов.

Получив широкое распространение, теория семантического поля нашла всестороннее практическое применение и стала продуктивно использоваться в методике преподавания иностранных языков, в переводоведении, а также в других областях. Востребованность теории делает актуальным вопрос уточнения собственно понятия семантического поля, что возможно проследить, проведя исторический обзор становления указанного терминологического концепта в лингвистике. К тому же структурные особенности и сущность феномена семантического поля еще до конца не изучены, даже в настоящее время, когда этой проблематике посвящено много исследований. Так, в настоящее время среди ученых нет единства мнений относительно терминологического аппарата, используемого для номинации явлений, которые описывают семантическое поле. Объект нашей работы – это понятие лексико-семантического поля. Целью исследования является определение точных границ понятия «семантическое поле». Научная новизна заключается в попытке системного осмысления автором взглядов ученых, чьи труды сыграли определяющую роль в развитии теории семантического поля. Практическая ценность статьи состоит в том, что ее результаты могут послужить материалом изучения курса лексикологии английского языка, переводоведения, общего языкознания и др.

Материалы и методы исследований

В работе применяются такие методы исследования, как описание, обобщение и систематизация, что позволило провести лингвоисториографический анализ научного наследия отечественных и зарубежных ученых, посвятивших свои работы изучению семантической структуры языков, с целью установления исторической парадигмы теории семантического поля. Научной базой работы послужили положения, сформулированные такими исследователями, как E. Coseriu, O. Ducháček, J.R. Hurford, G. Leech, R. Nordquist, P. Oßwald, W. Porzig, J. Trier, L. Weisgerber.

Результаты и обсуждения

Исторические предпосылки возникновения теории семантического поля

На наш взгляд, целесообразно начать исследование с обзора работ ученых, чьи воззрения лежат в основе теории семантического поля в ее современном понимании. Следует отметить, что на этапе становления теории системности в языке не было единообразия дефиниций для номинации изучаемого явления вообще. Впервые понятие «смыслового поля» было введено Г. Ипсеном. Й. Триер и Л. Вайсгербер использовали понятие «поле значения». Сам Й. Триер, который традиционно считается основоположником теории семантического поля, не был уверен, логично ли основывать свое учение только на положениях, сформулированных Ф. де Соссюром, или утверждение Г. Ипсена также сыграло свою роль. Сам исследователь по этому поводу говорил следующее: «Гюнтер Ипсен был первым, кто публично использовал слово «поле значения». Я уже не могу сказать, разработал ли я теорию полевых наблюдений в одиночку, с помощью Соссюра, или внесли свой вклад представления Ипсена […]. В целом, я чувствую себя очень обязанным Фердинану де Соссюру, идеи которого наиболее тесно связанны с Лео Вайсгербером [11, с. 11].

Й. Триер называл слова, сходные по значению, «семантическим полем» [11, с. 1]. Учёный отметил, что сами по себе словоформы бессмысленны, если у слушающего отсутствуют или имеются неясные представления о контрастных словах из того же понятийного поля, а также, если в сознании реципиента не возникают их понятийные соседи [11, с. 8]. Й. Триер рассматривал такие слова, как смежные, он их называл родственными понятиями или знаками, именно в этом контексте впервые было использовано терминологиче-

ское сочетание «поле слов» или «поле лингвистических знаков» [11, с. 1]. Отдельное слово получает свое содержательное понятийное определение, исходя из структуры целого [11, с. 2].

Выделение лексико-семантического поля возможно благодаря тому, что у каждого знаменательного слова есть своё значение, которое является отражением опыта познавательной и исследовательской работы. Лексема, с точки зрения теории когнитивной лингвистики, выполняет не только роль накопления и хранения информации об окружающем мире, но и отражает непосредственно сущность самого процесса накопления и передачи знаний.

Появление неологизмов в языке – явление регулярное и закономерное, этого требуют новые реалии, исторические изменения, появляющиеся в языковой системе ежедневно, что и порождает новые смыслы, часто на базе уже функционирующих в языке семантических значений. Историческое развитие уровней языка неоднородно, наиболее подвижен и изменчив уровень лексический. Однако даже такая подвижность лексической системы, необъятность словарного запаса не становится преградой для носителя языка в выборе нужного слова в процессе акта коммуникации, насколько бы спонтанен он не был. В сознании каждого человека язык представляет собой упорядоченную систему знаков, представленных в четком соотношении формы и содержания, организованных по принципу смысловой ассоциативности, что позволяет быстрее найти нужное в ряду синонимов, семантического поля или лексико-семантического объединения, речевой контекст задает направление поиска, выстраивая выбранные для общения слова в логические цепочки (высказывания). Общепринятым тезисом в лингвистике является понимание системности лексики, которая обладает специфическими свойствами, обусловленными составом и характером ее единиц. Система в лингвистике определяется как сумма упорядоченных единиц, выстроенных в соответствии с синтагматическими и парадигматическими связями внутри системы. При этом свойства любой целостной системы, в том числе и языковой, не равны сумме свойств ее компонентов, что создает “системный эффект” функционирования системы как единого “организма”. Если экстраполировать эту идею на лексическую систему, то выходит, что тематическое или ассоциативное объединение лексем получает новые качественные характеристики, которых нет у ее отдельных единиц.

Одним из первых ученых, сформулировавших принцип системной организации лексики, стал российский семасиолог М.М. Покровский. Исследователь утверждал, что форма и содержание лексемы не могут функционировать отдельно друг от друга, они «соединяются в душе человека» в ассоциативные объединения. Ученый выдвинул тезис о существовании центрального семантического значения (ядра), отталкиваясь или притягиваясь к которому слова и их значения структурируются и объединяются в группы (поля) [2, с. 82].

Понимание языка как системы закономерно предполагает системную организацию всех его уровней, включая лексический. Одним из пионеров в продвижении принципа системности в лингвистике считается Л.В. Щерба. Исследователь постулировал идею о языке как системе систем, представляя лексический ярус языка «единой системой, элементы которой связаны определенными смысловыми отношениями, системой слов, из которой, по правилам грамматики и самой лексики, строится наш язык с его синтагмами» [3, с. 270].

Лексическая уровень языка, как уже отмечалось выше, наиболее нестабилен и изменчив в силу восприимчивости к экстралингвистическим факторам. Однако это не означает, что подвижные и гибкие элементы находятся в беспорядочных позициях. Баланс внутри такой живой системы поддерживается за счет устойчивых связей между элементами и группами элементов. Важно понимать, что отдельная лексема в языке не моносемична, несет в себе множество смыслов, зависящих, в том числе от контекста, а потому, как и все единицы языковой системы, слово вступает в оппозицию с другим словом или группой слов по определенному признаку или, наоборот, объединяется, что образует, целую сеть взаимосвязей.

Термин «поле», принятый в лексикологии для обозначения группы семантически сходных лексем, – слово многозначное, в котором произошел метафорический перенос значения по функциональному сходству с полем – типом земного ландшафта. Следует отметить, что понятие «поле» используется в качестве термина во многих областях знаний, в том числе в точных науках, и обозначает сферу функционирования подобных друг другу элементов. Поле в языкознании понимается как подчиненная установленным в данной системе законам функционирования группа единиц, объединенных на основе сходства признаков и образующих связи между собой.

Тенденция к приложению принципа системности ко всем областям знаний способствовала развитию многочисленных исследований содержательной стороны языка в этом аспекте. Попытки систематизировать семантические характеристики лексем привела ученых к идее использования термина поле для упорядочения сложных и многоуровневых семантический связей в языке. Поле в семантике – это условная модель,

которая объединяет языковые единицы разных ярусов. Такие схемы очень хороши для описания отношений языковых единиц внутри системы. В данной интерпретации семантическое поле можно назвать объединением разноуровневых единиц языка со схожей семантикой. Можно сделать вывод, что, лексико-семантическим полем в лингвистике называют совокупность значимых единиц с общим интегральным семантическим признаком, что указывает на целесообразность выбора значимого компонента. В диахроническом аспекте первоначальными единицами семантических полей называют лексические единицы языковой системы.

Дальнейшее развитие теории семантического поля

Л. Вайсгербер пошел в своих мыслях еще дальше, чем Й. Триер. Он различал факты внешнего мира и звуковые сигналы речи [12, с. 195]. Ученый высказал интересную идею о существовании определенного смыслового наполнения между предметом, явлением реального мира и фонетическое его формой. На этом уровне Й. Триер выделял понимание, классификацию и значение.

Попытка изучения теории лексических полей представлена также у П. Освальда [9], где он разделяет словесные поля на однослойные и многослойные. Однослойными ученый называет группы, «в структуре которых доминирует единая точка зрения»; их, в свою очередь, можно разделить на ряды, области и глубины [9, с. 16]. Рейтинг также представляет собой систему, аналогичную системе оценки эффективности, где оценки варьируются от очень хороших до очень плохих. Структуру области, например, можно видеть в словах родства: отец и мать; брат и сестра; дядя и тетя; двоюродная сестра и двоюродный брат и т.д. [12, с. 211]. Многослойные объединения – это поля, в которых перспектива может быть, как объективной, так и субъективной. В качестве примера П. Освальд приводит семантическое поле лексемы «умирание», где объективной перспективой является умирание растений и животных. К субъективному видению добавляются чувственное восприятие действительности, в таком случае, в структуру поля добавляются лексемы помереть, преставиться, пасть и др. [9, с. 16-17].

В. Порзиг придерживался отличной от Й. Триера точки зрения, ученый был убежден, что между словами есть «существенные отношения значения», особенно с глаголами в словесном поле. Приводятся такие примеры, как зрение и слух, где предполагаются глаз и ухо [10, с. 78]. В. Порзиг изучал также феномен синтаксического поля, чем заложил основу для синтагматических отношений в словесном поле [5, с. 437]. Синтагматические связи существуют в предложении, в котором слова сочетаются и изменяются вместе, например, *Собака лает, а лошадь ржет. The dog barks and the horse neighs.*

Исследователь называет существующие смысловые отношения элементарными полями значений, когда речь идет об отношениях между двумя словами.

Э. Козериу продолжил идеи Й. Триера и Л. Вайсгербера в исследованиях по структурной семантике, разделив словесное поле на лексемы с парадигматическими отношениями [4, с. 294]. Как указывает ученый, парадигматические отношения – это связи между содержанием различных слов в словесном поле. Словесное поле, в свою очередь, определяется Э. Козериу [4, с. 111] как парадигматическая структура, состоящая из лексических единиц, которые имеют общую зону значения и находятся в отношениях прямой противоположности друг другу. Он заимствует точку зрения Лайона и упоминает, что поле слова состоит из лексических единиц в парадигме и может быть разграничено лексическими единицами, находящимися в оппозиции [4, с. 111-112].

Чтобы объяснить значение понятия семантического поля и наглядно продемонстрировать его специфические свойства, Р. Нордквист утверждает, что все лексические единицы, входящие в состав семантического поля, обладают общим семантическим признаком. Исследователь отмечает, что чаще всего встречаются поля, определяемые предметами, например, частями тела, элементами ландшафта, заболеваниями, цветами, родственными отношениями или продуктами питания [8].

Дж. Р. Харфорд, Б. Хэсли и М. Б. Смит объясняют феномен «семантическое поле», обращая внимание на разницу между бинарными антонимами и семантическим полем, и указывают, что бинарные антонимы можно рассматривать как несовместимые термины, которые представлены образованиями из двух терминов («миниатюрные семантические системы») [6]. Это понятие может быть распространено на другие группы слов, которые не являются полностью противоположными, поскольку они являются несовместимыми членами более крупной (многочленной) семантической системы (или семантического поля), например, дни недели, времена года и т.д. Важно помнить, что члены таких больших объединений являются согипонимами, а термин «поле», является термином высшего порядка.

Отметим, что существуют содержательные отношения между словами и между значениями слов, которые также называются семантическими отношениями. Согласно Р. Нордквисту, «два выражения являются синонимами (семантическая связь), если они имеют одинаковое значение […]. Смысловые отношения – это

отношения понятий». В то же время, такие явления как синонимия, антонимия, двусмысленность, гипонимия и гиперонимия имеют наибольшую значимость среди смысловых отношений в языке [8].

Стоит отметить, что семантические поля в языке имеют следующие свойства:

1. Все элементы семантического поля создают единую структуру посредством формирования между собой устойчивых смысловых связей.

2. Для носителей языка подобные структуры являются не только интуитивно понятными, но и имеют определенную психологическую значимость.

3. Благодаря своей автономности, семантические поля способны функционировать в качестве независимой подсистемы в общей структуре языка.

4. Семантические поля не являются изолированными единицами, они взаимодействуют друг с другом, формируя систему языка [1, с. 19].

Фундаментальным положением данной теории является утверждение о том, что лексический состав языка не представляет собой беспорядочный набор слов, а организован в различные семантические группы. При этом, каждая отдельная языковая единица одновременно может принадлежать к нескольким таким объединениям. Смысловое значение каждого элемента семантического поля определяется его расположением в сети отношений с другими элементами и может наиболее точно определяться только с учетом контекста всей системы. Стоит также отметить, что все элементы поля противопоставляются друг другу, а сами семантические поля имеют свойство частично перекрываться другими полями или объединяться в более крупные слияния.

Наиболее простой формой организации семантического поля является так называемое парадигматическое поле. Оно объединяет лексические единицы, принадлежащие к одной части речи, вокруг определенного общего понятия. В лингвистике подобные объединения часто определяются как лексико-семантические группы или семантические классы.

Выводы

Словарный состав языка представляет собой не совокупность отдельных элементов, а систему взаимосвязанных между собой единиц. Отдельные словарные единицы связаны настолько тесно, что имеют свойство образовывать целые семантические поля. Семантические поля двух разных языков могут быть различными предметами, из которых данные поля состоят, что может порождать определенные трудности как в процессе обучения переводу, так и в изучении лексики.

Термин «семантическое поле» происходит от целостной ориентации на системность, основы которой Й. Триер заложил в 1931 году. Сегодня массив слов также принято называть семантической группой, потому что каждое слово имеет отношения с окружающими лексемами, близкими по значению, и вместе они образуют семантическую группу.

В современной лингвистике системная организация лексики признается большинством исследователей. Системный подход дает возможность лаконично описывать и представлять номинанты объектов действительности. Лексический уровень языка – это также система систем, сложная и многоуровневая структура, описание которой возможно осуществить средствами самого языка (метаязыковая функция). Однако количество слов, необходимых для такого описания намного меньше всего объема и естественного языка. Под семантическим полем следует понимать совокупность лексических единиц, объединенных тематическим принципом и относящихся к единой концептуальной области. Определение языка как системы закономерно предполагает системность всех его уровней, включая лексический.

Список источников

1. Архипова Ю.Ю. Состав, семантика и функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия (на материале художественных текстов): дис. … канд. филол. наук. Спб, 2000. 186 с.

2. Покровский М.М. Язык. Культура. Познание. М.: Академия, 1995. 289 с.

3. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 2006. С. 78 – 85.

4. Coseriu E., Geckeler H. Trends in Structural Semantics. Tübingen: Narr, 1981. 364 p.

5. Ducháček O. Über verschiedene Typen sprachlicher Felder und die Bedeutung ihrer Erforschung // Wortfeldforschung. Zur Geschichte und Theorie des sprachlichen Feldes. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. P. 436 – 452.

6. Hurford J.R., Heasley B., Smith M.B. Semantics: A course book [2nd Ed.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 385 p.

7. Leech G. Semantics. The Study of Meaning. Second edition. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. 289 p.
8. Nordquist R. Semantic Field Definition // ThoughtCo, 2017. P. 118 – 125.
9. Oßwald P. Wortfeldtheorie und Sprachenvergleich: französisch „campagne“ und deutsch „Landschaft“. Tübingen: Narr, 1977. 364 p.
10. Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen // Wortfeldforschung. Zur Geschichte und Theorie des sprachlichen Feldes. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. P. 78 – 103.
11. Trier J. Über Wort- und Begriffsfelder // Wortfeldforschung. Zur Geschichte und Theorie des sprachlichen Feldes. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1931. P. 1 – 38.
12. Weisgerber L. Vom inhaltlichen Aufbau des deutschen Wortschatzes // Wortfeldforschung. Zur Geschichte und Theorie des sprachlichen Feldes. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1939. P. 193 – 225.

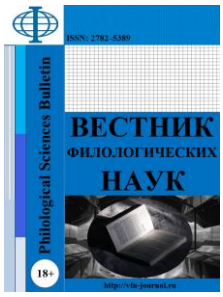
References

1. Arkhipova Yu.Yu. Composition, semantics, and functioning of the lexical-semantic group of verbs of visual perception (based on fiction): diss. … Cand. Philological Sciences. St. Petersburg, 2000. 186 p.
2. Pokrovsky M.M. Language. Culture. Cognition. Moscow: Academy, 1995. 289 p.
3. Shcherba L.V. On parts of speech in Russian. Language system and speech activity. Leningrad: Science, 2006. P. 78 – 85.
4. Coseriu E., Geckeler H. Trends in Structural Semantics. Tübingen: Narr, 1981. 364 p.
5. Ducháček O. Über verschiedene Typen sprachlicher Felder und die Bedeutung ihrer Erforschung. Wortfeldforschung. Zur Geschichte und Theorie des sprachlichen Feldes. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. P. 436 – 452.
6. Hurford J.R., Heasley B., Smith M.B. Semantics: A course book [2nd Ed.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 385 p.
7. Leech G. Semantics. The Study of Meaning. Second edition. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. 289 p.
8. Nordquist R. Semantic Field Definition. ThoughtCo, 2017. P. 118 – 125.
9. Oßwald P. Wortfeldtheorie und Sprachenvergleich: französisch „campagne“ und deutsch „Landschaft“. Tübingen: Narr, 1977. 364 p.
10. Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. Wortfeldforschung. Zur Geschichte und Theorie des sprachlichen Feldes. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. P. 78 – 103.
11. Trier J. Über Wort- und Begriffsfelder. Wortfeldforschung. Zur Geschichte und Theorie des sprachlichen Feldes. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1931. P. 1 – 38.
12. Weisgerber L. Vom inhaltlichen Aufbau des deutschen Wortschatzes. Wortfeldforschung. Zur Geschichte und Theorie des sprachlichen Feldes. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1939. P. 193 – 225.

Информация об авторах

Абиодун Адетокунбо, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, tokunbonov@gmail.com

© Абиодун Адетокунбо, 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81-114.2

[1] Коев С.Ю.

[1] Московский государственный лингвистический университет

Архитектуры современных средств нейронного машинного перевода и разрешение полисемии: сравнительный анализ отечественных и зарубежных систем

Аннотация: *средства нейронного машинного перевода постоянно изменяются и трансформируются, демонстрируя не только технологический, но и методологический прогресс. В статье представлен сравнительный анализ актуальных архитектур ведущих переводческих систем зарубежных и отечественных разработчиков с акцентом на разрешение лексической полисемии. В статье рассмотрено устройство современных нейронных моделей, их структурные компоненты и методы повышения точности перевода на сложных примерах с многозначной лексикой. Отдельное внимание уделяется различиям в подходах к обработке контекста и способам повышения качества интерпретации исходного текста при минимизации числа ошибок. В результате анализа выявляются ключевые преимущества и недостатки каждого типа архитектуры, что позволяет сформулировать рекомендации для последующего развития автоматических переводчиков. Статья предназначена для исследователей, инженеров и специалистов, занимающихся вопросами машинного перевода и обработки естественного языка.*

Ключевые слова: *нейронный машинный перевод, проблема полисемии в нейронном переводе, архитектура средств машинного перевода, контекст*

Для цитирования: Коев С.Ю. Архитектуры современных средств нейронного машинного перевода и разрешение полисемии: сравнительный анализ отечественных и зарубежных систем // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 150 – 156.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Koev S.Yu.

[1] Moscow State Linguistic University

Architecture of modern neural translation systems and polysemous words: comparative analysis of foreign and domestic systems

Abstract: *neural machine translation tools are continually evolving, demonstrating both technological and methodological advances. This article presents a comparative analysis of state-of-the-art architectures of leading domestic and international translation systems focusing on lexical disambiguation. It examines the implementation of modern neural models, optimization of their structural components, and improvements in translation accuracy on complex examples involving polysemous words. Special attention is given to differences in contextual processing and approaches to enhancing source text interpretation quality while minimizing errors. The analysis identifies key strengths and weaknesses of each architecture type, enabling recommendations for the future development of automatic translators. This article targets researchers, specialists, and practitioners working in machine translation and natural language processing.*

Keywords: *neural machine translation, word disambiguation in machine translation, architecture of modern neural translation services, context*

For citation: Koev S.Yu. Architecture of modern neural translation systems and polysemous words: comparative analysis of foreign and domestic systems. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 150 – 156.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Сегодня технологии обработки естественного языка развиваются крайне быстро, и машинный перевод в этом процессе занимает важное место. Вершиной развития машинного перевода на сегодняшний день являются нейросетевые переводческие модели. Особенностью нейронных сетей является способность к обучению, но, что немаловажно, они обладают способностью обучаться самостоятельно. Данная особенность сделала автоматический перевод гораздо более качественным по сравнению с системами машинного перевода иных архитектур, например, по сравнению с системами фразового перевода или системами перевода, основанными на правилах [1]. Однако язык - явление крайне многогранное, а потому плохо поддаётся машинной обработке и цифровизации. Список задач и проблем, стоящих сегодня перед машинным переводом, довольно обширен. Особо следует отметить, что современные системы машинного перевода сталкиваются с трудностями при переводе многозначной лексики. Полисемия – это «наличие у языковой единицы более одного значения при условии семантической связи между ними или переноса общих либо смежных признаков или функций с одного денотата на другой» [2].

Цель этой статьи: изучить, как работают современные нейросетевые системы машинного перевода и сравнить их способности в разрешении полисемии в контекстах с разной разрешающей силой. Результаты данного исследования помогут внести вклад в решение проблемы полисемии в машинном переводе.

Материалы и методы исследований

Кратко рассмотрим существовавшие ранее системы машинного перевода.

Машинный перевод юоснованный на правилах (RBMT, rule-based machine translation) оперировал словарем и сводом грамматических правил для перевода простых предложений.

Статистический машинный перевод, он же SMT, решал проблему перевода с сугубо математически, посредством изучения параллельных корпусов и определяя лексемы, которые с наибольшей вероятностью должны были появиться в тексте перевода.

В СССР была разработана система «Смысл-текст» под авторством И.А. Мельчука, на которой базировалась система Электротехнического машинного перевода (ЭТАП). Перевод предложений в данной системе осуществлялся через синтетический смысловой interlingua.

Ни одна из перечисленных систем не работала с контекстом. По утверждению Л.Г. Юсуповой, «только контекст позволяет разрешить полисемию и идентифицировать необходимое значение многозначного слова так, чтобы процесс понимания осуществлялся беспрепятственно» [3]. Также отметим, что «...ассиметричный дуализм языкового знака реализуется в речи в «сильных» контекстах как синкретизм, а в «слабых» контекстах - как амфиболия» [4].

Результаты и обсуждения

Принцип работы нейронных машинных сетей, по сути, является комбинацией RBMT и SMT подходов. Векторные представления близких по смыслу предложений на разных языках оказываются очень схожи между собой [5], что отсылает нас к идее, лежащей в основе системы ЭТАП, а именно переводу на основе смысловой модели. Поиск же соответствия между токенами единиц двух языков, по сути, использовался ранее в системах SMT.

Однако нейронные сети непрерывно развиваются. Здесь мы кратко остановимся на двух работах, которые позволили нейронному машинному переводу вырваться вперёд и прочно закрепиться на лидирующей позиции.

Первой работой является статья «Neural machine translation by jointly learning to align and translate», написанная Дзмитрием Бахданау (Dzmitry Bahdanau) в 2014 году. Данная работа предлагает существенные улучшения архитектуры нейронных переводчиков, а именно: 1) энкодер, составленный из двух рекуррентных нейронных сетей, обрабатывающих входящее предложение одновременно в двух направлениях; 2) механизм внимания, позволяющий декодеру при генерации каждого токена выходного предложения фокусироваться на разных частях входного предложения [6].

Второй работой, существенно отразившейся на развитии нейронного машинного перевода, принято считать «Attention is all you need» Ашиша Васвани, написанную в 2017 году. Данная работа предлагает архитектуру Transformer, использующую три механизма внимания: отдельные для декодера, энкодера и связующий механизм. Такая архитектура позволяет учитывать максимально широкий контекст предложения, в то же время вычислительная нагрузка остается сравнимой с прочими архитектурными решениями [7].

Архитектура Transformer на сегодняшний день является стандартом в индустрии нейронного машинного перевода. Параллельность вычислений сокращает общее время выполнения расчетов и снижает время, требуемое на обучение модели: «Архитектура Transformer очень хорошо распараллеливается и может великолепно переводить спустя всего 12 часов обучения» [8].

Перейдём к рассмотрению архитектуры средств нейронного машинного перевода, использующихся сегодня.

В данной статье будут описаны три современные системы нейронного машинного перевода, основанные на разных архитектурах. Мы рассмотрим классический Transformer, созданный изначально для перевода, большую языковую модель и большую языковую модель, специально дообученную под задачи перевода. Это системы Google Translate, Gemma 2 9b и инструмент от компании Яндекс.

Начнем с описания зарубежной системы нейронного перевода, а именно с Google.Translate. Модель имеет архитектуру Transformer и состоит из энкодера и декодера, а также обладает тремя отдельными механизмами внимания. Вычисления во всех трёх случаях производятся параллельно (по материалам The Wall Street Journal [15]).

Энкодер и декодер модели состоят из многослойных LSTM-нейронных сетей, которые динамически определяют информацию, релевантную для генерации текущих токенов [8]. Подобное устройство сети позволяет ей «забывать» нерелевантную информацию, тем самым снижая требования к использованию памяти.

Для обучения модели используются корпуса, сгенерированные автоматически посредством парсинга (поиска и выравнивания) параллельных текстов из интернета. Механизм автоматического парсинга спроектирован таким образом, чтобы эффективно разделять качественные и некачественные тексты, при этом меньше фокусируясь на истинно положительных результатах [16].

Результирующие переводы, сделанные моделью, также дополнительно оцениваются переводчиками-людьми. В случае, если в параллельном корпусе, на котором обучается модель, исходные предложения составлены носителями языка, а их переводы являются низкокачесвтенными, оценка BLEU переводов системы, обученной на таких данных, окажется завышенной [9]. Google использует подход с валидированием переводов людьми для того, чтобы избавиться от описанного эффекта.

Подводя итог, мы можем сказать, что система нейронного машинного перевода от Google представляет собой специализированную переводческую систему, основанную на классической архитектуре Transformer. Система обучена на данных из открытых источников и постоянно дообучается на валидированных переводах. Система является многоязычной и хорошо масштабируется благодаря универсальному подходу к переводу во всех языковых парах. Следующей системой, которую мы рассмотрим в данной статье, будет Gemma 2 9b, облегчённая версия большой языковой модели Gemini, разработанной другим подразделением компании Google. В отличии от Google Translate, который целенаправленно создавался для перевода, Gemma 2 9b является чистой большой языковой моделью (LLM).

Использование такого решения для перевода представляется нам разумным по следующей причине: LLM, обученные на большом количестве материалов на разных языках, способны генерировать хорошо читаемые тексты. Также подобные модели способны к Zero Shot переводам: имея данные о переводе в парах языков 1-2 и 1-3, модель способна переводить в паре 2-3 без дополнительного обучения. Описанные выше достоинства делают большие языковые модели хорошим базовым активом для дальнейшей точной настройки для задач перевода: «Это позволит нам заново взглянуть на машинный перевод в низкоресурсных языковых парах, улучшить перевод в которых раньше было просто невозможно из-за отсутствия параллельных корпусов» [10].

Архитектура Gemma 2 9b является дальнейшим развитием архитектуры Transformer, описанной нами выше. Данная модель не имеет энкодера и состоит только из декодера - за приведение входного текста к векторному представлению отвечает отдельный механизм Gemma Tokenizer [17].

Декодер использует Grouped Query Attention (внимание на основе групп запросов), то есть комбинацию Global Attention (общего внимания) и Sliding Window Attention (динамическое внимание). «Вместо того, чтобы постоянно обрабатывать все слова в тексте, модель переключается: иногда фокусируется на части

текста (локальное внимание), иногда - на всем сразу (общее внимание). Переключение помогает модели более эффективно понимать контекст: как на уровне ближайших слов, так и на уровне текста» [18] [11].

Gemma 2 9b обучена более крупной моделью посредством knowledge distillation (дистилляция знаний). Данный метод позволяет меньшим моделям предсказывать вероятности появления токена t_x в контексте x_c так же, как это делала бы более крупная модель, используя при этом меньше вычислительных мощностей [12].

Модель прошла два этпа дообучения. Первым этапом является SFT (supervised fine-tuning, настройка под наблюдением). На данном этапе текст, сгенерированный системой по заданию, сравнивается с эталонным решением. В случае серьезных расхождений веса модели корректируются. Вторым этапом дообучения является RLHF (reinforcement learning with human feedback, подкрепляющее обучение на основании оценок людей). Сеть генерирует на запрос несколько вариантов ответа, которые после ранжируются людьми. Далее модель дообучается на тех ответах, которые были выше оценены.

Подводя итог, мы можем сказать, что Gemma 2 9b является универсальной многоязычной нейронной сетью, состоящей только из декодера и обученной методом дистилляции знаний более крупной модели. Модель использует модифицированный механизм внимания и прошла два этапа дообучения.

В данном исследовании мы будем использовать для сравнения сервис перевода, созданный компанией Яндекс. Данный сервис находится в свободном доступе по адресу https://neuro.translate.yandex.ru/translate-app/desktop/index.html и является LLM-решением, специально дообученным под задачу перевода текстов. Решение использует большую языковую модель Yandex-GPT.

Данная система интересна нам в рамках этого исследования тем, что изначальной предпосылкой к ее созданию было стремление к улучшению перевода не только предложений, а рядов предложений, абзацев или даже текстов: «…в какой-то момент мы приняли решение больше не развивать модели перевода отдельных предложений, а сосредоточиться на решении более актуальной (и технически сложной) задачи контекстного перевода» [19].

Недостаток готовых данных такого формата вынудил исследователей сформировать корпус переводов, используя парсинг текстов из сети Интернет и автоматические процедуры выравнивания. Полученные корпуса обладали не самым высоким качеством, что непременно отразилось бы на качестве модели. Решением данной проблемы был метод дообучения P-tuning, а именно дообучение небольшого количества отдельных параметров, не затрагивающее матрицу весов уже обученной модели [13].

Исходный датасет низкого качества был разделен на три части: исходные тексты, тексты перевода и тексты перевода, обработанные большой языковой моделью с целью улучшения читаемости. Дополнительно проведя оценку качества переводов группой специалистов-людей, исследователи получили структурированный датасет, содержащий ранжированные варианты переводов, что позволило выполнить RLHF-стадию обучения.

Подводя итог, мы можем сказать, что система Яндекс является большой языковой моделью, прошедшей дообучение под задачи перевода с фокусом на перевод абзацев и текстов преимущественно в паре языков русский-английский.

Ниже представлена сравнительная таблица, кратко описывающая рассмотренные нами сегодня системы.

Таблица 1

Краткое сравнение описанных систем.

Table 1

Brief comparison of the described systems.

Критерий	Google Translate	Gemma 2 9b	Яндекс
Архитектура	Классический Transformer	Decoder-only Transformer	Специальный Transformer
Механизм внимания	Классический для Transformer	GCA	неизвестно
Обучение	SFT+RLHF	SFT+RLHF	SFT+RLHF (особая схема)
Поддержка языков	многоязычная	многоязычная	многоязычная
Специализация на переводе	да	нет	да

Описание эксперимента

Рассматривая проблему разрешения полисемии, мы предлагаем следующий эксперимент: сформируем небольшую подборку текстов, содержащих полисемичную лексику. Под полисемичной лексикой мы будем понимать лексику, принимающую в заданном контексте значение, отличное от основного значения данной лексемы. «Основные значения конкретной лексики – это целостные понятия, задающие исходную классификацию (категоризацию) объектов реального мира» [14]. Опираясь на утверждение о том, что значение, приписываемое лексеме в контексте, можно установить только с помощью самого контекста, разделим тексты на три группы по критерию длины контекста.

Сложность задачи перевода заключается не только в правильном переводе всех лексем, составляющих предложение, а в получении на выходе логичного, грамматически связного текста, эквивалентного тексту оригинала. В связи с этим мы видим необходимость градиентной оценки результатов систем.

Оценка производится по балльной шкале. В случае, если система неправильно определяет значение лексемы в контексте, система получает 0 баллов за перевод, штрафы в таком случае не начисляются.

В случае, если значение лексеме присвоено правильно, система получает 1 балл. От результата отнимается 0,1 балла, если в тексте перевода допущены мелкие стилистические или грамматические ошибки; от результата отнимается 0,25 балла, если в переводе допущены ошибки, делающие перевод сложночитаемым; от результата отнимается 0,5, если перевод содержит ошибки, препятствующие пониманию итогового предложения.

Таблицы с текстами оригинальных предложений и переводов, предложенных системами, просим запрашивать у авторов данной статьи через электронную почту.

Полученные результаты представлены в следующей таблице 2.

Таблица 2

Сводные результат систем согласно разработанной системе оценки.

Table 2

Summary results of the systems according to the developed evaluation system.

Вид перевода	Яндекс	Google Translate	Gemma 2 9b
Предложения рус.-англ.	8	9	9
Предложения англ.-рус.	8	9	7
Микротексты рус.-англ.	5.75	8.65	8.65
Микротексты англ. - рус.	4.5	3.75	5.3
Абзацы рус.- англ.	4.25	6.5	5.75
Абзацы англ.- рус.	4	3.25	5.5
Сумма всех баллов	34.5	40.15	41.2

Анализируя полученные данные, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, обсуждая имеющий традиционную архитектуру Transformer сервис Google.Translate, можем отметить, что при переводе предложений сервис стабильно определяет правильное значение лексемы, одновременно с этим, не допуская значительных ошибок в переводе. Однако с ростом длины входящих предложений сервис начинает хуже справляться как с переводом, так и с присвоением многозначным лексемам корректного значения. Сервис обучен преимущественно на корпусах отдельных предложений, поэтому падение качества перевода с увеличением контекстного окна объяснимо.

Во-вторых, мы можем заметить следующую тенденцию: с расширением контекста системы, основанные на больших языковых моделях, показывают схожие результаты, в то время как классический Transformer отстает. Паритет в нашей системе оценки может быть достинут в том случае, если системы корректно разрешают полисемию, при этом генерируя связный и хорошо читаемый перевод.

В-третьих, если мы посчитаем только количество успешных присвоений лексеме правильного значения, не учитывая качество перевода, мы увидим, что Gemma 2 9b на протяжении всего исследования справляется с данной задачей лучше всего и в итоге занимает первое место как в плане способности к разрешению полисемии, так и в общем зачете с учетом качества переводов. Полученные результаты позволяют нам предположить, что LLM действительно являются отличным базовым активом для создания специализированных систем машинного перевода, поскольку в более широких контекстах даже «чистая» LLM показывает себя лучше, чем, например, специализированная система, обученная на предложениях.

Выводы

Мы рассмотрели наиболее современные из используемых сегодня архитектур средств нейронного машинного перевода в контексте задачи разрешения полисемии при переводе. Проблема полисемии стоит пе-

ред машинным переводом уже более полувека, однако темпы, с которыми развиваются нейронные сети вообще, и нейронные средства перевода в частности, дают надежду на то, что в обозримом будущем эта проблема будет решена. Мы осветили вопрос использования в нейронном переводе больших языковых моделей и можем утверждать, что данный подход имеет большой потенциал развития. Качество нейронного машинного перевода постоянно растет, и во многих аспектах приближается к показателям переводчика-человека. Чем активнее мы будем исследовать подобные системы, тем ближе мы подойдем к стиранию языковых барьеров.

Список источников

1. Исламов Р.С. Анализ современного системного машинного перевода типа RBMT и SMT // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3. С. 69.

2. Елисеева В.В. Лексикология английского языка. Санкт-Петербург, 2003. 44 с.

3. Юсупова Л.Г. Роль контекста в разрешениях на полисемию // Казанская наука. 2022. № 3. С. 141 – 143.

4. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Полисемия, контекст и трансляция смыслов // Современные исследования социальных проблем. 2012. С. 121.

5. Суцкевер И., Виньялс О., Ле К.В. Обучение последовательностям с помощью нейронных сетей // Успехи в области нейронных систем обработки информации. 2014. Т. 27.

6. Багданау Д., Чо К., Бенжио Й. Нейронный машинный перевод путем совместного обучения выравниванию и переводу // Препринт arXiv arXiv:1409.0473. 2014.

7. Васвани А., Шазир Н., Пармар Н., Внимание – это всё, что вам нужно. 2017. С. 18.

8. Сак Х., Сениор А., Бофейс Ф. Рекуррентные архитектуры нейронных сетей на основе долговременной краткосрочной памяти для распознавания речи с большим словарным запасом // Препринт arXiv arXiv:1402.1128. 2014.

9. Чжан М., Торал А. Влияние языка перевода на тестовые наборы для машинного перевода // Препринт arXiv arXiv:1906.08069. 2019.

10. Робинсон Н. [и др.]. ChatGPT MT: конкурентоспособность для языков с высоким (но не низким) ресурсом // Труды Восьмой конференции по машинному переводу. 2023. С. 392 – 418.

11. Эйнсли Дж. [и др.]. Gqa: Обучение обобщенных моделей преобразователей с несколькими запросами на основе многоголовочных контрольных точек // Препринт arXiv arXiv:2305.13245. 2023.

12. Команда Джеммы. Джемма 2: Улучшение моделей открытого языка в практическом масштабе // Препринт arXiv arXiv:2408.00118. 2024.

13. Эльшин Д. [и др.]. От общего LLM к переводу: Как мы значительно улучшаем качество перевода, используя данные человеческой оценки для тонкой настройки LLM // Материалы девятой конференции по машинному переводу. 2024. С. 247 – 252.

14. Кошелев А.Д. Почему полисемия является языковой универсалией? // Слово и язык: сборник статей конференции. 2011. С. 695 – 735.

15. How Google Translate Turns 134 Languages Into Math | WSJ Tech Behind // YouTube, 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=OPTKlycwIkM (дата обращения: 18.11.2025).

16. Recent advances in Google Translate // Google Research Blog, 2024. URL: https://research.google/blog/recent-advances-in-google-translate (дата обращения: 18.11.2025).

17.Gemma Explained: Overview of Gemma Model Family Architectures // Google Developers Blog, 2024. URL: https://developers.googleblog.com/en/gemma-explained-overview-gemma-model-family-architectures/ (дата обращения: 18.11.2025).

18. Gemma Explained: What's New in Gemma 2 // Google Developers Blog, 2024. URL: https://developers.googleblog.com/en/gemma-explained-new-in-gemma-2/ (дата обращения: 18.11.2025).

19. Что стоит знать о Google GEMMA: блог-инженеры Яндекса о новой модели // Habr, 2024. URL: https://habr.com/ru/companies/yandex/articles/884416/ (дата обращения: 18.11.2025).

References

1. Islamov R.S. Analysis of modern systemic machine translation of the RBMT and SMT types. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2013. No. 3. 69 p.

2. Eliseeva V.V. Lexicology of the English language. St. Petersburg, 2003. 44 p.

3. Yusupova L.G. The role of context in allowing polysemy. Kazan science. 2022. No. 3. P. 141 – 143.

4. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Polysemy, context, and translation of meanings. Modern studies of social problems. 2012. 121 p.

5. Sutskever I., Vinyals O., Le K.V. Sequence learning using neural networks. Advances in neural information processing systems. 2014. Vol. 27.

6. Bagdanau D., Cho K., Bengio Y. Neural Machine Translation by Jointly Learning to Align and Translate. arXiv Preprint arXiv:1409.0473. 2014.

7. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Attention is All You Need. 2017. 18 p.

8. Sak H., Senior A., Beaufeys F. Long Short-Term Memory-Based Recurrent Neural Network Architectures for Large-Vocabulary Speech Recognition. arXiv Preprint arXiv:1402.1128. 2014.

9. Zhang M., Toral A. Effect of Target Language on Machine Translation Test Sets. arXiv Preprint arXiv:1906.08069. 2019.

10. Robinson N. [et al.]. ChatGPT MT: Competitiveness for High-But Not Low-Resource Languages. Proceedings of the Eighth Conference on Machine Translation. 2023. P. 392 – 418.

11. Ainslie J. [et al.]. Gqa: Training Generalized Multi-Query Transformer Models from Multi-Head Checkpoints. arXiv Preprint arXiv:2305.13245. 2023.

12. Gemma Team. Gemma 2: Improving Open Language Models at Practical Scale. arXiv Preprint arXiv:2408.00118. 2024.

13. Elshin D. [et al.]. From General LLM to Translation: How We Dramatically Improve Translation Quality Using Human Evaluation Data to Fine-Tune LLM. Proceedings of the Ninth Conference on Machine Translation. 2024. P. 247 – 252.

14. Koshelev A.D. Why is polysemy a linguistic universal? Word and Language: A collection of conference papers. 2011. P. 695 – 735.

15. How Google Translate Turns 134 Languages Into Math | WSJ Tech Behind. YouTube, 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=OPTKlycwIkM (accessed: 18.11.2025).

16. Recent advances in Google Translate. Google Research Blog, 2024. URL: https://research.google/blog/recent-advances-in-google-translate (accessed on 18 November 2025).

17. Gemma Explained: Overview of Gemma Model Family Architectures. Google Developers Blog, 2024. URL: https://developers.googleblog.com/en/gemma-explained-overview-gemma-model-family-architectures/ (accessed: 18.11.2025).

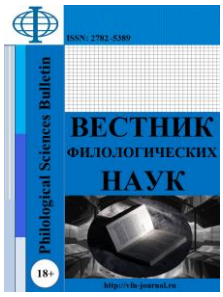
18. Gemma Explained: What's New in Gemma 2. Google Developers Blog, 2024. URL: https://developers.googleblog.com/en/gemma-explained-new-in-gemma-2/ (accessed: 18.11.2025).

19. What you should know about Google GEMMA: Yandex engineers blog about the new model. Habr, 2024. URL: https://habr.com/ru/companies/yandex/articles/884416/ (accessed: 18.11.2025).

Информация об авторах

Коев С.Ю., кафедра прикладной и экспериментальной лингвистики, ФГБОУ ВО МГЛУ, г. Москва, sergej_koev@mail.ru

© Коев С.Ю., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81-119

[1] Плотникова Л.И., [2] Кривошеев Г.С.

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
[2] Старооскольский филиал НИУ «БелГУ»

Ценностно-смысловое пространство паремий религиозной тематики: соотношение народной и общехристианской аксиологической традиции

Аннотация: *в статье рассматривается феномен народной религиозности в русских паремиях религиозной тематики. Цель исследования – выявление специфики ценностных доминант народной религиозности и сопоставление их с общехристианскими догматическими ценностями. В исследовании применялись общенаучные методы: наблюдение, анализ, синтез, обобщение, а также методы системного описания языкового материала, контекстуального анализа и лингвокультурологической интерпретации зафиксированных языковых фактов Особое внимание уделялось выявлению ценностей и их реализации в пословицах. Анализ показал, что народная религиозность проявляется как гибкая, прагматически ориентированная система ценностей, в которой религиозные установки сочетаются с бытовыми и социальными нормами, формируя динамическую «компромиссную мораль». Паремии фиксируют как совпадения с догматическим христианством, так и практико-поведенческую адаптацию веры, выражающуюся в аксиологической амбивалентности и вариативности ценностей. Полученные результаты подтверждают автономность народной религиозности и её роль в формировании ценностной картины мира, а также открывают возможности для дальнейших исследований в области лингвокультурологии, паремиологии и аксиологии русского фольклора.*

Ключевые слова: *ценность, ценностный концепт, аксиология, лингвоаксиология, паремия, народная религиозность, христианство*

Для цитирования: Плотникова Л.И., Кривошеев Г.С. Ценностно-смысловое пространство паремий религиозной тематики: соотношение народной и общехристианской аксиологической традиции // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 157 – 163.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Plotnikova L.I., [2] Krivosheev G.S.

[1] Belgorod National Research University
[2] Stary Oskol Branch of Belgorod National Research State University

Value and semantic space of religious paremias: the relationship between folk and universal Christian axiological traditions

Abstract*: the article examines the phenomenon of folk religiosity in Russian proverbs of religious themes. The aim of the study is to identify the specificity of value dominants of folk religiosity and to compare them with general Christian dogmatic values. The research employs general scientific methods such as observation, analysis, synthesis, and generalization, as well as methods of systematic description of linguistic material, contextual analysis, and linguoculturological interpretation of recorded linguistic facts. Particular attention is given to identifying values*

and their realization in proverbs. The analysis has shown that folk religiosity manifests itself as a flexible, pragmatically oriented system of values in which religious principles are combined with everyday and social norms, forming a dynamic "compromise morality." Proverbs reflect both coincidences with dogmatic Christianity and the practical-behavioral adaptation of faith, expressed in axiological ambivalence and variability of values. The results obtained confirm the autonomy of folk religiosity and its role in shaping the value picture of the world, as well as open up opportunities for further research in the fields of linguoculturology, paremiology, and axiology of Russian folklore.

Keywords: *value, value concept (axiological concept), axiology, linguistic axiology, paremia, folk religiosity, Christianity*

For citation: Plotnikova L.I., Krivosheev G.S. Value and semantic space of religious paremias: the relationship between folk and universal Christian axiological traditions. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 157 – 163.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

В последние годы всё больше исследователей обращаются к исследованию особенностей языковой репрезентации постулатов религии. Одни авторы (В.М. Мокиенко, Би Цзиньэ, И.В. Бугаева и др.) сосредотачивают внимание на представлении библейских мотивов и библеизмов; другие (М. Войтак, К.А. Кузьмина, В.А. Маслова, О.А. Масурова и др.) анализируют тексты религиозного содержания (молитву, проповедь, акафист, житие и пр.) как особые дискурсивные практики. Вместе с тем нельзя утверждать, что изучение взаимодействия языка и религии с учётом специфики народного мировоззрения исследовано в полной мере.

Целью литературного обзора в рамках данной статьи явилось осмысление степени разработанности феномена народной религиозности как одной из мировоззренческих доминант, а также её языковые реализации в паремическом контексте. В процессе работы учитывались исследования междисциплинарного характера (работы Ю.Е. Арнаутова, Л.В. Баева, О.В. Корытко, О.В. Ломакиной, С. Чэнь и др.), в которых представлены различные аспекты народной религиозности и общехристианских ценностей. Однако, несмотря на наличие значительного числа трудов в смежных областях, в лингвокультурологическом, лингвоаксиологическом и паремиологическом контекстах не было отмечено разнопризнакового и системного определения народной религиозности, её ценностно-смыслового основания. Это свидетельствует о недостаточной разработанности темы в указанных областях и обосновывает актуальность данной работы, которая направлена на анализ паремий с позиций сопоставления с общехристианскими догматическими ценностями.

Материалы и методы исследований

Материалом послужили русские паремии религиозной тематики «Большого словаря русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой с опорной лексемой «вера», отобранные методом сплошной квантитации. В исследовании применялись общенаучные методы: наблюдение, анализ, синтез, обобщение, а также методы системного описания языкового материала, контекстуального анализа и лингвокультурологической интерпретации зафиксированных языковых фактов.

Результаты и обсуждения

В отечественной науке известны различные подходы к определению мировоззрения. Так, исследователи подчёркивают когнитивный аспект и сводят мировоззрение к совокупности знаний и представлений о мире (И.В. Вострикова, А.С. Кравец), акцентируют внимание на ценностно нормативной составляющей (В.Г. Горбачёв, В.В. Трушков), рассматривают мировоззрение как динамическую структуру, включающую познание, волю и действия (В.И. Александров, Н.О. Сиротко). В данной работе мировоззрение понимается как целостная, интегральная система взглядов на мир, которая включает когнитивные представления, ценностно нормативные установки, эмоционально волевые компоненты и практические регуляторы поведения. Необходимо отметить, что мировоззрение – категория не только личностно ориентированная, особо следует выделить народное мировоззрение, отражающее коллективные образы мира, закреплённые в традициях, фольклоре и, в частности, в языковых единицах, что было подмечено в известной формулировке М. Хайдеггера: «Язык есть дом бытия» [10, с. 192].

Внутри этой сложной системы ключевую роль играют мировоззренческие доминанты – устойчивые идеи, задающие основной вектор восприятия мира: они определяют, что считается важным, какие вопросы приоритетны и какими критериями руководствуется сознание. Язык при этом не только фиксирует эти

установки, но и конкретизирует их в форме образов и правил поведения: в пословицах, метафорах и устойчивых выражениях доминанты находят свое вербальное воплощение и становятся опорными смыслами культуры, формируя тем самым систему ценностных ориентиров. В сознании человека категория ценности представляет собой частицу алгоритма знаний, которые реализуются в воображении или действительной ситуации [11, с. 188]. В результате паремии выступают не просто носителями мудрости, а функционируют как механизм репрезентации и репродукции ключевых мировоззренческих установок, влияя на выбор концептов и манеру их языкового выражения.

Рассматривая мировоззренческие доминанты как ключевые компоненты народного мировоззрения, необходимо обратиться к работе Н.А. Бердяева «Русская идея», в которой автор выявляет ряд основополагающих начал, формирующих культурно-идеологический каркас русской самосознательности: это свобода, соборность, мессианство, эсхатологизм [4, с. 227]. Эти начала выступают в роли доминант – своеобразных осей, вокруг которых кристаллизуются представления о смысле бытия и судьбе народа. Вместе с тем Н.А. Бердяев отмечает позицию А.М. Бухарина о перенесении идеи Царства Божьего на судьбы «царства мира сего» [4, с. 227]. Такая интерпретация придаёт мировоззренческим доминантам прагматическую измеримость, превращая религиозные идеалы в критерии оценки исторических событий и социального развития. В результате религиозная установка выходит за пределы богословской абстракции и становится фактором общественной практики – народной религиозности.

Любая религиозность, в том числе народная, представляет собой сложную систему идей, укоренённых в культурном, историческом и социальном контекстах [6, с. 16]. Определение «народной религиозности» проблематично из-за её междисциплинарного характера: одни авторы (М. Вербер) подчёркивают дихотомию религии и магии и мифологическую структуру мышления [11, с. 65], другие (А.Я. Гуревич) отождествляют её с народной культурой и сакральностью при скромном знании формальной богословской доктрины [5, с. 379]. Ю. Арнаутова рассматривает народную религиозность как субъективную и эмоциональную сторону веры; исследователь отвергает жёсткое деление на «магическое» и «религиозное», подчёркивая, что в традиционном обществе ритуализация обоих компонентов была неотъемлемой частью повседневности, а христианский культ вписывался в мифологическое переживание народной жизни [1, с. 321]. Таким образом, народная религиозность зарождается посредством трансформации мифов в практики – реакцию на изменяющуюся действительность – и определяется напряжением между мистикой (интуитивные, экстатические стремления к слиянию с божественным) и догматикой (фиксированные вероучительные положения и обряды, санкционированные институтами). Находясь на пересечении этих двух начал, она выражает внутреннее противоречие между стремлением к личным духовным переживаниям и необходимостью следования коллективным доктринам. В её рамках индивид одновременно ищет личное постижение трансцендентного и участвует в общественных ритуалах, создающих чувство единства. Соответственно, по нашему мнению, народная религиозность – это и есть мифо-магическая установка сознания, которая инстинктивно протестует против «расколдовывания мира».

Помимо того, что народная религиозность формирует менталитет, культурные особенности народа, а также межличностные отношения, она является и важнейшей доминантой развития ценностной составляющей языковой картины мира народа, отражаемой, в частности, в паремическом фонде русского языка. Паремическая картина мира органично входит в языковую картину мира, фиксируя бытовые, социальные и религиозные представления и тем самым воспроизводя и закрепляя культурно значимые образы, нормы и ценности [7, с. 98, 3, с. 27].

Пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью культурного опыта и знаний людей, ключевым элементом мудрости и культурного наследия народа [9, с. 186]. Народная религиозность в паремиях религиозной тематики фиксирует повседневное мировосприятие, переведённое через призму религиозного сознания и подстроенное под утилитарные потребности общины. В отличие от догматического христианства, опирающегося на богословские тексты и официальные церковные доктрины, народная религиозность рождается из живого опыта этноса: она не сводится к образному изложению догм исключительно с целью удобства использования или орнаментальности умозаключения, а демонстрирует способ восприятия жизни во всём её многообразии и противоречивости. Именно эта исконная связь с жизнью объясняет появление паремий религиозной тематики: в противном случае религиозно моральные наставления могли бы быть просто заимствованы у официальной теологии и выражены в строгих доктринальных формулах, лишённых непосредственной связи с повседневным опытом верующих и принятых за аксиомы.

В результате пословицы, отражающие феномен народной религиозности, выстраивают совершенно самостоятельный ценностный базис, способный одновременно отражать и поддерживать догматические положения церкви и ставить их под сомнение, что приводит к формированию своеобразной «компромиссной

морали», которая проявляется в том, что паремии, сохраняя уважительное отношение к каноническим истинам, при этом адаптируют их к реалиям повседневной жизни, выражая полное согласие с догматикой или вводя элементы критического осмысления, народных практик и открытого противостояния. Примерами такого взаимодействия могут служить паремии Бог и леса не сровнял, не только людей [8, с. 59] и Без Божьего благословения ни в чём спорыньи не жди [8, с. 55], которые условно противонаправлены и вместе формируют сложный аксиологический контрапункт.

Обратимся к первой пословице. В данной паремической единице представлены следующие понятия:

1. Бог – 1. Верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ. 2. В христианстве: триединое божество, творец и всеобщее мировое начало [12].

2. Лес – Множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами [12].

3. Люди – мн. ч. от человек [12].

Лексемы, отражающие одноимённые понятия, формируют метафорическую проекцию: лес как природная совокупность выступает моделью неоднородности всего бытия. Отрицание «Бог … не сровнял» переносит эту модель на человеческую сферу: если даже в природе Бог не устранил различий (не создал леса одинаковыми), то тем более Он не создал одинаковыми людей. Следовательно, божественный порядок несовершенен.

В таком случае, определим обобщённое значение пословицы: «даже высшие силы не в состоянии установить повсеместное равенство среди людей». Прагматическая рекомендация пословицы представлена следующим образом: «социальное неравенство неизбежно; полагайся на собственный разум и умей жить в условиях несправедливости». Учитывая обобщённое значение паремии и её прагматическую направленность, обозначим аксиологему как «одобрение личной ответственности человека за собственную судьбу».

В данной паремии ценностный концепт проявляется как ответственность за свою судьбу – представление о том, что индивид сам распоряжается собственной жизнью в условиях социальной неоднородности. Ценность, номинативно скрытая за ссылкой на божественное бессилие – «самодостаточность» – акцентирует разумное, прагматичное поведение и способность приспосабливаться к обстоятельствам, а не ожидать справедливости свыше.

Для примера обратимся к пословице Без Божьего благословения ни в чём спорыньи не жди [8, с. 55]. Выделим следующие ключевые понятия:

1. Без благословения – без разрешения, с полного согласия [12].

2. Спорынья: 1. Паразитический грибок, образующий в колосе ржи и некоторых других злаков чёрные удлинённые рожки, а также болезнь злаков, вызываемая этим грибком. 2. От спорый «обильный, богатый, дающий из малого много» [12].

В данной пословице отмечается ключевая оппозиция «отсутствие благословения – достаток», определяющая мировоззренческую позицию народа: любое человеческое усилие не приносит плодов, если оно не соотнесено с высшим порядком и не поддержано Богом. Обобщённое значение пословицы транслирует следующую мысль: «Без божественного участия в жизни человека успех недостижим». Прагматическая направленность данной паремии заключается в том, что человек должен принимать как данность зависимость собственного успеха в делах от божественного начала.

В таком случае аксиологема данной пословицы – «одобрение признания божественной воли как решающего фактора в успехе человека». В данном контексте ценностным концептом пословицы выступает смирение, понимаемое как сознательное признание первенства божественного начала над человеческим трудом. Смирение как ценность включает не только покорность Богу, но и доверие, веру, внутреннюю открытость к действию божьей воли. Смирение в данном контексте есть глубокая религиозная мудрость, выражающаяся в готовности действовать в согласии с божественным законом.

В совокупности данные пословицы образуют диалектическую пару: первая побуждает к активному действию с целью самостоятельного преодоления несовершенства мира, вторая – к смирению. Можно говорить о том, что такое противопоставление задаваёт идею «компромиссной морали» как динамического равновесия между индивидуальной волей и требованием трансцендентного авторитета. Подобного рода компромисс находит проявление в ряду других пословиц: От греха не откаешься [8, с. 222] / Денежка все грехи сбреет [8, с. 253]; Во спасение и ложь не грешна [8, с. 862] / Без правды Господь не спасёт (не исправит) [8, с. 113]; Молитва – полпути ко спасению [8, с. 545] / Молитвой не пашут, словами не живут [8, с. 545] и др.

Народная религиозность в контексте паремического наследия формировалась в результате синтеза церковных доктрин, локальных мифо-магических представлений и бытовых практик, следовательно, она характеризуется ценностным многообразием, которое на сегодняшний день ещё не было представлено как специфическая система и не составляло предмет специального научного исследования. В контексте об-

щехристианской догматической аксиологии ценности были систематизированы Л.В. Баевой, которая выделяет ценности 1) религиозно-онтологические: Бог, бытие, природа (как творение Бога); 2) религиозно-антропологические: человек, душа, свобода воли, вера, надежда, любовь, благодать, спасение; 3) религиозно-этические: благо, любовь к ближнему и своему врагу, непротивление злу, прощение, страдание, мученичество, святость, добродетель; 4) религиозно-эстетические: красота как выражение Бога в мире, прекрасное как форма добра; 5) религиозно-когнитивные: Священное писание и Предание, молитвенные практики; 6) религиозно-символические: икона, богослужение, молитва, обряды и ритуалы; 7) религиозно-социальные: Церковь, христианская община, праотцы, соборность, человечество [2, с. 169].

Основная задача данной работы состоит в проведении ценностно-смыслового анализа паремий религиозной тематики для выявления специфики ценностных доминант народной религиозности (по отношению к общехристианским ценностям). В качестве языкового материала использовался «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, из которого методом сплошной квантитации было отобрано 55 паремий с опорной лексемой вера.

В ходе проведённого анализа зафиксированного паремического материала было выделено 18 ценностей, отражающих феномен народной религиозности (см. рис. 1). Сопоставление полученных результатов с составляющими общехристианских (догматических) ценностей позволяет сформулировать несколько устойчивых выводов о специфике бытования народной религиозности в паремическом фонде русского языка.

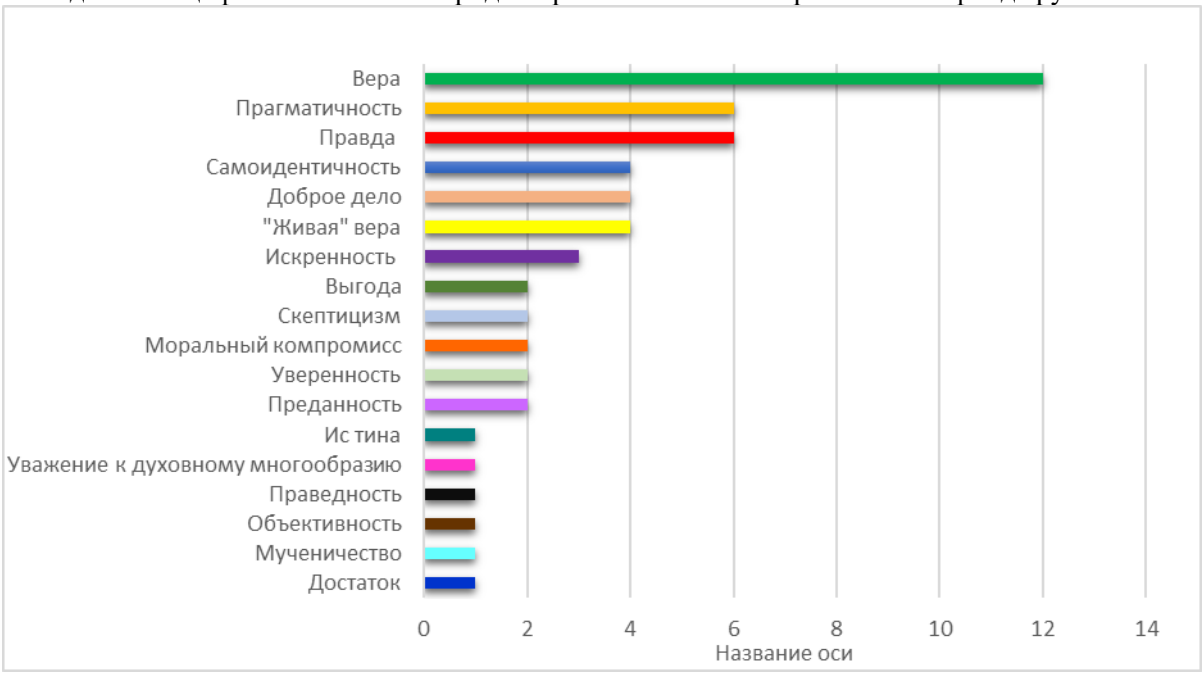


Рис. 1. Ценностная структура паремий религиозной тематики.
Fig. 1. The value structure of paremias on religious topics.

Во-первых, необходимо отметить отдельные совпадения в ценностном содержании народной религиозности и догматического христианства. Так, точками соприкосновения являются религиозно-антропологические и религиозно-этические составляющие: «Вера», «Спасение», «Мученичество», «Истина» и др. Вместе с тем очевидно доминирование ценностей, представляющих практико-поведенческий аспект. Так, «Вера» в пословицах часто выступает как определённая жизненная стратегия: она характеризуется как «живая», т.е. претворённая в жизнь определёнными поступками (Веру к делу применяй, а дело к вере [8, с. 113]; Без веры и без дел молитвы Бог не примет [8, с. 113] и др.). Ценности «Доброе дело», «Уважение к духовному многообразию» и «Правда» отражают систему социального взаимодействия, а «Прагматичность», «Выгода», «Достаток» выступают в качестве регулятора личностного поведения.

Ценности читаются через призму хозяйства, выживания и личной ответственности: наблюдаемые ценности «Моральный компромисс» (По старой вере, да по новой моде [8, с. 112]; Живу по вере, а пью по полумере [8, с. 112]), «Самоидентичность» (Бог один, да вера разная [8, с. 61]; Одного Бога люди, да не одна вера [8, с. 71] и др.) свидетельствуют о том, что народная религиозность не всегда соответствует каноническому идеалу – она гибка, полифонична и приспособлена к требованиям повседневности.

Во-вторых, в ходе анализа ценностно-смыслового пространства паремий прослеживается явная аксиологическая амбивалентность: с одной стороны. выделяется ценность «Вера» как безукоризненная, абсолютная доминанта (Иди с верой, а не с мерой [8, с. 112]; Не с мерою, а с верою [8, с. 528]), с другой стороны, отмечается неблагоразумность руководствоваться только верой в своей жизни, в следствии чего ценностью становится «Объективность» (Верный всему веру емлет, а неверному и истина крива [8, с. 112]), «Прагматичность» (Лучше мера, нежели вера [8, с. 528]; Не всё с верою, ино и мерою [8, с. 112] и др.). Таким образом прослеживается реализация диалогических ценностных отношений в паремическом дискурсе: пословицы взаимоисключают друг друга, транслируя разные ценностные доминанты, что позволяет носителю языка обращаться к тем или иным языковым единицам в зависимости от конкретной ситуации.

Результаты проведенного ценностно-смыслового анализа паремий религиозной тематики расширяют наши представления о народной религиозности как самостоятельной системе ценностей, которая сочетает элементы церковной догматики с прагматичными нормами повседневной жизни, что в значительной степени согласуются с ранее опубликованными работами, например, с исследованиями, в которых народная религиозность рассматривается как гибкая и адаптивная система, не полностью подчиняющаяся каноническим догматам, но одновременно тесно связанная с ними. В частности, взгляды, изложенные в работах Ю. Арнаутовой, М. Вербера и других авторов, подчеркивающих интеграцию мифо-магических и церковных элементов в религиозное мировоззрение народа, находят подтверждение в нашем исследовании. Вместе с тем, проведённый нами анализ выявил отдельные аспекты народной религиозности, которые не рассматривались до настоящего времени. В частности, установлены ценностные доминанты народной религиозности на примере пословиц с опорной лексемой «Вера». Как нам представляется, более глубокое внимание к амбивалентности ценностей, отражённых в русских паремиях, является определённым вкладом в исследование взаимодействия языка и религии в русской культурной традиции. Это открывает новые перспективы для более детализированного понимания ценностных доминант в русском языке и культуре.

Перспектива исследования видится в дальнейшем исследовании других пословиц, объединённых тематикой «Бог и его тождества», «Дьявольские силы», «Священство и монашество», «Грех и порок», «Душа и другие абстракции», «Молитва и молитвенные слова», «Ад, и Царство небесное», «Предметы и атрибутика церкви», «Места служения», «Таинства», «Святость», «Имена собственные», «Крест», «Посты и праздники», «Ангелы и ангельские чины», «Богородица», «Милостыня». Системный анализ позволит более глубоко и детально представить структуру и специфику народных ценностей и их позиционирование относительно общехристианской аксиологии.

Выводы

Таким образом, полученные данные позволяют утверждать: народная религиозность – это автономная, прагматически ориентированная и ситуативно артикулируемая система ценностей, в которой церковно-доктринальные элементы существуют бок о бок с житейскими нормами; она не просто «упрощает» общехристианскую аксиологию, а трансформирует её в регулятивный набор поведенческих установок, соответствующих жизненным реалиям. Проведённый анализ позволил выявить специфику отражения феномена народной религиозности в русских паремиях религиозной тематики. Рассмотренные примеры показали, что народная религиозность реализуется преимущественно через призму утилитарного и нравственно-практического восприятия веры, где религиозные представления соотносятся с жизненными установками, трудовой этикой, семейными и общинными нормами. В отличие от догматического христианства, народное религиозное сознание в паремиях выступает не как система канонических истин, а как динамическая форма осмысления ценностей, преломлённая через коллективный опыт народа. Таким образом, паремии становятся особым типом аксиологического дискурса, в котором сакральное и профанное соединяются в единое ценностное поле. Результаты исследования подтверждают, что паремиологический материал представляет собой важный источник для реконструкции народных форм религиозного мышления и может служить основой для дальнейших лингвокультурологических и аксиологических исследований в контексте соотношения народной и богословской систем ценностей.

Список источников

1. Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб.: Алетейя, 2004. 398 с.
2. Баева Л.В., Гаранов Ю.С. К вопросу о сущности христианских ценностей в контексте философского анализа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2. С. 164 – 173.
3. Беляева Ю.А. Пословичная картина мира как среда для изучения концепта «Time» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. № 1. С. 27 – 34.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб: Азбука-классика, 2008. 318 с.

5. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
6. Корытко О.В. Самобытность русской народно-православной религиозности в связи с дохристианским духовным наследием древних славян // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2022. № 3. С. 14 – 34.
7. Ломакина О.В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. № 1. С. 97 – 107.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с.
9. Ризомова З. Пословицы и поговорки как репрезентанты концептуальной и языковой картины мира // Endless Light in Science. 2025. № 4. С. 186 – 190.
10. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме //Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
11. Чэнь С. Лингвокогнитивные особенности категории ценности в структуре паремиологических текстов: на примере русского и китайского языков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 5-1. С. 188 – 191.
12. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. Толковый словарь Ожегова С.И.: https://gufo.me/dict/ozhegov.

References

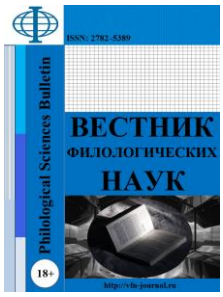
1. Arnautova Yu.E. Sorcerers and Saints: Anthropology of Disease in the Middle Ages. St. Petersburg: Aleteya, 2004. 398 p.
2. Baeva L.V., Garanov Yu.S. On the Question of the Essence of Christian Values in the Context of Philosophical Analysis. Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2013. No. 2. P. 164 – 173.
3. Belyaeva Yu.A. Proverb Picture of the World as a Framework for Studying the Concept of “Time”. Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2013. No. 1. P. 27 – 34.
4. Berdyaev N.A. Russian Idea. St. Petersburg: Azbuka-classic, 2008. 318 p.
5. Gurevich A.Ya. The Medieval World: The Culture of the Silent Majority. Moscow: Art, 1990. 396 p.
6. Korytko O.V. The Originality of Russian Folk Orthodox Religiosity in Connection with the Pre-Christian Spiritual Heritage of the Ancient Slavs. Theological Collection of the Tambov Theological Seminary. 2022. No. 3. P. 14 – 34.
7. Lomakina O.V. The Study of Proverbs in the Context of the Value Paradigm: Research Methodology and Criteria for Identifying Evaluativeness. Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological Sciences. 2021. No. 1. P. 97 – 107.
8. Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. A Large Dictionary of Russian Proverbs: About 70,000 Proverbs. Moscow: OLMA Media Group, 2010. 1023 p.
9. Rizomova Z. Proverbs and Sayings as Representatives of the Conceptual and Linguistic Picture of the World. Endless Light in Science. 2025. No. 4. P. 186 – 190.
10. Heidegger M. Letter on Humanism. Time and Being: Articles and Speeches. Moscow, 1993.
11. Chen S. Lingvocognitive Features of the Category of Value in the Structure of Paremiological Texts: The Case of Russian and Chinese. Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2023. No. 5-1. P. 188 – 191.
12. Dictionaries and Encyclopedias [Electronic resource]. Explanatory Dictionary of S.I. Ozhegov: https://gufo.me/dict/ozhegov.

Информация об авторах

Плотникова Л.И., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», РФ, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85, Plotnikova@bsuedu.ru

Кривошеев Г.С., кафедра русского языка и русской литературы, Старооскольский филиал НИУ «БелГУ», РФ, Белгородская область, г. Старый Оскол, микрорайон Солнечный, 18, 1910ggg@mail.ru

© Плотникова Л.И., Кривошеев Г.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 81:821.222.8

[1] ***Чжан Сяобал*** [1] ***Синьцзянский педагогический университет***

Политика развития уйгурского языка в Китае: этапы, достижения и проблемы

Аннотация: *в этой статье систематически рассматриваются историческая эволюция, основные достижения и практические проблемы политики Китая в области развития уйгурского языка. Являясь важной частью китайской культуры, защита и развитие уйгурского языка прошли несколько этапов от первоначального утверждения до систематического продвижения. Благодаря различным мерам, таким как законодательные гарантии, содействие образованию, культурное наследие и информационное развитие, государство добилось значительных успехов в области стандартизации уйгурского языка, популяризации образования и развития средств массовой информации. Однако она по-прежнему сталкивается с многочисленными проблемами, такими как оптимизация модели двуязычного образования, защита языковых ресурсов и подготовка талантливых специалистов. Цель этой статьи - всесторонне оценить эффективность реализации политики развития уйгурского языка и предоставить рекомендации по содействию научной защите и устойчивому развитию уйгурского языка в новую эпоху.*

Ключевые слова: *политика развития уйгурского языка, двуязычное образование, защита языковых ресурсов, языковые права, информатизация языка*

Для цитирования: Чжан Сяобал. Политика развития уйгурского языка в Китае: этапы, достижения и проблемы // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 164 – 169.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] ***Zhang Xiaobal*** [1] ***Xinjiang Normal University***

Uyghur language development policy in China: stages, achievements, and challenges

Abstract: *this article systematically examines the historical evolution, major achievements, and practical challenges of China's Uyghur language development policy. As an important part of Chinese culture, the protection and development of the Uyghur language has gone through several stages from initial establishment to systematic promotion. Through various measures such as legislative guarantees, educational promotion, cultural heritage, and information development, the state has made significant progress in standardizing the Uyghur language, popularizing education, and developing media. However, it still faces numerous challenges, such as optimizing the bilingual education model, protecting language resources, and cultivating talented people. The purpose of this article is to comprehensively evaluate the implementation effectiveness of the Uyghur language development policy and provide recommendations for promoting the scientific protection and sustainable development of the Uyghur language in the new era.*

Keywords: *Uyghur Language Development Policy, Bilingual Education, Protection of Language Resources, Language Rights, Language Information Technology*

For citation: Zhang Xiaobal. Uyghur language development policy in China: stages, achievements, and challenges. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 164 – 169.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Являясь одним из основных языков меньшинств Синьцзян-Уйгурского автономного района, уйгурский язык является не только важным инструментом повседневного общения уйгурского народа, но и носителем национальной культуры и связующим звеном национальных эмоций. В рамках единого многонационального государства Китай развитие и защита уйгурского языка всегда были важной частью национальной этнической и языковой политики.Согласно белой книге «Гарантирование равных прав всех этнических групп в Синьцзяне», все этнические группы в Синьцзяне в настоящее время используют более 10 языков и письменностей, а языки и письменности меньшинств широко используются в судебной, административной, образовательной сферах, прессе и издательском деле, радио и телевидении, литературе и искусстве, социальной сфере, а также по связям с общественностью и в других областях. Благодаря ряду системных разработок и политических гарантий партия и правительство создали относительно целостную систему защиты и развития языков меньшинств [1].

С теоретической точки зрения, языковая политика связана не только с эффективностью коммуникации, но и с такими глубокими вопросами, как культурные права, идентичность и социальная интеграция. Китай придерживается основной концепции "разнообразия и интеграции" в своей политике в отношении языков меньшинств, не только гарантируя свободу всех этнических групп использовать и развивать свои собственные языки и письменность, но и поощряя общие национальные языки и письменность для содействия обменам и интеграции между всеми этническими группами. Эта сбалансированная стратегия особенно очевидна в уйгурской языковой политике. В этой статье будет систематически проанализирована вся картина политики развития уйгурского языка в Китае с точки зрения трех аспектов: разделения исторических этапов, политических достижений и текущих проблем, а также будет дана основа для понимания управления языковыми меньшинствами в Китае [8].

Материалы и методы исследований

В процессе подготовки настоящего исследования автором был проведён комплексный анализ различных источников, касающихся развития уйгурского языка в Китайской Народной Республике. Прежде всего, следует отметить, что методологическая база работы формировалась автором с учётом специфики изучаемой проблематики и необходимости получения объективных данных о языковой политике в отношении уйгурского населения.

Основу эмпирической базы исследования составили официальные документы китайского правительства, в частности, белые книги по вопросам национальной политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, опубликованные в период с 1990 по 2023 годы. Кроме того, автором были детально изучены законодательные акты, регулирующие использование языков национальных меньшинств, включая Конституцию КНР, Закон о региональной национальной автономии, а также региональные нормативные документы СУАР. Необходимо подчеркнуть, что работа с первоисточниками позволила избежать искажений при интерпретации государственной политики.

Для систематизации информации о динамике развития уйгурского языка на различных исторических этапах автором применялся историко-сравнительный метод, который, безусловно, даёт возможность проследить эволюцию языковой политики с момента образования КНР до настоящего времени. Одновременно с этим использовался метод периодизации, позволивший выделить ключевые этапы в развитии уйгурского языка и определить специфические характеристики каждого из них.

Метод контент-анализа применялся при изучении публикаций в средствах массовой информации на уйгурском языке. Сравнительно-правовой метод использовался автором для сопоставления китайской языковой политики с международными стандартами защиты прав языковых меньшинств. В рамках исследования автором так же проводился анализ достижений в области информатизации уйгурского языка.

Безусловно, важным элементом методологии стал анализ научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей, посвящённых уйгурскому языку и языковой ситуации в Синьцзяне. Автором были изучены работы лингвистов, этнографов, политологов, что позволило учесть различные научные подходы к рассматриваемой проблеме. В то же время критический анализ существующих исследований помог выявить лакуны в изучении данной темы и определить направления для дальнейшей работы.

Наконец, синтез полученных данных осуществлялся с применением системного подхода, который позволил автору рассмотреть языковую политику в отношении уйгурского языка как целостную систему взаимосвязанных элементов. Таким образом, комплексное использование различных методов исследования обеспечило автору возможность проведения всестороннего анализа проблемы и позволило получить достоверные результаты.

Результаты и обсуждения

Политика Китая в области защиты и развития уйгурского языка претерпела эволюцию от предварительного изучения до систематизации и стандартизации. Этот процесс тесно связан с общей стратегией развития страны и приоритетами этнической работы. В соответствии с характеристиками политики и приоритетами ее реализации в разные периоды ее можно разделить на следующие четыре основных этапа：

Начальный этап становления (1949-1977): В первые дни основания Китайской Народной Республики Конституция и Закон о региональной этнической автономии закрепили свободу всех этнических групп использовать и развивать свои собственные языки и письменность. На данном этапе основное внимание уделяется реформе письменности и построению системы образования, стандартизации уйгурской письменности и созданию уйгурской системы обучения в этнических поселениях, чтобы заложить основу для модернизации языка [4].

Этап восстановления и стандартизации (1978-1999): После реформы и открытости языковая политика была постепенно узаконена.В 1993 году в Синьцзяне были приняты "Правила о языковой и письменной работе", которые четко гарантировали равенство языков и письменности всех этнических групп и требовали, чтобы в государственных знаках, таких как официальные печати и документы, использовались как иероглифы этнических меньшинств, так и китайские иероглифы, а также были созданы институты управления языком и письменностью на всех уровнях [2].

Этап систематического развития (2000-2011): Начиная с нового столетия, широкому использованию уйгурского языка в журналистике, издательском деле, на радио и телевидении способствуют такие проекты, как проект "Дунфэн" и проект "Культурный обмен". Государственные министерства и комиссии взяли на себя ведущую роль в проведении фундаментальных исследований по информатизации языков меньшинств и опубликовали соответствующие руководящие заключения в 2010 году, что ознаменовало вступление политики в стадию систематического продвижения.

Этап повышения точности и информатизации (2012 - настоящее время): В последние годы политика уделяет больше внимания внедрению точности и созданию информации. С одной стороны, усилить руководство по классификации и повысить качество языковой защиты; с другой стороны, содействовать исследованиям и разработке программного обеспечения на уйгурском языке, созданию библиотеки цифровых ресурсов и сетевой платформы. Модель двуязычного образования продолжает совершенствоваться, и информатизация образования стала важным средством продвижения двуязычного обучения [7].

С момента образования Нового Китая моя страна сформировала системную политическую основу и полную систему правовых гарантий для защиты и развития уйгурского языка. Конституция и Закон о региональной этнической автономии устанавливают основные принципы использования и развития всеми этническими группами своих собственных языков и письменности. Соответственно, Синьцзян-Уйгурский автономный район сформулировал специальные "Правила работы с языком и письменностью", в которых четко оговаривается, что стандартизированные уйгурский и китайский языки должны использоваться одновременно. например, требуется, чтобы органы использовали два языка одновременно при выполнении своих обязанностей, а вывески и указатели в коммерческих местах и государственных учреждениях также должны быть многоязычными [9].

Что касается институционального механизма, то от Национальной комиссии по гражданским делам и Министерства образования до автономных районов, префектур, уездов и городов была создана полная сеть учреждений, занимающихся изучением этнических языков, которые образуют организационную структуру, сочетающую вертикальное управление и межрегиональное сотрудничество. В области образования была создана уйгурская система обучения от дошкольного образования до высшего образования, а также активно продвигается двуязычное образование. Предусмотрено, что курсы китайского языка будут предлагаться с третьего класса начальной школы для развития талантов, которые являются как китайцами, так и китаянками по национальности. Однако на практике она по-прежнему сталкивается с такими проблемами, как “нехватка одного и низкий уровень двух” двуязычных учителей и отставание в разработке учебников. В последние годы благодаря информатизации образования стало возможным совместное использование высококачественных учебных ресурсов, но техническое оснащение и информационная грамотность учителей по-прежнему нуждаются в совершенствовании [3].

Что касается культурной коммуникации, то в рамках таких проектов, как “Проект культурного обмена” и “Проект Дунфэн”, систематически переводится большое количество уйгурских видеоресурсов, охватывающих информационные лекции, сельскохозяйственные технологии, литературные и художественные программы и другие области.В сфере СМИ уйгурский язык широко используется в 52 газетах, 120 периодических изданиях, радио, телевидении и онлайн-СМИ, но по-прежнему существуют недостатки в создании местного контента и подготовке высококвалифицированных переводчиков. Опрос, проведенный в 2015 году, показал, что существует нехватка кино- и телевизионных работ, отражающих местную жизнь уйгуров, а также недостаточное использование языков меньшинств на официальных веб-сайтах [5].

С развитием информационных технологий государство активно содействует информатизации уйгурского языка, включая кодирование наборов символов, исследования и разработки методов ввода, создание корпусов и т.д., и использует опыт информатизации других языков меньшинств для создания многоязычной базы языковых ресурсов. В настоящее время уйгурский язык сохраняет свою актуальность в различных сферах жизни общества, таких как правосудие, администрация, образование и средства массовой информации, а работа по стандартизации продолжает продвигаться вперед, но в то же время он сталкивается с такими проблемами, как снижение языковых способностей молодого поколения, сбалансированность двуязычного образования, нехватка профессиональных талантов и недостаточное применение новых средств массовой информации. С этой целью необходимо обеспечить постоянную жизнеспособность уйгурского языка в процессе модернизации посредством различных мер, таких как укрепление языкового наследия семейных сообществ, оптимизация модели двуязычного образования, расширение подготовки профессиональных кадров и содействие развитию информационных технологий [10].

Политика Китая в области развития уйгурского языка прошла процесс разработки от первоначального утверждения до систематизации и информирования, сформировав относительно законченную политическую систему и механизм реализации. Посредством различных мер, таких как законодательные гарантии, содействие образованию, культурное наследие и информационное обеспечение, государство содействует защите и развитию уйгурского языка и обеспечивает право уйгурского народа использовать свой собственный национальный язык и письменность. Эта политика и меры отражают уважение и защиту культуры национальных меньшинств в Китае и являются важной частью социалистической национальной политики с китайской спецификой [6].

Однако развитие уйгурского языка по-прежнему сталкивается со многими проблемами, особенно в области оптимизации модели двуязычного образования, защиты языковых ресурсов, подготовки профессиональных кадров и внедрения информационных технологий, поэтому необходимы более целенаправленные меры. Будущая политика в области уйгурского языка должна уделять больше внимания точной реализации, классификации и руководству, а также принимать дифференцированные меры в соответствии с фактическими потребностями различных регионов и групп населения; в то же время необходимо лучше сбалансировать взаимосвязь между защитой языка и социальным развитием, не только для обеспечения жизнеспособности и сохранение уйгурского языка, но и содействие социальному развитию и личностному росту уйгурского народа; кроме того, необходимо укреплять межведомственное сотрудничество и общественное участие для формирования системы защиты языка под руководством правительства, социальной координации и массового участия. Защита и развитие уйгурского языка - это долгосрочная и трудная задача, требующая совместных усилий политиков, экспертов и ученых, а также представителей всех слоев общества. Только благодаря научному планированию, постоянным инвестициям и инновациям уйгурский язык может сохранить свою жизнеспособность в процессе модернизации и добавить блеска разнообразию китайской культуры.

Выводы

Проведённое исследование позволило автору прийти к ряду важных выводов относительно политики развития уйгурского языка в Китайской Народной Республике. Прежде всего, необходимо констатировать, что за период с момента образования КНР до настоящего времени была создана комплексная система поддержки и развития уйгурского языка, охватывающая законодательную базу, образовательные институты, средства массовой информации и культурные учреждения.

Анализ исторической динамики показал, что развитие уйгурского языка прошло несколько качественно различных этапов, каждый из которых характеризовался специфическими задачами и достижениями. На начальном этапе, охватывающем 1950-1960-е годы, основное внимание уделялось созданию базовых институтов национального образования и культуры, ликвидации неграмотности среди уйгурского населения. Следует отметить, что именно в этот период были заложены основы современной системы образования на уйгурском языке, открыты первые высшие учебные заведения для подготовки национальных кадров.

Второй этап, приходящийся на период реформ и открытости с конца 1970-х годов, характеризовался расширением сферы применения уйгурского языка, развитием издательского дела, совершенствованием системы двуязычного образования. Безусловно, в процессе исследования установлено, что именно экономические реформы создали новые возможности для культурного развития национальных меньшинств, что нашло отражение в увеличении финансирования программ поддержки уйгурского языка, росте количества публикаций, расширении вещания на уйгурском языке.

Современный этап, начавшийся в XXI веке, отличается интенсивной информатизацией уйгурского языка, его адаптацией к требованиям цифровой эпохи. Примечательно, что за последние два десятилетия были достигнуты значительные успехи в разработке программного обеспечения для уйгурского языка, создании электронных ресурсов, развитии интернет-контента на уйгурском языке. Таким образом, уйгурский язык успешно интегрируется в современное информационное пространство, что обеспечивает его жизнеспособность в условиях глобализации.

Вместе с тем необходимо признать, что в процессе реализации языковой политики возникают определённые вызовы и проблемы. В частности, автором установлено, что урбанизация и миграция населения создают новые условия для функционирования уйгурского языка, требуют адаптации образовательных программ и культурных институтов. Кроме того, глобализация и распространение цифровых технологий предъявляют новые требования к развитию уйгурского языка, его способности обслуживать современные сферы жизни.

Важным выводом настоящего исследования является то, что успешное развитие уйгурского языка неразрывно связано с общим социально-экономическим развитием Синьцзян-Уйгурского автономного района. Повышение уровня жизни населения, развитие экономики, совершенствование инфраструктуры создают благоприятные условия для культурного развития, включая поддержку национальных языков. Разумеется, взаимосвязь экономического и культурного развития должна учитываться при планировании дальнейших мер языковой политики.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что за семь десятилетий существования КНР уйгурский язык не только сохранился, но и получил значительное развитие. По мнению автора, достаточно расширилась сфера его применения, повысился социальный статус, увеличилось число носителей, владеющих литературной формой языка. Вместе с тем язык успешно адаптировался к изменяющимся социальным условиям, обогатился новой лексикой, развил терминологию в современных областях знания.

Список источников

1. Комиссаров С.А. Синьцзян-Уйгурский автономный район (археология) // Большая Рос. энцикл. М.: Науч. изд-во «Большая Рос. энциклопедия». 2015. Т. 30. С. 258 – 259.
2. Гордеев С.В. История одной русской семьи в китайском Синьцзяне: социолингвистический аспект // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2022. № 18. С. 9 – 13.
3. Гордеев С.В. Сферы использования русского языка в современном Синьцзяне (на материале текстов воспоминаний потомков русских переселенцев) // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2019. № 3. С. 49 – 53.
4. Гордеев С.В., Оглезнева Е.А. Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: количественные признаки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 4. С. 29 – 42.
5. Муроди Н. Уйгуры и ирано-китайская цивилизация // Studia Humanitatis. 2023. № 1. 14 с.
6. Сидоров В.А., Сидоров А.В. Первый опыт международного сотрудничества с проектной практикой студентов, изучением национальной культуры и языка в университете города Куйтун, Синьцзян-Уйгурский автономный район (Суар), Китай // Вестник Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. 2007. № 1-2. С. 73 – 74.
7. Ходжиева З.С. Китайские заимствования в уйгурском языке // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: взгляд молодых ученых. Москва, 22-23 октября 2019 года. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 124 – 128.
8. Юнусова М.С. Русский язык в школах с уйгурским языком обучения Казахстана // Говор: альманах. 2022. № 9. С. 799 – 802.
9. Буяров Д.В. Проблема трансграничных национальных меньшинств в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2024. № 24. С. 17 – 21.
10. Буяров Д.В. Развитие двуязычного образования в Синьцзян- Уйгурском автономном районе Китая на современном этапе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 1. С. 139 – 150.

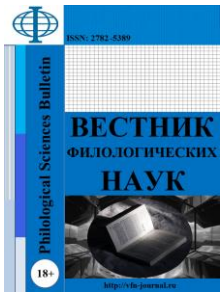
References

1. Komissarov S.A. Xinjiang Uyghur Autonomous Region (archaeology). Bolshaya Ross. encycl. M.: Scientific. Publishing house "Bolshaya Ros. encyclopedia". 2015. T. 30. P. 258 – 259.
2. Gordeev S.V. The story of one Russian family in Chinese Xinjiang: sociolinguistic aspect. Word: folklore and dialectological almanac. 2022. No. 18. P. 9 – 13.
3. Gordeev S.V. Areas of use of the Russian language in modern Xinjiang (based on the texts of memoirs of descendants of Russian settlers). Bulletin of BSU. Language, literature, culture. 2019. No. 3. P. 49 – 53.
4. Gordeev S.V., Oglezneva E.A. Current language situation in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: quantitative features. Theoretical and Applied Linguistics. 2020. Vol. 6. No. 4. P. 29 – 42.
5. Murodi N. Uyghurs and the Iranian-Chinese civilization. Studia Humanitatis. 2023. No. 1. 14 p.
6. Sidorov V.A., Sidorov A.V. The first experience of international cooperation with student project-based practice, the study of national culture and language at the University of Kuitong, Xinjiang Uyghur Autonomous Region (Suar), China. Bulletin of the Altai State Technical University named after I.I. Polzunov. 2007. No. 1-2. P. 73 – 74.
7. Khodzhieva Z.S. Chinese borrowings in the Uyghur language. IV Firsov readings. Language in modern discursive practices: the view of young scientists. Moscow, October 22-23, 2019. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2019. P. 124 – 128.
8. Yunusova M.S. Russian language in schools with the Uyghur language of instruction in Kazakhstan. Govor: almanah. 2022. No. 9. P. 799 – 802.
9. Buyarov D.V. The problem of cross-border national minorities in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China. Readings in memory of Evgeniy Petrovich Sychevsky. 2024. No. 24. P. 17 – 21.
10. Buyarov D.V. Development of Bilingual Education in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China at the Current Stage. Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity. 2023. No. 1. P. 139 – 150.

Информация об авторах

Чжан Сяобал, Синьцзянский педагогический университет, 474735668@qq.com

© Чжан Сяобал, 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

[1] Чжу Чэньян, [1] Дун Лие ***[1] Забайкальский государственный университет***

Вторичная языковая личность в медиадискурсе: к вопросу о критериях коммуникативной целесообразности использования библейских единиц

Аннотация: *целью настоящего исследования является определение критериев коммуникативной целесообразности использования библейских единиц вторичной языковой личностью в современном медиадискурсе. При написании статьи, автором применялись следующие методы научного познания: дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, метод сплошной выборки, количественно-качественный анализ. Основные результаты проведенного автором заключаются в выявлении шести базовых критериев коммуникативной целесообразности библейских единиц, определении специфики их актуализации в медиатекстах различных жанров и типологизации коммуникативных стратегий вторичной языковой личности журналиста. Выводы настоящего исследования свидетельствуют по мнению автора о том, что коммуникативная целесообразность библейских единиц детерминируется степенью прецедентности, функциональной нагрузкой, адресатной ориентированностью и жанрово-стилистической маркированностью высказывания. Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных автором результатов в медиалингвистике и теории коммуникации.*

Ключевые слова: *вторичная языковая личность, медиадискурс, библейские единицы, коммуникативная целесообразность, прецедентные феномены, медиалингвистика, дискурсивный анализ, языковая личность журналиста*

Для цитирования: Чжу Чэньян, Дун Лие. Вторичная языковая личность в медиадискурсе: к вопросу о критериях коммуникативной целесообразности использования библейских единиц // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 170 – 176.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Zhu Chengyang, [1] Dong Liye ***[1] Transbaikal State University***

Secondary linguistic identity in media discourse: towards the criteria of communicative appropriateness of biblical units

Abstract: *the aim of this study is to determine the criteria for the communicative appropriateness of the use of biblical units by secondary linguistic personalities in contemporary media discourse. In writing this article, the author employed the following research methods: discourse analysis, contextual analysis, continuous sampling, and quantitative-qualitative analysis. The main results of the study include identifying six basic criteria for the communicative appropriateness of biblical units, determining the specifics of their use in media texts of various genres, and classifying the communicative strategies of journalists' secondary linguistic personalities. The author's conclusions from this study indicate that the communicative usefulness of biblical units is determined by the degree of precedent, functional load, addressee orientation, and genre-stylistic markings of the utterance. The practical significance of this study lies in the potential application of the author's findings in media linguistics and communication theory.*

Keywords: *secondary linguistic personality, media discourse, biblical units, communicative usefulness, precedent phenomena, media linguistics, discourse analysis, journalistic linguistic personality*

For citation: Zhu Chengyang, Dong Liye. Secondary linguistic identity in media discourse: towards the criteria of communicative appropriateness of biblical units. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 170 – 176.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Проблема функционирования библейских единиц в современном медиадискурсе приобретает, безусловно, особую актуальность в контексте трансформации коммуникативного пространства и изменения характеристик языковой личности журналиста. Современные медиа, как известно, представляют собой сложную систему производства и трансляции смыслов, где языковая личность автора текста выступает в качестве посредника между культурным кодом и массовой аудиторией. Следует отметить, что библейские единицы, являясь частью прецедентного фонда русской лингвокультуры, выполняют важнейшую роль в формировании аксиологических оснований медиатекста и актуализации культурной памяти реципиента [1].

Целью настоящего исследования является выявление и систематизация автором критериев коммуникативной целесообразности использования библейских единиц вторичной языковой личностью в современном медиадискурсе.

Научная новизна исследования заключается в разработке автором комплексного подхода к анализу коммуникативной целесообразности библейских единиц с позиций теории вторичной языковой личности, что позволяет учитывать, как лингвокогнитивные, так и прагматические аспекты функционирования прецедентных феноменов в медиадискурсе. Впервые автором настоящего исследования предлагается типология критериев коммуникативной целесообразности, основанная на многоаспектном анализе медиатекстов различных жанров.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили тексты современных российских средств массовой информации, опубликованные в период с 2018 по 2025 годы. Эмпирическая база исследования составила более 150 медиатекстов различных жанров, извлечённых из печатных и электронных изданий общественно-политической и социально-культурной направленности. В выборку вошли материалы таких изданий, как «Российская газета», «Известия», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», «Литературная газета», а также их интернет-версии. Кроме того, анализировались тексты информационных агентств ТАСС, РИА Новости и материалы аналитических программ ведущих телеканалов.

При написании статьи, автором применялись следующие методы научного познания: дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, метод сплошной выборки, количественно-качественный анализ.

Результаты и обсуждения

Анализ проанализированного автором эмпирического материала позволил, прежде всего, выявить специфические характеристики вторичной языковой личности журналиста как субъекта медиакоммуникации. В отличие от первичной языковой личности, формирующейся в процессе естественной социализации индивида, вторичная языковая личность журналиста представляет собой, по сути, профессиональный конструкт, обладающий особыми коммуникативными компетенциями и специфическим набором дискурсивных практик. Следует отметить, что данный тип языковой личности характеризуется высокой степенью рефлексии относительно используемых языковых средств и осознанным выбором коммуникативных стратегий в зависимости от прагматических установок медиатекста [2].

Вторичная языковая личность журналиста функционирует, безусловно, в сложной системе координат, где пересекаются требования профессиональной этики, редакционной политики, ожидания целевой аудитории и личные мировоззренческие установки автора. Обращение к библейским единицам в этом контексте представляет собой осознанный выбор, детерминированный множеством факторов коммуникативной ситуации. Важно подчеркнуть, что библейские единицы в медиадискурсе выполняют не только номинативную и экспрессивную функции, но и служат маркерами культурной идентичности, инструментами формирования аксиологических оснований текста и средствами установления контакта с аудиторией [3].

Проведённое исследование позволило выявить шесть основных критериев коммуникативной целесообразности использования библейских единиц вторичной языковой личностью в медиадискурсе. По мнению

автора, степень трансформации библейской единицы коррелирует с коммуникативной задачей текста и характеристиками целевой аудитории.

Таблица 1

Критерии коммуникативной целесообразности использования библейских единиц в медиадискурсе.

Table 1

Criteria for the communicative appropriateness of using biblical units in media discourse.

№	Критерий	Характеристика	Примеры/Особенности
1	Степень прецедентности библейской единицы	Ориентация на узнаваемость и вхождение в активный культурный фонд носителей языка	Высокочастотные единицы: «козёл отпущения, «альфа и омега, «блудный сын, «зарыть талант в землю, «метать бисер перед свиньями».
2	Функциональная нагрузка в структуре медиатекста	Зависимость функций от жанра и коммуникативной задачи	Аналитические жанры: создание исторических параллелей, установление причинно-следственных связей, формирование оценочной модальности. Информационные жанры: номинативная функция, средство языковой экономии. Публицистические жанры: актуализация экспрессивного потенциала, воздействие на эмоциональную сферу.
3	Адресатная ориентированность	Выбор библейских единиц в зависимости от характеристик целевой аудитории	Издания для интеллектуальной элиты: менее известные библейские аллюзии, цитаты на церковнославянском языке, сложные интертекстуальные конструкции. Массовые издания: устойчивые библейские фразеологизмы, единицы обиходного языка, не требующие специальных культурных компетенций.
4	Жанрово-стилистическая маркированность	Различия в использовании библейских единиц в зависимости от жанра	Наибольшая частотность:, аналитические жанры, авторские колонки, высокая степень субъективности Наименьшая частотность:, информационные жанры, требование объективности и фактологичности
5	Тематическая область медиатекста	Зависимость использования от тематики публикации	Наиболее активное использование: морально-этическая проблематика, вопросы социальной справедливости, политические кризисы и конфликты. Умеренное использование: экономическая тематика (в метафорическом значении), спортивные тексты (для драматического эффекта).
6	Степень трансформации библейской единицы	Адаптация к контексту медиатекста с учётом коммуникативной задачи и аудитории	Типы трансформаций: лексические замены компонентов, расширение компонентного состава, сокращение компонентного состава, контаминация нескольких библейских единиц, семантическая переориентация исходного значения.

Далее представим разработанную автором типологию трансформаций библейских единиц в медиадискурсе в виде таблицы 2 с примерами из проанализированных текстов.

Таблица 2

Типология трансформаций библейских единиц в медиадискурсе.

Table 2

Typology of transformations of biblical units in media discourse.

Тип трансформации	Характеристика	Пример из медиатекста	Исходная библейская единица	Функция в тексте
Лексическая замена	Замена одного или нескольких компонентов	«Экономический Голиаф встретил своего Давида»	Давид и Голиаф	Создание актуальной метафоры
Расширение состава	Добавление определений, обстоятельств	«Современный блудный сын цифровой эпохи»	Блудный сын	Конкретизация значения
Контаминация	Объединение двух библейских единиц	«Метать бисер перед волками в овечьей шкуре»	Метать бисер перед свиньями + волк в овечьей шкуре	Усиление экспрессии
Семантический сдвиг	Изменение исходного значения	«Манна небесная для бюджета» (о налоговых поступлениях)	Манна небесная	Ироническое переосмысление
Графическая трансформация	Использование кавычек, курсива	«Политические "фарисеи" современности»	Фарисей	Актуализация оценочности

Проведенный автором анализ функциональной нагрузки библейских единиц в медиадискурсе позволил выявить основные коммуникативные стратегии вторичной языковой личности журналиста.

Первая стратегия связана с использованием библейских единиц для создания исторических параллелей и актуализации культурной памяти аудитории. Вторая коммуникативная стратегия предполагает использование библейских единиц для формирования оценочной модальности текста. Третья стратегия связана с реализацией воздействующего потенциала библейских единиц. Четвёртая коммуникативная стратегия предполагает использование библейских единиц для создания языковой игры и реализации креативного потенциала медиатекста [4].

Пятая стратегия связана с использованием библейских единиц для установления контакта с аудиторией и создания эффекта диалогичности. Обращение к общему культурному коду, которым являются библейские единицы, способствует формированию чувства общности между автором и читателем, создаёт атмосферу доверительного общения. Особенно важна данная стратегия в условиях фрагментации медиапространства и необходимости удержания внимания аудитории [5].

Проведённый в рамках настоящего исследования авторские анализ позволил также выявить специфику функционирования различных типов библейских единиц в медиадискурсе. Представим классификацию библейских единиц по структурно-семантическому признаку и частотности их использования в медиатекстах (табл. 3).

Как показывают данные таблицы, наибольшей частотностью в медиадискурсе обладают фразеологизмы библейского происхождения, что объясняется их высокой степенью идиоматизации и вхождением в активный словарный запас современного носителя русского языка. Эти единицы, по сути, утратили прямую связь с библейским контекстом и воспринимаются как обычные фразеологизмы, что делает их использование коммуникативно безопасным и не требующим специальных культурных компетенций от аудитории [6].

Библейские имена собственные занимают второе место по частотности использования в медиатекстах. Следует отметить, что данные единицы обладают высоким метафорическим потенциалом и часто используются для создания ярких, запоминающихся образов. Например, имя «Иуда» стало нарицательным обозначением предателя, «Содом и Гоморра» используется для характеристики хаоса и беззакония, а «Вавилон» символизирует смешение языков и культур. По мнению автора, вторичная языковая личность журналиста активно эксплуатирует данные единицы для создания экспрессивных характеристик и оценочных суждений.

Таблица 3

Типология библейских единиц в медиадискурсе по структурно-семантическому признаку.

Table 3

Typology of biblical units in media discourse based on structural and semantic features.

Тип библейской единицы	Характеристика	Примеры	Частотность в корпусе (%)	Основные функции в медиатексте
Фразеологизмы библейского происхождения	Устойчивые словосочетания, утратившие прямую связь с библейским контекстом	Козёл отпущения, нести свой крест, запретный плод	42,3%	Номинативная, характерологическая
Библейские имена собственные	Антропонимы и топонимы библейского происхождения	Иуда, Содом и Гоморра, Вавилон	23,7%	Оценочная, метафорическая
Библейские цитаты	Прямые или трансформированные цитаты из Библии	«Не хлебом единым», «Кесарю кесарево»	15,8%	Аргументативная, апеллятивная
Библейские аллюзии	Непрямые отсылки к библейским сюжетам	«Тридцать сребреников», «умыть руки»	12,4%	Имплицитно-оценочная
Библейские символы	Образы-символы библейского происхождения	Агнец, змий-искуситель, терновый венец	5,8%	Экспрессивная, символическая

Библейские цитаты, напротив, используются реже и, как правило, в текстах, ориентированных на образованную аудиторию. Прямое цитирование Библии требует от реципиента определённых культурных компетенций и способности декодировать интертекстуальные связи. Вместе с тем, некоторые библейские цитаты настолько прочно вошли в обиходный язык, что воспринимаются как крылатые выражения. Установлено, что к таким единицам относятся, например, «не хлебом единым жив человек», «кесарю кесарево, а Богу богово», «нет пророка в своём отечестве» [7].

Проведенный автором в рамках настоящего исследования анализ контекстуального окружения библейских единиц в медиатекстах позволил выявить типичные модели их актуализации. Первая модель связана с использованием библейских единиц в заголовочных комплексах медиатекстов. Заголовок, как известно, выполняет важнейшие функции привлечения внимания, информирования и прогнозирования содержания текста. Библейские единицы в заголовках, благодаря своей прецедентности и экспрессивности, эффективно реализуют данные функции. Наше исследование показало, что около 28% проанализированных медиатекстов с библейскими единицами содержат их именно в заголовочном комплексе.

Вторая модель актуализации предполагает использование библейских единиц в сильных позициях текста – в зачинах и концовках. Установлено, что данное расположение библейских единиц усиливает их прагматический потенциал и способствует более эффективному воздействию на реципиента. В зачинах библейские единицы часто выполняют функцию создания интриги и привлечения внимания, а в концовках служат средством обобщения и формирования итоговой оценки описываемых событий.

Третья модель связана с использованием библейских единиц в качестве опорных элементов развёртывания текста. В этом случае библейская единица становится ключевым образом, вокруг которого выстраивается вся структура медиатекста. Автор может последовательно развивать библейскую метафору, проводя параллели между библейским сюжетом и современными событиями. Такая модель актуализации характерна для аналитических статей и авторских колонок, где требуется глубокое осмысление проблемы.

Важно отметить, что коммуникативная целесообразность использования библейских единиц определяется также учётом потенциальных рисков коммуникативных неудач. Неадекватное использование библейских единиц может привести к непониманию со стороны аудитории, вызвать негативную реакцию или

быть воспринято как проявление дурного вкуса. Вторичная языковая личность журналиста должна учитывать религиозные чувства аудитории, избегать профанации священных текстов и соблюдать баланс между креативностью и этичностью.

Проведенный в рамках исследования анализ показал, что наиболее распространённой коммуникативной ошибкой является использование библейских единиц в неуместном контексте, когда серьёзность библейского образа вступает в противоречие с тривиальностью описываемого события. Например, использование выражения «голгофский путь» применительно к незначительным бытовым трудностям может быть воспринято как неуважение к христианским ценностям. Другой типичной ошибкой является неточная интерпретация библейской единицы, искажение её исходного значения, что свидетельствует о недостаточной культурной компетенции автора медиатекста [8].

Следует подчеркнуть, что коммуникативная целесообразность библейских единиц в медиадискурсе тесно связана с процессами секуляризации современного общества и трансформации религиозного сознания. Библейские единицы в современном медиапространстве функционируют преимущественно как культурные знаки, утратившие прямую связь с религиозным контекстом. Данное обстоятельство, с одной стороны, расширяет возможности их использования в различных коммуникативных ситуациях, а с другой стороны, создаёт риск профанации сакральных смыслов и вульгаризации духовных ценностей [9].

Проведённое исследование выявило существенные различия в использовании библейских единиц в зависимости от политической ориентации издания. Консервативные издания, как правило, демонстрируют более бережное отношение к библейским единицам, избегают их трансформации и используют преимущественно в контекстах, связанных с морально-этической проблематикой. Установлено, что в настоящее время, либеральные издания, напротив, допускают более свободное обращение с библейскими единицами, их ироническое переосмысление и использование в качестве инструмента политической сатиры.

Вторичная языковая личность журналиста, обращаясь к библейским единицам, демонстрирует не только свою культурную компетенцию, но и способность к диалогу с культурной традицией. Библейские единицы становятся средством актуализации культурной памяти, инструментом связи между прошлым и настоящим, способом сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. Таким образом, использование библейских единиц в медиадискурсе выходит за рамки чисто стилистических задач и приобретает культурно-философское измерение [10].

Анализ коммуникативных неудач, связанных с использованием библейских единиц, позволил выявить типичные ошибки вторичной языковой личности журналиста. Наиболее распространённой ошибкой является неточная интерпретация библейской единицы, искажение её исходного значения. Например, выражение «метать бисер перед свиньями» иногда неправильно используется в значении «делать что-то напрасно», тогда как исходное значение связано с идеей недостойности реципиента воспринять ценную информацию. Отметим так же, что другой типичной ошибкой является использование библейских единиц в неуместном контексте, когда серьёзность библейского образа не соответствует тривиальности описываемого события.

Выводы

Таким образом, коммуникативная целесообразность библейских единиц в медиадискурсе представляет собой сложный многофакторный феномен, требующий от вторичной языковой личности журналиста высокого уровня культурной и коммуникативной компетенции. Перспективы дальнейшего исследования, по мнению автора, могут быть связаны с изучением динамики использования библейских единиц в медиадискурсе, анализом региональных особенностей их функционирования и выявлением специфики актуализации библейских единиц в новых медиа.

Список источников

1. Федуленкова Т.Н. Функциональный диапазон фразеологической единицы библейского происхождения (на примере БФЕ Good Samaritan) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Т. 11. № 2. С. 143 – 153.
2. Ма Т.Ю., Бобров С.В., Залесова Н.М. Библейские фразеологические единицы в материалах сайта CNN // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 4. С. 94 – 103.
3. Бакина А.Д. Функционирование фразеологических единиц библейской этимологии в медийном дискурсе // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020. Т. 16. № 3 (49). С. 5 – 14.
4. Бакина А.Д. Развитие коммуникативной компетенции средствами фразеологии библейского происхождения // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2023. № 1 (18). С. 50 – 65.

5. Бакина А.Д. О релевантности спецкурса «Библейская фразеология» в рамках дисциплин коммуникативного модуля в части «Факультативы» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2024. № 1 (20). С. 68 – 87.
6. Пасенко С. Искусственный интеллект и Закон Божий: этика использования ИИ в свете библейских заповедей // Томский Богословский Вестник. Теология. Право. Экономика. 2024. № 2 (7). С. 4 – 9.
7. Кондратьева Т.С., Назарова И.П. Семантико-прагматический потенциал фразеологизмов библейского происхождения (на материале текстов СМИ) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7. № 2. С. 130 – 136.
8. Фадеева Л.Ю., Никишина О.А. Библейские аллюзии в художественном тексте // Поволжский вестник науки. 2019. № 4 (14). С. 66 – 68.
9. Бакина А.Д. О трудностях перевода библейских текстов // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2025. № 1. С. 216 – 220.
10. Кондратьева Т.С., Назарова И.П. Семантико-прагматический потенциал фразеологизмов библейского происхождения (на материале текстов СМИ) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7. № 2. С. 130 – 136.

References

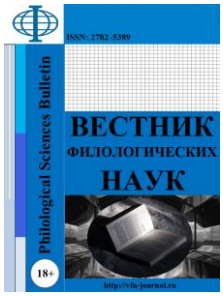
1. Fedulenkova T.N. Functional range of a phraseological unit of biblical origin (on the example of the BFU Good Samaritan). Theoretical and Applied Linguistics. 2025. Vol. 11. No. 2. P. 143 – 153.
2. Ma T.Yu., Bobrov S.V., Zalesova N.M. Biblical phraseological units in the materials of the CNN website. Theoretical and Applied Linguistics. 2020. Vol. 6. No. 4. P. 94 – 103.
3. Bakina A.D. Functioning of phraseological units of biblical etymology in media discourse. Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020. Vol. 16. No. 3 (49). P. 5 – 14.
4. Bakina A.D. Development of communicative competence by means of phraseology of biblical origin. Linguistics and methods of teaching foreign languages. 2023. No. 1 (18). P. 50 – 65.
5. Bakina A.D. On the relevance of the special course "Biblical phraseology" within the framework of the disciplines of the communicative module in the "Electives" part. Linguistics and methods of teaching foreign languages. 2024. No. 1 (20). P. 68 – 87.
6. Pasenko S. Artificial intelligence and the Law of God: the ethics of using AI in light of the biblical commandments. Tomsk Theological Bulletin. Theology. Law. Economics. 2024. No. 2 (7). P. 4 – 9.
7. Kondratieva T.S., Nazarova I.P. Semantic and pragmatic potential of phraseological units of biblical origin (based on media texts). Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological sciences. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 130 – 136.
8. Fadeeva L.Yu., Nikishina O.A. Biblical allusions in a fiction text. Povolzhsky Bulletin of Science. 2019. No. 4 (14). P. 66 – 68.
9. Bakina A.D. On the difficulties of translating biblical texts. Actual problems of Germanic, Romance, and Russian studies. 2025. No. 1. P. 216 – 220.
10. Kondratieva T.S., Nazarova I.P. Semantic and pragmatic potential of phraseological units of biblical origin (based on media texts). Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 130 – 136.

Информация об авторах

Чжу Чэньян, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ЗабГУ), г. Чита, 1119191930@qq.com

Дун Лие, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ЗабГУ), г. Чита, dongliye@yandex.ru

© Чжу Чэньян, Дун Лие, 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.11

[1] Абдулкадырова А.Б., [1] Алиева П.Г. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Ценностные составляющие аксиологического концепта FRIENDSHIP/ДРУЖБА в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный анализ)

Аннотация: *в статье рассматриваются ценностные составляющие аксиологического концепта FRIENDSHIP/ДРУЖБА в английской и русской лингвокультурах. Научная новизна работы обосновывается тем, что ранее не проводилось исследования аксиологических составляющих концепта FRIENDSHIP/ДРУЖБА на базе медийных текстов, представляющих собой наиболее динамичный источник отражения и формирования ценностей общества. Результаты исследования показывают, что ценностные компоненты выявляются в каждом поле сложной структуры концепта посредством комплексной методики, включающей в том числе интерпретацию и аксиологический анализ на основе оценочного акта. Выявление аксиологических составляющих в номинативном и информационном полях проводится на основе данных лексикографических источников, а в интерпретационном поле – современных медиатекстов. В работе приводятся результаты сопоставительного анализа ценностных компонентов, выявлена их национально-культурная специфика, различия в ценностной картине мира и особенности менталитета носителей рассматриваемых языков и культур.*

Ключевые слова: *концепт, ценностная составляющая, полевая структура концепта, медиатекст*

Для цитирования: Абдулкадырова А.Б., Алиева П.Г. Ценностные составляющие аксиологического концепта FRIENDSHIP/ДРУЖБА в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный анализ) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 177 – 184.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Abdulkadyrova A.B., [1] Aliyeva P.G. ***[1] Dagestan State University***

Axiological components of the concept FRIENDSHIP in the English and Russian linguistic cultures (comparative analysis)

Abstract: *the article examines the axiological components of the concept FRIENDSHIP in English and Russian linguistic cultures. The scientific novelty of the work is justified by the fact that no previous research has been conducted on the axiological components of the FRIENDSHIP concept based on media texts, which represent the most dynamic source of reflection and formation of society's values. The results of the study show that value components can be identified in each field of the complex structure of a concept through a comprehensive methodology, including interpretation and axiological analysis based on an assessment act. The identification of axiological components in the nominative and informational fields is carried out on the basis of data from lexicographic sources, and in the interpretative field - from modern media texts. The paper presents the results of a comparative analysis of the value components, reveals their national and cultural specifics, differences in the value picture of the world and the peculiarities of the mentality of speakers of the languages and cultures under consideration.*

Keywords: *concept, axiological component, field structure of the concept, media text*

For citation: Abdulkadyrova A.B., Aliyeva P.G. Axiological components of the concept FRIENDSHIP in the English and Russian linguistic cultures (comparative analysis). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 177 – 184.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Важность ценностей в жизни человека и в целом общества не вызывает сомнения. Как важнейший ресурс и опора в период кризисных моментов, ценности влияют на все сферы человеческой жизни, управляя его поведением, влияя на его эмоциональное состояние и самооценку, придавая смысл его деятельности. В рамках социальной структуры ценности создают свои законы и нормы, отражают культуру народа, формируют коллективную идентичность, укрепляют общественные связи и др.

Ценность фиксируется и реализуется в языковой системе в форме концепта, которая представляет собой единицу хранения информации в сознании человека и отражает специфику национального сознания, условия жизни, стереотипы и нормы культуры. Такую разновидность лингвокультурного концепта называют ценностным концептом – сложное ментальное образование, в котором «закодированы морально-нравственные и духовные ориентиры народа» [4, с. 116], «значимые для определенной лингвокультуры идеи и категории» [9, с. 297].

Одним из таких примеров является ценностный концепт FRIENDSHIP/ДРУЖБА в английской и русской лингвокультурах. Он занимает важное место в языковом сознании этих народов, поскольку отражает их национальный характер. Для успешного взаимопонимания и взаимодействия культур необходимо детальное изучение данного концепта. Значимым видится то, какой смысл вкладывают разные общества и культуры в категорию «дружба», и то, какую ценность несет в себе этот концепт.

Актуальность данной работы, во-первых, определяется общим интересом современной лингвистики к вопросам взаимодействия языка-сознания-общества-культуры-человека, в частности к исследованию ценностных концептов в той или иной лингвокультуре. Во-вторых, их сопоставительный анализ позволяет выявить как общие, так и этно-специфические особенности. В этом видится практическая необходимость углубленного изучения культурных кодов, заложенных в основу англо-русского взаимодействия. Основные положения и выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях по межкультурной коммуникации, когнитивной и психолингвистике, лингвокультурологии, сопоставительному изучению, а также в практике преподавания русского и английского языков.

Целью исследования является выявление сходств и различий ценностных составляющих концепта FRIENDSHIP/ДРУЖБА в английской и русской лингвокультурах.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели был определен комплекс методов исследования, совокупное применение которых, на наш взгляд, дает возможность изучить концепт с разных ракурсов, подробно описать этноспецифическую маркированность изучаемого концепта и выявить его аксиологические компоненты. На разных этапах выполнения исследования применялись методы концептуального, сопоставительного, интерпретационного, компонентного и контекстуального анализов, а также прием сплошной выборки.

Материалом исследования послужили средства реализации указанных ценностных концептов, отобранные методом сплошной выборки из лексикографических источников английского и русского языков и медийных текстов из качественной прессы «The Independent», «The Guardian», «Российская газета», «Газета», «Риа Новости» за 2025 г, объемом около 1 млн. п.з.

Результаты и обсуждения

Концепт FRIENDSHIP/ДРУЖБА, представляющий на сегодняшний день особый интерес для исследователей в области концептуального анализа, является объектом ряда исследований. Так, анализ научной литературы показал, что изучение данного концепта в английском и русском языках ведется на материале пословиц и поговорок (А.Н. Фуад (2019), О.А. Арапова (2004), Н. Абдуназарова (2021), на материале художественных произведения, к примеру, Л. Толстого, В.С. Гроссмана, С. Довлатова (А. Вежбицкая (2001), на материале словаря синонимов русского языка (Е.В. Урысон, 2000). В последней работе автор, на основе дефиниций синонимов ключевой единицы, делает вывод, что под дружбой понимается внутренняя общность понимание и готовность к взаимопомощи.

Немало работ посвящено языковым средствам реализации изучаемого концепта. Среди них труды Е.С. Рябковой (2010), Т.В. Леонтьевой (2016), А. Адем (2021). В последней работе автор приходит к заключению, что даже комплексное, лингвокультурологическое и лингвокогнитивное описание концепта ДРУЖБА, по мнению Ару А., «не может исчерпать все смысловое и ценностное разнообразие представлений о дружбе в мировой и отечественной культуре» [2, с. 186].

Специфической чертой современных лингвистических работ является их сопоставительный характер, который позволяет наблюдать общие и национальные особенности культур. Так, М.А. Хизова (2005) рассматривает этические аспекты концепта ДРУЖБА и особенности представления связи дружбы и любви на основе религиозного дискурса. О.М. Лунцова (2007) провела семантический анализ градуальной оппозиции ДРУЖБА-МИР-ВРАЖДА и выявила этноспецифику в русской и английской лингвокультурах. Национально-культурная специфика вербализации концепта «дружба» в английском и русском языках рассматривается и в работе И..Р. Рахимова (2018). Подобные работы проводятся и на основе подлючения в исследование таких языков как испанский (Н.Ю. Толчина, 2010), немецкий и французский (Н.Н. Чайко, М.В. Муриева, 2020) и т.д.

Новизну данного исследования обуславливают следующие факторы. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что на настоящий момент в лингвистике нет работ, направленных на выявление и описание аксиологических компонентов изучаемого концепта, устанавливающих его ценностную сущность. Видится целесообразным выявление и изучение современных ценностных ориентиров и их составляющих на основе медиатекстов, которые динамично несут в себе эмоциональность и оценочность.

Выявление ценностных составляющих концепта в данной работе проводится с опорой на некоторые пункты «алгоритма моделирования структуры ценностного концепта», предложенного в диссертации А.Б.Абдулкадыровой (2023). Данный алгоритм представляет собой «методику описания вербальных репрезентаций концепта путем построения полевой структуры, разработанной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным» [1, с. 44]. Согласно ученым, полевая структура состоит из трех полей: номинативного, информационного и интерпретационного.

Номинативное поле представляет собой «совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества» [6, с. 47]. Под информационным полем, авторами понимается содержание концепта, которое «включает минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления» [6, с. 77-78]. *Интерпретационное поле* «включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [6, с. 78].

Каждое поле структуры ценностного концепта включает в себя аксиологические составляющие или компоненты, демонстрирующие «важность концепта как для индивидуума, так и для коллектива» [5, с. 5]. Ценностный компонент концепта подразумевает под собой как оценки и поведенческие нормы, так и отношение к ценностям того или иного индивида, группы людей, коллектива, сообщества, нации [14, с. 41]. Оценка, как один из аспектов ценностного компонента, находит выражение в наличии оценочной составляющей в значении языковой единицы, являющейся именем концепта, а также в сочетании этой единицы с оценочными эпитетами [13, с 23], и проявляется в ассоциативных связях его основных языковых номинантов [3, с. 62].

Сопоставительный анализ ценностных составляющих номинативного поля концепта FRIENDSHIP/ДРУЖБА. В качестве ключевого номинанта, как наиболее употребительного, обобщенного по семантике, стилистически нейтрального и неоценочного наименования, в английском языке выступают слово *friendship*, а в русском – *дружба*. На основании ведущих лексикографических источников (Merriam Webster Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan Dictionary, The Premier Educational Dictionary-Thesaurus, Oxford Learner's Dictionaries, Словари под ред. А.П. Евгеньевой, Д.Н. Ушакова, Н. Абрамова, З.Е. Александровой) был идентифицирован состав номинативных полей концептов FRIENDSHIP и ДРУЖБА. Анализ показал, что исследуемое поле в английском языке реперезентируется 9 лексемами *(amity, brotherhood, community. companionship, comradeship, fellowship, friendship, friendliness, good fellowship),* в то время как в русском языке – 10 (*братство, дружеские/товарищеские/приятельские отношения, единство, однобратство, перводружь. приятельство, союз, товарищество*), что свидетельствует о незначительном расхождении в обьеме синонимических рядов. Однако, их анализ в обоих языках, на наш взгляд, был недостаточным для выявления ценностных составляющих, поскольку некоторые синонимы в полной мере определяются только через однокоренные слова в английском языке, к примеру, *friend, comrade, fellow, companion*, и, следовательно, их синонимы (*buddy, pal, chum, mate, confidante, acquaintance*

и др.), в русском языке - *друг, товарищ, приятель, дружок, побратим, кореш, напесрник, дружище, подруга.*

Принадлежность выщеперечисленных лексических единиц к единой понятийной категории подтверждается наличием в их дефинициях аксиологически маркированных компонентов, локализующихся на шкале «*good/bad» / «хорошо/плохо»* и ревербализуемых разными частями речи. Относительно изучаемого концепта они транслируются через следующие слова и словосочетания

- в английском языке: *affable, affection, common/same interests and opinions, close, companionable, equals, feeling of caring, goodwill, help, kindness, like, mutual esteem, not hostile, share, support, trust, warmth и др.;*

- в русском языке: *близость, взаимопонимание, взаимная симпатия, доброжелательность, доверие, любовь, общие интересы, помощь, поддержка, преданность, привязанность, равноправность, сплоченность, теплота, цельность и др.*

Сходства аксиологических компонентов в номинативном поле обоих языков выражается в наличии таких лексем как, *equals/равенство, common interest/, общие интересы, affection/привязанность, close/близкий, goodwill/доброжелательность, help/помощь, like/симпатия, support/поддержка, trust/доверие, warmth/теплота.* А различия проявляются в том, что под номинантами данного концептами англичане понимают приветливые отношения между людьми, готовые делиться добром, заботиться и уважать друг друга. Для русской нации важными проявлениями дружбы являются взаимопонимание, любовь, преданность и сплоченность.

Having a friend or even a group of friends ***who are always there when you need them*** *is one of life's gifts* (The Guardian, 10.01.25). / *Иметь друга или даже группу друзей,* ***которые всегда рядом, когда вы в них нуждаетесь****, - это один из подарков жизни.*

В 40 процентах случаев люди ***связывали дружбу с преданностью и верностью****, безусловной и самоотверженной* ***поддержкой друг друга*** (Российская газета, 22.03.2025).

Сопоставительный анализ ценностных составляющих информационного поля концепта FRIENDSHIP/ДРУЖБА. Данное поле структуры концепта «включает минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления» [6, 77-78]. С целью идентификации аксиологической составляющей информационных полей изучаемых концептов был проведен анализ дефиниций их ключевых номинантов в авторитетных толковых словарях, синтез которых позволил выделить по одному инвариантному когнитивному признаку для каждого из исследуемых языков: *attachment to another by affection or esteem* / *духовная привязанность, основанная на доверии и общности интересов*. В основе выявленных когнитивных признаков информационных полей заложены аксиологические компоненты *affection or esteem/ доверие и общность интересов* с оценкой good/хорошо, представляющие собой структурные элементы ценностной картины мира исследумых лингвокультур.

Сопоставительный анализ ценностных составляющих интерпретационного поля концепта FRIENDSHIP/ДРУЖБА. Данное поле «включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [6, с. 78]. «Это поле, как воздух, пронизывает концепт, наполняет его, заполняет «место» между его структурными компонентами» [6, с. 79]. Несмотря на потенциальную многокомпонентность интерпретационного поля, фокус исследования был сужен до трех зон: регулятивной, оценочной и утилитарной. Данные сегменты, как показал анализ, наиболее репрезентативны для демонстрации сходств и расхождений в репрезентации когнитхвныз признаков и их аксиологических компонентов в разносистемных языках.

Регулятивная зона концепта включает в себя «когнитивные признаки предписывающие, что *надо,* а что *не надо* делать в сфере, «покрываемой» концептом» [6, с. 78]. В этой зоне положительный ценностный статус феномена находит отражение в рассматриваемых языках через модель вариативной сочетаемости репрезентантов концепта морально-этической значимости, которым является *FRIENDSHIP/ДРУЖБА,* с глаголами, обладающими положительной маркированностью. Сопоставительный анализ выявленных когнитивных признаков позволяет определить дружбу в обеих лингковкультурах, как межличностное отношение, обладающее статусом безусловной ценности, предполагающей ее *постоянное развитие, сохранение от деструктктвных факторов и рефлексии*.

Отличия проявляются в том, что в британской языковой картине мира релевантны следующие когнитивные признаки: дружбу надо *to establish/налаживать, to pursue/стремиться к (дружбе), to want/желать, и оплакивать ее, to go hunting/охотиться, to foster, to flourish /развивать, to tend to, to yearn for/стремиться к, to build/строить, to work on/работать над, to rekindle/возродить, to encourage/поощрять, to invest in/*

инвестировать. К примеру:

Once ***a friendship is established***, ***it's important to maintain it***, *regardless of physical distance or busy schedules.* (The Guardian, 12.01.25). / ***Как только дружба завязывается, важно поддерживать ее,*** *независимо от физического расстояния или плотного графика.*

Представители русского общества дружбу *воспитывают (в детях), дарят, обретают заново, гордятся дружбой и учат ей.* Очевидно, что когнитивные признаки концепта, которые эксплицируются положительно маркируемыми глаголами, подтверждающими ценностную природу изучаемого явления, в данной зоне в российской прессе представлены скуднее, чем в британской.

Сейчас она ***дорожит их дружбой*** *и старается больше проводить времени с семьей .... Это мир людей, которые* ***ценят любовь и дружбу****, а не эгоистов, увлеченных только киберпространством.* (Газета, 30.09.2025).

Индикатором аксиологической значимости концептов *FRIENDSHIP/ДРУЖБА* в *оценочной зоне* служит когнитивный признак «эмоциональное состояние высокой степени интенсивности». Его реализация, осуществляемая через атрибутивные конструкции с оценочными эпитетами [13, с. 23], позволяет установить сходство данных концептов, заключающееся в универсально положительной оценке их репрезентантов. В исследуемой зоне общие для обеих лингковкультур когнитивные признаки находят свое языковое воплощение посредством следующего ряда адъективных интенсификаторов: *longer/длительные, meaningful, important/значимые, важные, strong/крепкие, authentic, genuine close, real, true/подлинные, настоящие дружеские отношения.* Отсутствие использования прилагательных с отрицательной коннотацией, описывающих рассматриваемое чувство в обоих языках, является еще одним сходством в этой зоне.

Watt Smith provides us with a blueprint for how to sustain friendships that ***more meaningful*** *because* ***they are real***. (The Guardian, 25.04.25). / Уотт Смит дает нам представление о том, как поддерживать дружеские отношения, которые становятся **более значимыми**, потому что **они настоящие**.

Он подчеркнул, что их связывает не просто совместная работа и коллегиальное общение, а ***настоящая дружба, длиною в жизнь***. (Газета, 22.10.2025).

Отличия проявляются в том, что в британских медиатекстах когнитивные признаки представлены в большем количестве и в более выраженной степени интенсивности за счет их актуализации, как прилагательными, так и их сочетанием с наречиями (*balanced, deep, endlessly supportive and rewarding, good, healthy, high-quality, powerful, really cherished, reciprocal, rich, valuable),* чем в российских *(вечные, доверительные, многолетние, надежные, неизменные отношения).*

"So I felt like it was the obvious thing to do when I was finding ***a really cherished friendship*** *difficult to maintain."* (The Independent, 28.07.25). / "Так я почувствовал, что это было самое очевидное, что нужно было сделать в тот момент, когда мне было трудно поддерживать по-настоящему дорогую дружбу".

В фильме рассказывается о ***многолетней дружбе*** *отца Рафаила и режиссера Алексея Балабанова.* (Газета, 10.10.2025).

Ценностный статус изучаемых концептов находит отражение и в *утилитарной зоне*, где аккумулируются когнитивные признаки, выражающие «прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями его использования» [6, с. 78] *в интересах личности и общества*. Верификация аксиологических компонентов концептов, осуществляемая посредством компонентного и контекстуального анализа, подтверждает наличие оценочного аспекта в данной зоне. Сопоставление утилитарных зон концептов способствовало выявлению кросс-культурных различий в практическом применении дружбы во благо человека и общества: в английской лингвокультуре идентифицировано пять целеполаганий, тогда как в русской – четыре), что демонтрирует количественную и содержательную ассиметрию.

В современных медиатекстах выявлены следующие общие функции дружбы, направленные на социально-практическое благо в британскои и российскои обществах:

1) ее способность наладить взаимопонимание, общение с людьми, а также оказывать поддержку в трудных ситуациях. Это целеполагание эксплицируется в изучаемых языках различными языковыми единицами, имеющими положительную коннотацию (to be about mutual understanding, communication, and support; to support; to stand up for you; to tell you the truth; поддерживать друг друга; обеспечивать стабильность в ситуациях риска; обеспечить эмоциональную интеграцию; решать личные проблемы; честно общаться; достигать консенсуса; отвлечь от проблемы; готов сделать все, что в его силах и даже больше; помогать; жизнь отдать за другого и др.):

Establishing good friendships is all about ***mutual understanding, communication, and support.*** *[…] It is about give and take in both good and bad times. (The Guardian, 12.01.25). / Налаживание хороших дружеских отно-*

шений – это прежде всего ***взаимопонимание, общение и поддержка****. […] Речь идет о том, чтобы отдавать и брать как в хорошие, так и в плохие времена.*

Друзья остаются друзьями и ***поддерживают друг друга,*** *даже оказываясь во враждующих станах* (Газета, 10.05.2025).

2) *ее способность изменить жизнь к лучшему* (to change your life, to make a difference, помогать встать на ноги в любой ситуации):

The Guardian view on social networks: the friendships that ***can change your life*** *(The Guardian, 24.03.25). / Взгляд газеты The Guardian на социальные сети: дружба, которая* ***может изменить вашу жизнь.***

Настоящая дружба – это очень ценный ресурс, который ***помогает тебе встать на ноги*** *в любой ситуации* (Российская газета, 10.09.25).

Наряду с общими целевыми установками, исследование выявило и идиоэтнические цели, присущие британской и российской культурам в отдельности. В британском обществе проявленная дружба *положительно влияет на здоровье, помогает справиться с одиночеством, спасает жизни (*be vital for wellbeing, and a predictor for longer, healthier lives; have a profoundly positive health impact and protects against heart disease, dementia and stroke; help save lives), а в российском – *делает человека счастливым и спасает мир*.

Hall says men must work against decades of complacency to build friendships powerful enough ***to dispel loneliness*** (The Guardian, 10.07.25). *Холл говорит, что мужчины должны бороться с десятилетиями самоуверенности, с целью построить достаточно крепкую дружбу, чтобы* ***развеять одиночество****.*

Но психологи уверяют: человек без друзей – не вполне человек. В смысле не ***вполне человек счастливый*** *(Риа новости, 26.05.25). Сериал рассказывает о тайной личной дружбе Брежнева с канцлером ФРГ Вилли Брандтом, которая* ***помогла спасти мир*** *от ядерной катастрофы в прошлом веке* (Российская газета, 24.10.2025).

Зафиксированные в современном медиадискурсе универсальные и культурно-специфические целевые установки дружбы доказывают ее аксиологическую значимость, которая видится в ее ключевой социообразующей функции, являющейся фактором личностного совершествования и консолидации общества.

Выводы

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Концепты FRIENDSHIP/ДРУЖБА представляют собой фундаментальные аксиологические отношения, обладающиеразличной степенью значимости в британской и русской лингвокультурах. Полученные результаты исследования демонстрируют переплетения универсальных и этно-специфических характеристик данного феномена и подтверждают роль языка как маркера культурной идентичности.

В результате контрастивного анализа были зафиксированы сходства и различия ценностных компонентов, отражающих ценностную природу изучаемого концепта во всех сегментах его полевой структуры. На уровне номинативного поля аксиологические составляющие выводятся путем анализа дефиниций представителей синонимического ряда ключевой лексемы, на уровне информационного поля – путем анализа понятийного содержания ключевой единицы, а на уровне интерпретационного поля – на основе изучения сочетаемости номинантов концепта с языковыми единицами с положительной коннотацией. Проведенный анализ доказал, что выявленные ценностные составляющие, как значимые конституенты аксиологической картины мира, могут служить средством подтверждения положительного ценностного статуса изучаемого явления.

Список источников

1. Абдулкадырова А.Б. Концептосфера духовных ценностей в английской и русской лингвокультурах: на материале медийных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2023. 187 с.
2. Ару А. Языковая репрезентация концепта «дружба» в русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2021. 213 с.
3. Берёзкина Е.П. Ценностные компоненты концепта «дом» в лирике А.Г. Румянцева // Вестник бурятского госуниверситета. Сер. филология. 2020. Вып. 3. С. 61 – 68.
4. Бирюлина Е.А. Аксиологический концепт ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в русской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. Вып. 1. С. 116 – 125.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.

7. Риа Новости. URL: https://ria.ru/ (дата обращения: 22.10.2025).
8. Российская газета. URL: https://rg.ru/ (дата обращения: 22.10.2025).
9. Синьюэ Я. Ценностные концепты в языковой картине мира: сопоставительный анализ китайского и русского языков // Теория и практика современной науки. 2025. № 6 (120). С. 295 – 301.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. - 4- изд., стер. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999 URL: https://lexicography.online/ (дата обращения: 14.10.2025).
11. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. М.: Русские словари, 1999. URL: https://synonym.slovaronline.com (дата обращения: 22.10.2025).
12. Словарь синонимов русского языка: практический справочник / под ред. З.Е. Александровой. 2011. URL: http://ru. yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova (дата обращения: 11.11.2025).
13. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: моногр. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: яз. рус. культуры, 1997.
15. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушаков. М.: Советская энциклопедия, 1935-1940. URL: https://lexicography.online/explanatory/ (дата обращения: 03.11.2025).
16. Dictionary by Merriam Webster. URL: https://www.merriam-webster.com/thesaurus/ (дата обращения: 22.10.2025).
17. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: https://www.ldoceonline.com/ (дата обращения: 13.11.2025).
18. Macmillan English Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 13.11.2025).
19. Oxford Learner’s Dictionaries. URL: https://www.oxfordleamersdictionaries.com/ (дата обращения: 18.10.2025).
20. The Premier Educational Dictionary-Thesaurus. URL: https://www.wordsmyth.net/ (дата обращения: 13.11.2025).
21. The Independent. URL: https://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 22.10.2025).
22. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/ (дата обращения: 12.10.2025).

References

1. Abdulkadyrova A.B. Conceptual sphere of spiritual values in English and Russian linguocultures: based on media texts: Diss. ... Cand. Philological Sciences. Makhachkala, 2023. 187 p.
2. Aru A. Linguistic representation of the concept "friendship" in Russian speech: Diss. ... Cand. Philological Sciences. Nizhny Novgorod, 2021. 213 p.
3. Berezkina E.P. Value components of the concept "home" in the lyrics of A.G. Rumyantsev. Bulletin of the Buryat State University. Series: Philology. 2020. Iss. 3. P. 61 – 68.
4. Biryulina E.A. Axiological concept of a HUMANE PERSON in Russian linguoculture. Philological sciences. Theory and Practice Issues. 2022. Vol. 15. No. 1. Iss. 1. P. 116 – 125.
5. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
6. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantic-Cognitive Analysis of Language: Scientific Edition. 2nd ed., revised and enlarged. Voronezh: Istoki, 2007. 250 p.
7. RIA Novosti. URL: https://ria.ru/ (accessed: 22.10.2025).
8. Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/ (accessed: 22.10.2025).
9. Xinyue Ya. Value Concepts in the Linguistic Picture of the World: A Comparative Analysis of the Chinese and Russian Languages. Theory and Practice of Modern Science. 2025. No. 6 (120). P. 295 – 301.
10. Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. 4th ed., reprinted. Edited by A.P. Evgenyeva. Moscow: Russian Language; Polygraph Resources, 1999. URL: https://lexicography.online/ (accessed: 14.10.2025).
11. Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions. Edited by N. Abramov. Moscow: Russian Dictionaries, 1999. URL: https://synonym.slovaronline.com (accessed: 22.10.2025).
12. Dictionary of Synonyms of the Russian Language: A Practical Handbook. Edited by Z.E. Alexandrova. 2011. URL: http://ru. yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova (accessed: 11.11.2025).
13. Slyshkin G.G. Lingvocultural Concepts and Metaconcepts: Monograph. Volgograd: Peremena, 2004. 340 p.
14. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience. Moscow: Language of Russian Culture, 1997.

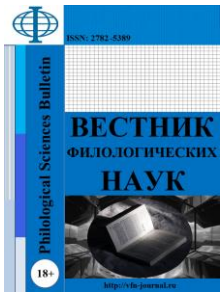
15. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Edited by D.N. Ushakov. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1935-1940. URL: https://lexicography.online/explanatory/ (accessed: 03.11.2025).
16. Dictionary by Merriam Webster. URL: https://www.merriam-webster.com/thesaurus/ (accessed: 22.10.2025).
17. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: https://www.ldoceonline.com/ (accessed: 13.11.2025).
18. Macmillan English Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com/ (accessed: 13.11.2025).
19. Oxford Learner's Dictionaries. URL: https://www.oxfordleamersdictionaries.com/ (accessed: 18.10.2025).
20. The Premier Educational Dictionary-Thesaurus. URL: https://www.wordsmyth.net/ (accessed: 13.11.2025).
21. The Independent. URL: https://www.independent.co.uk/ (accessed: 22.10.2025).
22. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/ (accessed: 12.10.2025).

Информация об авторах

Абдулкадырова А.Б., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, saidulik1@rambler.ru

Алиева П.Г., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, Patya-alieva-12@mail.ru

© Абдулкадырова А.Б., Алиева П.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
УДК 82 –131

[1] Гоголева М.Т.

[1] Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

Народный смех в якутском героическом эпосе-олонхо

Аннотация: *статья посвящена освещению темы проявления комического в эпической стилистике якутского героического эпоса-олонхо, мало исследованной области олонховедения. Якутское олонхо как вершина устного народного творчества хранит в себе универсальные знания и глубинные чувственные переживания народа. Цель работы – рассмотреть проблему народного смеха в олонхо в аспекте выявления функциональных, структурно-семантических особенностей, лингвистических средств выражения. Материалом послужили тексты крупных эпосов, содержащие описания комических событий, вызывающих смех персонажей, обстоятельств, юмористических ситуаций, репрезентативные языковые средства. Методология обеспечивается опорой на фундаментальные труды исследователей и разнообразием подходов к анализу материала. Научная новизна работы состоит в том, что народный смех в олонхо рассматривается как традиционный компонент эпической стилистики, но в значительной мере определяемый мастерством сказителя. В результате работы определены структурно-смысловые компоненты и функциональная характеристика народного смеха в олонхо; показаны лингвистические приемы передачи комического, используемые известными сказителями. Выявлено, что смех в олонхо, обусловленный этнокультурным содержанием, имеет разнообразные оттенки от тонкой иронии и юмора до гротескной сатиры и, как своеобразный компонент поэтики эпоса, органично вплетен в ткань повествования. В статье привлечены новые сведения к разработке теории смеха в устном народном творчестве якутов, также рассматривается перспектива более углубленного изучения проблемы комического в эпическом наследии народов мира.*

Ключевые слова: *эпос олонхо, народный смех, функция, структура, семантика, средства выражения, сказитель*

Для цитирования: Гоголева М.Т. Народный смех в якутском героическом эпосе-олонхо // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 185 – 190.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Gogoleva M.T.

[1] North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov

Folk laughter in the Yakut heroic epic-olonkho

Abstract: *this article explores the comic element in the epic style of the Yakut heroic epic olonkho, a little-studied area of olonkho studies. As the pinnacle of oral folklore, the Yakut olonkho preserves universal knowledge and the deepest emotional experiences of the people. The aim of this paper is to examine the problem of folk laughter in olonkho, identifying its functional, structural, and semantic features, as well as linguistic means of expression. The material used is the texts of major epics, containing descriptions of comic events, laughter-provoking characters, circumstances, humorous situations, and representative linguistic devices. The methodology draws on the fundamental*

works of researchers and utilizes a variety of approaches to analyzing the material. The scientific novelty of this work lies in its examination of folk laughter in olonkho as a traditional component of epic stylistics, yet largely determined by the skill of the storyteller. The study identified the structural and semantic components and functional characteristics of folk laughter in olonkho and demonstrated the linguistic techniques for conveying the comical used by famous storytellers. It was revealed that laughter in olonkho, conditioned by its ethnocultural content, has a variety of nuances, from subtle irony and humor to grotesque satire, and, as a unique component of epic poetics, is organically woven into the fabric of the narrative. The article draws on new information to develop a theory of laughter in Yakut oral folklore and also explores the prospects for a more in-depth study of the comic element in the epic heritage of peoples around the world.

Keywords: *olonkho epic, folk laughter, function, structure, semantics, means of expression, storyteller*

For citation: Gogoleva M.T. Folk laughter in the Yakut heroic epic-olonkho. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 185 – 190.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Народный смех включает в себя понятие комического в фольклоре народов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления природы комического в героическом эпосе, важной составляющей фольклорной поэтики. В сюжетных линиях олонхо органично переплетаются эпические события с бытовыми сценами, описаниями этнографического характера, отражается весь спектр человеческих чувств от трагического до комического, от великого до обыденного. Несмотря на солидную научную базу исследований по эпосу, нет специальных работ, посвященных проблеме народного смеха в олонхо как живой, динамичной традиции сказительства. В статье показаны примеры комического из текстов олонхо в соответствии с методологическими принципами системности и достоверности. Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды по проблемам комизма и смеха; по эпосоведению; по анализу текстов. При теоретическом обосновании использованы методы текстологического, структурно-семантического, компонентного анализа текстов, классификация данных и др., также практические – обработка и описание фактического материала, перевод части текстов. В ходе исследования решены задачи: подготовка источниковой базы, анализ научной литературы; работа над материалом, полученным методом сплошной выборки; обобщение выводов. Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в разработке некоторых аспектов теории смеха в фольклористике, также служить материалом для сравнительно-сопоставительного изучения поэтики эпосов народов мира.

Материалы и методы исследований

Материал для исследования представлен из опубликованных в разное время текстов крупных олонхо: «Кулун Куллустуур» И.Г. Тимофеева-Теплоухова [16], «Дьырыбына Дьырылыатта» П.П. Ядрихинского [19], «Модун Эр Соҕотох» В.О. Каратаева [9], «Ала-Булкун» Т.В. Захарова – Чээбий [6], «Көр Буурай» Н. Александрова – Ынта Никиитэ [1], «Уол Дуолан бухатыыр» М.З. Мартынова [10].

Результаты и обсуждения

Смех как феномен достаточно изученное явление со времен античных, средневековых мыслителей, охарактеризовавших его как естественное, присущее человеку способность выражать эмоциональное состояние, свое отношение к той или другой стороне человеческого бытия, а также способ организовать, упорядочить жизнь в обрядах и ритуалах, где смех использовался как действенный инструмент. В более поздние времена появились трактаты, объясняющие природу смеха в плоскости культурно-эстетической категории, вовлеченной в реальность социума. М.М. Бахтин в своем известном труде о творчестве Франсуа Рабле привел расширенное толкование отличительных признаков народного смеха как миросозерцательность, универсализм, амбивалентность, связь с временем и т.п. [3]. В отечественной науке актуально разграничение терминов «смешное» и «комическое», обоснованное литературоведом Ю. В. Боревым: «Комическое порождает социально окрашенный, значимый, одухотворенный эстетическими идеалами, «светлый», «высокий» (Гоголь) смех, отрицающий одни человеческие качества и общественные явления и утверждающий другие» [4, с. 11]. С точки зрения функциональных связей, им были даны дифференцирующие характеристики юмора и сатиры, что отразилось в трудах последующих исследователей, в частности, развивалось его утверждение «смешное шире комического»: «… смех является обязательным следствием как юмористического, так и сатирического творчества, но природа и смысл принципиально отличаются» [8, с. 207]. Эти

различия прослеживаются и при изучении феномена смеховой культуры: «В смеховой культуре выражается способность человека к комической оценке действительности» [2, с. 20]. Таким образом, понятия «смех» и «комическое», хотя и близкие по смыслу, в трудах исследователей не рассматриваются как тождественные явления. В настоящем исследовании нами используется термин «народный смех», акцентирующий его универсальность и фольклорное происхождение.

Как известно, устное народное творчество отражает историю, традиционный уклад жизни, быт и менталитет народа, и, соответственно, весь этот всеобъемлющий потенциал в нем реализуется через богатое жанровое разнообразие: от пословиц и поговорок до эпических сказаний. Несмотря на синкретичность многих жанров, основой художественно-эстетического своеобразия текста выступает его словесное начало. При этом структурно-семантическая обусловленность, лексическая статичность фольклорного языка обеспечиваются законами жанра. Так, В.Я. Проппом, исследователем поэтики фольклора, прежде всего, выделены языковые средства выражения комического, методологическим ключом также служит и его утверждение: «Каждая эпоха и каждый народ обладает особым, специфическим для них чувством юмора и комического, которые иногда непонятны и недоступны для других эпох» [14, с. 18]. Тема комического в национальном контексте остается предметом исследования в современной фольклористике: комическое в удмуртском фольклоре с их элементарно-практическими задачами [5, с. 658]; воспитывающий аспект смеха и юмора в якутской народной сказке [15, с. 295-297]; языковые средства создания комического эффекта в русской народной сказке [18, с. 89-94] и др. Учитывая большой объем и идейно-эстетические особенности самого масштабного произведения якутского фольклора, можно предположить, что исследование олонхо в этом аспекте имеет большую перспективу.

Олонхо – наиболее глубокое художественное изображение жизни народа саха (самоназвание якутов), эпос, несмотря на кажущуюся статичность сюжетно-композиционного строя, богат разнообразными событиями, в которых участвуют персонажи в соответствии с заданными им функциями. В свойственной эпическому жанру фольклорной поэтике в олонхо изображены сюжетные линии, повествующие о главных событиях, происходящих с героями эпоса; отражены все стороны бытия, начиная с незапамятных времен мироздания и передела мира между богами, людьми и существами; показаны мировоззренческие, ценностные воззрения народа. Известно, что олонхо как архаический эпос, имеет мифологическую основу, охватывающую весь сюжетно-композиционный строй и всю образную систему, но по сути, через эпические творения транслируются жизненно важные для этноса идеи и мысли, как в свое время было сформулировано исследователем поэтики мифа Е.М. Мелетинским: «В фантастических образах мифологии широко отражены реальные черты окружающего мира» [11, с. 170].

Знакомство с текстами олонхо выявило и другую сторону эпической стилистики, так, например, в одних олонхо повествование изобилует смешными сценами и изображениями, а в других – наблюдается почти полное отсутствие комической составляющей. В этой статье мы попытаемся выяснить, насколько это явление связано с личностью сказителя, его мастерством, поскольку это первое, что лежит на основе бытования эпоса. Как подчеркивает исследователь С.Ю. Неклюдов: «Эпическая форма предоставляет исполнителю почти безграничные ресурсы развертывания повествования – при том, что событийная наполненность соответствующих фрагментов остается более-менее неизменной. Для этого в арсенале певца имеется обширный набор стилистических формул и их постоянных «серий» с устойчивыми комплексами значений [12, с. 71]. Состоявшийся сказитель, используя постоянные эпические формулы, импровизируя в художественных деталях, создает свою версию эпоса. Именно момент исполнения имеет решающее влияние на уровень мастерства сказителей, как утверждается в специальном исследовании олонховеда В.В. Илларионова [7]. Благодаря своевременной фиксации собирателями-энтузиастами образцов героического эпоса, в настоящее время мы располагаем аутентичными текстами крупных олонхо со слов знаменитых сказителей. В работе над материалом, полученном методом сплошной выборки, в целях выявления семантики лексических единиц эпического текста применены методы структурно-семантического и компонентного анализа [17]. Полученные данные позволяют сделать некоторые обобщения по теме исследования:

1. Традиционно комические персонажи, присутствующие в почти во всех олонхо. К ним относятся:

а) Сорук Боллур – Юноша-посыльный, который, как правило, приходит к богатырю с каким-либо поручением, чаще всего передает волю небожителей или знатного предводителя племени. Он отличается непосредственностью поведения, излишней торопливостью речи, манерой песенного монолога. Беззлобный смех слушателей (юмор) вызывает не столько весь его облик, сколько и прерывистое пение, исполняемое в особом ритме.

В олонхо о девушке-богатырке «Джырыбына Джырылыатта» П.П. Ядрихинского он изображается бедным, неприметным юношей: «Догдоон сонноох (в коротком пальто) / Догдоллубут быһыылаах (вида не-

приметного) / Дьоҕус чуопчаар саҥалаах (с голосом звонким) / Сорук Боллур уол (Сорук Боллур посыльный)» [19, с. 47]. «Үөгү-тойук былаастаах (вперемешку с выкриком) / Ыллыы-туойа турда (песню-тойук завел) – Аһулаа-тан! Аһулаа-тан! (Асулаа-тан! Асулаа-тан!)» [19, с. 48]. Выкрики «Асулаа-тан!» свидетельствует о его физическом состоянии, как будто юноша задыхается после интенсивного бега. Народ сочувствует ему, одобряет его решимость на выполнение возложенного поручения.

б) Скорее сатирическое, чем юмористическое описание старухи-коровницы Симэхсин эмээхсин (иногда имя бывает другим). Главная миссия коровницы – передавать новости, сплетни, в некоторых олонхо она имеет дар предвидения предстоящих событий. Неприятие ее образа основано на противоречии: с одной стороны, она принадлежит к домочадцам-работникам, с другой – все у нее несуразное, неопрятное, эмоционально нестабильное, манера пения напоминает плач. Пример из вышеуказанного олонхо:

«Элэмтэ буолбут (с обшарпанной) / Эргэ күрдьэх тайахтаах (тросточкой-лопатой) / Мултугур буолбут (с рукояткой короткой) / Муҥур күрдьэх тутуурдаах (лопатой щербатой в руках) / Балаҕан барааға (в балагане вертихвостка) / Хотон хобото (в хлеву трещотка-старушка) / Хобуоччу Хопчороолдьун эмээхсин (сплетница Хобуоччу Хоптороолдюн)» [19, с. 156-157]. Она распространяет оскорбительные сплетни о дочери Десегяй Тойона и Сидириин Хотун, красавице Уйуллаан Куо, тем самым, стравливает ее против девушки-богатырки Джырыбына Джырылыатта [19, с. 157-159].

в) Резкое отрицание во всех олонхо вызывают образы богатыря-абаасы и его сестры девки-абаасы из Нижнего мира, изображенные с помощью гиперболы и гротеска. Классификация видов гиперболы олонхо по средствам, степени, тематике и функции предложена С.Д. Львовой [13]. Этот основной прием эпической стилистики может быть также комическим, особенно в описании злых существ. Комический эффект достигается парадоксальным сочетанием объекта и средства сравнения, в результате которого создаются образы-антиподы всего человеческого. Народный сатирический смех здесь используется как прием уничижения, как своеобразный способ борьбы со злом.

«Сыыр быстыбытын курдук (будто пригорок-оползень) / Сылла-мылла сырайдаах (с харей помятой) / Тоҕус илии (в девять пальцев) / Тордохтоох ньуурдаах (с кожей в копоти) / Аҕыс илии (в восемь пальцев) / Ардахтаах иэдэстээх (с щеками в плесени) / Илэ дьиэһийбит дьибилгэнннээх (леший наяву) / Тута буулаабыт дьохтоох (дьявол нездешний) / Көстүбэт күтүрэ (сила нечистая)» [19, с. 167-168].

В олонхо «Модун Эр Соготох» В.О. Каратаева есть места, где слушатели не сдерживают смех от изображенного:

«Боруоскалаан боллоҥнообута (скорчив рожу, понюхал табак) / Сыҥсыйан сылланҥнаабыта (шмыгнув носом, втянул табак) / Сырайын кирэ (что куски грязи с его лица) / Тоһута ыстанан түһэн (отваливаясь) / Бойбурун көтөхпүт (вставшими на ноги) / Ыт оҕото буоланнар (в щенков-сосунков оборотясь) / Хотусоҕуруу бойборуспуттара (неуклюже на север и юг перекатывались)» [9, с. 190-191].

2. Комические ситуации, обстоятельства. Народный смех-осуждение в олонхо вызывают ситуации, когда герой поступает необдуманно, подвергая себя неоправданному риску. Герой олонхо «Модун Эр Соготох» здесь не может быть примером для подражания:

«Тоҕус чоҥ тимир куйахтаах киһи (в броне из девяти железных закаленных пластин человек) / Утуйан тыылла сытарыгар (растянувшись, спит-лежит, оказывается) / Эмискэ ойутан тиийэн (быстро к нему подскочив).

Төбөтүн унуоҕун (по его черепу) / Тоҥсуйа оонньуу сылдьыбыта (стал стучать, забавляясь)» [9, с. 228].

3. Образы, созданные комическими средствами изображения. Если в предыдущих случаях комическое реализуется традиционными средствами эпической стилистики, в отдельных олонхо сильнее сказывается индивидуальный стиль олонхосута. Олонхо «Ала Булкун», записанное В.Н. Васильевым со слов знаменитого Т.В. Захарова – Чээбий, показательно в плане использования олонхосутом оригинальных языковых средств выражения:

«Үс сиринэн түҥнэри үүдээһиннээх (с трех сторон залатанную гнилыми нитками) / Төттөрү эрбэхтээх өлүү лүҥкээрийэ үтүлүгүн (будто гулкое преисподнее руковицу, не с той стороны приделанной большим пальцем,) / Хонноҕун анныгар диэри куру-куллуччу кэппит (надел неуклюже до самых подмышек)» [6, с. 17] – (здесь и далее перевод автора статьи).

«Буор-туор мунду баҕадьытын ийэтин курдук (подобно негодной ловушке невода для ловли гольяна) / Буопал-иэпэл ыстаанын түөһүн тылыгар диэри тардыммыт (с подтянутыми до самой груди прохудившимися штанами)» [6, с. 17].

«Тоҕус илии кирдээх (с грязью в девять пальцев) / Тордохтоох ньуура бу ньололло сытар (с копотью удлиненное лицо вдруг показалось) / Аҕыс илии кирдээх (с грязью в восемь пальцев) / Ардахтаах сырайа ардьалла сытар (запотевшее грязное лицо с редкими зубами вот предстало)» [6, с. 17].

Необходимо пояснить, что в переводе смешная сторона изображения не передается в полной мере, так как помимо использованных средств выражения, смешное достигается обыгрыванием звуков в строках. Например, непереводимое слово лүҥкээрийэ отсутствует в толковых словарях якутского языка, но полагаем, что значение слова может исходить от глагола лүҥкүнээ (гулко звенеть), а малопродуктивный аффикс – ээрийэ придает слову ироничное звучание, как несерьезность, несолидность. Олонхо Т.В. Захарова-Чээбий «Ала Булкун» содержит 9097 строк, где подобных комических описаний, свидетельствующих о мастерстве олонхосута немало. Но в оценке особенностей художественного языка сказителя существуют противоречивые мнения, выраженные собирателем В.Н. Васильевым и переводчиком отрывка из олонхо, лингвистом Г.В. Баишевым-Алтан Сарын, который указал, что сказитель, получив определенный заказ, снабжает свой текст соответствующим материалом (в том числе, не совсем пристойным, о чем был предмет спора – прим. автора) [6, с. 99]. Этот факт приводим в качестве иллюстрации к проблеме проявления индивидуального стиля сказителя.

Героический эпос по своим жанровым признакам не относится к комическим произведениям, поэтому в текстах даже крупных олонхо мало вызывающих смех описаний [16, 1]. Но есть отдельные олонхо, где юмор присутствует довольно часто. Олонхо М.З. Мартынова «Уол Дуолан бухатыыр» – тому свидетельство. Богатый язык сказителя, необычные приемы, средства выражения комического в тексте могут стать предметом отдельного исследования [10].

Выводы

По природе народного смеха в якутском героическом эпосе-олонхо выявлено:

Народный смех в олонхо характеризуется универсальными свойствами комического в произведениях искусства – порицания пороков и одобрения ценностных идеалов, утверждения порядка в мироустройстве. Осмысление рассматриваемой проблемы подводит к мысли, что народный смех в олонхо функционально разнообразен, выражается живописными языковыми средствами, которые в значительной мере определяются мастерством, особенностями индивидуального стиля сказителя.

Определены отдельные типы и функции персонажей, в изображении которых выявлены комические моменты. Основная функция смеха в олонхо – критика реализована через сатирические образы абаасы (демонических существ), где смех является грозным орудием.

В поэтике эпоса олонхо определенное значение придается юмору, посредством которого изображаются люди из народа: юноша-посыльный, старуха-коровница, второстепенные персонажи, работники-домочадцы. Это – оживляющие события и образы, несущие функцию психологической разгрузки слушателей. Степень проявления комического зависит от индивидуального стиля сказителей, для отдельных исполнителей характерны традиционные смешные описания в изображении ситуаций, поступков и внешности персонажей; а другие олонхосуты привлекают слушателей особыми языковыми средствами выражения.

Проведенная работа имеет практическую значимость в плане привлечения новых сведений в разработку проблемы народного смеха в эпосе; перспектива видится в углублении исследований по выявлению лингвистических средств выражения комического в разных типах олонхо, также сравнительно-сопоставительному изучению поэтики эпического наследия народов.

Список источников

1. Александров Н.С. Кер Буурай. Олонхо на якутском языке. Якутск: Бичик, 2000. 192 с.
2. Балина Л.Ф. Феномен смеха в культуре. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. Тюмень, 2005. 31 с.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 643 с.
4. Борев Ю.Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970. 272 с.
5. Зайцева Т.И., Ямаева Н.П. Комическое в удмуртском фольклоре и художественной литературе конца XIX – начала XX века // Вестник угроведения. Т. 1. № 4. 2020. С. 652 – 661.
6. Захаров Т.В. Чээбий. Ала-Булкун. Якутск, 1994. 104 с.
7. Илларионов В.В. Искусство якутских олонхосутов. Якутск, 1982. 128 с.
8. Калашник Н.В. Соотношение юмора, сатиры, комического // Филологические науки. 2010. № 3. С. 204 – 208.
9. Каратаев В.О. Могучий Эр Соготох. Новосибирск: Наука, 1996. 440 с.
10. Мартынов М.З. Уол Дуолан бухатыыр. Якутск: Бичик, 2010. 257 с.

11. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
12. Неклюдов С.Ю. Тезисы об эпосе // Новый филологический вестник, 2022. № 3 (62). С. 67 – 79.
13. Львова С.Д. Гиперболизация в якутском эпосе (на материале якутских олонхо «Могучий Эр Соготох» и «Кыыс Дэбилийэ») // Эпосоведение. 2020. № 4 (20). С. 127 – 136.
14. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976.183 с.
15. Сапалова Д.У. Смех и юмор в якутской народной сказке (воспитательный аспект // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 295 – 297.
16. Строптивый Кулун Куллустуур. Запись В.Н. Васильева со слов сказителя И.Г. Тимофеева-Теплоухова. Якутск: Издат. Дом СВФУ. 608 с.
17. Урманчеева И. С. Компонентный анализ и методика его проведения на занятиях лексикологии в вузе // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 183 – 199.
18. Чэнь Лифан. Языковые средства создания комического эффекта в русской народной волшебной сказке // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2017. № 10. С. 89 – 93.
19. Ядрихинский П.П. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр. Олонхо. Якутск: Сайдам, 2011. 448 с.

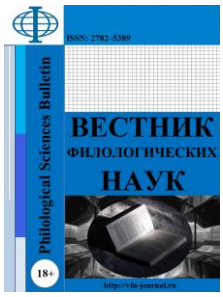
References

1. Aleksandrov N.S. Ker Buurai. Olonkho in the Yakut Language. Yakutsk: Bichik, 2000. 192 p.
2. Balina L.F. The Phenomenon of Laughter in Culture. Abstract of a Candidate of Philosophical Sciences Dissertation. Tyumen, 2005. 31 p.
3. Bakhtin M.M. The Works of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1965. 643 p.
4. Borev Yu.B. The Comic, or How Laughter Punishes the Imperfections of the World, Purifies and Renews Man, and Affirms the Joy of Being. Moscow: Iskusstvo, 1970. 272 p.
5. Zaitseva T.I., Yamaeva N.P. Comic in Udmurt folklore and fiction of the late XIX – early XX centuries. Bulletin of Ugric Studies. T. 1. No. 4. 2020. P. 652 – 661.
6. Zakharov T.V. Chaebiy. Ala-Bulkun. Yakutsk, 1994. 104 p.
7. Illarionov V.V. The art of the Yakut olonkhosuts. Yakutsk, 1982. 128 p.
8. Kalashnik N.V. The relationship between humor, satire, and comic. Philological Sciences. 2010. No. 3. P. 204 – 208.
9. Karataev V.O. Mighty Er Sogotokh. Novosibirsk: Nauka, 1996. 440 p.
10. Martynov M.Z. Wal Duolan Bukhatyyr. Yakutsk: Bichik, 2010. 257 p.
11. Meletinsky E.M. The origin of the heroic epic: Early forms and archaic monuments. 2nd ed., rev. M.: Vost. lit., 2004. 462 p.
12. Neklyudov S.Yu. Theses on the epic. New Philological Bulletin, 2022. No. 3 (62). P. 67 – 79.
13. Lvova S.D. Hyperbolization in the Yakut epic (based on the material of the Yakut olonkho "Mighty Er Sogotokh" and "Kyys Dabilie"). Epic Studies. 2020. No. 4 (20). P. 127 – 136.
14. Propp V.Ya. Problems of Comedy and Laughter. Moscow: Iskusstvo, 1976. 183 p.
15. Sapalova D.U. Laughter and humor in the Yakut folk tale (educational aspect. Theory and practice of social development. 2014. No. 2. P. 295 – 297.
16. Obstinate Kulun Kullustuur. Recorded by V.N. Vasiliev according to the storyteller I.G. Timofeeva-Teploukhova. Yakutsk: Publishing house. NEFU House. 608 p.
17. Urmancheeva I.S. Component analysis and methods of its implementation in lexicology classes at a university. Man. Culture. Education. 2023. No. 4. P. 183 – 199.
18. Chen Lifan. Linguistic means of creating a comic effect in a Russian folk fairy tale. Izvestia of the Voronezh State Pedagogical University. Philological sciences. 2017. No. 10. P. 89 – 93.
19. Yadrikhinsky P.P. Dyrybyna Dyrylyatta kyys bukhatyyr. Olonkho. Yakutsk: Saidam, 2011. 448 p.

Информация об авторах

Гоголева М.Т., кандидат педагогических наук, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, mtgogoleva@mail.ru

© Гоголева М.Т., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81`33

[1] Борисова С.В., [1] Гончарова В.А. ***[1] Краснодарский университет МВД России***

Сопоставительный анализ стилеобразующей роли эмофонов в оперном, театральном и кинематографическом искусстве

Аннотация: *статья посвящена междисциплинарному исследованию стилеобразующей роли эмофонов – звуковых элементов, выполняющих эмоционально-экспрессивную функцию – в оперном, театральном и кинематографическом искусстве. Актуальность работы обусловлена возрастающим значением звукового дизайна в современной художественной культуре и необходимостью системного анализа механизмов эмоционального воздействия на реципиента. Методология исследования включает сравнительный анализ, классификацию эмофонов по типам (вербальные, невербальные, музыкальные, шумовые) и историко-культурный подход.*

В результате проведенного исследования выявлены видовые особенности реализации эмофонов: музыкальная условность и фиксация в оперной партитуре; психологизм и импровизационная природа в драматическом театре; комплексность и технологический контроль в кинематографе. Установлено, что несмотря на принципиальные различия в реализации, все три вида искусства используют универсальные приемы эмоциональной звукопередачи (пауза, динамический контраст, лейтмотивность). Особое внимание уделено тенденции конвергенции аудиальных практик и формированию гибридных форм в современном искусстве.

Определены перспективные направления дальнейших исследований: анализ эмофонов в иммерсивном театре и виртуальной реальности, изучение мюзикла как синтетической формы, а также междисциплинарные работы на стыке искусствоведения и нейронаук. Результаты исследования представляют ценность для специалистов в области теории искусства, звукорежиссуры и медиаисследований.

Ключевые слова: *эмофоны, стилеобразование, опера, театр, кинематограф, сравнительный анализ, звуковой дизайн, лейтмотив*

Для цитирования: Борисова С.В., Гончарова В.А. Сопоставительный анализ стилеобразующей роли эмофонов в оперном, театральном и кинематографическом искусстве // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 191 – 196.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Borisova S.V., [1] Goncharova V.A. ***[1] Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia***

Comparative analysis of the style-forming role of emophones in opera, theatre and cinematographic art

Abstract: *this article presents an interdisciplinary study of the style-forming role of emophones – sound elements serving emotional and expressive functions – in opera, theatre, and cinematography. The relevance of this work is determined by the growing significance of sound design in contemporary artistic culture and the necessity*

for a systematic analysis of the mechanisms of emotional impact on the recipient. The research methodology includes comparative analysis, classification of emophones into types (verbal, non-verbal, musical, noise-based), and a historical-cultural approach.

The study reveals genre-specific features of emophone implementation: musical conventionality and fixation in operatic scores; psychological depth and improvisational nature in dramatic theatre; complexity and technological control in cinematography. It is established that, despite fundamental differences in their realisation, all three art forms utilise universal techniques of emotional sound transmission (pauses, dynamic contrast, leitmotifs). Particular attention is paid to the trend of converging audio practices and the formation of hybrid forms in contemporary art.

Promising directions for further research are identified: the analysis of emophones in immersive theatre and virtual reality, the study of musicals as a synthetic form, and interdisciplinary work at the intersection of art history and neuroscience. The research findings hold value for specialists in art theory, sound engineering, and media studies.

Keywords: *emophones, style formation, opera, theatre, cinematography, comparative analysis, sound design, leitmotif*

For citation: Borisova S.V., Goncharova V.A. Comparative analysis of the style-forming role of emophones in opera, theatre and cinematographic art. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 191 – 196.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Эмофоны (от «эмоция» и «фон») представляют собой комплекс звуковых элементов, основной функцией которых является передача эмоционального состояния, создание атмосферы и выражение художественного подтекста [10]. Данное понятие, находящееся на стыке музыковедения, театроведения и киноискусства, является ключевым для понимания механизмов эмоционального воздействия на реципиента. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью звука в современной культуре, где иммерсивные технологии все чаще определяют художественное восприятие [11].

Несмотря на универсальность эмоциональной функции, природа, способы реализации и, что наиболее важно, стилеобразующая роль эмофонов кардинально различаются в оперном, театральном и кинематографическом искусстве. Эти различия проистекают из фундаментальных особенностей каждого вида: условности и музыкальной доминанты оперы, живой импровизации и психологизма театра, технологичности и монтажной природы кино [12].

Целью данного исследования является проведение сопоставительного анализа стилеобразующей роли эмофонов в трёх указанных видах искусства для выявления их уникальных аудиальных стратегий и общих точек соприкосновения в создании эмоционального звукового ландшафта.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования выступили теоретические работы, посвященные звуковой выразительности в опере, театре и кинематографе, а также конкретные примеры из творческого наследия выдающихся режиссёров и композиторов.

Основу методологической базы составили:

1. Сравнительный анализ, позволивший сопоставить функции и средства реализации эмофонов в разных искусствах по ряду критериев (основной носитель, степень условности, фиксация, использование технологий).

2. Классификационный метод, с помощью которого эмофоны были систематизированы на четыре типа: вербальные, невербальные, музыкальные и шумовые (включая тишину) [5, 8].

3. Историко-культурный подход, учитывающий специфику национальных традиций, в частности, российской школы (система Станиславского, оперная драматургия Чайковского, звуковая эстетика Тарковского) [6, 7, 9].

Результаты и обсуждения

Классификация эмофонов по их акустической природе и художественному происхождению на вербальные, невербальные, музыкальные и шумовые типы позволяет систематизировать их проявления в различных видах искусства и выявить универсальные экспрессивные функции

Для проведения сопоставительного анализа целесообразно ввести единую классификацию эмофонов, которая позволит систематизировать их проявления в различных видах искусства. В рамках данного исследования эмофоны подразделяются на четыре основных типа в зависимости от их акустической природы и художественного происхождения.

Вербальные эмофоны связаны со смысловой стороной речи, но их функция выходит за рамки простой передачи информации. К ним относятся интонационные контуры (вопросительные, утвердительные, повелительные), изменения темпа и ритма речи (ускорение для передачи волнения или замедление для подчеркивания значимости), драматические паузы, а также модуляции громкости (от шепота до крика). Именно эти элементы превращают текст в живое высказывание, насыщенное эмоциональными оттенками.

Невербальные эмофоны представляют собой внеречевые звуки, производимые человеком, которые напрямую сигнализируют о его психофизиологическом состоянии. Это вздохи облегчения или отчаяния, смех различной тональности (радостный, ироничный, горький), плач, рыдания, а также прерывистое дыхание, свидетельствующее о страхе, волнении или физическом напряжении. Данный тип эмофонов является наиболее универсальным и интуитивно понятным, так как его корни лежат в биологической природе человека.

Музыкальные эмофоны составляют основу эмоционального воздействия в опере и кинематографе. Они обладают собственной, высокоструктурированной системой выразительности. Эмоциональный посыл кодируется здесь через мелодику (нисходящие мелодии часто ассоциируются с печалью, а восходящие – с подъемом), гармонические последовательности (консонансы и диссонансы создают ощущение покоя или конфликта), а также через систему лейтмотивов – повторяющихся музыкальных тем, закрепленных за конкретным персонажем, чувством или идеей.

Шумовые эмофоны включают в себя весь спектр звуков окружающего мира, как естественных (шум дождя, вой ветра, треск костра, пение птиц), так и искусственно созданных (скрежет металла, гул механизмов, электронные помехи). Особое место в этой категории занимает тишина, которая, будучи осознанным художественным приемом, не является отсутствием звука, а выступает мощным эмоциональным акцентом, способным вызвать чувство тревоги, ожидания или глубокой сосредоточенности.

Несмотря на видовые различия, все три искусства используют универсальные приемы, такие как пауза для драматического акцента, динамический контраст для усиления напряжения и лейтмотивность как способ семиотического закрепления эмоции или идеи [1, 9, 13].

Специфика эмофонов в оперном искусстве определяется их музыкальной символикой, где эмоциональная выразительность достигается через жестко зафиксированную в партитуре систему средств, включая мелодические ходы, динамические контрасты и тембральные изменения голоса, с особым значением лейтмотивной техники как звукового символа эмоций.

В опере эмофоны обладают высшей степенью условности и жестко зафиксированы в партитуре. Их основным носителем является музыка, а ключевым инструментом – певческий голос. Эмоции кодируются через мелодику (нисходящие хроматические ходы для скорби), динамику (резкие переходы от piano к forte) и тембр (фальцет, вибрато). Важнейшей стилеобразующей функцией является система лейтмотивов (Р. Вагнер), где повторяющаяся музыкальная фраза становится звуковым символом [1, 13]. Российская традиция (П. Чайковский, Н. Римский-Корсаков) обогатила этот язык за счет психологизма и интеграции фольклора [4].

В драматическом театре эмоциональная выразительность реализуется через психологизм и импровизацию, где система Станиславского акцентирует естественность эмоциональных проявлений, эпический театр Брехта использует эмофоны как элемент рационального отстранения, а театр жестокости Арто ориентирован на физиологическое воздействие через деформированные звуковые образы. Театр опирается на живую, вариативную передачу эмоций, где эмофоны тяготеют к достоверности. Различные режиссёрские системы демонстрируют разные подходы: система Станиславского требует естественности интонации и «звукового жеста» [8, 6, 14]; эпический театр Б. Брехта использует эмофоны для «очуждения» и рационального комментария [15]; театр жестокости А. Арто – для прямого физиологического воздействия через деформированные звуки [6]. Современный театр активно интегрирует технологии (микрофоны, электронную обработку), сближаясь с кинематографом [16].

Говоря о кинематографе с точки зрения его иммерсивности, следует отметить, что он создает наиболее комплексную систему эмофонов, используя весь арсенал вербальных, невербальных, музыкальных и шумовых элементов, окончательно зафиксированных в монтаже. Эмофоны здесь выполняют четкую жанроформирующую роль (диссонансы в хорроре), создают атмосферу (винтажный звук, сюрреалистичные паузы) и характеризуют персонажей (акустические лейтмотивы, трансформация голоса) [3, 11]. Технологии

(3D-звук, бинауральные записи) превращают эмофоны в инструмент полного погружения [17]. Российский кинематограф, в лице А. Тарковского, разработал эстетику «выразительной тишины» и симфонизации звука [7].

Сравнительный анализ стилеобразующей роли эмофонов в оперном, театральном и кинематографическом искусстве, систематизированный в таблице 1, наглядно демонстрирует принципиальные различия в их природе, способах фиксации и технологической реализации, определяемые спецификой каждого вида художественного творчества.

Таблица 1

Сравнительный анализ стилеобразующей роли эмофонов в оперном, театральном и кинематографическом искусстве.

Table 1

Comparative analysis of the style-forming role of emophones in opera, theatre, and cinema.

Критерий	**Опера**	**Драматический театр**	**Кинематограф**
Основной носитель	Музыкальная партитура, вокал	Живая речь, сценическое движение	Комплексный звук (речь, музыка, шумы)
Степень условности	Высокая (страдание передаётся красиво)	От натуралистичности (Станиславский) до условности (Брехт)	Может варьироваться, но всегда контролируема
Фиксация	Жёстко зафиксирована в партитуре	Импровизационна, вариативна при каждом исполнении	Окончательно зафиксирована в монтаже
Технологии	Акустическая чистота, усиление	Минимальные или экспериментальные обработки	Широкий спектр эффектов, цифровой саунд-дизайн
Культурная специфика (Россия)	Лиризм, психологизм, связь с фольклором	Глубина психологического подтекста	«Выразительная тишина», «визуально-звуковой синтез»

Проведенный анализ подтверждает, что специфика каждого искусства диктует уникальный подход к использованию эмофонов. Принципиальные различия заключаются в степени свободы (от фиксации в опере до импровизации в театре) и цели воздействия: опера возвышает и символизирует эмоцию, театр предлагает ее прожить и осмыслить, а кино – контролирует погружение зрителя. Вместе с тем, современная художественная практика демонстрирует активное стирание границ: оперные постановки используют мультимедиа, театр – объемный звук, а кино заимствует театральные и оперные техники, что указывает на формирование синтетической парадигмы [12, 16, 17].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, подтверждающих фундаментальную роль эмофонов в структуре художественных произведений. Прежде всего, было установлено, что эмофоны служат важнейшим стилеобразующим элементом в опере, театре и кинематографе. Однако их конкретная реализация напрямую детерминирована видовой спецификой каждого из искусств, что обуславливает принципиальные различия в их природе и функциях.

Так, в оперном искусстве эмофоны отличаются высокой степенью музыкальной условности и жесткой фиксацией в партитуре, что подчиняет эмоциональное выражение строгим законам музыкальной драматургии. В драматическом театре, напротив, доминирует ориентация на психологизм и импровизационность, где эмофоны рождаются в живом актерском исполнении и обладают значительной вариативностью. Кинематограф синтезирует и трансформирует эти подходы, демонстрируя комплексность использования всех типов эмофонов при условии их тотального технологического контроля на этапах записи и монтажа.

Важным результатом исследования стало выявление устойчивой тенденции к конвергенции аудиальных практик. Современные постановки в опере, театре и кино все активнее стирают жанровые границы, что ведет к возникновению гибридных форм. Это, в свою очередь, расширяет палитру эмоциональной звукопередачи за счет активного внедрения цифровых технологий, таких как 3D-звук, бинауральные записи и интерактивные саундтреки.

В контексте обозначенных тенденций перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Во-первых, актуальным является углубленный анализ эмофонов в новых художественных форматах, таких как иммерсивный театр, мюзикл и произведения, созданные для виртуальной реальности, где принципы звукового воздействия претерпевают радикальные изменения. Во-вторых, чрезвычайно продуктивными представляются междисциплинарные исследования на стыке искусствоведения, психологии и

нейронаук, направленные на изучение корреляции между спецификой эмофонов и объективными психофизиологическими реакциями реципиента. Это позволит не только углубить теоретическое понимание механизмов эмоционального воздействия искусства, но и открыть новые возможности для его практического применения.

Список источников

1. Акопян К.З. Анализ музыкальных произведений. М.: Музыка, 2018. 456 с.
2. Бачелис Т.И. Шекспир и Крэг. СПб.: Академический проект, 2015. 320 с.
3. Волкова П.Д. Звук в киноискусстве. М.: Искусство, 2020. 278 с.
4. Долинская Е.Б. Оперный театр в XX веке. СПб.: Композитор, 2017. 368 с.
5. Карабанова В.И. Психология сценической речи. М.: ГИТИС, 2016. 245 с.
6. Мейерхольд В.Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы: в 2 ч. М.: Искусство, 2018. Ч. 1. 634 с.
7. Тарковский А.А. Запечатлённое время // Искусство кино. 2020. № 5. С. 95 – 112.
8. Чехов М.А. О технике актёра. М.: АСТ, 2016. 320 с.
9. Шнитке А.Г. Статьи о музыке. М.: Композитор, 2017. 408 с.
10. Горюхина Н.В. Эмофоны как лингвокультурный феномен // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 6. С. 1850 – 1854. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2021_6_40.pdf (дата обращения: 11.11.2025).
11. Петров В.О. Современный звуковой дизайн в кинематографе: от саундтрека к саундскейпу // Культура и искусство. 2022. № 3. С. 45 – 57. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennyy-zvukovoy-dizayn-v-kinematografe-ot-saundtreka-ka-saundskeypu (дата обращения: 11.11.2025).
12. Соколова А.А. Конвергенция искусств в цифровую эпоху: аудиовизуальные стратегии // Художественная культура. 2023. № 1. С. 12 – 29. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/konvergentsiya-iskusstv-v-tsifrovuyu-epohu-audiovizualnye-strategii (дата обращения: 11.11.2025).
13. Smith J.K. The Leitmotif in Wagner's Ring Cycle: Structure and Function // Music Analysis Quarterly. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 112 – 130. URL: https://www.researchgate.net/publication/345678901 (дата обращения: 11.11.2025).
14. Иванова А.С. Звуковой жест в системе К.С. Станиславского и М.А. Чехова // Вестник сценических искусств. 2019. № 4. С. 78 – 85. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/zvukovoy-zhest-v-sisteme-k-s-stanislavskogo-i-m-a-chehova (дата обращения: 11.11.2025).
15. Варламова Е.Д. Звук в эпическом театре Бертольта Брехта: функция отчуждения // Проблемы музыкальной науки. 2021. № 2. С. 99 – 105. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/zvuk-v-epicheskom-teatre-bertolta-brehta-funktsiya-otchuzhdeniya (дата обращения: 11.11.2025).
16. Johnson M. The Technologized Actor: Sound and the Modern Stage // Theatre Journal. 2022. Vol. 74. No. 1. P. 45 – 62. URL: https://muse.jhu.edu/article/850321 (дата обращения: 11.11.2025).
17. Миронов Д.А. Иммерсивный звук в современном кинематографе: технологии и эстетика // Медиафилософия. 2024. № 1. С. 88 – 102. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/immersivnyy-zvuk-v-sovremennom-kinematografe-tehnologii-i-estetika (дата обращения: 11.11.2025).

References

1. Akopyan K.Z. Analysis of Musical Works. Moscow: Muzyka, 2018. 456 p.
2. Bachelis T.I. Shakespeare and Craig. St. Petersburg: Academichesky Proekt, 2015. 320 p.
3. Volkova P.D. Sound in Cinematography. Moscow: Iskusstvo, 2020. 278 p.
4. Dolinskaya E.B. Opera Theater in the 20th Century. St. Petersburg: Kompozitor, 2017. 368 p.
5. Karabanova V.I. Psychology of Stage Speech. Moscow: GITIS, 2016. 245 p.
6. Meyerhold V.E. Articles. Letters. Speeches. Conversations: in 2 parts. Moscow: Art, 2018. Part 1. 634 p.
7. Tarkovsky A.A. Captured Time. Art of Cinema. 2020. No. 5. P. 95 – 112.
8. Chekhov M.A. On the Acting Technique. Moscow: AST, 2016. 320 p.
9. Schnittke A.G. Articles on Music. Moscow: Kompozitor, 2017. 408 p.
10. Goryukhina N.V. Emophones as a Linguocultural Phenomenon. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2021. Vol. 14. No. 6. P. 1850 – 1854. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2021_6_40.pdf (accessed: 11.11.2025).
11. Petrov V.O. Contemporary Sound Design in Cinema: From Soundtrack to Soundscape. Culture and Art. 2022. No. 3. P. 45 – 57. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennyy-zvukovoy-dizayn-v-kinematografe-ot-saundtreka-ka-saundskeypu (accessed: 11.11.2025).

12. Sokolova A.A. Convergence of the Arts in the Digital Age: Audiovisual Strategies. Art Culture. 2023. No. 1. P. 12 – 29. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/konvergentsiya-iskusstv-v-tsifrovuyu-epohu-audiovizualnye-strategii (accessed: 11.11.2025).

13. Smith J.K. The Leitmotif in Wagner's Ring Cycle: Structure and Function. Music Analysis Quarterly. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 112 – 130. URL: https://www.researchgate.net/publication/345678901 (accessed: 11.11.2025).

14. Ivanova A.S. Sound Gesture in the System of K.S. Stanislavsky and M.A. Chekhov. Bulletin of Stage Arts. 2019. No. 4. P. 78 – 85. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/zvukovoy-zhest-v-sisteme-k-s-stanislavskogo-i-m-a-chehova (accessed: 11.11.2025).

15. Varlamova E.D. Sound in the Epic Theater of Bertolt Brecht: the Function of Alienation. Problems of Musical Science. 2021. No. 2. P. 99 – 105. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/zvuk-v-epicheskom-teatre-bertolta-brehta-funktsiya-otchuzhdeniya (accessed: 11.11.2025).

16. Johnson M. The Technologized Actor: Sound and the Modern Stage. Theatre Journal. 2022. Vol. 74. No. 1. P. 45 – 62. URL: https://muse.jhu.edu/article/850321 (accessed: 11.11.2025).

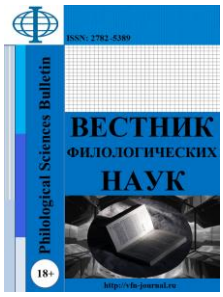
17. Mironov D.A. Immersive Sound in Contemporary Cinema: Technologies and Aesthetics. Media Philosophy. 2024. No. 1. P. 88 – 102. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/immersivnyy-zvuk-v-sovremennom-kinematografe-tehnologii-i-estetika (accessed: 11.11.2025).

Информация об авторах

Борисова С.В., кандидат филологических наук, Краснодарский университет МВД России

Гончарова В.А., кандидат филологических наук, Краснодарский университет МВД России

© Борисова С.В., Гончарова В.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'373:165.2

[1] Мокрицкая Е.А. ***[1] Оренбургский государственный университет***

Лингвокогнитивное моделирование концепта «morality» в дискурсе англоязычного медиапространства

Аннотация: *в статье представлены результаты комплексного лингвокогнитивного анализа трансформации концепта «MORALITY» в дискурсе современного англоязычного медиапространства. Актуальность работы обусловлена, во-первых, переходом морального дискурса в цифровую среду, где медиа не просто отражают, но и активно конструируют этические нормы, во-вторых, модификацией способов вербализации моральных суждений под влиянием цифровых платформ, которые становятся основным полем для формирования и согласования ценностных ориентиров. Ключевым результатом стало выявление структурной трансформации этических концептов. Установлено смещение ядра от абстрактных бинарных оппозиций к социально-ориентированным категориям. На периферии сформировались новые компоненты: амбивалентность (в сложных телевизионных нарративах) и перформативность (в практиках виртуал-сигналинга). Выявлены значимые изменения в коллокационном профиле, систематизированы языковые средства и рассмотрено появление новых контекстов для ряда этических понятий, проанализированы лингвокогнитивные структуры этических концептов. Выводы исследования свидетельствуют о фундаментальном сдвиге в моральном дискурсе - от нормативной этики к социально-перформативной модели, где моральные суждения становятся инструментом конструирования идентичности и осуществления власти. Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов для разработки методик критического анализа медиадискурса и прогнозирования тенденций в общественной морали.*

Ключевые слова: *концепт «MORALITY», лингвокогнитивное моделирование, медиадискурс, критический дискурс-анализ, виртуал-сигналинг, корпусная лингвистика, английский язык*

Для цитирования: Мокрицкая Е.А. Лингвокогнитивное моделирование концепта «morality» в дискурсе англоязычного медиапространства // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 197 – 201.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Mokritskaya E.A. ***[1] Orenburg State University***

Linguocognitive modeling of the "morality" concept in English-language media discourse

Abstract: *the article presents the results of a comprehensive linguocognitive analysis of the transformation of the "MORALITY" concept in the discourse of the modern English-language media space. The relevance of the study is determined by two main factors: firstly, the transition of moral discourse to the digital environment, where media not only reflect but also actively construct ethical norms and secondly, the modification of ways of verbalizing moral judgments under the influence of digital platforms, which have become the primary field for the formation and negotiation of value systems. A key result was the identification of a structural transformation of ethical concepts. A shift in the core of these concepts has been established from abstract binary oppositions to socially-oriented categories. New*

components have formed at the periphery: ambivalence (in complex television narratives) and performativity (in practices of virtual signaling). Significant changes in the collocational profile were identified, linguistic means were systematized, the emergence of new contexts for a range of ethical concepts was examined, and the linguocognitive structures of ethical concepts were analyzed. The conclusions of the study indicate a fundamental shift in moral discourse from normative ethics to a socio-performative model, where moral judgments become a tool for constructing identity and exercising power. The practical significance of the work lies in the potential application of its results for developing methodologies for the critical analysis of media discourse and for forecasting trends in public morality.

Keywords: *"MORALITY" concept, linguocognitive modeling, media discourse, critical discourse analysis, virtual signaling, corpus linguistics, English language*

For citation: Mokritskaya E.A. Linguocognitive modeling of the "morality" concept in English-language media discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 197 – 201.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами, а именно возрастающим интересом современной лингвистики к изучению этических концептов в их динамическом языковом воплощении, эволюцией медиапространства, которое стало доминирующим полем для морального дискурса, необходимостью системного описания всего спектра языковых средств, которые моделируют сложные и многогранные ценностные понятия в новой цифровой среде. Классические лексикографические и семантические описания таких концептов, как «MORALITY», «JUSTICE», «CONSCIENCE», часто не успевают за стремительной трансформацией их содержания и способов репрезентации в дискурсе социальных сетей, цифровых СМИ и интернет-коммуникации. Данная статья ставит целью проанализировать, каким образом лингвокогнитивные структуры данных концептов объективируются в ключевых дискурсивных практиках современных англоязычных медиа. Мы поставили такие задачи как, выявить и систематизировать языковые средства (лексические, фразеологические, нарративные), репрезентирующие концепт «MORALITY» в жанрах медиадискурса (телевидение, социальные сети, публицистика), описать дискурсивные модели и жанры, в которых происходит конструирование моральных норм, проследить эволюцию репрезентации концепта «MORALITY» – от бинарных оппозиций к доминирующим в современном дискурсе моделям амбивалентности и перформативности, смоделировать актуальную лингвокогнитивную структуру концепта «MORALITY», определив его новое ядро и периферийные компоненты в условиях цифровой среды, обобщить социокультурные последствия выявленной трансформации морального дискурса для англоязычного медиапространства.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели и решения задач в данном исследовании был использован комплекс взаимодополняющих методов, основанных на различных типах лингвистических данных, таких как концептуальный анализ, включающий выявление ядерных и периферийных средств, репрезентация концепта (лексемы *justice, accountability, virtue, harm, power*), критический дискурс-анализ [6, 7], а именно исследование идеологической и социальной нагрузки языковых конструкций, связанных с моральной оценкой в контексте властных отношений [8]. В статье анализируется, как язык медиа легитимирует или маргинализирует определенные моральные позиции.

Теоретической основой исследования служит синтез когнитивной лингвистики [1, 2], корпусной лингвистики [9] и теории дискурса. Мы опираемся на определение концепта, как «кванта знания, структурированного в виде фрейма» [3], который вербализуется через совокупность лексических, фразеологических и нарративных средств. Концепт «MORALITY» рассматривается как сложный фрейм, включающий слоты: *агент, действие, оценка, норма, санкция*.

Результаты и обсуждения

Современное медиапространство, являясь единой, сложной и динамичной средой, в которой мы все живем**,** переопределяет традиционные механизмы формирования и трансляции моральных норм. Если ранее доминирующими институтами в этом процессе выступали религия, философия и литература, то сегодня эту роль взяли на себя цифровые платформы и производимый ими контент. Для филологии это создает уникальный исследовательский полигон: язык медиа становится primary modeling system (первичной моделирующей системой) [4], которая не просто отражает, но и активно конструирует моральные категории. Кон-

цепт «MORALITY», являясь одним из фундаментальных концептов культуры, в англоязычном медиапространстве подвергается интенсивной реконфигурации. Его вербализация перемещается из сферы абстрактных философских трактатов в область нарративных сериалов, вирусных твитов и мемов, где моральные дилеммы становятся элементом повседневного пользовательского опыта.

Важное значение приобретает вербальная демонстрация собственной моральной добродетельности, часто с минимальными практическими действиями – это виртуал-сигналинг. Его лингвокогнитивная структура включает использование «триггерных» фреймов: *"As an ally, I..."*, *"It's important to acknowledge..."* Активное употребление клишированных хештегов: *#BlackLivesMatter*, *#MeToo* в отрыве от глубокого контекста. Конструкции, выражающие коллективную вину и ответственность: *"We must do better"*.

Исследование, опубликованное в *Journal of Personality and Social Psychology*, указывает, что подобные высказывания часто мотивированы не альтруизмом, а стремлением к повышению социального статуса в рамках своей группы (progressive moral grandstanding) [9]. Таким образом, язык здесь становится инструментом конструирования моральной идентичности в цифровой среде.

Еще два значимых дискурсивных поля, связанных с концептом «MORALITY», – это медиаиндуцированные моральные паники и дискурс «этичного» потребления медиапродукции. Моральные паники (moral panics), инициированные медиа (например, вокруг фигур вроде Дж. К. Роулинг или скандалов с участием знаменитостей), характеризуются специфической лексикой:

1) лексемы, обозначающие угрозу: *"dangerous"*, *"toxic"*, *"problematic"*.

2) метафоры болезни и заражения: *"spread of harmful ideas"*, *"cultural virus"*.

3) генерализация и создание образа «врага»: *"this kind of people"*, *"the woke mob"* (со стороны критиков) или *"the bigots"* (со стороны обвинителей).

Критический дискурс-анализ позволяет выявить, как через такие языковые средства медиа конструируют «народных демонов» (folk devils) и мобилизуют общественное мнение вокруг упрощенной моральной дихотомии.

Параллельно развивается дискурс сознательного потребления медиа (ethical consumption). Аудитория начинает оценивать контент не только по эстетическим, но и по моральным критериям. Это порождает новые лингвистические практики, такие как:

1) вопросы, вербализующие моральный выбор, например, *"Can we separate the art from the artist?"*

2) использование «контент-ворнингов» (content-warnings), иными словами, контента-предупреждения, например, *"TW: sexual assault"*, является лингвистическим актом этической заботы о реципиенте.

3) применение лексики, связанной с производством: *"fair representation"*, *"diverse writers' room"*, *"ethical production"*.

Аналитический ресурс *The Mary Sue* при оценивании медиапродуктов руководствуется в первую очередь такими критериями, как качество репрезентации различных групп и этичность процесса создания контента [10].

Для верификации качественных наблюдений был проведен корпусный анализ с использованием *Corpus of Contemporary American English (COCA)* и подкорпуса медиатекстов [5]. Анализ показал значительный рост частотности и смену коллокационного профиля ключевых лексем за последнее десятилетие и демонстрирует смысловой сдвиг в моральном дискурсе. В начале 2000-х гг. слово *«a*ccountability*»* в основном сочеталось с прилагательными *political*, *financial* и *public*, что указывает на его связь с институциональными и формальными сферами. Однако позднее его основными спутниками стали *social* и *personal*, а также конструкции *demand* и *hold…accountable*, что свидетельствует о смещении фокуса на личную и коллективную ответственность внутри общества.

Аналогичная трансформация произошла с концептом «Justice» (справедливость). Если ранее он был прочно связан с *criminal*, *social* и *system*, то теперь он все чаще употребляется в контексте *racial* (расовой), *climate* (климатической) и *restorative* (восстановительной) справедливости, что отражает расширение его смысловых границ и актуализацию новых социальных тем.

Наиболее показательная метаморфоза произошла с лексемой «Virtue» (добродетель). В начале века ее определяли такие коллокаты, как *moral*, *Christian* и *patience*, подчеркивая ее связь с традиционной религиозной и этической системой. В современном дискурсе ее вытеснила прочная связь со словом *signalling* (сигналинг), а также появление новых контекстов – *civic* (гражданская) и *epistemic* (эпистемическая) добродетель, что указывает на ее переход в плоскость публичной демонстрации и интеллектуальной этики.

Отметим, что слово «problematic» (проблематичный) сместилось от описания конкретных *behavior* (поведения) или *issue* (вопроса) к характеристике *views* (взглядов), *past* (прошлого) и целых *figure* (фигур), ча-

сто усиливаясь наречием *inherently* (изначально). Это показывает, что оно стало универсальным ярлыком для комплексной моральной оценки человека или идеи, а не отдельного поступка.

Представленные данные наглядно демонстрируют сдвиги в сторону социализации и персонализации морали (*Accountability* все чаще связывается не с институтами, а с индивидами и социальными группами). Расширяется сфера применения понятий (*Justice* прочно ассоциируется с расовыми и экологическими вопросами), появляются новые концепты (лексема *cancel* приобрела устойчивую связь с *culture*, образовав новый лингвокультурный концепт, а слово *problematic* стало универсальным ярлыком для обозначения морально сомнительных явлений).

Эти данные подтверждают вывод о том, что моральный дискурс в медиа сместился в сторону оценки социальных идентичностей, личной ответственности и публичных перформативных действий. Концепт «MORALITY» все более тесно связывается с концептами «IDENTITY» (идентичность) и «RESPONSIBILITY» (ответственность).

Проведенный анализ позволяет смоделировать трансформированную структуру концепта «MORALITY» в современном англоязычном медиапространстве. Ядро концепта сместилось от абстрактных категорий *Good/Evil* к более социально ориентированным концептам:

ACCOUNTABILITY (подотчетность): акцент на последствиях действий и слов.

JUSTICE (справедливость): понимается, как исправление системных дисбалансов (расовых, гендерных).

HARM (вред): материальный или психологический ущерб, который становится ключевым критерием оценки.

Периферию составляют:

AMBIVALENCE (амбивалентность): признание неразрешимости многих моральных дилемм (репрезентируется в нарративах).

PERFORMANCE (перформативность): демонстрация моральной позиции как акта идентичности (репрезентируется в соцсетях).

POWER (власть): понимание моральных суждений как инструмента власти и маргинализации.

Выводы

Согласно проведенному исследованию, мы установили, что концепт «MORALITY» в дискурсе современного англоязычного медиапространства подвергся глубокой лингвокогнитивной трансформации. Моральный дискурс в медиа сместился в сторону оценки социальных идентичностей, личной ответственности и публичных перформативных действий. Вербализация моральных категорий переместилась в сферу цифрового диалога и норм, где нарративы «престижного» телевидения культивируют сложность и амбивалентность, а социальные медиа – сложившиеся формы публичного осуждения и демонстрации добродетели. Языковые средства репрезентации концепта эволюционировали от бинарных оппозиций к сложному коллокационному профилю, в котором доминируют лексемы *accountability, justice, harm, cancel, problematic*. Это свидетельствует о сдвиге в сторону социально-ориентированной и перформативной этики. Данные процессы имеют значительные социокультурные последствия. С одной стороны, они демократизируют моральную дискуссию, давая голос маргинализированным группам, с другой – ведут к фрагментации общего морального языка, поляризации и росту социальной напряженности. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть связаны со сравнительным анализом репрезентации «MORALITY» в медиапространствах разных лингвокультур, а также с более детальным корпусным и компьютерно-лингвистическим анализом динамики данного концепта.

Список источников

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
2. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2003. Вып. 3. С. 5 – 24.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера: Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004. 703с.
5. Corpus of Contemporary American English (COCA). 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (дата обращения: 15.05.2023).
6. Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 267 p.

7. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. 2nd ed. London: Routledge, 2020. 608 p.
8. Grubbs J.B. Moral grandstanding in public discourse: Status-seeking motives as a potential explanatory mechanism in predicting conflict. Journal of Personality and Social Psychology. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://psycnet.apa.org/record/2020-46331-001 (дата обращения: 20.10.2023).
9. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 188 p.
10. The Mary Sue. Criticism and Analysis Category. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.themarysue.com/category/marvel/ (дата обращения: 20.10.2023).

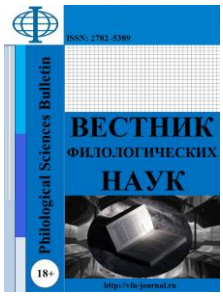
References

1. Vezhbitskaya A. Semantic Universals and Description of Languages. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 780 p.
2. Vorkachev S.G. Methodological Foundations of Lingvoconceptology. Theoretical and Applied Linguistics. 2003. Issue 3. pp. 5–24.
3. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 555 p.
4. Lotman Yu.M. Semiosphere: Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2004. 703 p.
5. Corpus of Contemporary American English (COCA). 2023. [Electronic resource]. URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (accessed: 15.05.2023).
6. Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 267 p.
7. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. 2nd ed. London: Routledge, 2020. 608 p.
8. Grubbs J.B. Moral grandstanding in public discourse: Status-seeking motives as a potential explanatory mechanism in predicting conflict. Journal of Personality and Social Psychology. 2023. [Electronic resource]. URL: https://psycnet.apa.org/record/2020-46331-001 (accessed: 20.10.2023).
9. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 188 p.
10. The Mary Sue. Criticism and Analysis Category. 2023. [Electronic resource]. URL: https://www.themarysue.com/category/marvel/ (accessed: 20.10.2023).

Информация об авторах

Мокрицкая Е.А., старший преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

© Мокрицкая Е.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 821.16

[1] Ян Сяо ***[1] Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай***

Исследование перевода ключевых концептуальных слов «Лунь юй» в русских переводах

Аннотация: *«Лунь юй» как классический текст конфуцианства оказал глубокое влияние на философию и культуру Китая и всего мира. Содержащиеся в нём концепты, несмотря на внешнюю простоту, концентрируют богатое культурное содержание и имеют важное значение как для перевода «Лунь юя», так и для осмысления конфуцианской философии. Несмотря на значительное количество русских переводов Лунь юя, исследования, посвящённые их анализу, немногочисленны. В данной работе в качестве материала использованы русские переводы В.П. Васильева, П.С. Попова, И.И. Семененко, Л.С. Переломова и А.Е. Лукьянова. На основе «Лунь юя» с переводом и примечаниями (Лунь юй цзичжу) и словарных толкований в русской лексикографии с применением метода компонентного анализа подбираются более точные соответствия для передачи исходных значений концептов. Также анализируются особенности выбора слов в указанных переводах и причины формирования таких особенностей.*

Ключевые слова: *«Лунь юй», русский перевод, концептуальные слова, конфуцианство, компонентный анализ, переводческие стратегии, лингвокультурология, сравнительный анализ*

Для цитирования: Ян Сяо. Исследование перевода ключевых концептуальных слов «Лунь юй» в русских переводах // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 202 – 205.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Yang Xiao ***[1] Tianjin Foreign Studies University, China***

A study of the translation of key conceptual words of the Analects in Russian translations

Abstract: *as a classic Confucian text, the Analects has had a profound influence on the philosophy and culture of China and the entire world. Despite their apparent simplicity, the concepts contained therein are rich in cultural content and are of great importance both for the translation of the Analects and for understanding Confucian philosophy. Despite the significant number of Russian translations of the Analects, there are few studies devoted to their analysis. This work uses Russian translations by V.P. Vasilyev, P.S. Popov, I.I. Semenko, L.S. Perelomov, and A.E. Lukyanov as source material. Based on the Analects with translation and notes (Lun Yu Jizhu) and dictionary interpretations in Russian lexicography, using the method of component analysis, more accurate equivalents are selected to convey the original meanings of the concepts. The peculiarities of word choice in these translations and the reasons for the formation of such peculiarities are also analysed.*

Keywords: *Lun Yu; Russian translation; conceptual words; Confucianism; component analysis; translation strategies; linguoculturology; comparative analysis*

For citation: Yang Xiao. A study of the translation of key conceptual words of the Analects in Russian translations. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 202 – 205.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

«Лунь юй» на протяжении многих веков считался истоком духовности китайской нации [1, с. 88]. Концептуальные слова, представленные в этом памятнике, в концентрированном виде отражают его философские идеи. Поскольку концепты обычно не имеют единого определения, а их философский смысл зачастую постигается через практики размышления и самосовершенствования [2, с. 149], их перевод, особенно перевод ключевых категорий, сопряжён с существенными трудностями.

В настоящее время исследования, посвящённые русским переводам Лунь юя в Китае, главным образом сосредоточены на анализе истории переводов и изучении переводческих стратегий [8, 12], тогда как работ, рассматривающих перевод концептуальных слов, сравнительно мало. Небольшое число публикаций посвящено в основном понятиям «жэнь» (仁) и «ли» (礼) [10], при этом другие важные концепты остаются вне поля зрения исследователей. Кроме того, сравнительный анализ перевода чаще всего проводится на ограниченном материале и не охватывает широкий спектр переводов разных периодов. В российской научной среде, за исключением исследований самих переводчиков [5, 6, 7], внимание к данной проблематике также невелико, а круг изучаемых вопросов относительно узок.

Цель данного исследования – провести сравнительный анализ переводов ключевых концептуальных слов «Лунь Юя» на русский язык, выявить закономерности и факторы, влияющие на выбор переводческих решений.

Материалы и методы исследований

В качестве материала для исследования использованы русские переводы «Лунь Юя», выполненные В.П. Васильевым (1868), П.С. Поповым (1910), И.И. Семененко (1987), Л.С. Переломовым (1998) и А.Е. Лукьяновым (1994). Выбор данных переводов обусловлен их репрезентативностью для различных исторических периодов (дореволюционный, советский, современный российский) и различающимися переводческими подходами [8, 12].

Основным методом исследования является компонентный анализ, позволяющий выявить семантические компоненты (семы) как в исходных китайских концептах, так и в их русских соответствиях. Это позволяет объективировать сравнение и выявить степень смыслового соответствия. Также применяется сравнительно-сопоставительный метод для анализа переводческих решений в разных переводах. Источниками для семантического анализа послужили авторитетные толковые словари русского языка, а также комментарии к оригинальному тексту «Лунь Юя» (например, «Лунь юй цзичжу» Ян Боцзюня [3]).

Результаты и обсуждения

Анализ перевода концепта «君子» (цзюньцзы)

Концепт «君子», центральный для конфуцианской этики, претерпел семантическую эволюцию от обозначения социального статуса («господин», «аристократ») к этическому идеалу («благородный муж»). Компонентный анализ позволяет выявить ключевые семы, составляющие данный концепт: [+высокие нравственные качества], [+образованность], [+мудрость], [+социальная ответственность], [+служение обществу] [3, 10].

Во всех пяти рассмотренных переводах доминирующим соответствием для «君子» является выражение «благородный муж». Семантика русского слова «благородный» включает семы [+высокие нравственные качества] и, исторически, [+высокое происхождение], что частично отражает дуальность исходного китайского понятия. Однако сема [+образованность/мудрость] выражена слабее.

П.С. Попов в ряде случаев использует вариант «совершенный муж». Компонентный анализ слова «совершенный» выявляет семы [+высшая степень], [+идеал], [+отсутствие недостатков]. Хотя это передаёт идеализированный характер «цзюньцзы», данное соответствие может имплицировать семантику превосходства над другими, что не вполне соответствует конфуцианскому идеалу скромности [3]. Кроме того, «совершенный муж» может ассоциироваться с западноевропейскими философскими концепциями (например, аристотелевским «spoudaios»), что создаёт риск концептуальной интерференции.

Таким образом, «благородный муж» является более удачным и устоявшимся соответствием, хотя и не передаёт весь спектр смыслов оригинального концепта, в частности, его интеллектуальную составляющую [6].

Анализ перевода концепта «道» (дао)

Концепт «道» в «Лунь Юе» обладает многогранной семантикой, включая значения «путь», «принцип», «метод», «истина», «нравственный закон». Его ключевые семы: [+путь/направление], [+принцип], [+истина], [+нравственность], [+норма] [3, 11].

Анализ переводов выявил несколько основных стратегий:

Семантический перевод: П.С. Попов часто использует «правило», «порядок», «закон». Однако «правило» акцентирует объективную закономерность и регламентацию, сужая морально-философский смысл «дао». «Закон» несёт сильную юридическую коннотацию, чуждую конфуцианскому мировоззрению [11].

Семантический перевод с использованием базовой метафоры: В.П. Васильев и И.И. Семененко преимущественно используют «путь». Это слово сохраняет исходную метафорику иероглифа «道» («дорога») и обладает широким семантическим потенциалом, включая переносные значения «направление деятельности», «образ жизни». Как отмечает В.В. Колесов, «путь» в русской традиции также несёт глубокие нравственные коннотации [4, с. 1203], что сближает его с конфуцианским «дао».

Транслитерация и гибридные формы: Л.С. Переломов использует «Дао-Путь», сочетая транслитерацию с семантическим пояснением [6]. А.Е. Лукьянов последовательно применяет транслитерацию «Дао», аргументируя это необходимостью сохранения целостности и философской глубины концепта [5, с. 114].

Наиболее адекватными стратегиями представляются использование «путь» в силу его семантической и культурной ёмкости, либо транслитерация «Дао» с пояснениями для передачи уникальности концепта [5, 6, 11].

Анализ перевода концепта «德» (дэ)

Концепт «德» обозначает совокупность моральных качеств и добродетелей. Его семы: [+нравственное качество], [+доброта], [+внутренняя сила], [+совершенство], [+поведение] [3; 10].

Во всех переводах, кроме перевода А.Е. Лукьянова, для передачи «德» используется слово «добродетель». Компонентный анализ показывает высокую степень семантического пересечения: «добродетель» включает семы [+нравственное качество], [+следование добру], [+сознательность]. Это делает его достаточно точным эквивалентом.

Однако важным ограничением являются религиозные коннотации слова «добродетель» в русском языке, где его антонимом часто выступает «грех». Это имплицирует теологический контекст, отсутствующий в секулярной этике Конфуция [10]. А.Е. Лукьянов, используя транслитерацию «Дэ», стремится избежать этой коннотации и подчеркнуть специфику и контекстуальную вариативность концепта [5, с. 114].

Таким образом, несмотря на семантическую близость, использование «добродетель» может приводить к нежелательной рецепции в религиозном ключе. Транслитерация «Дэ» представляется более нейтральным и точным решением в академическом контексте [5, 10].

Факторы, влияющие на выбор переводческих решений

Выбор соответствий для концептуальных слов детерминирован рядом факторов:

Цель и аудитория перевода: Учебные переводы (Попов, Васильев) тяготеют к семантическим соответствиям («правило», «порядок») для облегчения понимания. Академические и философские переводы (Лукьянов, Переломов) чаще используют транслитерацию, стремясь к концептуальной точности [5, 6, 8].

Историко-культурный контекст: Советские переводчики (Семененко) могли избегать религиозно окрашенной лексики, хотя в случае «добродетель» это не прослеживается. В современный период усиливается тенденция к форенизации, что связано с углублением научного знания о Китае [8, 12].

Индивидуальная переводческая концепция: И.И. Семененко, рассматривавший «Лунь Юй» как поэтический текст, использовал архаичную и поэтичную лексику («стезя») [7]. Л.С. Переломов и А.Е. Лукьянов подчёркивали философскую составляющую, что обусловило выбор более строгих терминологических решений или транслитерации [5, 6].

Выводы

Проведённое исследование показало, что перевод ключевых концептуальных слов «Лунь Юя» на русский язык прошёл эволюцию от ориентации на доступность и контекстуальную адаптацию к стремлению к терминологической точности и философской адекватности [8, 12]. Компонентный анализ выявил как семантические пересечения, так и существенные расхождения между исходными концептами и их русскими соответствиями.

Наиболее адекватными стратегиями перевода подобных культурно-насыщенных концептов представляются:

Использование семантических эквивалентов с широким значением и культурными коннотациями, совместимыми с исходным концептом (например, «путь» для «дао») [4, 11].

Применение транслитерации («Дао», «Дэ») для сохранения уникальности и

многозначности концепта, особенно в академических переводах, с обязательным сопровождением комментариями [5, 6].

Отказ от слов с сильными чуждыми коннотациями (например, «закон» для «дао» или неосторожное использование «добродетель» для «дэ» без учёта религиозного подтекста) [5, 10, 11].

Выбор конкретной стратегии зависит от целевой аудитории, цели перевода и индивидуальной концепции переводчика, что подчёркивает важность рефлексивного подхода к переводу философской классики [8, 9].

Список источников

1. Хуан Говэнь. Структура глав «Лунь юя» и несколько проблем английского перевода // Китайские иностранные языки. 2011. № 6. С. 88 – 95.

2. Чжан Цзыкан. Статья о не опубликованных трудах Цянь Му «Философия Конфуция» // Вопросы преподавания истории. 2021. № 5. С. 148 – 151.

3. Ян Боцзюнь. Перевод и комментарии к «Лунь юю». Пекин: Издательство «Чжунхуа шуцзюй», 1980. 363 с.

4. Колесов В.В. Путь-Дорога // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, кн. 5. С. 1200 – 1213.

5. Лукьянов А.Е. Начало древнекитайской философии (И цзин, Дао дэ цзин, Лунь юй). М.: Радикс, 1994. 384 с.

6. Переломов Л.С. Конфуций: Лунь Юй. М.: Издательство Московского университета, 1998. 588 с.

7. Семененко И.И. Конфуций: я верю в древность. М.: Республика, 1995. 383 с.

8. Тун Ин. Процесс русскоязычных переводов «Лунь юя» и тенденции смены изданий // Мир перевода. 2023. № 1. С. 61 – 75.

9. Тун Ин. Исследование модели перевода в социальной семиотике. Тяньцзинь: Издательство Нанькайского университета, 2015. 215 с.

10. Чэнь Лай. Этическая система добродетелей в «Лунь юе» // Журнал Университета Цинхуа (Философия и общественные науки). 2011. № 1. С. 127–145.

11. Чжан Шухуэй. Новый взгляд на семантику «дао» в «Лунь юе» // Академический обмен. 2009. № 7. С. 9 – 12.

12. Лю Лифэнь. Переводы «Лунь юя» в России // Китайские иностранные языки. 2014. № 5. С. 96 – 103.

References

1. Huang Guowen. The Chapter Structure of the Analects and Several Problems of English Translation. Chinese Foreign Languages. 2011. No. 6. P. 88 – 95.

2. Zhang Zikang. An Article on Qian Mu's Unpublished Works "The Philosophy of Confucius". Issues in Teaching History. 2021. No. 5. P. 148 – 151.

3. Yang Bojun. Translation and Commentary on the Analects. Beijing: Zhonghua Shuju Publishing House, 1980. 363 p.

4. Kolesov V.V. The Path-Road. Scientific Notes of Kazan University. Humanitarian Sciences Series. 2017. Vol. 159, book 5. P. 1200 – 1213.

5. Lukyanov A.E. The Beginning of Ancient Chinese Philosophy (I Ching, Tao Te Ching, Analects). Moscow: Radiks, 1994. 384 p.

6. Perelomov L.S. Confucius: Analects. Moscow: Moscow University Press, 1998. 588 p.

7. Semenenko I.I. Confucius: I Believe in Antiquity. Moscow: Respublika, 1995. 383 p.

8. Tong Ying. The Process of Russian-Language Translations of Analects and Trends in Edition Changes. The World of Translation. 2023. No. 1. P. 61 – 75.

9. Tong Ying. A Study of Translation Models in Social Semiotics. Tianjin: Nankai University Press, 2015. 215 p.

10. Chen Lai. The Ethical System of Virtues in the Analects. Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences). 2011. No. 1. pp. 127–145.

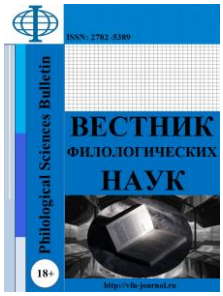
11. Zhang Shuhui. A New Look at the Semantics of "Dao" in the Analects. Academic Exchange. 2009. No. 7. P. 9 – 12.

12. Liu Lifen. Translations of the Analects in Russia. Chinese Foreign Languages. 2014. No. 5. P. 96 – 103.

Информация об авторах

Ян Сяо, Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай

© Ян Сяо, 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.367.634 [811.133.1+811.161.1]

[1] Матвеева Е.М. ***[1] Дальневосточный федеральный университет***

Сопоставительный анализ функций французской частицы *donc* и русской *же* в контексте выражения причинных отношений

Аннотация: *статья посвящена сопоставительному анализу механизмов актуализации причинности французской частицей donc и русской же, являющихся словарными эквивалентами. Рассматриваются статус частиц как класса слов в обоих языках и их функционально-семантические возможности, а также классифицируются их модально-экспрессивные значения, влияющие на передачу причинных отношений. Исследование проведено на материале французского параллельного корпуса НКРЯ. В результате анализа выявляются и сопоставляются зоны их функциональных соответствий и расхождений. Обе частицы функционируют как прагматические маркеры, имплицитно выражая причинно-следственные отношения, основанные на общем знании и логике, выводимой из контекста. Однако donc чаще указывает на следствие, побуждая адресата реконструировать причину самостоятельно, тогда как же передает ее, апеллируя к очевидному и известному факту. Результаты исследования могут быть применены в области лингводидактики и переводоведения. Выявленные функции и значения частиц позволят совершенствовать учебные материалы и методики преподавания французского и русского языков как иностранных, особенно в аспекте развития прагматической компетенции учащихся, а также систематизировать переводческие стратегии передачи тонких модальных оттенков, минимизируя интерференцию и буквализм.*

Ключевые слова: *модальные частицы, причинность, прагматика, сопоставительный анализ, параллельный корпус*

Для цитирования: Матвеева Е.М. Сопоставительный анализ функций французской частицы *donc* и русской *же* в контексте выражения причинных отношений // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 206 – 212.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Matveeva E.M. ***[1] Far Eastern Federal University***

Comparative analysis of the functions of the French particle *donc* and Russian *zhe* for expressing causality

Abstract: *the article presents a contrastive analysis of the mechanisms for actualizing causality by the French particle "donc" and its Russian dictionary equivalent "zhe". It examines the status of particles as a word class in both languages and their functional-semantic potential, while also classifying their modal-expressive meanings that influence the expression of causal relations. The study is based on data from the French parallel subcorpus of the Russian National Corpus. The analysis reveals and compares zones of functional correspondence and divergence between the particles. Both particles function as pragmatic markers that implicitly express causal relationships based on shared knowledge and contextual logic. However, "donc" typically points to a consequence, prompting the addressee to reconstruct the cause independently, whereas "zhe" conveys causality by appealing to*

an obvious and known fact. The research findings can be applied in the fields of language pedagogy and translation studies. The identified functions and meanings of the particles will enable the improvement of teaching materials and methods for French and Russian as foreign languages, particularly in developing pragmatic competence in French learners, as well as systematizing translation strategies for conveying subtle modal nuances while minimizing interference and literalism.

Keywords: *modal particles, causality, pragmatics, contrastive analysis, parallel corpus*

For citation: Matveeva E.M. Comparative analysis of the functions of the French particle *donc* and Russian *zhe* for expressing causality. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 206 – 212.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Частицы, как класс слов, остаются одной из наименее четко определенных категорий в языкознании, поскольку по своим признакам их сложно подвести под одну из традиционно выделяемых частей речи. Многие исследователи объясняют это их «промежуточным статусом» между грамматикой и прагматикой: основная функция частиц − не называть и не связывать, а выражать субъективное мнение говорящего, то есть носит коммуникативно-прагматический характер. Эта функция в той или иной мере свойственна также наречиям, союзам, местоимениям, прилагательным и даже глаголам, что стирает границы данного класса и затрудняет их идентификацию. Что касается семантики частиц, то она имеет абстрактный характер и не может быть полноценно реализована вне содержания высказывания. Наличие словарных статей у данных служебных единиц, выполненных по единой схеме со знаменательными словами, не дает достаточно полной интерпретации, отражающей индивидуальную семантику каждой частицы. В связи с чем определяется актуальность исследования – необходимость преодоления указанных теоретических и методологических противоречий путем детального анализа функционирования в тексте конкретных языковых единиц – французского служебного слова *donc* и русского *же*, являющихся объектом настоящей работы. Существует значительное количество трудов в обоих языках, посвященных описанию и анализу функций *donc* и *же*, однако целенаправленное сопоставление этих двух языковых единиц, в том числе при передаче причинности, проведено не было. Оба слова, в зависимости от употребления, могут выступать союзами, частицами, а *donc* еще и наречием. Но, учитывая цель – выявить и сопоставить функционально-семантический потенциал французской частицы *donc* и русской *же* в рамках выражения причинно-следственных отношений в высказывании, для практической части был отобран материал, содержащий контексты использования исследуемых единиц исключительно в функции частиц. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

− установить лингвистический статус *donc* и *же* как частиц в системах русского и французского языков;

− выявить и систематизировать основные функции и семантику *donc* и *же;*

− классифицировать модально-экспрессивные значения, влияющие на имплицитную передачу причинно-следственных связей;

− отобрать и проанализировать репрезентативный корпус примеров употребления исследуемых единиц при передаче причинных отношений;

− сопоставить и установить зоны их функциональной эквивалентности и лакунарности.

Материалы и методы исследований

Для практической части исследования мы обратились к параллельному корпусу НКРЯ, откуда методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 859 контекстов, содержащих французскую частицу donc и русскую *же*.

Цель и задачи статьи определили следующую методологию: функционально-семантический, дистрибутивный, контекстуальный, сопоставительный и контрастивный методы, а также метод корпусного исследования и дискурс-анализа.

Результаты и обсуждения

Ключевой характеристикой французской лексемы *donc* является терминологическое и функциональное разнообразие, что обуславливает ее противоречивую трактовку в исследованиях разных авторов и лексикографических источниках. В современном французском языке большинство лингвистов рассматривают *donc* как многофункциональный элемент, способный выступать в качестве сочинительного союза и частицы. Однако Э. Руле и др., М. Рижель и др., Н.М. Васильева и Л.П. Пицкова М. Гревисс относят

donc к анафоричным наречиям с различными логическими значениями, приводя в качестве обоснования случаи его употребления, которые невозможны для сочинительного союза: синтаксическая мобильность, возможность сочетаться с другими сочинительными союзами, коммутация с предложной синтагмой или с придаточным предложением [6, с. 84, 16, с. 1184]. В современных лексикографических источниках Larousse, Le Robert *donc* описывается как наречие и сочинительный союз, лишь CNRTL называет его и частицей [18, 19, 20].

Отечественные лингвисты избегают прямого указания на морфологическую принадлежность *donc*, называя его согласно выполняемой функции: коннектор, дискурсивный и прагматический маркер, модальная частица, маркер пресуппозиции, присоединительный союз, союзное наречие, реляционный элемент [7, с. 63, 9, с. 61, 15, с. 60]. Множество наименований является показателем множества ролей, которые играет это слово во время дискурсивного процесса. Однако в данной работе исследуемая единица рассматривается как модальная частица, что позволяет объединить ее функции под одним понятием, ключевым для которого является выражение субъективной модальности и прагматической организации высказывания.

Лингвистический статус русского слова *же* не вызывает противоречий: подавляющее большинство авторитетных и академических грамматик русского языка трактуют его как частицу и союз [4, с. 599, 14, с. 726, с.715]. Однако в современных исследованиях, в зависимости от подхода, можно встретить более сложные, комплексные формулировки, описывающие *же* как частицу с союзными функциями, дискурсивный маркер или коннектор [3, с. 71, 1, с. 382].

Выявление семантики, передаваемой частицами, является одним из проблемных вопросов при их изучении. Как во французском, так и в русском языках выделенные в словарных статьях значения имеют общую для большинства модальных частиц абстрактную и крайне размытую интерпретацию – служебные слова, усиливающие, подчеркивающие значение слова, после которого они употребляются, или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат, важные для реализации в высказывании и тексте коммуникативных намерений говорящего. Эти характеристики можно отнести практически ко всем усилительным (модальным) частицам [2, с. 19].

Французская частица *donc* служит для выражения эмоционально-экспрессивной реакции говорящего на ситуацию, обусловленной контекстом, внося стилистические окраски: усиливает значение простой конструкции, а в разговорной речи в постглагольной позиции передает одобрение или упрек [18].

Что касается функций, то исследователи, изучающие дискурс, приходят к похожим выводам. М. Мозегаард Хансен выделяет функциональную триаду: конклюзивная, репетитивная и модальная. У А. Феррари и К. Россари: реактуализирующая предыдущее высказывание, аргументативная и дискурсивная. К. Болли и Л. Деган используют структурный подход: семантико-синтаксическая, дискурсивная и пунктуационная [15, с. 92].

На основе указанных функций вытекает широкий спектр прагматических значений, которые реализует *donc* в речи: перефразирование, выводы или заключение, отсылка к экстралингвистической информации, сообщение содержания, заранее очевидного участникам, введение более важного высказывания, чем предшествующее, побуждение к действию, введение новой темы, возвращение к теме, запрос информации, удивление, одобрение и раздражение. Конкретное значение частицы в каждом случае, а также его связь с причиной определяется контекстом и интенцией говорящего.

Частица *же*, при всем многообразии функций и высокой частотности в языке, в традиционной лексикографии получает, как правило, инвариантное толкование − употребляется для смыслового выделения, подчеркивания значения слова, после которого ставится, в значении «именно» или «ведь», для эмоционального подчёркивания усиления смысла сказанного (при сопоставлении, противопоставлении), а также указание на тождество [10, 12]. Таким образом, исходным значением же можно считать семантику очевидности и апелляцию к общему знанию, поскольку она формирует пресуппозицию, известную собеседникам [17, с. 39]. Вокруг этого ядра формируются все ее частные функции: эмфатическая и эмоциональная (широкий спектр эмоций и оценок: удивление, недоумение, нетерпение, побуждение, упрек), контрастивно-противительная (сопоставление двух фактов, подчеркивая их различие или тождество), причинно-следственная (вводит не причину самого события, а причину для высказывания, модальной рамки или иллокутивного смысла) и дискурсивно структурирующая (реактуализация и аргументация).

Таким образом, описанный функциональный спектр исследуемых единиц *donc* и *же* позволяет выделить ряд общих для них модально-экспрессивных значений, играющих ключевую роль в имплицитной передаче причинно-следственных связей. Объединяющая их базовая семантика – очевидность и логический вывод – создает общее поле пресуппозиции, т.е. отсылки к знанию, общему для собеседников, или к очевидной из

контекста логике. Классифицировать общие значения частиц можно по следующим категориям, лежащим в основе практического исследования:

1. Логико-аргументативные. Данная категория объединяет значения, где причинность имплицируется через обращение к здравому смыслу и логическому выводу. Сюда входят аргументативное значение (обоснование), когда частицы вводят причину, оправдывающую предыдущее высказывание или действие, или конклюзивное значение, где высказывание маркируется как логическое следствие из предпосылки.
2. Эмотивно-оценочные. В этой категории причинность вытекает из эмоциональной реакции говорящего, которая сама по себе является причиной высказывания. Прежде всего это экспрессивное значение, являющееся реакцией на нарушение ожиданий (упрек, укор, недоумение и т.д.), а также негативная оценка или нетерпение как следствие ситуации.
3. Дискурсивно-структурирующие. Причинно-следственные отношения устанавливаются между речевыми актами и элементами дискурса. К этой категории относится реактуализирующее значение, которое подчеркивает, что возврат к ранее упомянутому элементу дискурса обусловлен его ключевой ролью для основного тезиса.
4. Эмфатико-идентифицирующие. Данная группа значений, в большей степени присущая частице *же,* имплицирует причинность через акцентирование тождества, что выделяет признак, который является ключевой причиной ситуации.

Материалом для практической части послужили контексты с употреблением исследуемых единиц, отобранные во французском параллельном корпусе НКРЯ. Учитывая тот факт, что *donc* и *же* являются словарными эквивалентами, параллельный корпус позволяет проследить частотность их соответствия друг другу, а также соотнести выполняемые ими функции в одной и той же языковой среде. При отборе материала для статистического анализа было найдено 4120 употреблений *donc* и 11641 примеров с *же.* Случаев полного соответствия при переводе с обоих языков оказалось 859 вхождений, среди которых 585 контекстов русских произведений, где частица *же* была переведена на французский язык *donc,* и 274 раза слово *donc* было передано *же*. Такой количественный дисбаланс свидетельствует о низком проценте прямых соответствий – 20% от *donc* и 7% от *же,* а также о гораздо более широком функциональном диапазоне русской частицы. Это говорит о том, что подавляющее большинство употреблений *же* (93%) функционирует в таких контекстах, где французский язык использует другие языковые средства или обходится без них.

Итак, сравнительный анализ французско-русских частиц *donc* и *же* выявил:

− Обе частицы выполняют логико-аргументативную функцию, вводя аргумент, служащий для обоснования предыдущего высказывания. Однако ключевая задача *donc* вывести новое следствие из заданной предпосылки, т.е. в дискурсе частица ориентировна на движение вперед: *Quoi de mieux qu'un bon petit somme quand on est fatigué? Apportez-lui donc un oreiller! – Что может быть лучше здорового сна, когда ты устал? Принесите же ему наконец подушку! [Jean-Claude Mourlevat. La rivière à l'envers 1: Tomek (2000) | Жан-Клод Мурлева. Река, текущая вспять. Томек (Н. Бунтман, 2006)]* [8].

Же является маркером актуализации движения назад, отсылает к экстралингвистической информации, сообщая о том, что пропозициональное содержание высказывания заранее очевидно для обоих участников дискурса, подается как очевидное и не требующее доказательств: *Мне один француз так и заявил: а почему это все вам принадлежит, земля же общая? − Un Français m'a dit un jour: "Pourquoi tout cela vous appartient-il? La terre est donc notre bien commun!" [Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (ч. 2) (2013)]* [8].

В следующем примере мы наблюдаем семантический сдвиг при переводе на французский язык. В русском предложении сон мужа представляет собой причину, которая делает опасение неактуальным. Во французском варианте появляется глагол *allons,* который в сочетании с *donc* представляет устойчивую междометную фразу *Да что вы! Да бросьте!*, выражающую резкое несогласие. В связи с чем *он спит* подается не как напоминание об известном факте, а как контраргумент, опровергающий предыдущее утверждение: *Муж осерчает. – Он же спит. – Без меня ему спать холодно. − Mon mari sera fâché. – Allons donc, il dort! – Il a froid quand il dort sans moi. [В. Г. Сорокин. Метель (2010) | Vladimir Sorokine. La Tourmente (A. Coldefy-Faucard, 2011)]* [8].

− В эмотивно-оценочной функции *donc* и *же* выражают эмоциональное состояние говорящего и его оценку ситуации. Необходимость апеллировать к очевидному факту часто порождается эмоциями, например, удивлением или раздражением от того, что собеседник не знает и приходится ему объяснять: *Le choix ne saurait être douteux, marchons donc en avant! Passons le Niémen! Portons la guerre sur son territoire − Выбор не может быть сомнителен. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы. [Marie*

Pierre Rey. L'Effroyable tragédie : Une nouvelle histoire de la campagne de Russie (2012) | Мари-Пьер Рэй. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год (А.Ю. Терещенко, 2015)] [8].

Оценка заключается в том, что приведенный аргумент должен быть достаточно исчерпывающим и его логическое ядро – «потому что это важно», «потому что ты знал» − облекается в эмоциональную оболочку: *– Да поймите же вы, мне надо непременно ехать! – в сердцах взмахнул руками Платон Ильич. - «Comprenez donc, je dois absolument partir! lança Platon Ilitch avec humeur, en levant les bras au ciel. [В.Г. Сорокин. Метель (2010)]* [8].

− Дискурсивно-структурирующая функция *donc* и *же* связана с организацией текста или диалога. Частицы явно указывают, что текущая реплика является ответом, реакцией, уточнением или опровержением предыдущей информации: *– Mais c'est beaucoup trop cher, dit la comtesse. – Pouvez-vous transiger à meilleur marché? – Peut-être. – Que voulez-vous donc, madame? – Je veux, je ne veux pas de procès, je veux… – Но это слишком много! – воскликнула графиня. – Вы надеетесь договориться на меньшей сумме? – Возможно. – Чего же вы, в сущности, хотите, сударыня? – Я хочу… я не хочу суда… я хочу… [Оноре де Бальзак. Полковник Шабер (Н. Жаркова, 1949)]* [8]. Здесь причина – неясность, которую собеседник создал, кроме того, его предыдущие реплики не проясняют его истинную позицию:

Денег не было ни копейки. – Где же деньги? – кричала она. – О господи, неужели же он всё пропил! - Il n'y avait pas un sou. – Où est donc l'argent? criait-elle. Ô Seigneur, est-il possible qu'il ait tout bu! [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]. В этой функции частицы выступают своего рода скрепками в диалоге, демонстрируя, как одна мысль вытекает из другой. Они завершают цепочку рассуждений и, подводя итог, резюмируют позицию собеседника.

− Эмфатико-идентифицирующая функция служит для выделения, акцентирования ключевого момента высказывания и отождествления его с чем-то уже известным. Эта функция является основополагающей для всех предыдущих. Вся причинная семантика *donc* и *же* строится на том, что они идентифицируют информацию как уже известную и эмфатически выделяют ее как ключ к пониманию: *Et comme si cela ne suffisait pas, Donna se mit à demander avec instance quelle était donc cette nouvelle si importante qu'elle avait à leur annoncer - И в довершение всего Донна снова стала приставать к ней с расспросами, какую же великую новость она для них припасла. [Жоэль Диккер. Правда о деле Гарри Квеберта (И. Стаф, 2017)]* [8].

Отсыл к очевидности факта создает эффект усиления и бесспорности приводимой причины: *Мы пошли на первый митинг вместе, а маме моей семьдесят пять лет. Она актриса. Купили на всякий случай цветы. Не будут же стрелять в людей с цветами! – Nous sommes allées au premier meeting ensemble, et ma mère a soixante-quinze ans! C'est une actrice. Nous avions acheté des fleurs, à tout hasard. Ils n'allaient pas donc tirer sur des gens avec des fleurs! [Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (ч. 2) (2013)]* [8]. Частица *же* создает здесь контраст между двумя понятиями «люди с оружием» (в них стреляют) и «мы, люди с цветами» и апеллирует к очевидной норме, которая и является причиной уверенности говорящего. *Donc* во французском переводе передает скорее вывод из этой нормы и эффект контраста у него ослаблен.

Выводы

Итак, в результате проведенного сопоставительного анализа функций французской частицы *donc* и ее словарного эквивалента *же* можно сделать следующие выводы: оба слова функционируют как модально-дискурсивные маркеры и не называют причину прямо, а активируют ее в сознании слушающего, опираясь на общий контекст или фоновые знания. Они вводят причину не пропозиции, а модальной рамки, имплицитного смысла, выводимого из предшествующего текста, и даже содержания реальности, что позволяет выразить контраст или ссылку на уже упомянутое. Однако *donc* работает как указатель с фокусом на вывод, который ставится после причины и вводит следствие, заставляя слушающего «вернуться», «найти» упомянутую или подразумевающуюся причину, тем самым «реконструировать» ее. А частица *же* указывает на общеизвестный, очевидный факт, который и является причиной и требует от слушающего вспомнить ее из общего фонда знаний, тем самым актуализируя и подтверждая уже существующую причину, а не выводя новое следствие.

Данное исследование наглядно демонстрирует, что даже для слов, считающихся в словарях эквивалентами, характерна не взаимозаменяемость, а лишь частичное перекрытие функций. *Donc* и *же* – не синонимы, а "смысловые перекрестки" в своих языковых системах, которые сходятся лишь в одной, достаточно редкой точке.

Список источников

1. Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц же и ведь) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 382 – 446.

2. Борисова Е.Г. Служебные слова в русской языковой системе: функции и семантика частиц, союзов, вводных слов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22. № 2. С. 18 – 28.

3. Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей: Коллективная монография / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянской культуры, 2004. 257 с.

4. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.

5. Кудрявцева Н.Б. Спорные вопросы грамматики: о составе союзов сочинения во французском языке // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-grammatiki-o-sostave-soyuzov-sochineniya-vo-frantsuzskom-yazyke (дата обращения: 09.11.2025).

6. Матько И.Д. Коммуникативно-прагматический потенциал французской модальной частицы donc в директивных речевых актах // Вопросы лингводидактики: сборник научных статей. Вып. 6 / отв. ред. В.С. Истомин. Гродно: ООО «ЮрСаПринт», 2020. 86 с.

7. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/s/2Rx0J (дата обращения: 21.11.2025).

8. Овсейчик Ю.В. О темпоральной семантике французской единицы donc в диахронии // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы V Междунар. науч. конф. Минск, 21-23 окт. 2022 года. Минск: МГЛУ, 2022.С. 60 – 63.

9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений /под. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд. М.: Мир и образование, 2013. 1376 с.

10. Румянцева Е.В. проблема обучения американских студентов многозначным частицам русского языка (на примере частицы же) Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015 № 12 (54). в 4-х ч. Ч. III. С. 173 – 177.

11. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 702 с.

12. Смирнова А.А. Особенности функционирования "donc" во французском художественном дискурсе // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: сборник статей по итогам IV международной конференции. Москва, 13–15 марта 2019 года. Том 4. Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2019. С. 374 – 379.

13. Шведова Н.Ю. Русская грамматика: [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; Москва: Наука, 1980. 792 с.

14. Школьникова О.Ю. Дискурсивное слово donc / dunque как функциональный преемник латинских дискурсивов (на примере французских и итальянских средневековых переводов «Солилоквий бл. Августина») // Журнал Stephanos. № 6. С. 89 – 96.

15. Grevisse M., Goosse A. Le Bon Usage, Bruxelles, 2008. 1600 c.

16. Paducheva E.V. La particule ŽE: semantique, syntaxe et prosodie. Les particules énonciatives en Russe contemporain, 3 Paris, 1987. P. 11 – 44.

17. URL: https://www.cnrtl.fr/definition/donc (дата обращения: 18.11.2025).

18. URL: https://dictionnaire.lerobert.com/definition/donc (дата обращения: 18.11.2025).

19. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/donc/26425(дата обращения: 18.11.2025).

References

1. Bonno K., Kodzasov S.V. Semantic variation of discursive words and its influence on linearization and intonation (on the example of the particles zhe and uda). Discursive words of the Russian language: an attempt at contextual-semantic description. Moscow, 1998. P. 382 – 446.

2. Borisova E.G. Function words in the Russian language system: functions and semantics of particles, conjunctions, and introductory words. Bulletin of SUSU. Series "Linguistics". 2025. Vol. 22. No. 2. P. 18 – 28.

3. Verbal and non-verbal supports of the space of interphrase connections: Collective monograph. Ed. T.M. Nikolaeva. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 257 p.

4. Vinogradov V.V. Russian language: Grammatical doctrine of the word. Moscow: Vysshaya shkola, 1986. 640 p.

5. Kudryavtseva N.B. Controversial issues of grammar: on the composition of coordinating conjunctions in French. Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2010. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-grammatiki-o-sostave-soyuzov-sochineniya-vo-frantsuzskom-yazyke (date of access: 09.11.2025).

6. Matko I.D. Communicative and pragmatic potential of the French modal particle donc in directive speech acts. Questions of linguodidactics: collection of scientific articles. Issue 6 / ed. V.S. Istomin. Grodno: OOO YurSa-Print, 2020. 86 p.

7. National Corpus of the Russian Language. URL: https://ruscorpora.ru/s/2Rx0J (date of access: 21.11.2025).

8. Ovseychik Yu.V. On the temporal semantics of the French unit donc in diachrony. Universal and national in the language picture of the world: proc. 5th Intern. scientific conf. Minsk, 21-23 October 2022. Minsk: Moscow State Linguistic University, 2022. P. 60 – 63.

9. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms, and phraseological expressions. Ed. L.I. Skvortsov. 28th ed. Moscow: Mir i obrazovanie, 2013. 1376 p.

10. Rumyantseva E.V. The Problem of Teaching American Students Polysemantic Particles of the Russian Language (using the particle zhe as an example) Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues Tambov: Gramota. 2015. No. 12 (54). in 4 parts. Part III. P. 173 – 177.

11. Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Edited by A.P. Evgenyeva. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Russkiy yazyk, 1981. Vol. 1. 702 p.

12. Smirnova A.A. Features of the Functioning of "donc" in French Fiction. Language and Reality. Scientific Readings at the V.G. Gak Department of Romance Languages: a collection of articles based on the results of the IV International Conference. Moscow, March 13–15, 2019. Vol. 4. Moscow: OOO "Izdatelstvo" Sputnik+ ", 2019. P. 374 – 379.

13. Shvedova N.Yu. Russian grammar: in 2 volumes. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language; Moscow: Nauka, 1980. 792 p.

14. Shkolnikova O.Yu. The discursive word donc / dunque as a functional successor to Latin discourses (based on French and Italian medieval translations of "Soliloquy of Blessed Augustine"). Stephanos Magazine. No. 6. P. 89 – 96.

15. Grevisse M., Goosse A. Le Bon Usage, Brussels, 2008. 1600 p.

16. Paducheva E.V. La particule ŽE: semantics, syntax, and prosodie. Les particulares énonciatives en Russe contemporain, 3 Paris, 1987. P. 11 – 44.

17. URL: https://www.cnrtl.fr/definition/donc (date of access: 18.11.2025).

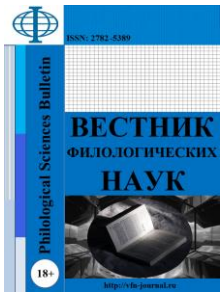
18. URL: https://dictionnaire.lerobert.com/definition/donc (date of access: 18.11.2025).

19. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/donc/26425 (date of access: 18.11.2025).

Информация об авторах

Матвеева Е.М., старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), matveeva.em@dvfu.ru

© Матвеева Е.М., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 82.01

[1] Ситдикова Ф.Б.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Особенности и различия в переводах сниженной лексики в новых мужских и женских переводах романа Дж.Д. Сэлинджера “Catcher in the Rhye” с английского языка на русский

Аннотация: *в статье рассматриваются четыре версии русскоязычных переводов романа Дж. Сэлинджера «The Catcher in the Rye», сделанных переводчиками разной гендерной идентичности. Исследуется влияние гендерной идентичности переводчика на такой аспект, как перевод сниженной лексики. Научная новизна заключается в том, что проводится переводческий анализ четырех переводов романа, три из которых ранее не являлись объектами такого рода исследований. Целью исследования является выявление и сравнение основных приемов перевода, использованных переводчиками разной гендерной идентичности. Актуальность исследования определяется анализом особенностей и различий в переводческих стратегиях переводчиков-мужчин и женщин, что важно для понимания гендерных стереотипов. Результаты исследования могут представлять интерес для таких разделов лингвистики, как гендерная лингвистика и теория перевода.*

Ключевые слова: *художественный перевод, мужские и женские переводы, гендер, гендерные маркеры, сниженная лексика, гендерная идентичность*

Для цитирования: Ситдикова Ф.Б. Особенности и различия в переводах сниженной лексики в новых мужских и женских переводах романа Дж.Д. Сэлинджера “Catcher in the Rhye” с английского языка на русский // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 213 – 221.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Sitdikova F.B.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Main features and differences of translating substandard vocabulary in new male and female Russian versions of J.D. Salinger's novel "Catcher in the Rhye"

Abstract: *the article examines four Russian-language translations of J.D. Salinger's novel "The Catcher in the Rye," made by translators of varying gender identities. The influence of a translator's gender identity on the translation of substandard vocabulary is explored. The research's novelty lies in the translation analysis of four translations of the novel, three of which have not previously been the subject of this type of research. The aim of the study is to identify and compare the key translation techniques used by the translators of different gender identities. The relevance of the study lies in its analysis of the characteristics and differences in the translation strategies of male and female translators, which is important for understanding gender stereotypes. The results of the study may be of interest to such fields as gender linguistics and translation theory.*

Keywords: *literary translation, male and female translations, gender, gender markers, low-speech vocabulary, gender identity*

For citation: Sitdikova F.B. Main features and differences translating substandard vocabulary in new male and female Russian versions of J.D. Salinger's novel "Catcher in the Rhye". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 213 – 221.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Знаменитый роман Дж.Д. Сэлинджера “ The Catcher in the Rye / Над пропастью во ржи” [1] представляет большой интерес для филологов во многих аспектах – как в плане изучения лексики, употребительной в американском сленге в середине прошлого века, так и влиянием гендерного компонента на текст переводов романа, что является актуальным направлением исследований в современной лингвистике и переводоведении.

Целью нашей статьи является изучение характерных особенностей женских и мужских переводов романа, обусловленных гендерным статусом переводчика. Недостаточная изученность гендерных особенностей в переводоведении является причиной нашего внимания к данной проблеме.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью анализа роли гендера в формировании языковой личности переводчика и влиянием этого фактора на сам процесс перевода. Гендерные изыскания фокусируются на изучении гендера как совокупности признаков, формирующих модели социального поведения мужчин и женщин.

Основным предметом гендерных исследований является гендер – набор характеристик, определяющих социальное поведение мужчин и женщин. Начиная с конца XX в., гендерный аспект в последние годы привлекает все больше внимания в лингвистических исследованиях, что привело к формированию нового научного направления – гендерной лингвистики.

Сложность перевода данного произведения заключается в том, что текст романа представляет из себя речь подростка, наполненную сниженной и эмоционально-экспрессивной лексикой, что требует большого мастерства для адекватной передачи на языке перевода.

С конца XX века гендерная проблематика приобрела значительную популярность в лингвистике, став основой для возникновения новой дисциплины – гендерной лингвистики. В течение последних лет отечественные специалисты начали уделять внимание воздействию гендерной самоидентификации переводчика на содержание переведенного текста, а также особенностям переводов, выполненных представителями разных полов [7, 8, 10].

Многие ученые полагают, что существенная разница в восприятии мира у мужчин и женщин оказывает заметное влияние на выбор переводчиком языковых инструментов, определяющих качество перевода, его прагматическую направленность и соответствие оригиналу по стилю [6, 12, 21].

Учитывая, что словарный состав произведения обильно насыщен разговорными и другими элементами неформального характера, представляется интересным выявить различия в подходах к переводу новых версий романа как мужчинами, так и женщинами, принимая во внимание их гендерную идентификацию, а также проанализировать и сравнить методы перевода сниженной лексики переводчиками мужского и женского пола.

Таким образом, объектом исследования выступают стилистически сниженные элементы лексики английского языка в романе Дж.Д. Сэлинджера и стратегии их перевода, используемые переводчиками различного пола.

Как уже упоминалось ранее, под гендером исследователи данного явления имеют в виду спектр социально приобретенных норм, характеристик, ролей и отношений, связанных с понятиями фемининности и маскулинности, которые могут варьироваться в зависимости от той или иной культуры и периода времени.

Гендерная лингвистика, одно из сравнительно новых направлений исследования языка, изучает, как фактор пола влияет на использование языка женщинами и мужчинами, чем различается коммуникативное поведение мужчин и женщин [10].

Гендерный аспект в переводе – это анализ того, как гендерные роли, стереотипы и идентичность представлены в исходном тексте и как передаются в анализируемом переводе. Этот аспект включает в себя как изучение влияния гендера на деятельность переводчиков, так и анализ того, как сам процесс перевода может быть гендерно-обусловленным.

Как отмечает К.И. Леонтьева, «в каждом конкретном коммуникативном акте гендерный фактор проявляется по-разному и с разной степенью интенсивности, что позволяет говорить об a priori девиантной интерпретации и различной эстетической оценке эксплуатируемых автором текста ИЯ (исходного языка) ген-

дерных стереотипов не только на интер-, но и на интракультурном уровне, в частности переводчиками-мужчинами и переводчиками-женщинами как представителями одной и той же культуры (ЯП – языка перевода), но различных гендерных субкультур. В силу этого при переводе текстов авторов иного относительно переводчика гендера достаточно часто происходит либо элиминация гендерно маркированных смыслов текста ИЯ (частичная или полная), либо их значительная модификация» [16, с. 59].

Если говорить о влиянии гендера на перевод, то, как считают некоторые исследователи, различия между женской и мужской картинами мира непосредственно влияют на выбор переводчиком языковых средств, определяющих результат перевода, его прагматику и сохранение стиля оригинала [7, с. 173].

Хотя невозможно провести четкую границу между мужским и женским речевым стилем, лингвисты всё же выделяют некоторые различия между мужской и женской речью.

Согласно когнитивной модели перевода, процесс перевода может быть описан с помощью когнитивных моделей, где переводчик воспринимает информацию на одном языке и трансформирует её в другой. Это включает в себя работу памяти, внимания и категоризации, которые изучаются когнитивной лингвистикой [9, с. 171].

На ассоциативно-когнитивном уровне гендерные различия проявляются в том, что «переводчики-мужчины и женщины не одинаково воспринимают, интерпретируют и воспроизводят текст оригинала. Это приводит к тому, что один и тот же текст может быть переведен по-разному в зависимости от гендера переводчика» [12, с.35], поскольку гендер влияет на когнитивные процессы и соответственно, на выбор языковых средств.

На языковом уровне гендерные различия в переводе проявляются в стиле, лексике и синтаксисе: переводчицы, как правило, чаще используют прилагательные и наречия для передачи эмоциональной окраски, а также склоняются к более частому использованию синонимов и стилистически маркированных форм; мужчины придерживаются большей точности и последовательности, а также чаще используют конкретизацию для передачи более точного прагматического значения [9, с. 175].

На мотивационно-прагматическом уровне различия проявляются в том, что переводчики-мужчины и переводчицы-женщины выбирают разные переводческие стратегии. Это может касаться как мотивации переводчика (например, точности, сохранению стиля, удовлетворению заказчика и т.д.), так и прагматики перевода (влияние перевода на конечного читателя, восприятие текста и др.) [19, с. 1347].

Отметим, что указанные выше различия могут варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей переводчика, культурного контекста и конкретного типа перевода.

Материалы и методы исследований

Материалом для нашего анализа стал текст романа Дж.Д. Сэлинджера “Catcher in the Rhye” [1] четыре его русскоязычных перевода. Исследователи переводов романа отмечают, что «сам факт диахронической переводной множественности с научной точки зрения закономерен и свидетельствует о неизменной востребованности иноязычного оригинала» [11, с. 257].

В женские версии входит популярный перевод Р. Райт-Ковалевой «Над пропастью во ржи» [2], а также одноименный онлайн-перевод Е. Тараник [3].

Екатерина Тараник – молодая писательница, финалист ежегодной национальной премии "Писатель года" в 2016 г. в номинации «Дебют». В 2017 г. она стала номинантом литературной премии "Наследие", а также номинантом ежегодной национальной премии «Писатель года - 2017». Она также является автором книги «Просто рассказы» (2017) [20].

Что касается «мужских» версий переводов романа, отметим, что их точное количество нам неизвестно. Официально изданные переводы, кроме перевода Р.Райт-Ковалевой, включают версии С. Махова (1998) и М. Немцова (2008), а также изданный в 2023 г. перевод Д. Шепелева [5]. Кроме того, имеется несколько онлайн-переводов, включая версию С. Егорова [4]. Информацию о ней мы нашли в блоге литературного критика А.А. Захаряна в ВК, где он дает позитивную оценку данному переводу [18]. В итоге мы выбрали две мужские версии – перевод С. Егорова «Ловец во ржи» (2022) [4] и опубликованный в 2023 г. издательством ЭКСМО одноименный перевод Д. Шепелева [5].

В рамках данного исследования нашей целью является раскрытие специфики использования стилистически сниженной лексики в мужских и женских переводах романа Дж. Д. Сэлинджера и ее описания.

В соответствии с поставленной целью работы, формулируются следующие задачи исследования: выявление методов воспроизведения гендерных особенностей при переводе; сравнение подходов к этой задаче переводчиков мужского и женского пола; а также выявление и описание лингвистических факторов, которые оказывают воздействие на отбор выразительных средств. Для решения данных задач использовался

комплекс исследовательских подходов: сбор языковых образцов из текстов перевода, сравнительное изучение текстов, обработка собранных данных и стилистический разбор произведений.

Уточним понятие стилистически сниженной лексики. Это довольно широкий термин, охватывающий всю неформальную и разговорную лексику, которая не используется в научном и других официальных стилях. Сниженная лексика также включает в себя обсценную. Обсценная лексика – это особо выделяемый, табуированный (непристойный) сегмент сниженной лексики.

Результаты и обсуждения

В ходе работы над текстом переводчику необходимо передать не только слова автора, но и сопутствующие знания, скрытые подтексты, подразумеваемые значения, различные толкования, а также специфику языка оригинала и его структуры. Каждое новое прочтение произведения – это не просто воспроизведение исходной идеи, а особая познавательная, культурная обработка и переосмысление авторского замысла.

Для того, чтобы провести сравнительный анализ женской и мужской стратегий перевода, был отобран методом сплошной выборки языковой материал в виде небольших фрагментов текста (в количестве 160), включающих сниженную лексику (выделена в таблице жирным шрифтом) и проанализированы результаты переводов из двух первых глав, сделанных четырьмя указанными переводчиками.

Для нас представляет большой интерес то, какие переводческие стратегии и приемы применяли переводчики, когда работали над текстом своих переводов.

Рассмотрим характерные особенности каждого из переводов.

Р. Райт-Ковалёва [2] приложила огромные старания (конечно, в пределах, дозволенных цензурой), чтобы сохранить дух и лексику Дж. Сэлинджера, включая лексику и разговорный язык героя. Это позволило создать «канонический» перевод, который познакомил русскоязычных читателей с романом и до сих пор остается востребованным. Данный перевод был опубликован в 1960-м году, отражая реалии своего времени и отличаясь от более поздних версий.

Известный литературовед, профессор Д.С. Лихачев в своей статье [15] писал о том, что Р. Райт-Ковалёва настолько хорошо владела языком, что даже С.Я. Маршак просил ее сверить его переводы сонетов Шекспира и лирики Бёрнса с оригиналом.

При переводе романа переводчица применяла широкий спектр переводческих трансформаций, включая лексические (генерализация, конкретизация, замена грубой лексики эвфемизмами), синтаксические (редукция предложения), а также стилистические (замену разговорной речи нейтральной или литературной, корректировку структуры диалогов). Благодаря этим методам, удавалось сохранить атмосферу произведения, минимизируя буквальное воспроизведение авторской манеры письма.

И.Л. Галинская упоминает, что Р. Райт-Ковалёва «любит русские презрительно-уменьшительные слова и суффиксы *-ишк-*, *-ашк-*, *-ячк–* и часто употребляет их: *старик**ашк**а, чемодан**ишк**о, толст**ячк**и* [12, с. 35].

В качестве иллюстрации стиля переводчицы можно привести ее практику по смягчению вульгарных выражений: например, в первом абзаце оригинального текста фраза *David Copperfield kind of* ***crap*** (*дерьмо*) [1, с. 1] переводится как *дэвидкопперфилдовская* ***муть*** [2, с. 5], и т.д.

Д.И. Петренко отмечает, что одним из самых часто применяемых приемов Р. Райт-Ковалевой при работе над романом была «операция по сокращению количества сниженной лексики». Переводчица систематически заменяла реплики персонажей, содержащие неформальную лексику, описательными переводами и пересказом [19, с. 181]. Например, в 25 главе Холден, главный герой, приходит в школу к младшей сестре и видит грязное ругательство, написанное на стене. Перевод Р. Райт-Ковалевой передает значение оригинала, но не прямо, а применяя прием компенсации: *Somebody'd written "**Fuck you**" on the wall* [1, с. 216]. *Кто-то написал на стене* ***похабщину*** [2, с. 209].

Синтаксические трансформации. Разберем синтаксические трансформации текста, использованные Р. Райт-Ковалевой. Часто переводчицей применялись членение и объединение предложений (один из ее излюбленных приемов) в тексте перевода, что позволяло ей сохранять ритм и стилистику авторского текста. Приведем пример из 1-й главы, сравнивая оригинал и перевод (сниженная лексика выделена жирным шрифтом): *Besides, I'm not going to tell you my whole* ***goddam*** *autobiography or anything. I'll just tell you about this* ***madman stuff*** *that happened to me around last Christmas just before I got* ***pretty run-down*** *and had to come out here and take it easy* [1, с. 1]. *Да я и не собираюсь рассказывать свою автобиографию и всякую такую* ***чушь****, просто расскажу ту* ***сумасшедшую историю****, которая случилась прошлым рождеством. А потом я* ***чуть не отдал концы****, и меня отправили сюда отдыхать и лечиться* [2, с. 5]. Отметим, что для удобства чтения и более естественного звучания на языке перевода переводчицей было проведено объединение предложений и членение второго предложения. Переводчица также применила прием редукции, опустив

при переводе слово *goddam* – бранное выражение, выражающее раздражение или гнев и может быть переведено на русский как *черт возьми*.

Иногда Р. Райт – Ковалева производила редукцию целых предложений, в том числе и предложений со сниженной лексикой. Рассмотрим отрывок из 25-й главы, описывающий, как Холден с сестрой смотрят на медведей в зоопарке: *Only one of the bears was out, the polar bear. The other one, the brown one, was in his goddam cave and wouldn't come out. All you could see was his* ***rear end*** [1, с. 225]. *Только один медведь вылез – белый, полярный. А другой, бурый, забрался в свою дурацкую берлогу и не выходил* [2, с. 218]. Переводчица предпочла опустить последнее предложение, что в принципе характерно для женских переводов, часто избегающих сниженной лексики.

Лексические трансформации**.** Рассмотрим прием лексической замены, который часто использовались переводчицей с целью смягчения грубой лексики. Такой малоизвестный предмет, как *jock strap* (приспособление для защиты мужских гениталий при занятиях спортом), было заменено в ее переводе аналогом, более понятным русскоязычному читателю, в данном случае – *шнурками от ботинок* [2, с. 27]. В целом, говоря о лексических заменах, переводчица либо проводит элиминацию сниженной и грубой лексики, либо редуцирует её или пересказывает.

Грамматические замены. Данный прием применяется, когда переводятся грамматические конструкции, не имеющие аналогов в языке перевода, например: *I don't care if it's a sad good-bye or a bad good-bye, but when I leave a place I like to know I'm leaving it* [1, с. 4]. *Я не задумываюсь, грустно ли мне уезжать, неприятно ли. Но когда я расстаюсь с каким-нибудь местом, мне надо почувствовать, что я с ним действительно расстаюсь* [2, с. 8]. Основной смысл выражения *a sad good-bye or a bad good-bye* передается с помощью наречий *грустно* и *неприятно*.

Несмотря на критику перевода Р. Райт-Ковалевой и упреки в излишнем смягчении лексики романа, ее перевод до сих пор не теряет своей популярности.

Екатерина Тараник – молодая писательница, которая интересует нас как как переводчик романа Дж.Д. Сэлинджера, поэтому перейдем к анализу ее перевода.

Лексические и стилистические трансформации**.** Прежде всего, отметим, что Е. Тараник не всегда стремилась найти русскоязычные эквиваленты разговорной и сленговой лексики, как делали это остальные переводчики. В ее переводе проводилась **замена** разговорных конструкций нейтральными или литературными (примерно в 25-30% собранных нами примеров). Мы считаем это серьезным недостатком перевода романа, в котором практически весь текст состоит из разговорной лексики.

Приведем примеры, в которых перевод Е. Тараник звучит не характерно для разговорной речи, особенно по сравнению с текстом Р. Райт-Ковалевой: *Мне-то наплевать, хотя тоска берет, когда тебя поучают – веди себя, как взрослый* [2, с. 13]. Перевод Е. Тараник звучит нейтрально, не передавая особенностей разговорной лексики оригинала: *Мне, в принципе, все равно, … когда мне говорят вести себя согласно своему возрасту* [3].

Е. Тараник, как и Р. Райт-Ковалева, также часто применяла при переводе прием смягчения грубой лексики, см. пример ниже: *Grand. There's a word I really hate. It's a phony. I could puke every time I hear it* [1, с. 10] – *Уважаемые. Ненавижу это слово. Оно насквозь фальшивое. Каждый раз, как я его слышу, меня тошнит* [3].

Отметим, что если переводчики-мужчины выбирают сниженную лексику (например, грубый просторечный глагол *блевать*), то женских переводах Е. Тараник и Р. Ковалевой выбраны более приличные глаголы – *тошнит* и *мутит* соответственно.

Членение предложений. Е. Тараник довольно часто использует членение длинных предложений оригинала для удобства чтения перевода: *I'll just tell you about this madman stuff that happened to me around last Christmas just before I got pretty run-down and had to come out here and take it easy.* [1, с. 1] – *Я просто расскажу вам одну сумасшедшую историю, которая приключилась со мной на прошлое Рождество. Как раз перед тем, как я серьезно заболел и вынужден был лечь в эту больницу* [3].

Приемы редукции и замены**.** Как и Р. Райт-Ковалева, Е. Тараник применяла прием редукции, например: *Anyway, I kept standing next to that crazy cannon,* ***looking down at the game*** *and freezing my ass off* [1, с. 4]. *Короче, я стоял возле этой долбанной пушки и морозил свою задницу* [3]. Выделенная жирным курсивом часть подверглась редукции. Говоря о лексических заменах, надо отметить, что у Е. Тараник попадаются удачные случаи применения таких замен, см. пример ниже. В данном примере ею было применено слово из молодежного жаргона (выделено жирным шрифтом), которого, скорее всего, даже не существовало во времена перевода Р. Райт-Ковалевой: *All of a sudden I thought of something that helped make me know I was getting the hell out* [1, с. 4]. *…внезапно мне на ум пришло нечто, что помогло мне понять, что я* ***сваливаю*** [3].

Если Р. Райт-Ковалевой предпринимает попытку передать читателям дух оригинала то, на наш взгляд, нейтральная и литературная лексика, временами использованная в переводе Е. Тараник, никак не вяжется со стилистикой речи главного героя и больше подходит для любовных романов, ориентированных на женскую аудиторию.

Мужские версии переводов. Далее, рассмотрим мужские версии переводов С. Егорова и Д. Шепелева, обе из которых были переведены в наше время, в 2022-м и 2023-м годах соответственно. Начнем с перевода Сергея Егорова [4], о котором одобрительно отзывался филолог, переводчик и литературный критик А.А. Захарян в своей группе «Армен и Федор» в ВК. Указанная версия отличается тем, что практически к любому англоязычному выражению или конструкции переводчик пытается найти русскоязычный эквивалент, что придает переводу естественное звучание. Это говорит о большой работе, проделанной над текстом.

О самом переводчике практически ничего не известно, кроме того, что это пока его единственный перевод. Отметим некоторые особенности стиля С. Егорова: во-первых, он использует обращение к читателю на «ты», во-вторых, не всегда ставит запятые, а только там, где при чтении предложения должны стоять паузы.

Четвертой выбранной нами версией перевода является текст Д. Шепелева. Переводчик в 2010 году начал переводить книги для разных издательств, а начиная с 2017 года, окончательно перешёл на книжные переводы.

Начнем рассмотрение переводов с лексических трансформаций. Ниже приводится языковой пример, где рассматриваются как мужские, так и женские переводы. Пример интересен демонстрацией разных подходов к переводу.

Вспомним интересное англоязычное выражение, которое встречается в первой главе романа: ***as cold as a witch's teat*** [1, с. 2]. Urban Dictionary дает нам следующее толкование: *Back in the day witches were believed to be evil, i.e. "cold of heart." A witches left tit (or teat) is close to the heart, therefore a witches left tit is very cold* [23]. *В старые времена ведьмы считались злыми, то есть с «холодным сердцем». Левая грудь ведьмы расположена близко к сердцу, поэтому она очень холодная* (Перевод наш).

Р. Райт-Ковалева предложила в своем переводе образное выражение *...холодно,* ***как у ведьмы за пазухой****,* которое, на наш взгляд, звучит неплохо, но не является «родным» для русского языка. Е. Тараник выбрала похожий вариант (***…****холодно****, как у черта за пазухой)*** **–** калька с перевода Р. Райт-Ковалевой. Д. Шепелев, недолго думая, перевел дословно: *…продрог,* ***как ведьмина сиська***. И только С. Егоров нашел эквивалентное идиоматическое выражение, который звучит органично на русском языке: ***собачий холод***. На наш взгляд, это как раз тот случай, о котором писал К.И. Чуковский, считая, что нужно идти к точности перевода «не путем воспроизведения слов, но путем воспроизведения психологической сущности каждой фразы» [22, с. 105-106].

Далее, рассмотрим **особенности перевода** С. Егорова и Д. Шепелева. Отметим, что если у Д. Шепелева наблюдается тенденция при переводе придерживаться структуры исходного текста, то С. Егоров делает перевод в более свободной форме, сохраняя при этом смысл, содержащийся в тексте оригинала. Приведем примеры:

Оригинал	**Перевод С. Егорова**	**Перевод Д. Шепелева**
I'd only written that **damn note** so that he wouldn't feel too bad about **flunking** me.	**Чёрт возьми, ведь** я только для того и написал это **идиотское примечание**, чтобы он мог **засыпать** меня без зазрения совести.	… я сделал эту **чертову приписку** только затем, *чтобы* он не слишком переживал, *что* **провалит** меня.
There were never many **girls** at all at the football games. Only seniors were allowed to bring **girls** with them. … I like to be somewhere at least where you can see a few **girls** around once in a while.	На этих футбольных играх **девиц** практически не бывает, их разрешают приводить только старшеклассникам… Какое удовольствие **переться** куда-то, если там **глаз не на кого положить** – пусть это будет хоть пара **девиц.**	На футбольных матчах почти никогда не увидишь **девчонок**. Только старшеклассникам разрешалось приводить с собой **девчонок**. … Мне нравится бывать там, где хотя бы иногда попадаются **девчонки.**

В своем переводе С. Егоров использует довольно разнообразные приемы. Его варианты перевода, на наш взгляд, звучат более эмоционально и естественно, не являясь калькой оригинала (выбивается из молодежного жаргона лишь слово *девицы* во 2-м примере). Переводы Д. Шепелева придерживается привычки повторять структуру предложений оригинала, что, по нашему мнению, дает не слишком удачный результат. В переводе примера 1 (см. выше) вторая часть предложения явно получилась слишком громоздкой, т.к. после главного предложения идут два придаточных с союзами *чтобы* и *что*. Во 2-м примере он вслед за

оригиналом **три раза** подряд в одном абзаце повторяет слово *девчонки*, что, на наш взгляд, не соответствует нормам русского языка.

Выводы

В результате исследования выявлен ряд особенностей стиля каждого переводчика. Многие специалисты по переводу рассматривают гендер как «плавающую» характеристику, которая может и не проявляться в переводе. Вариативность переводов определяется не только полом автора перевода, но и рядом других факторов, таких как возраст, общественное положение, уровень образования и квалификация, а также индивидуальные особенности и профессиональный опыт. В связи с этим гендер часто рассматривается как переменная, «плавающая» характеристика, то есть фактор, влияние которого непостоянно и может вовсе отсутствовать [9, с. 175].

Такой фактор, как цензура, также сказывается на особенностях перевода, что произошло, например, с переводом Р. Райт-Королевой. Исследователи гендерного фактора в переводах отмечают, «что временной фактор, несомненно, играет важную роль в появлении различий в переводах (прежде всего это касается лексики)» [14].

Так как переводы, сделанные в разные эпохи, руководствуются разными языковыми нормами, то естественно, появление новых переводов в XXI веке потребовало учета изменений в языке и культурном контексте, чтобы обеспечить их актуальность для современных читателей.

На основании исследования женских и мужских переводов романа Дж.Д. Сэлинжера были сделаны следующие выводы относительно особенностей рассмотренных женских и мужских переводов романа, тексты которых мы проанализировали.

Особенности перевода, характерные для стиля переводчиков-мужчин:

1. Лексика обоих переводов отличается довольно широким стилистическим диапазоном, что позволяет передать эмоциональную и подтекстовую нагрузку оригинального произведения. На лексическом уровне оба мужчины-переводчика используют более или менее современную разговорную лексику, которая подходит для передачи эмоциональной речи персонажей. Также в мужских переводах используются вульгаризмы и ненормативная лексика (хотя и в ограниченном количестве), что соответствует оригинальному стилю Сэлинджера и характеру его персонажей.

2. С. Егоров довольно часто применяет в тексте лексику из сленга 90-х и 2000-х, который употребителен и в наши дни, а также производные от этих слов.

3. Перевод Д. Шепелева также характеризуется активным использованием разговорной и сленговой лексики, а также повторениями одного и того же слова в тексте (см. пример в разделе 4.1.3.). Что касается жаргонных слов, которые часто встречаются в его тексте, они встречались как в 1990-х, так вполне употребительны и в наши дни.

4. С. Егоров использует разнообразные синтаксические трансформации (членение, редукция, добавление и опущение части предложения), тогда как Д. Шепелев часто следует структуре оригинального текста, лишь изредка прибегает к членению и объединению предложений.

Анализируя женские переводы, мы отметили следующие особенности:

1. В отличие от переводчиков-мужчин, обе переводчицы в своих текстах избегают употребления вульгаризмов и грубой сниженной лексики, редуцируя ее, либо заменяя на нейтральную или литературную, причем Р. Райт-Ковалевой приходилось это делать также по соображениям цензуры. Что касается Е. Тараник, в ее тексте иногда встречается грубоватая лексика (гребанный, дерьмо и т.д. – орфография Е.Т.), но в очень ограниченном количестве.

2. При переводе сниженной лексики Р. Райт-Ковалева применяет разные приемы перевода – замены, трансформации исходного текста, передающие смысл без употребления грубой сниженной лексики, иногда отдавая предпочтение элиминации.

3. У Е. Тараник не всегда отмечается замена разговорных конструкций аналогами на русском, а в трети случаев наблюдается использование при переводе нейтральной или литературной лексики, что не соответствует стилю оригинала. Обнаружены также некоторые ошибки в правописании слов.

4. Для более четкого выражения мысли оригинала и облегчения чтения текста обеими переводчицами регулярно используются приемы членения предложений, а также лексические и синтаксические трансформации.

5. В переводах Р. Райт-Ковалевой и Е. Тараник грубая сниженная лексика нам не встречалась. На наш взгляд, факт использования такого вида лексики, присущей в основном переводчикам-мужчинам, может служить одним из самых реальных критериев определения мужского или женского перевода по отрывку текста, хотя 100% вероятность всегда сложно гарантировать.

Список источников

1. Salinger J.D. The Catcher in the Rhye. Penguin Group: UK, 2010. 229 p.
2. Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи. Перевод Р. Райт-Ковалевой. Москва: Эксмо, 2025. 224 с.
3. Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи. Перевод Е. Тараник. URL: https://proza.ru/2014/10/17/547 (дата обращения: 10.11.2025).
4. Сэлинджер, Дж. Д. Ловец во ржи. Перевод С. Егорова. URL: https://malgil.com/esl/lvr/extracts.html (дата обращения: 10.11.2025).
5. Сэлинджер Дж.Д. Ловец во ржи. Перевод Д. Шепелева. Москва: Эксмо, 2023. 122 с.
6. Абдусаламов А.П., Рагимханова Т.И. Способы передачи гендерных особенностей речи при переводе // Цифровая наука, 2021. Т. 2. № 3 (14). С. 5 – 16.
7. Александрова Е.С., Сытина Н.А. Гендерные особенности перевода англоязычных художественных текстов на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 6. С. 1805 – 1812.
8. Андриенко Е.В., Горбачева И.М. Гендерная картина мира в контексте современного гражданского общества. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1 (21). С. 81 – 87.
9. Барышникова Г.В., Дубинина И.И. Гендерные преференции в художественном переводе // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 168 – 177.
10. Бровина А.В., Маленко Е.Ю. Гендерные стратегии переводов романа «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1. С. 117 – 129.
11. Воронцова И.И., Навольнева М.А. Два перевода романа Дж.Д. Сэлинджера “The Catcher in the Rhye” в диахронии: сравнительный анализ // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 254-264.
12. Галинская И.Л. Судьба романа Дж. Д. Сэлинджера «Ловец во ржи» Лингвостилистический анализ романа "Ловец во ржи"// Вестник культурологии. 2017. № 2 (81). С. 27 – 49.
13. Анков А.А, Вепрева И.Т., Гаранович М.В. [и др.]. Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография / под ред. А.В. Кириллиной, М.В. Гарановича. Москва: Издательский дом ЯСК, 2022. 400 с.
14. Купп-Сазонов С. Переводят ли женщины и мужчины действительно по - разному? URL: https://www.researchgate.net/profile/Sirje-Kupp-Sazonov/publication/338540792 (дата доступа: 10.11.2025).
15. Лихачев Д.С. Миры Риты Райт. Переводчик – тот третий, который не лишний. URL: https://www.rewizor.ru/literature/culture-faces/miry-rity-rayt-perevodchik--tot-tretiy-kotoryy-ne-lishniy/ (дата обращения: 10.11.2025).
16. Леонтьева К.И. Гендерные характеристики переводчика и их интерпретирующая роль в теории и практике художественного перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 55 – 62.
17. Петренко Д.И. К вопросу о переводах на русский язык романа Дж.Д. Сэлинджера “The Catcher in the Rhye” // Вестник Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова. № 1 (41) 2019. С. 116 – 121.
18. Пост о переводе С. Егоровым романа Дж. Д. Сэлинджера в ВК. URL: https://vk.com/wall-169194635_5382 (дата обращения: 10.11.2025).
19. Рахматуллина Д.Р., Безменова Л.Э., Мангушев С.В. Языковая личность переводчика и прагматическая вариативность перевода (на материале переводов романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 4. С. 1343 – 1350.
20. Тараник Е. Просто рассказы. Изд-во: Ridero, 2017. URL: https://www.litres.ru/book/ekaterina-taranik/prosto-rasskazy-23688192/chitat-onlayn/ (дата обращения: 10.11.2025).
21. Чернышева А.В., Спирюгова А.Г. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // «Гуманитарный вестник» МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2021. № 6 (92).
22. Чуковский К.И. Высокое искусство. М.: Искусство, 1968. С. 105 – 106.
23. Urban Dictionary: as cold as a witch's teat. URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=cold%20as%20a%20witches%20left%20tit (дата обращения: 10.11.2025).

References

1. Salinger J.D. The Catcher in the Rhye. Penguin Group: UK, 2010. 229 p.
2. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. Translated by R. Wright-Kovaleva. Moscow: Eksmo, 2025. 224 p.

3. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. Translated by E. Taranik. URL: https://proza.ru/2014/10/17/547 (accessed: 10.11.2025).

4. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. Translated by S. Egorov. URL: https://malgil.com/esl/lvr/extracts.html (accessed: 10.11.2025).

5. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. Translated by D. Shepelev. Moscow: Eksmo, 2023. 122 p.

6. Abdusalamov A.P., Ragimkhanova T.I. Methods of Conveying Gender Features of Speech during Translation. Digital Science, 2021. Vol. 2. No. 3 (14). P. 5 – 16.

7. Aleksandrova E.S., Sytina N.A. Gender Features of Translation of English-Language Literary Texts into Russian. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2021. Vol. 14. Iss. 6. P. 1805 – 1812.

8. Andrienko E.V., Gorbacheva I.M. Gender Picture of the World in the Context of Modern Civil Society. Economic and Social-Humanitarian Studies. 2019. No. 1 (21). P. 81 – 87.

9. Baryshnikova G.V., Dubinina I.I. Gender Preferences in Literary Translation. Moscow State Linguistic University Bulletin. Humanities. 2021. Iss. 13 (855). P. 168–177.

10. Brovina A.V., Malenko E.Yu. Gender Strategies in Translations of J.D. Salinger's "The Catcher in the Rye". SibScript. 2024. Vol. 26. No. 1. P. 117 – 129.

11. Vorontsova I.I., Navolneva M.A. Two Translations of J.D. Salinger's Novel "The Catcher in the Rhye" in Diachrony: A Comparative Analysis. New Philological Bulletin. 2017. No. 3 (42). P. 254 – 264.

12. Galinskaya I.L. The Fate of J.D. Salinger's Novel "The Catcher in the Rye" A Linguistic and Stylistic Analysis of the Novel "The Catcher in the Rye". Bulletin of Culturology. 2017. No. 2 (81). P. 27 – 49.

13. Ankov A.A., Vepreva I.T., Garanovich M.V. [et al.]. Gender Aspects of Language, Consciousness, and Communication: A Collective Monograph. Edited by A.V. Kirillina, M.V. Garanovich. Moscow: YASK Publishing House, 2022. 400 p.

14. Kupp-Sazonov S. Do Women and Men Really Translate Differently? URL: https://www.researchgate.net/profile/Sirje-Kupp-Sazonov/publication/338540792 (accessed: 10.11.2025).

15. Likhachev D.S. The Worlds of Rita Wright. The Translator – That Third One Who Is Not Superfluous. URL: https://www.rewizor.ru/literature/culture-faces/miry-rity-rayt-perevodchik--tot-tretiy-kotoryy-ne-lishniy/ (accessed: 10.11.2025).

16. Leontyeva K.I. Gender Characteristics of a Translator and Their Interpretive Role in the Theory and Practice of Literary Translation. Issues of Cognitive Linguistics. 2015. No. 1 (42). P. 55 – 62.

17. Petrenko D.I. On the Issue of Translations of J.D. Salinger's Novel "The Catcher in the Rhye" into Russian. Bulletin of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. No. 1 (41) 2019. P. 116 – 121.

18. Post about S. Egorov's translation of J.D. Salinger's novel on VK. URL: https://vk.com/wall-169194635_5382 (accessed: 10.11.2025).

19. Rakhmatullina D.R., Bezmenova L.E., Mangushev S.V. The Linguistic Personality of a Translator and Pragmatic Variability of Translation (Based on Translations of J. Austen's Novel "Pride and Prejudice"). Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. Vol. 17. Issue. 4. P. 1343–1350.

20. Taranik E. Just Stories. Publisher: Ridero, 2017. URL: https://www.litres.ru/book/ekaterina-taranik/prosto-rasskazy-23688192/chitat-onlayn/ (accessed: 10.11.2025).

21. Chernysheva A.V., Spiryugova A.G. Masculinity and Femininity in Modern Society: Transformation Trends. "Humanitarian Bulletin" of Bauman Moscow State Technical University. 2021. No. 6 (92).

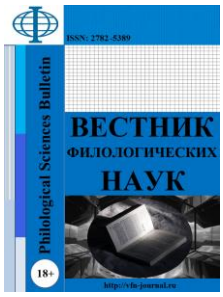
22. Chukovsky K.I. High Art. M.: Iskusstvo, 1968. Pp. 105–106.

23. Urban Dictionary: as cold as a witch's teat. URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=cold%20as%20a%20witches%20left%20tit (accessed: 10.11.2025).

Информация об авторах

Ситдикова Ф.Б., кандидат филологических наук, доцент, член СП Республики Татарстан, Казанский федеральный университет (КФУ), farida7777@yandex.ru

© Ситдикова Ф.Б., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 659.1

[1] ***Соколова А.С.***

[1] ***Волгоградский государственный социально-педагогический университет***

Современный тезаурус, лингвокреативность, лингвоэкологичность как культурный аспект русского рекламного текста

Аннотация: *в условиях современной действительности значение рекламной коммуникации неуклонно возрастает, охватывая все общественные сферы посредством многообразных каналов. На сегодняшний день многие аспекты рекламной деятельности подверглись детальному научному исследованию.*

Целью исследования является речевой материал современной рекламы как предмет проявления в нем лингвистической креативности, которая оценивается с точки зрения повышения или понижения уровня качества речи. Для достижения научной цели проведен анализ рекламного текста как суггестивный знак, рассмотрены типологии рекламных текстов (жанровая классификация), подробно описаны структурно-семантические параметры различных типов рекламы, лингвистические и паралингвистические средства, используемые рекламой.

Результативность рекламного текста зависит от его апелляции к культурным ценностям, что является необходимым условием эффективности рекламного текста.

Данная статья так же посвящена вопросам лингвистической экологии, связанным с восприятием потребителями современной рекламы - ее лингвистической и коммуникативной валидности/невалидности и агрессивности/неагрессивности.

Результаты анализа рекламных текстов имеют прямое применение в области совершенствования маркетинговых стратегий. Они обеспечивают основу для оптимизации рекламных кампаний, уточнения сегментации целевой аудитории, повышения коммуникативной эффективности сообщений и разработки новых креативных концепций. Исследование также способствует глубокому пониманию механизмов воздействия рекламы на потребителей, что позволяет осуществлять своевременную коррекцию для достижения установленных бизнес-целей.

Ключевые слова: *лингвокреативные инновации, лингвистическая креативности, лингвистическая экология, семантика; реклама; рекламный текст, нормы языка*

Для цитирования: Соколова А.С. Современный тезаурус, лингвокреативность, лингвоэкологичность как культурный аспект русского рекламного текста // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 222 – 232.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Sokolova A.S. ***[1] Volgograd State Social and Pedagogical University***

Modern thesaurus, linguistic creativity, linguistic ecology as a cultural aspect of the Russian advertising text

Abstract*: in today's world, the importance of advertising communications is steadily increasing, encompassing all areas of society through a variety of channels. Many aspects of advertising have now been subject to detailed scientific research.*

The purpose of the study is the speech material of modern advertising as a subject of linguistic creativity, which is evaluated in terms of increasing or decreasing the level of speech quality. To achieve the scientific goal, the analysis of the advertising text as a suggestive sign is carried out, the typologies of advertising texts (genre classification) are considered, the structural and semantic parameters of various types of advertising, linguistic and paralinguistic means used by advertising are described in detail.

The effectiveness of an advertising text depends on its appeal to cultural values, which is a prerequisite for the effectiveness of an advertising text.

This article is also devoted to issues of linguistic ecology related to consumers' perception of modern advertising - its linguistic and communicative validity/invalidity and aggressiveness/non-aggressiveness.

The results of the analysis of advertising texts have direct application in the field of improving marketing strategies. They provide the basis for optimizing advertising campaigns, clarifying the segmentation of the target audience, increasing the communicative effectiveness of messages, and developing new creative concepts. The study also contributes to a deep understanding of the mechanisms of advertising's impact on consumers, which allows for timely adjustments to achieve established business goals.

Keywords: *linguistic and creative innovations, linguistic creativity, linguistic ecology, semantics; advertising; advertising text, norms of language*

For citation: Sokolova A.S. Modern thesaurus, linguistic creativity, linguistic ecology as a cultural aspect of the Russian advertising text. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 222 – 232.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

В современных условиях роль рекламных текстов неуклонно возрастает. Рекламное воздействие охватывает все сферы, определяющие функционирование и прогресс социума, активно используя разнообразные лингвистические приемы. Сейчас детально изучены многие грани рекламной коммуникации. Таким образом, рекламные сообщения воспринимаются как носители скрытого воздействия, направленного на формирование желаний и мнений. Представлена систематизированная классификация рекламных текстов по жанрам. Детально проанализированы структурные и смысловые характеристики каждого типа рекламы, а также их языковые и невербальные составляющие.

Реклама, будучи явлением языка и культуры, раскрывает ключевые ценности современного общества. Она одновременно адаптируется к существующей культурной среде и активно формирует её. Отражая мировоззрение людей, рекламные тексты демонстрируют их преобладающие установки, сформированные под влиянием конкретных исторических и культурных условий. При этом реклама сама влияет на эти установки, оказывая обратное воздействие на общество. На основании рекламы можно сделать заключения об особенностях, культурных ценностях и этнических чертах того или иного общества.

Материалы и методы исследований

Лингвистическая креативность в рекламе – это не просто игра слов, а осознанный инструмент. Рекламисты творчески подходят к языку, иногда нарушая привычные правила. Такой подход позволяет выделиться, запомниться и, в конечном итоге, привлечь внимание к рекламируемому товару, что является ключевой задачей рекламной деятельности.

Цель исследования: анализ лингвистической креативности в современной рекламной речи, с оценкой ее влияния на качество языка.

Задачи исследования:

1. Теоретическая подготовка: изучить существующие научные работы по теме и сформулировать основные идеи исследования.
2. Сбор данных: собрать примеры рекламных текстов, чтобы выявить новые, необычные языковые приемы и речевые особенности, которые выходят за рамки общепринятых норм.
3. Анализ языковых приемов: оценить эти новые приемы с точки зрения их креативности и влияния на качество речи (положительное или отрицательное).
4. Выводы: сделать общие выводы о том, как языковые инновации используются в современной рекламе для достижения главной цели – привлечения внимания потребителей и увеличения продаж.

Объект исследования: рекламные тексты.

Материал исследования: для анализа языковой креативности и культуры речи в рекламе будут использованы различные рекламные материалы, включая телевизионные и радио-ролики, интернет-рекламу и баннеры.

В ходе исследования применялись следующие методы: изучение, сопоставление и систематизация теоретических и исторических данных, представленных в научной литературе; анализ языковых единиц, формирующихся в языке, с учетом их соответствия нормам лингвистики; лингвистический, семантический и стилистический анализ рекламных материалов.

Актуальность изучения современных тезаурусов, лингвистического творчества и лингвистической экологии как культурных аспектов русских рекламных текстов обусловлена рядом факторов: влиянием рекламы на общество. Реклама влияет на жизнь современного человека самыми разными способами - от стимулирования принятия решения о покупке до формирования образа жизни и мировоззрения.

Язык рекламы мгновенно реагирует на появление новых идей и событий, и изменения во всех сферах жизни неизбежно отражаются в рекламных текстах.

Различные проявления языкового творчества широко используются в современном рекламном дискурсе, поскольку позволяют достичь главной цели рекламной деятельности - привлечь внимание потребителя рекламируемого товара. Реклама отражает общекультурный уровень, в том числе специфическую языковую культуру русского народа. Поэтому актуальность исследований в данной области связана с необходимостью комплексного изучения отечественной рекламы в ее социокультурном, стилистическом, культурологическом и фонетическом аспектах.

Результаты и обсуждения

Рекламный текст можно рассматривать как отражение образа мира реципиента. В процессе создания текста автор рекламного текста учитывает элементы собственного образа мира, которые впоследствии отражаются в образе мира реципиента и определяют степень восприятия текста.

Как проявление этнокультурных особенностей, зафиксированных в языке этноса в поликультурном обществе, рекламные тексты могут рассматриваться в качестве фрагмента образа мира этноса и одной из форм существования и функционирования языкового сознания этноса.

Лингвисты рассматривают рекламу как особую область, где создаются рекламные тексты. Язык – это зеркало культуры народа, на котором он говорит. Он передает знания, служит основой для их понимания и помогает узнавать новое.

Цель всякой рекламы − воздействовать на покупателей так, чтобы побудить приобрести рекламируемый продукт или сервис. При этом хорошие рекламные тексты должны отображать актуальные социальные тренды и ценности. Для рекламы товаров для старшего поколения и молодежи, применение одних и тех же языковых приемов не имеет смысла. Поэтому в рекламных материалах применяется лексика, свойственная целевой аудитории, и описываются ситуации из уникальной жизни объекта рекламы («леденцы - для очень крутых людей»). Однако все это не должно переходить из сферы неологизмов в имитацию (американские «вау» или «да») или жаргон (пресловутое «не тормози - Snickers the black way») [1, с. 78].

Язык рекламы часто сознательно нарушает языковые нормы и правила разговорного общения или искажает клише, чтобы сделать сообщение более выразительным и отразить мировоззрение получателя:

1. *«Добрый Сусанин»* – салон связи [http://sevgps.com/].
2. *«Салон красоты «Носорог»* [https://www.afisha.ru/msk/beautyshop/nosorog-7883/].
3. *«Центр релаксации и досуга «Мумия»* [https://www.huzhe.net/pictures/centr-relaksacii-i-dosuga-quotmumijaquot/80274].

Игра слов, в основном, строится на создании необычных ситуаций, где становится очевидной разница в значениях слов, что приводит к комическому эффекту. Например, в шутке про чайник «T-fal» обыгрывается многозначность слова "чайник": с одной стороны, это бытовой прибор, а с другой - человек, не разбира-

ющийся в чем-либо. Смешно становится из-за столкновения этих разных значений в одном предложении [17, с. 121].

Визуальное разделение частей слов может исказить их первоначальный смысл, создавая неоднозначность. Возьмем, к примеру, рекламу пива «Сибирская корона»: выделение слова «КОРОНА» намекает на торжественную церемонию коронации, а не просто на бренд напитка [https://companies.rbc.ru/trademark/323721/priglashenie-na-koronatsiyu-sibirskaya-korona/].

При анализе слова «коронация» можно выделить два толкования:

- Прямое упоминание пива Corona.
- Метафорическое обозначение триумфа продукта-победителя.

Последнее значение продиктовано рекламной кампанией и призвано подчеркнуть исключительность и превосходство рекламируемого товара, позиционируя его как неоспоримого лидера.

Использование авторских неологизмов – один из действенных способов сделать тексты, отражающие национальное языковое мышление, более выразительными. В результате рекламные сообщения насыщаются свежими лексическими формами. Их необычность нередко вызывает интерес, что делает этот прием характерным для рекламной сферы.

Для того чтобы ярко представить рекламируемый товар, можно прибегнуть к созданию окказионализма, отталкиваясь от названия бренда. Так, в рекламе пельменей «Нуф-Нуф» появляется слоган «Ну, очень нуфнуфно!» [https://www.youtube.com/watch?v=XBU_CXYLYtk]. Этот окказионализм, «нуфнуфно», построен по принципу соответствия слову «вкусно» и относится к наречиям, подчеркивая особую характеристику продукта.

Иноязычные окказионализмы часто не поддаются переводу из-за отсутствия точного русского эквивалента. Это приводит к тому, что, если адресат не знаком с английским, вся игра слов теряет свою силу. Ярким примером служит название корма для кошек «Whiskas». Это слово, возникшее от «Whisker» («усы»), в рекламном слогане «Ваша киска купила бы Whiskas» [https://www.youtube.com/watch?v=xJUCZZ9EgVQ] остается на английском, поскольку его перевод на русский язык невозможен.

Язык служит зеркалом, отражающим как окружающий мир, так и человеческий разум, способный его осмыслить. Национальная языковая картина мира – это уникальный способ формирования нашего представления о реальности. Она многогранна и охватывает все области знаний: научные открытия о мире, понимание человека и общества, что в совокупности составляет накопленные человечеством знания на данном этапе развития [5, с. 204].

Итак, можно заключить, что на нынешнем этапе развития языкознания национальная языковая картина мира выступает предметом описания и толкования в рамках гуманитарного научного сообщества. Анализ языка рекламы показывает, что она служит зеркалом национального самосознания и отражает текущее состояние общества. Интерпретация рекламных сообщений, в свою очередь, представляет собой сложный и перспективный процесс.

Языковые новации в рекламе: тенденции развития языка?

Реклама - один из основных источников языковых инноваций. Рекламодатели стремятся придумать оригинальные и запоминающиеся выражения, чтобы вызвать интерес к своей продукции и желание ее купить. Таким образом, рекламные тексты являются источником новых слов и выражений, которые затем становятся частью общеупотребительного лексикона.

Реклама также способствовала «гибридизации», что привело к формированию современных типов рекламных текстов [4, с. 35].

При исследовании рекламы как двигателя языковых изменений важно сосредоточиться на следующих ключевых моментах:

Творчество и стратегии в рекламе: Рекламные кампании часто рождаются из нестандартных идей, что подталкивает к использованию новых языковых форм. Рекламодатели активно применяют метафоры, аллегории, каламбуры и другие приемы, чтобы создать яркие и эмоционально насыщенные сообщения, которые легко запоминаются.

Влияние рекламы на значение слов: Реклама способна менять смысл слов и выражений, формируя новые ассоциации и подтексты. Например, компания «Apple» успешно связала свое название с инновациями и успехом.

Новые слова и формы слов в рекламе: Реклама часто использует создание новых слов и частей слов (морфем) для привлечения внимания и формирования уникального образа продукта.

Примеры словообразования: Реклама может порождать новые слова. Например, компания Google превратила свое название в глагол, создав в русском языке слово "гуглить".

Изменения в построении предложений: Реклама может влиять на структуру и порядок слов в предложениях.

В рекламе часто экспериментируют с синтаксическими структурами, создавая уникальные и необычные фразы:

- Рекламодатели часто используют нестандартные способы построения предложений, чтобы сделать свои слоганы запоминающимися и оригинальными. Вот несколько распространенных приемов:
- Разбивка на короткие фразы: сложные предложения делят на простые и лаконичные. Это помогает выделить ключевые моменты и сделать слоган более выразительным и понятным. Пример: "В ноябре Египет особенно порадует вас. Спокойное солнце. Теплое море."
- Разделение на части с повтором: в начале предложения упоминается объект рекламы, а затем он же, но уже в форме местоимения или синонима. Пример: "Йогурт. Что мы знаем о его пользе?"
- Неполные предложения: в предложениях намеренно опускаются некоторые слова, обычно глаголы, которые понятны из контекста. Это делает слоган более динамичным, кратким и легким для восприятия.
- Параллельные конструкции: части предложения или несколько предложений строятся по схожей схеме. Это создает ритм и помогает сделать слоган более запоминающимся [3, с. 52].

Реклама − это живое, динамичное явление, которое оказывает положительное влияние на язык и его развитие. Она создает новые языковые выражения, обогащает словарный запас и изменяет языковые структуры. Чтобы лучше понять этот процесс, необходимо рассмотреть примеры рекламных кампаний, которые иллюстрируют влияние рекламы на языковые тенденции [12, с. 510]. Такие примеры помогут прояснить конкретные механизмы воздействия рекламы на язык и понять, как реклама стимулирует лингвистические инновации.

Примеры рекламных кампаний, которые оказывают влияние на языковые тренды:

1. ALWAYS: «Как девчонка» [https://www.youtube.com/watch?v=5lciS3dyzRc].

Идея: разрушение стереотипов.

ОПИСАНИЕ: Always разработала кампанию, чтобы показать, как люди воспринимают фразу «будь девочкой». Она показала, что эта фраза ассоциируется с силой, а не со слабостью. Результатом стали 90 миллионов просмотров на YouTube, шум в СМИ по всему миру и более сильная эмоциональная связь с брендом.

Причины успеха: социально значимая тема, вовлечение людей в диалог.

2. Snickers: «Не тормози сникерсни» [https://www.youtube.com/watch?v=7IpFfPOeXwA].

Применяется подростковый сленг и неологизм, адаптирующий грубое иностранное слово snickers к русскоязычной аудитории – слоган обязан быть броским, нести эмоциональный посыл. Интенсивность эмоциональной окраски слогана – половина его успеха. - желательно, чтобы слоган включал дополнительные смысловые пласты. Покупателям нравится разгадывать подтекст рекламного высказывания. Применение игры слов усиливает восприятие и запоминаемость [2, с. 64].

3. Snickers: «Ты не ты, когда голоден» [https://www.youtube.com/watch?v=HTOKhlyB8v4].

Общая концепция рекламы продукта - активным молодым людям иногда срочно требуется «подзарядить» свои батарейки. Этот рекламный слоган привнес новшество в русский язык, и молодежь, и взрослые стали использовать его в своих словарях.

Рекламные слоганы разрабатываются с учетом лингвистических и психологических особенностей восприятия. Они должны быть максимально информативными и лаконичными. Современная реклама тяготеет к разговорному стилю, а слоганы играют важную роль в коммуникации с потребителем, помогая запомнить бренд и продукт.

Влияние рекламы на семантику и коннотации. Реклама оказывает огромное влияние на семантику языка, изменяя значение слов и фраз и создавая новые ассоциации и коннотации. Различные стратегии и приемы, используемые в рекламе, могут создавать глубокие эмоциональные связи и захватывать, и удерживать внимание потребителей.

В следующих разделах описаны основные способы, с помощью которых реклама влияет на семантику и коннотацию слов:

1. Создание символической коннотации.

Символические коннотации формируются на основе традиций, существующих в культурном поле. Для этого типа коннотации важно всеобщее согласие с тем, что образ или понятие признается символическим.

Реклама может связывать с продуктами и брендами определенные смыслы и ассоциации.

Например, рекламные кампании автомобилей часто ассоциируются с понятием "свобода" и известными местами, чтобы придать имсимволический оттенок:

- *Твой автомобиль – твоя свобода!* (RenaultSanderoStepway)
[https://www.youtube.com/watch?v=QpUBfvNyMs0].
- *Свобода Быть Собой!* (ToyotaRAV4)
[https://www.youtube.com/watch?v=QHVPirXdLfw].
- *Corolla. Чувство свободы!* (Toyota Corolla).
[https://www.drive2.ru/r/toyota/corolla/288230376151921213/logbook/?ysclid=lqfkdkujgc728899236].
- *Максимум возможностей. Максимум свободы* (Toyota RAV4)
[https://www.drive2.ru/b/4062246863888210670/?ysclid=lqfl7lnlmr126188933].
- *Для тех, кто свободен в своих стремлениях* (Ford Mondeo ST220)
[https://www.drive2.ru/b/561925/?ysclid=lqflabb5wh517841866].
- *Landrover. Рожденныйсвободным* (Land Rover Freelander)
[http://turbonsk.ru/rozhdennyj-svobodnym-test-drajv-land-rover-freelander-ii/?ysclid=lqflfh7k3i54083505].

2. Использование метафор и аллегорий:

Метафоры в рекламе играют важную роль в формировании имиджа бренда и влиянии на принятие решений потребителем. Они могут кратко и эффективно выразить преимущества товара и служат не только лингвистическим средством создания образа, но и играют своеобразную дискурсивную роль.

Аллегория в рекламе используется для раскрытия текста с целью воплощения той или иной характеристики рекламируемого продукта. Она может создавать мощные ассоциации и аналогии, которые помогают потребителям лучше понять и запомнить информацию о товаре или услуге. Например, автор рекламы батончика «Баунти» использует все языковые и визуальные средства для создания аллегории «идеального отдыха».

Аллегория также может помочь передать сложные, абстрактные идеи более простым и понятным способом.

Часто употребляются глаголы «погружаться», «окунаться». Этот глагол предполагает погружение в другой мир, отличный от повседневной жизни:

«Окунись в море наслаждения с этим горячим шоколадом в дождливый вечер или пасмурное утро!!!» [https://irecommend.ru/content/okunis-v-more-naslazhdeniya-s-etim-goryachim-shokoladom-v-dozhdlivyi-vecher-ili-pasmurnoe-ut].

Еще один глагол, который часто метафорически используется в рекламе шоколада, - «баловать», «баловать» или «баловать». Женщин призывают любить себя и делать больше того, что они любят: «*Погрузись в совершенство»* [https://elika.spb.ru/aktery-pevtsy-zvyozdy/reklama-shokolada-vdohnovenie-s-tsiskaridze.php?ysclid=lqfmo47y1n283030500].

Реклама шоколадных батончиков ориентирована в основном на мужскую аудиторию, поэтому в ней часто используются метафоры, связанные, например, с автомобилями. Например, в следующей рекламе шоколада Snickers используется фразовый глагол «заправлять топливом, горючим». Основная функция таких батончиков–быстро утолить голод: *Сникерс тебя заправит* [https://www.youtube.com/watch?v=HTOKhlyB8v4].

3. Игра слов и двусмысленность:

Игра слов и двусмысленность в рекламе используются для привлечения внимания потенциальных покупателей, создания комического эффекта и стимулирования когнитивных процессов.

Игра слов в рекламе − это взаимодействие (игра) двух слов или двух значений одного слова. Например, в рекламе духов Diolella от Dior эффект игры слов был создан за счет использования названия «Cinderella» - имени сказочной героини Золушки. Здесь рекламодатели заменили корень слова -cind- на корень слова -dior-, но покупатели легко догадались, о какой принцессе идет речь.

Двусмысленность в рекламе появляется из-за игры слов. Например, Snickers использовал фразу «Я не тот, кто я есть, когда я голоден», чтобы привлечь внимание к продукту с помощью двусмысленности и ассоциаций [https://www.youtube.com/watch?v=HTOKhlyB8v4].

Кроме того, для создания двусмысленности реклама часто использует сходство звучания и двусмысленность значения, чтобы «запутать» получателя и заставить его думать по-другому.

4. Переосмысление значений:

Переосмысление смысла в рекламе − это явление, при котором комплексное значение фразы распадается на отдельные значения составляющих ее слов, в результате чего выражение приобретает в сознании потребителя новый смысл, неразрывно связанный с темой рекламы.

Например, «Dove» использовал слово «красота» не только во внешнем смысле, но и в смысле внутренней уверенности и само принятия: «*Эскизы настоящей красоты!*» [https://www.youtube.com/watch?v=LMgAr2KgvL0].

Воздействие рекламы на словообразование и морфологию.

Семантическое воздействие. Это когда привычные слова используют по-новому, придавая им другой смысл. Скажем, в рекламе слово "мобилизация" может относиться не к призыву в армию, а к мобильным телефонам и желанию их купить.

Соединение слов. Многие новые слова создаются путем объединения привычного русского слова и названия товара. В результате значения обоих слов переплетаются, делая новые слова более насыщенными и яркими.

Аббревиатуры. Используются для повышения информативности текста и экономии рекламной площади. Например, ЧОП (частное охранное предприятие); МИФ (фонд капитальных вложений), ПИК (первая ипотечная компания), СОМ (строительно-отделочные материалы) и т.д.

Слова из других языков или неквалифицированных подсистем языка также могут быть заимствованы в рекламе.

Рассмотрим на примерах рекламных текстов:

1. Морфологические изменения:

Известно, что реклама влияет на морфологию слов и создает новые названия для товаров и услуг. Например, такие словообразовательные модели, как дополнение и инкорпорация, используются для привлечения целевых читателей и для того, чтобы идея товара или услуги была точно отражена в рекламном тексте.

Например, компания Starbucks добавила к своему бренду приставку "франшиза", создав новое слово "франшизабакс" для обозначения своих франчайзинговых кофеен [https://rustube.cc/svideos/].

2. Компаунды и слитное написание:

Слова - композиты также используется в рекламе. Состав слова - это морфологический состав из двух или более корней (основ) слова. Например: «ЙодБаланс», «Ярпиво», «Техносила», «Цифроград», «Фрутоняня», «Росдент», «Главлизинг», «7-Up. Жаропонижающий жаждоутолитель»

3. Использование суффиксов и приставок:

В русской рекламе широко используются суффиксы: «к-», «-ик-», «-ишк-», «-ечк-», «-очк-», «-чок-», «-енк-», «-онк-», «-ул-», «-ус-»; а также «-ил-», «-ин-», «-ищ-», «-ух-», «-ох-», «-ях-» и др. Пример использования: «Телевизор SONY 25 дюймов, это мой размерчик!» [https://www.mvideo.ru/televizory-i-cifrovoe-tv-1/televizory-65/f/brand=sony?ysclid=miawnbcqd2116962044].

Гиперболический префикс «Супер» широко используется в русских рекламных префиксах. С помощью этой приставки образуются существительные, подразумевающие увеличение качества или действия, и прилагательные, подразумевающие высокую степень признаков. Пример: «Гослото. Суперприз - 100 миллионов рублей» [https://www.stoloto.ru/].

Часто используются суффиксы, которые придают словам разговорный оттенок, простоту, отвечающую всеобщему энтузиазму понимания и доступности рекламного текста для всех социальных и возрастных групп населения: анимашка, smska и пр.: «Скачать Анимашку…» [http://wap.mobilmusic.ru/fileanim.html?id=991695].

4. Создание неологизмов.

Новые слова в рекламе создаются по нескольким словообразовательным моделям. Префикс присоединяется к мотивирующему слову, часто к названию бренда. Например, в рекламе маркетологи используют префикс SUPER- или MEGA-, чтобы придать сообщению выразительность и динамичность.

Изменения в синтаксисе и структуре предложений.

Прагматическая установка рекламного послания определяет не только лексическое содержание текста, но и его синтаксис, то есть формальную организацию фразы, напрямую связанную с коммуникативными намерениями рекламодателя. По мнению специалистов теории рекламы, синтаксис рекламного текста отличается сжатостью и краткостью, динамизмом и выразительностью, смещением центра внимания, а главное – категоричностью.

В рекламе часто экспериментируют с синтаксисом и структурой предложений, чтобы создать привлекающие внимание и запоминающиеся сообщения. Новые языковые структуры, созданные в рекламе, могут служить ярким примером лингвистических инноваций. Давайте рассмотрим некоторые из основных изменений в синтаксисе и структуре предложения, произошедших под влиянием рекламы.:

1. Короткие и лаконичные предложения:

Короткие, простые предложения часто используются в рекламе, для быстрой и легкой передачи основной идеи или сообщения «Просто сделай это» [https://www.youtube.com/watch?v=asdhLXCTMAI] от Nike – короткое и эмоциональное предложение, ставшее ярким примером синтаксической инновации.

2. Фрагментирование предложений:

Рекламные объявления могут фрагментировать текст, чтобы создать эффект незавершенности и вызвать интерес аудитории. Например, «Думай иначе» [https://www.iphones.ru/iNotes/189354?ysclid=lqfq5zzyy957022651] от Apple – предложение, состоящее из двух слов, вызывает внимание и призывает к творческому мышлению.

3. Игра со словами и структурой предложений:

Реклама часто использует игру слов и структуру предложений для создания игрового и привлекательного эффекта.

Например, «Откройте счастье» [https://vk.com/video-91680382_171408036?ysclid=lqfq7wfidq754709080] от Coca-Cola – фраза, в которой играется со значением слова «откройте» и вызывается ассоциация с открытием бутылки напитка и наступлением счастья.

Реклама экспериментирует с синтаксисом и структурой предложения, чтобы достичь определённых целей воздействия**.** Например, заинтересовать внимание покупателя, убедить в потребности купить рекламируемый продукт, сформировать отношение и интерес к предмету рекламы.

Эти изменения в синтаксисе и структуре позволяют рекламе привлекать внимание, создавать эмоциональные связи и формировать лингвистические инновации. Изучение этих изменений помогает понять, как реклама влияет на языковые тенденции и формирует лингвистические конвенции.

Лингвоэкология: выбор тем и номинаций. Русский язык и российское общество находятся в тесной взаимосвязи: изменения в обществе находят отражение в языке, а язык, в свою очередь, формирует и отражает эти изменения.

Лингвистическая экология (лингвоэкология, лингвистическая экология, экология языка, экология языка, экологическая лингвистика) − это часть десмоэкологии и науки о языке. Это изучение и развитие защитных ресурсов для языков. Таким образом, лингвистическая экология является одним из элементов реализации базовой потребности в безопасности существования языка. Экология языка изучает язык, чтобы понять его эволюцию, оценить его состояние, предупредить о возможных негативных тенденциях и защитить его от угроз, рассматривая язык как важнейший инструмент человеческого взаимодействия [11, с. 295].

Использование жаргона, иностранных слов и пренебрежение правилами вежливого общения негативно влияют на качество речи. Эти нарушения особенно заметны в рекламе и снижают ее эффективность. Особую проблему представляет агрессия в рекламных сообщениях. Агрессия может проявляться как в форме защиты (оборонительная), так и в деструктивной форме (злокачественная). Например, рекламный слоган "2 раза в день в Вену!" [https://orlllangur.livejournal.com/405533.html] содержит неоднозначность (неясно, намеренную или случайную), что ухудшает восприятие и снижает результативность рекламы.

Рекламный слоган "ЗА БАЗАР ОТВЕЧАЕМ!" [https://www.youtube.com/watch?v=PKq_PZlvvvo] использует игру слов, основанную на многозначности слова "базар":

Первое значение: рынок, место торговли.

Второе значение: шум, крик, разговор (в разговорной речи).

Эта фраза, появившаяся в 90-е годы, подразумевает, что компания "держит слово" и отвечает за свои обещания. Слово "базар" в данном контексте перешло из разговорной речи в язык, ассоциирующийся с криминальной средой (уголовный жаргон), хотя формально является частью русского языка. Риторическое восклицание усиливает воздействие слогана на потребителя.

Рекламный текст и нормы языка.

Невозможно вообразить нынешнюю жизнь без рекламы. Реклама – это динамичная, быстро трансформирующаяся сфера человеческой деятельности. На протяжении многих столетий реклама сопровождает индивида. Контекст и характер рекламы изменяются вместе и под воздействием перемен в укладе жизни и способах организации человека. Реклама развивается под воздействием экономических, политических, религиозных и социальных сил. Но, по сути, она является частью культуры и подчиняется своим собственным законам.

Главная задача современных рекламных текстов - привлечь внимание потенциальных покупателей. В связи с этим реклама часто намеренно нарушает языковые нормы и заставляет нас задуматься о смысле рекламных текстов. Непреднамеренное искажение языковых норм также возможно, что, в свою очередь, свидетельствует о низкой грамотности отдельных специалистов по рекламе.

Основополагающей характеристикой русского письменного языка является его нормативность. Это означает, что в русском языке существуют четкие правила грамматики, зафиксированные в авторитетных справочниках и обязательные для соблюдения всеми, кто пишет на русском.

Норма определяет единственный правильный или предпочтительный способ использования слова, его формы или построения предложения, чтобы речь была грамотной и образцовой.

В зависимости от того, насколько хорошо человек владеет языком, эти нормы делятся на разные категории. Нарушения этих норм проявляются в ошибках в правописании (орфография), выборе слов (лексика), построении предложений (грамматика), написании слов (орфография) и расстановке знаков препинания (пунктуация).

Кроме уже известных способов классификации нарушений языковой нормы, существует и другой подход. С.И. Влахов разделяет все отклонения на две основные группы:

Групповые (коллективные) отклонения: это языковые особенности, характерные для определенных социальных групп или территорий. К ним относятся диалекты (местные говоры), просторечия (грубая, разговорная речь), жаргонизмы (язык узких социальных групп), сленг (молодежный, профессиональный и т.п. язык) и специальные языки (например, языки профессиональных сообществ).

Индивидуальные отклонения: это нарушения, присущие конкретному человеку. Они включают в себя разнообразные проявления неформальной речи, намеренное искажение языка, особенности детской речи, а также различные речевые дефекты, такие как шепелявость, невнятная дикция, мычание, заикание, картавость и орфографические или произносительные ошибки.

В русском литературном языке существуют правила, которые делятся на группы в зависимости от того, какой аспект языка они регулируют и где применяются [6, с. 3]. Эти правила включают:

– Правила произношения (орфоэпические).
– Правила выбора слов (лексические).
– Правила стиля (стилистические).
– Грамматические правила, состоящие из:
а) правил образования слов (словообразовательные);
б) правил изменения слов (морфологические);
в) правил построения предложений (синтаксические).
– Правила правописания, включающие:
а) правила написания слов (орфографические);
б) правила расстановки знаков препинания (пунктуационные) [9, с. 55].

Орфографические нормы регулируют правильное написание слов, их частей и предложений, а также использование произношения, ударения и интонации.

Лексические нормы определяют, как правильно использовать слова и устойчивые выражения в соответствии с их значениями. Если вы не знаете значения слова или его частей, ваше высказывание может стать непонятным или привести к ошибкам в речи.

Стилистические нормы диктуют, как использовать языковые средства в зависимости от их стилистических особенностей, то есть "окраски". Стилистическая окраска помогает выбрать подходящие слова и выражения для конкретной ситуации общения. Неправильное использование слов и выражений, не соответствующих стилю общения или тексту, считается ошибкой.

Грамматические нормы включают в себя правила словообразования, морфологии и синтаксиса.

Словообразовательные нормы регулируют образование новых слов. Знание этих правил, умение разбирать слова на части и понимать их значение помогает избежать ошибок и улучшить грамотность.

Морфологические нормы касаются правил изменения слов разных частей речи.

Синтаксические нормы определяют, как правильно сочетать слова и строить предложения. Они включают в себя порядок слов, согласование слов, использование определений, правила управления словами, построение предложений с однородными членами, использование причастных и деепричастных оборотов, а также соединение частей сложных предложений.

Орфографические нормы охватывают в себя орфографические (правила написания слов) и пунктуационные (правила расстановки знаков препинания) нормы.

Авторы рекламных слоганов часто намеренно нарушают правила русского языка. Некоторые из этих нарушений делаются осознанно, как, например, в рекламе магазина "Вова". Здесь каждая буква названия расшифровывается: "в" – всегда, "о" – огромный, "в" – выбор, "а" – Адежды [https://vk.com/vova_shop?ysclid=lqfrv7x71p480467918].

Вероятно, создатель слогана знал, как правильно пишется слово "одежда", но намеренно исказил его. Однако такой подход вряд ли привлечет внимание образованных покупателей.

Аналогичные примеры рекламных текстов (названия магазинов):

- *«ЧОДУРАА»* [https://business.dom-penoblokov.ru/choduraa-shagonar?ysclid=lqefe0a3k3486160437];
- *«Шыны»* [https://www.amic.ru/news/shyny-reklama-s-oshibkoy-zainteresovala-antimonopolschikov-256716?ysclid=lqefgexwnl104796893];
- «Мы переехали электрика!» [https://www.artlebedev.ru/kovodstvo/idioteka/2013/12/24/?ysclid=lqefna2bek778228353];

Неточности в рекламе негативно влияют на восприятие бренда. Потенциальные клиенты, особенно взрослые, скорее всего, отреагируют отрицательно на подобные ошибки и выберут конкурентов. Это может быть следствием недостаточного внимания к деталям или, возможно, недостаточной грамотности авторов рекламных материалов.

Выводы

Согласно полученным данным, можно сделать выводы:

– Язык рекламы, согласно проведенному анализу, выполняет функцию зеркала национального самосознания, отображая при этом современное состояние общества.

– Рекламная деятельность способствует появлению новаторских языковых оборотов, расширению словарного запаса и модификации языковых моделей.

– На основе полученных данных выявлено о снижении языковой культуры, причем наиболее ярко это проявляется в устной и письменной речи в рекламе, где часто игнорируются грамматические, лексические и орфографические нормы.

Список источников

1. Базанова А.Е. Кириленко Н.П. Особенности языка рекламы как одной из разновидностей массовых коммуникаций // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. 2013. № 2. С. 78 – 80.
2. Байрамова К.В., Кубаева О.В. Языковые особенности рекламного слогана // Наука и образование сегодня. 2017. № 3 (84). С. 63 – 65.
3. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 288 с.
4. Кара-Мурза Е. «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты // Жизнь языка, 2000. С. 32 – 37.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: 2003. 349 с.
6. Максимова В.И. Русский язык и культура речи: учебник / под ред. В.И. Максимова. М.: Гардарики, 2000. 413 с.
7. Миронова А.В., Антонов В.П. Не всё дозволено в рекламе, или Проблемы нарушения российского законодательства о рекламе (на материале региональной рекламной продукции) // Вестник Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова. 2019. № 3 (29). С. 81 – 100.
8. Нестерова А.Е. «Факторы коммуникативных неудач на материале печатных рекламных текстов». [Электронный ресурс]. URL: https://nsportal.ru/vuz/filologicheskie-nauki/library/2012/08/16/diplomnaya-rabota-faktory-kommunikativnykh-neudach-na (дата обращения: 23.06.2025).
9. Разживкина Т.В. Нормы русского литературного языка в современных рекламных текстах // Молодой ученый. 2020. № 44 (334). С. 54 – 57.
10. Самедова С.Н.К., Пестова М.С. Понятие рекламного дискурса в современной лингвистике // Современные научные исследования и инновации. 2023. № 9. С. 508 – 511.
11. Скворцов Л.И. Лингвистическая экология // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.И. Ширяева и др. М.: Флинта-Наука, 2003. 295 с.
12. Суворова Н.Н. Фонетические, синтаксические и лексические образные средства в основе языкового творчества в современной рекламе // Филология: научные исследования. 2017. С. 50 – 57.
13. Телепнева Т.Ю. Рекламный текст как объект исследования в лингвистике: теоретический аспект // Образование. Педагогика: электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. № 43. С. 178 – 180.

14. Филатова В.И. Проблемы правового регулирования рекламы, распространяемой по сетям электросвязи // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 22. С. 814 – 818.

15. Шестак Л.А. Рекламный текст: ценности меняющегося мира // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2024. № 4 (35). С. 100 – 105.

16. Шестак Л.А. Лингвистическая экспертиза современных рекламных текстов: задачи и решения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 109 – 118.

17. Ягодкина М.В. Отражение национальной языковой картины мира в рекламе, 2017. С. 198 – 204.

References

1. Bazanova A.E., Kirilenko N.P. Features of the Language of Advertising as One of the Types of Mass Communications. RUDN University Bulletin, Literary Studies. Journalism Series. 2013. No. 2. P. 78 – 80.

2. Bayramova K.V., Kubaeva O.V. Linguistic Features of an Advertising Slogan. Science and Education Today. 2017. No. 3 (84). P. 63 – 65.

3. Bernadskaya Yu.S. Text in Advertising: A Textbook for University Students. Moscow: UNITY-DANA, 2008. 288 p.

4. Kara-Murza E. "Brave New World" of Russian Advertising: Sociocultural, Stylistic, and Cultural-Speech Aspects. Life of Language, 2000. P. 32 – 37.

5. Kornilov O.A. Linguistic Pictures of the World as Derivatives of National Mentality. Moscow: 2003. 349 p.

6. Maksimova V.I. Russian Language and Culture of Speech: Textbook. Edited by V.I. Maksimov. Moscow: Gardariki, 2000. 413 p.

7. Mironova A.V., Antonov V.P. Not Everything is Permitted in Advertising, or Problems of Violating Russian Advertising Legislation (Based on Regional Advertising Products). Bulletin of the Khakass State University named after N.F. Katanov. 2019. No. 3 (29). P. 81–100.

8. Nesterova A.E. Factors of Communicative Failures Based on Printed Advertising Texts. [Electronic resource]. URL: https://nsportal.ru/vuz/filologicheskie-nauki/library/2012/08/16/diplomnaya-rabota-faktory-kommunikativnykh-neudach-na (accessed: 23.06.2025).

9. Razhivkina T.V. Norms of the Russian Literary Language in Modern Advertising Texts. Young Scientist. 2020. No. 44 (334). P. 54 – 57.

10. Samedova S.N.K., Pestova M.S. The Concept of Advertising Discourse in Modern Linguistics. Modern Scientific Research and Innovations. 2023. No. 9. P. 508 – 511.

11. Skvortsov L.I. Linguistic Ecology. The Culture of Russian Speech: An Encyclopedic Dictionary and Reference Book. Edited by L.Yu. Ivanov, A.P. Skovorodnikov, E.I. Shiryaev, et al. Moscow: Flinta-Nauka, 2003. 295 p.

12. Suvorova N.N. Phonetic, Syntactic, and Lexical Figurative Means as the Basis of Linguistic Creativity in Modern Advertising. Philology: Scientific Research. 2017. P. 50 – 57.

13. Telepneva T.Yu. Advertising Text as an Object of Research in Linguistics: A Theoretical Aspect. Education. Pedagogy: An Electronic Collection of Works by Young Specialists of the Euphrosyne of Polotsk State University. № 43. P. 178 – 180.

14. Filatova V.I. Problems of Legal Regulation of Advertising Distributed via Telecommunication Networks. Innovations. Science. Education. 2020. № 22. P. 814 – 818.

15. Shestak L.A. Advertising Text: Values of a Changing World. Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences. 2024. № 4 (35). P. 100 – 105.

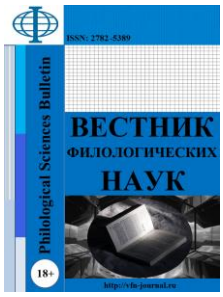
16. Shestak L.A. Linguistic Expertise of Modern Advertising Texts: Tasks and Solutions. Znak: Problem Field of Media Education. 2020. № 4 (38). P. 109 – 118.

17. Yagodkina M.V. Reflection of the national linguistic picture of the world in advertising, 2017. P. 198 – 204.

Информация об авторах

Соколова А.С., Волгоградский государственный социально-педагогический университет, alexandrasokolova869@gmail.com.

© Соколова А.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81

[1] ***Яковлева А.С.*** [1] ***Тюменский индустриальный университет***

Специфика перевода лексических единиц в техническом тексте на разных уровнях

Аннотация: *статья посвящена специфике перевода лексических единиц в техническом тексте на разных уровнях. В современной теории перевода одной из основных проблем является выделение «единицы перевода». Сопоставляя оригинальное произведение и его переводные варианты, любой исследователь в процессе перевода сталкивается с проблемой выбора единицы ориентирования, т.е. «единицы перевода». Исследуются основные тенденции и принципы перевода, специфика перевода технического текста. Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу.*

Ключевые слова: «единица перевода», теория перевода, сегментация, языковое выражение, словосочетание, интернационализмы

Для цитирования: Яковлева А.С. Специфика перевода лексических единиц в техническом тексте на разных уровнях // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 233 – 236.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] ***Yakovleva A.S.*** [1] ***Industrial University of Tyumen***

Specific features of translating lexical units in technical texts at different levels

Abstract: *this article focuses on the specific features of translating lexical units in technical texts at various levels. In contemporary translation theory, identifying the "unit of translation" remains one of the core challenges. When comparing an original text with its translated versions, any researcher involved in the translation process invariably confronts the challenge of selecting an appropriate "unit of orientation," i.e., the "unit of translation." The paper investigates the main trends and principles of translation, as well as the specific characteristics of technical text translation. The research methodology involves a review of scholarly works by both domestic and international researchers concerning the discussed topic.*

Keywords: *«unit of translation», translation theory, segmentation, linguistic expression, word-combination, internationalisms*

For citation: Yakovleva A.S. Specific features of translating lexical units in technical texts at different levels. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 233 – 236.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность исследовательской работы обусловлена острой необходимостью вычленения «единиц перевода» в техническом тексте, чтобы обеспечить его максимально возможную эквивалентность. Цели и задачи исследовательской работы представляют собой терминологическое определение понятия «единица перевода», изучение сложившихся принципов выделения единиц перевода, типологию единиц перевода в техническом тексте.

Определение «единица перевода», как и сам термин, обладает некоторой степенью условности, в виду того, что это переменная величина. Ученые пришли к выводу, что размеры этой единицы не стабильны, поэтому при переводе следует изучать их, чтобы глубже понять их значение и выявить эквиваленты между двумя языками.

История теории перевода охватывает примерно пятьдесят лет. Хотя уже древние римляне, предприняли попытки систематизировать теоретические принципы перевода.

Перевод зародился в глубокой древности и оказывал большое влияние на историю становления всей мировой культуры и историю развития некоторых народов.

На протяжении веков лингвисты различных стран работали над оптимальным определением перевода. Дефиниции термина «перевод» разнообразны и многочисленны. Первый теоретик отечественного переводоведения, А.В. Федоров, определяет перевод как способность: «выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [7, с. 95].

Среди существующих формулировок термина «перевод», с нашей точки зрения, исчерпывающее определение даёт И.С Алексеева. Перевод – «деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности…» [1, с. 352].

На современном этапе сфера перевода играет ключевую роль и не теряет своей значимости. Российские ученые, такие как Л.В. Щерба, А.А. Реформатский, Р.И. Аванесов, А.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, А.Д. Швейцер, И.С. Алексеева, В.С. Виноградов, Ю.С. Маслов, Л.Л. Нелюбин, А.В. Федоров, В.Г. Гак, А.Ф. Ширяев, С.В. Тюленев А.Л. Семенов, О.В. Петрова, и другие, внесли большой вклад в создание науки о переводе.

Одной из основных проблем современного переводоведения является выделение единицы перевода в тексте. В этой связи возникает вопрос, что при осуществлении перевода принимать за «единицу перевода».

Понятие «единица перевода» в первый раз было введено в научно-исследовательскую деятельность канадскими лингвистами Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне в книге «Сравнительная стилистика французского и английского языков» (1958). Они определили единицу перевода как «наименьший отрезок речи, связь между составляющими элементами которого не позволяет переводить их по отдельности» [Единица перевода, URL].

М. Шаттлворт и М. Кови определяют ее как «термин, используемый для обозначения лингвистического уровня, на котором оригинальный текст кодифицируется в переведенный текст» [Единицы перевода, URL].

По О. Каде «единица перевода – это наименьший отрезок исходного языка, для которого может быть установлен соответствующий ему отрезок текста на переводящем языке, чтобы при этом неизменным оставался план содержания» [Единица перевода, URL].

Рассмотрев определение «единицы перевода», представленное в работе В.Н. Комиссарова, мы пришли к выводу, что за единицу перевода может быть принята любая единица в тексте. И только переводчик вправе отдать предпочтение той или иной возможности передачи смысла определённого контекста [4, с. 11]. Для большинства исследователей единицей перевода является наименьшая единица языка, соответствующая тексту переводного языка.

Как правило, переводчик ставит перед собой цель не просто выразить смысл текста, а полностью воспроизвести коммуникативную значимость. Чтобы успешно справиться с такой задачей, переводчику необходимо не только правильно выделить «единицы перевода» в тексте, но и подобрать соответствующий перевод, не потеряв при этом структурно-содержательное целое текста.

Материалы и методы исследований

Л.С. Бархударов дифференцирует перевод на уровне фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений и текста переводчика, исходя из языковой системы, единица которой может быть определена как «единица перевода» разделяет перевод [2, с. 24].

Для нашего исследования был взят англоязычный технический текст «Construction equipment types», на основе которого мы постараемся справиться с аналогичной задачей.

В ходе анализа нами было выявлено, что при вычленении «единицы перевода» в тексте, рассматривают 6 главных языковых уровня: уровень фонем/графем; уровень морфем; уровень слов или словосочетаний; уровень предложений и целого текста.

Также, существует ряд переводческих приемов, которыми можно воспользоваться при передаче той или иной единицы языка: транскрипция/транслитерация, калькирование, описательный перевод, перевод.

Результаты и обсуждения

В тексте «Construction equipment types» можно выделить следующие типы «единиц перевода»: антропонимы, интернационализмы, слова, сложные существительные и словосочетания. Для каждого типа найдены эквивалентные способы их перевода: антропоним; интернационализмы, слово, сложные существительные и словосочетание.

Например: Антропоним (перевод на уровне фонем/графем).

Так, при переводе имени собственного с одного языка на другой (с английского на русский) следует выбрать наиболее точную по звучанию фонему (русского языка). Как правило, такой способ перевода можно увидеть при антропонимах и топонимах. Топоним – географическое название [6, с. 23].

Clark *– Кларк. Способ перевода: транскрипция.*

Yale $ Towne *– Джейл / Таун. Способ перевода: транслитерация.*

В качестве «единицы перевода» в техническом тексте нами были выделены единицы на уровне слова. В таких случаях они выполняют коммуникативную функцию.

Например. Интернационализмы (перевод на уровне слова)

System*– система. Способ перевода: транскрипция-транслитерация.*

mobile *– мобильный. Способ перевода: транскрипция-транслитерация.*

Asphalt *– асфальт. Способ перевода: транскрипция-транслитерация.*

Например: Слово *(перевод на уровне слова)*

A dumper*- самосвал. Способ перевода: описательный перевод.*

A trailer *-трейлер. Способ перевода: описательный перевод.*

A crane *- кран Способ перевода: описательный перевод*

A hoist *– подъемник. Способ перевода: описательный перевод*

A forklift *– грузоподъемник. Способ перевода: описательный перевод.*

В некоторых случаях единицей перевода оказывается морфема. Такой перевод типичен, например, при передаче сложных существительных английского языка.

Например: Сложные существительные (перевод на уровне морфем)

Lift-wheel *– подъемное колесо. Способ перевода: соответствие*

Описательный перевод (определение, выраженное сочетанием с предлогом).

Способ перевода: описательный перевод.

В техническом тексте часто используются термины – словосочетания для более точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов.

Например: Словосочетание (перевод на уровне словосочетания)

Construction equipment *- строительное оборудование. Способ перевода: описательный перевод (словосочетание с причастным оборотом)*

Earth moving equipment *землеройная техника (Earth -земля, moving – двигать, рыть, equipment- оборудование, техника) -. Способ перевода: перевод (словосочетание).*

Construction vehicles *- строительные машин****ы*** *(****Construction*** *–,* ***vehicles*** *–). Способ перевода.*

A dumper truck *– самосвал*

A tipper truck *–самосвал*

An unpowered vehicle – *беспилотный автомобиль*

Термин «ложные друзья переводчика» было введено французскими учеными М. Кесслером и Ж. Дерокиньи в 1928 году [9, с. 152]. Смысл заключается в том, что такие слова, предположим, в двух языках, пишут и произносят одинаково, вследствие чего, при переводе влекут за собой неправильные представления и создают ошибочную интерпретацию слова, фальшивое понимание содержания текста.

Например: Ложные друзья переводчика

Design *–проектирование.*

Application *– применение*

Operated *– эксплуатируемый*

Приведенный выше анализ дает достаточные основания утверждать, что настоящий переводчик способен и владеет методами сегментирования текста. То есть переводчик задает некую установку разделения

текста на малые единицы, при этом соблюдая канонические соответствия в традиционном и переводном языке.

Выводы

В предложенной статье мы рассмотрели технический текст на предмет выделения и перевода разноуровневых единиц. В тексте были выделены следующие типы единиц перевода: антропонимы, интернационализмы, слова, сложные существительные и словосочетания. Для каждого типа найдены эквивалентные способы их перевода: антропоним; интернационализмы, слово, сложные существительные и словосочетание.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что основной трудностью при переводе является выбор контекстно-обусловленного значения из множества лексических значений слова, представленных в словаре.

В заключение, мы хотим отметить, для того, чтобы предельно точно выразить замысел целого, переводчик должен установить «единицу перевода». Его задача выбрать ту единицу, которая способна интерпретировать идею всего текста в грамматическом, лексическом и стилистическом плане.

Список источников

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. М.: Просвещение, 2001. 95 с.
4. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М., 1999. 112 с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004. 424 с.
6. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
7. Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода. М., 2004. 45 с.
8. Arnold D. Machine Translation. An Introductory Guide. Oxford, 1994. 325 p.
9. Кёсслер М., Дероккиньи Ж. Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais. Paris.: Vuibert, 1928. 84 с.
10. Nord Ch. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Second Edition / Ch. Nord. Springfield.: Paperback, 2005. 284 с.
11. https://context.reverso.net/перевод/.

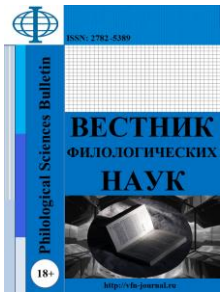
References

1. Alekseeva I.S. Introduction to Translation Studies. M.: Publishing center "Academy", 2004. 352 p.
2. Barkhudarov L.S. Language and translation. M: International Relations, 1975. 240 p.
3. Vinogradov V.S. Introduction to Translation Studies. M.: Education, 2001. 95 p.
4. Komissarov V.N. General theory of translation. M., 1999. 112 p.
5. Komissarov V.N. Modern translation studies. M.: ETS, 2004. 424 p.
6. Nelyubin L.L. Explanatory translation dictionary. 3rd ed., revised. M.: Flinta: Nauka, 2003. 320 p.
7. Fedorov, A.V. Introduction to Translation Theory. Moscow, 2004. 45 p.
8. Arnold, D. Machine Translation. An Introductory Guide. Oxford, 1994. 325 p.
9. Koessler, M., and Derocchigny, J. Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais. Paris: Vuibert, 1928. 84 p.
10. Nord, Ch. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Second Edition. Springfield: Paperback, 2005. 284 p.
11. https://context.reverso.net/перевод/.

Информация об авторах

Яковлева А.С., кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, jakovlewa@mail.ru

© Яковлева А.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.25

[1] Акинина Н.В., [1] Шубина Н.Г.,
[1] Щербатенко О.А.

[1] Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета

Анализ способов перевода на английский язык имен собственных в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (на основе перевода К. Гарнетт)

Аннотация: *статья посвящена теме определения оптимальных приемов передачи «говорящих» имен с учётом их идейно-художественной функции в тексте. Цель исследования – выявить особенности перевода на английский язык имен собственных в художественном тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и определить оптимальные приемы перевода «говорящих» имен при передаче идейно-художественных особенностей литературного произведения. В настоящее время перевод является одной из наиболее изучаемых областей лингвистики. Это связано с растущими потребностями в межкультурном и межъязыковом общении в условиях многообразия народов, культур и языков. Исследование особенностей перевода помогает не только раскрыть внутренние законы его существования и развития, но и сформулировать принципы выбора переводческих методов, основанные на значении имен собственных для целостного текста. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые было проведено сопоставительное исследование эквивалентности онимов исходного языка и их перевода на английский язык на примере перевода текста романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», выполненного К. Гарнетт, что позволяет установить зависимость способов и приемов перевода онимов от их национально-семантической специфики. В результате проведённого исследования определены оптимальные приемы перевода на английский язык антропонимов в тексте анализируемого романа.*

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, имена собственные, антропонимы, способы перевода, коннотация*

Для цитирования: Акинина Н.В., Шубина Н.Г., Щербатенко О.А. Анализ способов перевода на английский язык имен собственных в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (на основе перевода К. Гарнетт) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 237 – 244.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Akinina N.V., [1] Shubina N.G.,
[1] Shcherbatenko O.A.

[1] Stary Oskol branch of Belgorod State National Research University

Analysis of translation methods into English of proper names in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" (based on the translation by K. Garnett)

Abstract: *the article is devoted to the topic of determining the optimal methods of conveying "speaking" names, taking into account their ideological and artistic function in the text. The purpose of the study is to identify the peculiarities of translating proper names into English in the literary text of F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" and to determine the optimal methods of translating "speaking" names when transmitting ideological and artistic features of a literary work. The study of translation represents one of the most prominent areas in linguistic research, a prominence fueled by the necessity for communication across cultures and languages in a globalized*

society. Examining this subject allows for an understanding of the phenomenon's inherent principles and patterns of development, while also providing a foundation for determining translation strategies based on the textual significance of proper nouns. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time a comparative study of the equivalence of the source language onyms and their translation into English was carried out on the example of the translation of the text of the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment", performed by K. Garnett, which makes it possible to establish the dependence of the methods and techniques of translating onyms on their national-semantic specificity. As a result, optimal methods of translating anthroponyms into English in the text of the analyzed novel are determined.

Keywords: *intercultural communication, proper names, anthroponyms, translation methods, connotation*

For citation: Akinina N.V., Shubina N.G., Shcherbatenko O.A. Analysis of translation methods into English of proper names in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" (based on the translation by K. Garnett). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 237 – 244.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена изучением вопроса взаимодействия в практике перевода таких понятий, как эквивалентность, адекватность и тождественность онимических единиц художественного текста. В переводческой практике особое внимание уделяется такой группе лексики, как имена собственные, функционирующие в качестве художественных компонентов текста. Проблемы, возникающие при переводе онимов, могут решаться посредством выбора переводческого способа и приема передачи оригинального текста. Это обусловило интерес к анализу лексико-семантической эквивалентности, адекватности и тождественности онимических единиц художественного текста исходного языка и языка перевода.

В произведениях Ф.М. Достоевского, которые занимают важное место в русской классической литературе, имена собственные выполняют особую художественно-логическую функцию, так как писатель всегда вкладывает в них дополнительные смыслы и значения. Стилистические особенности художественных текстов Ф.М. Достоевского, имена собственные, используемые писателем в качестве специфических художественных средств, требуют изучения названных явлений в аспекте достижения эквивалентности содержательно-смысловой, семантико-стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач: 1) сопоставить функциональную семантику имен собственных в романе «Преступление и наказание» на исходном языке и в переводящем языке; 2) выявить особенности перевода антропонимов, имеющих разную структуру; 3) рассмотреть условия, определяющие способ перевода онима с русского языка на английский.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы могут быть использованы при написании научных статей и курсовых работ по особенностям перевода имен собственных, а также для знакомства студентов вузов с теорией и практикой перевода при подготовке переводчиков и учителей английского языка. Полученные в ходе исследования результаты могут быть полезны для теоретической подготовки будущих специалистов в области перевода художественной литературы.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу работы составляют лингвистическое наблюдение и сравнительно-с. Источником фактического материала послужили онимы, идентифицированные в тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его англоязычном переводе, авторства Констанции Гарнетт:

1. Ф.М. Достоевский Преступление и наказание (ПН).
2. F.M. Dostoevsky. Crime and Punishment. Translation by Constance Garnett (CP).

В качестве справочного материала использовались лексикографические издания: В.И. Даль Толковый словарь живого великорусского языка, А.В. Суперанская Словарь русских личных имен, А.И. Фёдоров Фразеологический словарь русского языка.

К использованным методам исследования относим: лингвистическое наблюдение и описание, компонентный и контекстный анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод

Результаты и обсуждения

Анализируя особенности перевода, мы разделяем мнение Я.И. Рецкера, который утверждал, что выбор переводчика далеко не всегда случаен. Он аргументирует этот тезис тем, что процесс перевода закономерен

и обусловлен системным соотношением единиц исходного и переводящего языков. Для большинства элементов оригинала существуют устоявшиеся, регулярные способы передачи на другом языке, которые он назвал «закономерными соответствиями». Задача переводчика, по Я.И. Рецкеру, – выявить и грамотно применить эти соответствия на практике [12, с. 10-12].

В переводоведении существует спектр мнений о степени точности перевода. Многие специалисты выступают за максимальное сохранение форм исходного языка, отстаивая метод дословного перевода.

Однако в современном переводоведении имеет место и другая точка зрения. Ее сторонники полагают, что дословный перевод недопустим, поскольку художественные средства, лексика и стоящие за ними смыслы уникальны для каждого языка. Попытка дословного переноса, по их мнению, приводит к созданию запутанного, неестественного и малопонятного текста. Исходя из этого, переводчику приходится сознательно допускать некоторые расхождения с исходным текстом и избегать попытки дословной передачи. Ключевая цель заключается в том, чтобы, следуя правилам языка перевода, обеспечить целостность произведения и сохранить его стилистико-экспрессивные особенности. Как отмечал А.В. Фёдоров, перевод следует рассматривать именно как речевое произведение, которое соотносится с оригиналом с учетом особенностей обеих языковых систем и жанровой специфики текста [14, с. 10].

Безусловно, имена собственные образуют особую лексическую категорию, требующую обязательного применения специфических переводческих способов, отличных от методов передачи нарицательной лексики. В.С. Виноградов заявляет, что «имя собственное – всегда реалия. В речи оно называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место, единственные в своем роде и неповторимые**.** В каждом имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта» [4, с. 124].

Трансляция имен собственных в межъязыковом пространстве представляет собой комплексную проблему, сопровождающуюся смысловыми искажениями, казусами и переводческими погрешностями, поэтому лексическая единица приобретает более яркое и самостоятельное коннотативное значение.

При передаче на другой язык имени собственного принято сохранять его звуковой облик, так как сохранение звуковой оболочки является первостепенным при условии сохранения индивидуальности референта.

В настоящее время переводчиками используются основные способы передачи имен собственных:

1) транслитерация или принцип графического подобия;

2) транскрипция или принцип фонетического подобия;

3) транспозиция;

4) калькирование.

Наиболее распространенным методом в переводческой практике считается практическая транскрипция, интегрирующая принципы фонетической транскрипции с отдельными элементами транслитерации. При этом необходимо учитывать, что названные способы перевода имен собственных «направлены на достижение одной цели – разными путями передать личные имена собственные одной культуры на язык другой, сохранив как можно больше накопленной ими культурно-исторической информации» [11, с. 15].

Помимо классических методов транскрипции и транслитерации в практике заимствования именований существует, на наш взгляд, малоизученный лингвистический механизм – принцип этимологического соответствия, известный также как транспозиция. «Транспозиция заключается в том, что имена собственные в разных языках, которые различаются по форме, но имеют общее лингвистическое происхождение, используются для передачи друг друга. В одних случаях транспозиция применяется регулярно, в других – эпизодически» [6, с. 23].

В переводоведении устоялась практика передачи антропонимов посредством практической транскрипции. Исключение составляют «говорящие» имена, требующие применения специальных переводческих техник.

Следует отметить, что структура полного официального имени варьируется в разных странах, обладая национальной спецификой. Необходимо подчеркнуть то, что фамилии практически во всех случаях подлежат транскрибированию. При передаче фамилии с английского языка на русский язык необходимо учитывать грамматико-синтаксическую систему русского языка.

Некоторые трудности вызывает проблема перевода онимов в художественных текстах. Онимы отражают не только историческую, социально-политическую и культурологическую составляющие жизни людей, но и индивидуально-авторское восприятие мира, философию. В этом плане произведения Ф.М. Достоевского представляют интерес не только для философов, литературоведов, но и для переводчиков. Обращение к переводу романа «Преступление и наказание», выполненному К. Гарнетт, обусловлено тем, что «несмотря на то, что в некоторых случаях предметно-логическая или эстетическая информация подлинника несколько

искажается, а порой переводчику не удается сохранить временную дистанцию, тем не менее, применяя приемы транскрипции и транслитерации, переводчик добивается сохранения исторического колорита, национального своеобразия и передачи как предметно-логической, так и образной информации подлинника, достигает сохранения особого ритма оригинала, что в немалой степени способствует передаче авторского своеобразия стиля Ф.М. Достоевского и достижению адекватного эстетического воздействия перевода на читателя» [9, с.11].

Значение Констанс Гарнетт трудно переоценить – она была первым переводчиком, открывшим миру русскую классическую литературу. Благодаря её работам английская и американская публика впервые познакомилась с великими произведениями Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова [5, с. 18].

Ф.М. Достоевский очень аккуратно и внимательно относился к именам своих героев. Для него имена – важное средство выразительности, необходимое для создания полного образа героя, добавления яркости и образности всему произведению. Как утверждают S. Hudspith и R.A. Peace, в произведениях Ф.М. Достоевского, особенное значение приобретают все использованные единицы текста [15]. Более того, для самого писателя важно было «соответствие идеи художника и художественных средств для ее выражения», что отмечают исследователи его творчества [17, с. 133-134]. «Говорящие» имена в романах писателя за счет семантической прозрачности позволяют передать глубинную символику произведения. Учитывая данный факт, что при переводе с русского языка на английский язык имена собственные в тексте романа «Преступление и наказание» представляют определенную сложность – необходимо сохранить ту логико-смысловую значимость, которую заложил в онимах Ф.М. Достоевский. Приведем некоторые примеры онимов, например, *Романович* (*Родион Романович Раскольников*) отражена определенная характеристика героя. Являясь производным от имени Роман, отчество сохраняет ту семантику, которая заключена в мотивирующей основе: *Роман* в переводе с латинского языка означает «римлянин», а в переводе с древнегреческого – «сильный, крепкий», что добавляет всему имени героя новый оттенок смелости и уверенности [2, с. 27].

Особое место в произведениях Ф.М. Достоевского отводится женщинам, носящим имя *Софья*. Женщинам, обладающим кротостью и смирением, которые безропотно несут выпавшие на их долю испытания. Лингвокультурологический анализ антропонимов в произведении раскрывает их семантическую нагрузку. Греческое имя *Софья* этимологически восходит к понятию «мудрость». Фамилия *Лужин* образована от слова «лужа», что вызывает ассоциации с чем-то грязным и неприятным, а также идиому «сесть в лужу», означающую неудачу и конфуз. Фамилия *Лебезятников* происходит от глагола «лебезить» (заискивать, угодничать), что полностью соответствует характеру персонажа – мелкого чиновника, склонного к подхалимству и приспособленчеству. Анализируя имена собственные, представленные в романе, их можно разделить на три группы: антропонимы, топонимы и прочие имена собственные. Рассмотрим последовательно каждую из групп.

Уникальные антропонимы, как правило, преодолевают границы отдельной лингвокультуры, обладая значимой международной узнаваемостью и устоявшимися словарными эквивалентами в большинстве языковых систем. Поэтому перевод единичных антропонимов обычно осуществляется посредством замены антропонима исходного языка на соответствующий эквивалент в языке перевода, например, в переводе К. Гарнетт текста романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» переводчик обращает внимание на следующие имена:

«…будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев…» (ПН, 53) = *«…were he an artist like Pushkin or Turgenev…»* (CP, 49) *«…Кеплеровы и Ньютоновы открытия…»* (ПН, 246) = *«…discovers of Kepler and Newton…»* (CP, 222), *«…систему Фурье и теорию Дарвина…»* (ПН, 347) = *«…the system of Fourier and the Darwinian theory…»* (CP, 308).

В тексте много персонажей, для наименования которых используются антропонимы, выраженные только фамилией. Иногда к фамилии добавляется звание или статус положения в обществе: *«…студент Покорев…»* (ПН, 61) = *«…a student…called Pokorev…»* (CP, 57), *«…купца Шелопаева…»* (ПН, 113) = *«…the merchant Shelopaev…»* (CP, 104), *«…приводил Зосимова…»* (ПН, 113) = *«…brought Zossimov…»* (CP, 104).

Если женская фамилия появляется в тексте после упоминания мужской формы этой же фамилии, то в этом случае родовое окончание не меняется, оставаясь показателем мужского имени:

Раскольников Родион Романович = Raskolnikov Rodion Romanovich

Раскольникова Авдотья Романовна = Raskolnikov Avdotya Romanovna

Раскольникова Пульхерия Алксандровна = Raskolnikov Pulcheria Alexandrovna

Влияние «мужской формы» фамилии просматривается и в случае, когда упоминается все семейство:

«…Мармеладовым дал вчера…» (ПН, 52) = *«…gave to the Marmeladovs yesterday…»* (CP, 48)

Указанием на пол обладателя фамилии могут являться титульные приложени Mr., Mrs. и Miss.: *«…сему Чебарову…»* (ПН, 119) = *«…to Mr. Tchebarov…»* (СР, 109).

В случае, если оригинальный текст содержит немецкие антропонимы, такие как Липпевехзель и Клопшток, то, при переводе на русский язык, они транскрибируются с немецкого. Соответственно, при переводе на английский язык эти же фамилии должны передаваться средствами практической транскрипции с немецкого на английский, что и отражается в переводе. *Липпевехзель Амалия Людвиговна* (ПН, 16) = *Lippevechsel Amalia Ludwigovna* (СР, 16);

«…у мадам Ресслих…» (ПН, 231) = *«…Madame Resslichs's…»* (СР, 210);

Клопшток Иван Иванович (ПН, 17) = *Ivan Ivanovitch Klopstock* (СР, 16).

Перевод кратких форм имён собственных часто осуществляется в неполном объеме. Так, при большом разнообразии кратких форм, выбирается одна, наиболее частотная, и используется во всех представленных случаях:

Родя, Родька, Роденька = Rodya, Соня, Сонечка = Sonia, Дуня, Дунечка = Dounia, Настасьюшка, Настенька = Nastasya, Поля, Поленька, Полечка = Polenka, Лида, Лидочка = Lida.

Однако, в тех случаях, когда автор намеренно использует только краткую форму имени, она должна воспроизводиться в переводящем языке в обязательном порядке: *«…да ты, Миколка, в уме…»* (ПН, 55) = *«…Mikolka, are you crazy…»* (СР, 50), *«Митька!»* (ПН, 83) = *«Mitka!»* (СР, 75), *«…пойдем отсюда, Алешка…»* (ПН, 165) = *«…comealong, Alyoshka…»* (СР, 149).

Первое, на что русскоязычный читатель обращает внимание – непривычная для него постановка ударения. Принимая во внимание, что в русских фамилиях, заканчивающихся на «-ов», нередко ударение ставится на последний слог, можно предположить, что переводчик в данном случае поставила ударение тоже на последний слог по аналогии. Причины такого смещения могут быть и фонетического характера. Звук «l» в английском языке не совпадает по манере произношения с русским звуком «л». Более мягкий по своей природе, он скрадывает звучание ударного открытого «а» и создает трудности в артикуляции для англоговорящих представителей. Возможно, поэтому ударение было смещено на более удобный для произношения слог. Свойства Семена Захаровича как человека также отражены – связь между мягкостью его характера и сладостью, мягкостью мармелада легко определяема англоязычным читателем.

Имя Сони Мармеладовой выполняет в романе значимую символическую функцию. Значение имени Софья – «мудрость» – напрямую связано с духовной мудростью героини. Однако использование уменьшительной формы «Соня» подчеркивает другую важную характеристику персонажа: детскую чистоту души, доверчивость и открытость. Эта форма имени акцентирует «детскость» героини, создавая многогранный образ. Поэтому Констанция Гарнетт использует ее в качестве основного имени героини – *Sonia*.

Имя собственное *Разумихин Дмитрий Прокофьевич* достаточно сложное для толкования в русском языке, в английском переводе семантическое значение корневого слова «разум» раскрывается во всей полноте, так как лексические единицы, использованные для объяснения, включают полный набор сем, необходимых для этой цели: *Razumíhin Dmítri Prokófitch; from razum (reason, good sence).*

Знакомя англоязычного читателя со значениями говорящих имен основных героев, Констанция Гарнетт приближает его к более глубокому пониманию и осознанию всех идей и замыслов автора.

Так же, как и единичные антропонимы, единичные топонимы обычно имеют закрепленные в словарях эквиваленты, которые используются при переводе: *Петербург = Petersburg, Москва = Moscow, Соединенные Американские Штаты* (ПН, 124) = *the United States of America* (СР, 132).

Употребление топонима *Содом* в тексте романа Достоевского связано не с пространственной, а качественной характеристикой происходящих событий: «*Живут же там многие и кроме нас… Содом-с, безобразнейший…»* (ПН, 17). Поэтому выбор переводчика обусловлен культурологическими особенностями языковой общности: функционирование названия этого города в значении «крайняя распущенность, разврат характерно для русскоязычной культуры, но не для англоязычной: *«There are a lot of people living there besides ourselves. Dirt and disorder, a perfect Bedlam… »* (СР, 16). Логико-смысловой подход при выборе приема конкретизации для перевода позволяет передать характер явления, изображаемого в романе, и отношение к нему одного из персонажей произведения.

Рассматривая онимы исходного языка, отнесенные нами в группу «Прочие имена собственные», мы можем отметить такие, как фразеологизм *царь Горох* и название песни.

Имя *Горох,* выступающее как антропоним во фразеологизме *при царе Горохе*, не называет лицо или персонаж произведения: «*Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе»* (ПН, 4). Данный фразеологизм в русском языке употребляется в значении «очень давно», «в незапамятную старину» и существует только в русскоязычной культуре. Поэтому при переводе

Констанция Гарнетт подобрала вариант, соответствующий по семантике, но более привычный для англоговорящего читателя: *«…thinking of Jack the Giantkiller…»* (СР, 4).

Встречающееся в тексте дважды название песни «Хуторок» на английский язык переведено по-разному:

«…певший «Хуторок»…» (ПН, 19) = *«…singing "The Hamlet"…»* (СР, 18)

«…учить песню «Хуторок»…» (ПН, 405) = *«…teaching Lida to sing "My Village"…»* (СР, 357). Возможно, переводчик не увидел связи между двумя этими названиями и потому предложил два разных перевода.

Рассмотренные выше примеры перевода с русского языка на английский язык антропонимов и топонимов, выявленных в тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», свидетельствуют о необходимости сохранения логико-семантической мотивации имени собственного для более точной передачи идейно-тематической основы художественного произведения. Именно сохранение авторского замысла и идеи становится основой для выбора способа перевода онима.

При переводе всех имён собственных Констанция Гарнетт ориентируется на нормы переводящего языка, культурные особенности иноязычного читателя, а также на степень легкости восприятия того или иного варианта имени собственного.

Перевод же «говорящих» имен, осуществляемый посредством практической транскрипции, лишает данные антропонимы смыслов, изначально заложенных автором. Данные имён собственных теряют свою эмоционально-оценочную функцию и перестают быть стилистическим средством.

При передаче имени собственного с русского на английский язык всегда учитывается грамматико-синтаксическая система русского языка.

Наиболее оптимальными, смыслосохраняющими приемами, применяемыми Констанцией Гарнетт при передаче имён собственных, встречающихся в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», являются транскрипция и транслитерация.

Все компоненты антропонима, включая уменьшительно-ласкательные формы, как правило, передаются на языке перевода. При наличии нескольких вариантов кратких форм выбираются наиболее репрезентативные, которые используются последовательно в тексте. В переводе романа наблюдается неполная передача кратких форм: в отдельных случаях они заменяются полными формами, что обусловлено необходимостью сохранения смысловой нагрузки имени. В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» трехчастная форма и двухчастная форма имени (т.е. при наличии отчества) переводится полностью.

При переводе антропонимов иноязычного происхождения К. Гарнетт руководствуется правилами транскрипции исходного языка.

Единичные антропонимы и топонимы в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» передаются в переводящем языке соответствующими эквивалентами, закрепленными в словаре.

Выводы

Проведенный анализ позволяет заключить, что отдельные антропонимы и топонимы в романе передаются посредством устоявшихся эквивалентов в языке перевода. Для передачи остальных имен собственных применяются различные переводческие трансформации: генерализация, конкретизация, нулевой перевод, практическая транскрипция и др.

Применяемые Констанцией Гарнетт способы перевода имён собственных, употребленных в романе в качестве метафор, зависят от соответствия семантики имён собственных в иностранном языке их семантике в переводимом языке. Если семантика имён собственных совпадает в обоих языках, то оно транскрибируется или транслитерируется. В случае если семантика не совпадает, применяются приемы конкретизации, генерализации, описательный перевод, либо имена собственные заменяются на другие культурно-близкие аналоги, соответствующие по значению.

Следует подчеркнуть, что иные именные единицы (наименования учреждений, общественных пространств, объектов искусства) в тексте произведения транскрибируются или транслитерируются в соответствии с сложившейся практикой. В целом, выбор стратегии перевода обусловлен контекстуальными факторами, лингвокультурной компетенцией переводчика и его владением нормами как исходного, так и переводящего языка.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в проведении сопоставительного анализа имен собственных в разных произведениях Ф.М. Достоевского и текстах переводов на английский язык с целью максимально полного описания оптимальных переводческих приемов, способствующих сохранению не только историко-национального колорита оригинала, но и авторского замысла.

Список источников

1. Бекоева И.Д. Переводческая вариативность при передаче осетинских сакральных онимов средствами русского и английского языков // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. URL: https://journals.rudn.ru (дата обращения: 12.11.2025).
2. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского: Комментарий. М.: Просвещение, 1985. 240 с.
3. Бреус Е.В. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: УРАО, 2001. С. 96 –105.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. ИОСО РАО, 2001. 224 с.
5. Дзараева Н.А., Малкова А.А. Сравнительно-сопоставительный анализ перевода говорящих имен собственных // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. №т14. С. 36 – 40.
6. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Художественная литература, 1983. 527 с.
7. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.
8. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р. Валент, 2005. 416 с.
9. Ермолович Д.И. К вопросу о раскрытии содержательной структуры имен собственных в переводе // Тетради переводчика. Вып. 18. М.: «Междунар. отношения», 1981. 112 с.
10. Захарчук Л.Н. Анализ лексико-семантических и синтаксических особенностей перевода романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», выполненного К. Гарнетт // E-Scio. 2020. № 3 (42). Режим доступа: URL: https://e-scio.ru/?p=10035. (дата обращения: 12.11.2025).
11. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
12. Миньяр-Белоручева А.П., Княжинская Е.В. Перевод антропонимов исторических личностей // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2019. № 2. С. 79 – 91.
13. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
14. Салтыкова Е.А. Дословный перевод как интерпретация и порождение текста // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 221 – 228.
15. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983. 416 с.
16. Dostoevsky F. Crime and Punishment / Translation by Constance Garnett; Introduction and notes by Keith Carabine. Hertfordshire: Wordsworth Classic, 2000. 485 p.
17. Hudspith S. Dostoevsky and the idea of Russianness: a new perspective on unity and brotherhood. Routledge, 2004. 240 p.
18. Peace R.A. Fyodor Dostoevsky's Crime and punishment: a casebook. Oxford University PressUS, 2006. 196 p.
19. Scanlan J.P. Dostoevsky the thinker. NY: Cornell University Press, 2002. 251 p.

References

1. Bekoeva I.D. Translation Variability in the Conversion of Ossetian Sacred Onyms by Means of Russian and English. Polylingualism and Transcultural Practices. 2022. Vol. 19. No. 2. URL: https://journals.rudn.ru (date of access: 12.11.2025).
2. Belov S.V. Dostoevsky's Novel: Commentary. Moscow: Education, 1985. 240 p.
3. Breus E.V. Theory and Practice of Translation from English into Russian. Moscow: URAO, 2001. P. 96 – 105.
4. Vinogradov V.S. Introduction to Translation Studies. IOSO RAO, 2001. 224 p.
5. Dzaraeva N.A., Malkova A.A. Comparative-contrastive analysis of the translation of speaking proper names. Problems of Romano-Germanic Philology, Pedagogy, and Methods of Teaching Foreign Languages. 2018. No. 14. P. 36 – 40.
6. Dostoevsky F.M. Crime and Punishment. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1983. 527 p.
7. Ermoolovich D.I. Proper Names at the Crossroads of Languages and Cultures. Moscow: R. Valent, 2001. 200 p.
8. Ermoolovich D.I. Proper Names: Theory and Practice of Interlingual Transfer. Moscow: R. Valent, 2005. 416 p.
9. Ermoolovich D.I. On the Issue of Revealing the Substantive Structure of Proper Names in Translation. Translator's Notebooks. Iss. 18. Moscow: "International Relations", 1981. 112 p.
10. Zakharchuk L.N. Analysis of Lexical, Semantic, and Syntactic Features of K. Garnett's Translation of FM Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment". E-Scio. 2020. No. 3 (42). Access mode: URL: https://e-scio.ru/?p=10035. (date of access: 12.11.2025).

11. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). Moscow: Higher School, 1990. 253 p.
12. Minyar-Belorucheva A.P., Knyazhinskaya E.V. Translation of Anthroponyms of Historical Figures. Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Theory. 2019. No. 2. P. 79 – 91.
13. Retsker Ya.I. Translation Theory and Translation Practice. Moscow: R. Valent, 2007. 244 p.
14. Saltykova E.A. Literal Translation as Interpretation and Text Generation. Humanities and Social Sciences. 2020. No. 5. P. 221 – 228.
15. Fedorov A.V. Fundamentals of the General Theory of Translation (Linguistic Problems). Moscow: Vysshaya shkola, 1983. 416 p.
16. Dostoevsky F. Crime and Punishment. Translation by Constance Garnett; Introduction and notes by Keith Carabine. Hertfordshire: Wordsworth Classic, 2000. 485 p.
17. Hudspith S. Dostoevsky and the idea of Russianness: a new perspective on unity and brotherhood. Routledge, 2004. 240 p.
18. Peace R.A. Fyodor Dostoevsky's Crime and punishment: a casebook. Oxford University PressUS, 2006. 196 p.
19. Scanlan J.P. Dostoevsky the thinker. NY: Cornell University Press, 2002. 251 p.

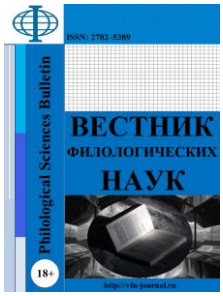
Информация об авторах

Акинина Н.В., кандидат педагогических наук, доцент, Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», РФ, Белгородская область, г. Старый Оскол, микрорайон Солнечный, д. 18, akinina@bsuedu. ru

Шубина Н.Г., кандидат филологических наук, доцент, Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», РФ, Белгородская область, г. Старый Оскол, микрорайон Солнечный, д. 18, shubina@bsuedu. ru

Щербатенко О.А., кандидат филологических наук, Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», РФ, Белгородская область, г. Старый Оскол, микрорайон Солнечный, д. 18, shcherbatenko@bsuedu. ru

© Акинина Н.В., Шубина Н.Г., Щербатенко О.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1

[1] Кабакова С.А., [1] Шадрина Е.А.,
[1] Миллер П.С., [1] Лютова М.Е.

[1] Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

Трансформация образа монастыря в творчестве В.М. Шукшина

Аннотация: *в настоящем исследовании представлен анализ трансформации образа монастыря в творчестве В.М. Шукшина, охватывающий как его малую прозу, так и позднее произведение «До третьих петухов». На примерах рассказов «Светлые души», «Мастер», «Крепкий мужик», «Микроскоп», «На кладбище» авторы проследили изменения в представлении В.М. Шукшина о вере и Боге. В ранних рассказах упоминания о религии носят фрагментарный характер, а в поздних приобретают целостность и идейную насыщенность. В рассказах «Крепкий мужик» и «Мастер» храм является заброшенным местом для людей, которые не видят в нём духовной ценности. Монастырь в интерпретации писателя выходит за рамки традиционного представления о священном месте, становясь зеркалом сложных и противоречивых взаимоотношений человека с верой и устоявшимися традициями. Повесть-сказка «До третьих петухов» выступает как многогранное исследование пересечения духовного и мирского начал. В этом произведении монастырь предстает ареной напряженной борьбы между добром и злом, где человеческие слабости и пороки открывают путь к хаосу и разрушению, а для сохранения веры необходимы крепкая воля и сила духа. Результаты работы систематизируют знания о жизни и творчестве В.М. Шукшина и могут быть применимы в литературоведении для дальнейших исследований прозы и биографии писателя.*

Ключевые слова: *В.М. Шукшин, образ монастыря, «Мастер», «Крепкий мужик», «Светлые души», «На кладбище», «Микроскоп», «До третьих петухов»*

Для цитирования: Кабакова С.А., Шадрина Е.А., Миллер П.С., Лютова М.Е. Трансформация образа монастыря в творчестве В.М. Шукшина // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 245 – 250.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Kabakova S.A., [1] Shadrina E.A.,
[1] Miller P.S., [1] Lyutova M.E.

[1] Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of University of Tyumen

Transformation of the image of the monastery in the works of V.M. Shukshin

Abstract: *this study presents an analysis of the transformation of the image of the monastery in the works of V.M. Shukshin, covering both his short prose and his later work «Before the Third Rooster». Using the examples of the stories «Bright Souls», «The Master», «The Strong Man», «The Microscope», «In the Cemetery», the authors traced the changes in V.M. Shukshin's view of faith and God. In the early stories, references to religion are fragmentary, while in the later ones they acquire integrity and ideological intensity. In the stories «The Strong Man» and «The Master», the temple is an abandoned place for people who do not see spiritual value in it. In the writer's interpretation, the monastery goes beyond the traditional concept of a sacred place, becoming a mirror of the complex and contradictory relationship of man with faith and established traditions. The story-tale «Before the Third Rooster» acts as a multifaceted study of the intersection of spiritual and mundane principles. In this work, the*

monastery appears as an arena of intense struggle between good and evil, where human weaknesses and vices open the way to chaos and destruction, and strong will and strength of spirit are necessary to preserve faith. The results of the work systematize knowledge about the life and work of V.M. Shukshin and can be applied in literary criticism for further research of the writer's prose and biography.

Keywords: *V.M. Shukshin, image of the monastery, «Master», «Strong man», «Bright souls», «In the cemetery», «Microscope», «Before the third roosters»*

For citation: Kabakova S.A., Shadrina E.A., Miller P.S., Lyutova M.E. Transformation of the image of the monastery in the works of V.M. Shukshin. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 245 – 250.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Василий Макарович Шукшин – алтайский поэт, писатель, актёр, кинорежиссёр в одном лице. Историки литературы относят его творчество к деревенской прозе [2, 4]. Его произведения яркие, колоритные, отражают состояние народной души и русского ума; он писал о противоречивом духе простых мужиков: непредсказуемых, ленивых и работоспособных, бескорыстных и жадных, доискивающихся истины. В.М. Шукшин родился в семье крестьян: «сохранивших патриархальную культуру, в которой и закрепилась православная традиция» [3], иммигрировав в город будучи интеллигентом, писатель пытался разумом постичь православную веру. Как отмечает Д.В. Марьин, В.М. Шукшин в 1960-е годы отделяет православие от патриархальности, к которой относятся обычаи, обряды, уважения заветов [3]. В.И. Белов, близкий друг, высказывался о В.М. Шукшине: «Двигался ли к Богу сам Шукшин? Мне кажется, да. Некоторые его поступки указывали на это вполне определенно...» [1]. Он ежегодно праздновал Пасху, важный праздник у православных крестьян, являлся крёстным отцом своих племянников, отмечал День Ангела своей матери. В декабре 1961 года в одном из писем к сестре, переживающей смерть мужа, В.М. Шукшин в её поддержку пишет: «Я хочу, чтобы меня похоронили также по-русски, с отпеванием, с причитаниями...» [3]. В начале 1970-х годов происходит серьёзная трансформация религиозного мировоззрения автора. Путешествуя по историческим городам России, посещая храмы и монастыри в рамках подготовки к съёмкам фильма о Степане Разине, писатель осознаёт, что православная вера – важнейшая опора русской культуры. В этот период он приближается к истинной вере в Бога.

Цель статьи – на примерах рассказов «Светлые души», «Мастер», «Крепкий мужик», «Микроскоп», «На кладбище» и повести-сказки «До третьих петухов» рассмотреть образ монастыря в ранних и поздних произведениях В.М. Шукшина, а также проанализировать его развитие, трансформацию.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили ранние и поздние рассказы В.М. Шукшина, а также его повесть-сказка «До третьих петухов». Для раскрытия темы использовались эпистолярное наследие и биографические данные писателя.

Методологической основой исследования является комплексный подход, включающий в себя сравнительно-сопоставительный метод, использовавшийся для сопоставления образа монастыря в разных произведениях автора, метод мотивного анализа для выявления и систематизации ключевых мотивов, связанных с православной культурой, метод структурно-семантического и герменевтического анализа для интерпретации символического значения образа монастыря, раскрывающего представления В.М. Шукшина о вере, православной традиции, национальном духе русского народа.

Результаты и обсуждения

Во многих своих рассказах автор употребляет фразеологизмы и междометия с христианской семантикой: «Взять грех на душу», «Пошёл к чёртовой матери!» («До третьих петухов»); «Муж да жена – одна сатана» («Крыша над головой»); «Батюшки-святы» («Материнское сердце»); «Дай мне душеньку отвести» («Микроскоп»); «Душа болит», «подставь правую» в значении «подставить другую щёку» (Евангелие от Матфея 5:39), «почитать за бога» («Я верую»); «Ах ты, Господи-то! Беда прямо», «прости, Господи», «Господи, Господи… Вот жизнь пошла!» («На кладбище»); «Прощай, сын мой. Дай бог удачи.», «Дай Бог!», «Боже мой!» («Мастер»); «Вишь, морду воротит, черт» («Крепкий мужик») [7-11]. Эти идиомы, применяемые в речи героев, свидетельствуют о приверженности В.М. Шукшина православной традиции русского языка, являющегося отражением духа народа. Национальный характер прозы алтайского писателя отмечают У.Ш. Тедеева и В.К. Сигов [5, 6].

Рассказ «Светлые души», написанный в 1961 году, повествует о молодой супружеской паре. Муж и жена души в друг друге не чают, однако между ними возникают разногласия из-за страсти Михайло к механике. Анна демонстрирует нежность, проявляет внимание к увлечённому машинами супругу и ожидает такой же ласки к себе, которую муж преимущественно дарит технике. В моменты эмоциональной уязвимости, ревнуя к грузовику и злясь, она упоминает имя Божье всуе, слёзы на её глазах сопровождаются словами о Господе: «Господи! – Анна поджала малиновые губы. На глазах ее заблестели светлые капельки слез. – Ни стыда ни совести… <…>… Приедет раз в год и то никак не может расстаться со своими штуками…» [9, с. 91-92]. В опубликованном в 1969 году рассказе «Микроскоп» столяр маленькой мастерской в тайне от жены покупает оптический прибор для рассматривания микробов, чтобы занять себя интересным делом вместо выпивки, и врёт, что потерял деньги, а микроскоп ему дали «за ударную работу». Супруга недовольна, ей бы скорее хотелось получить пылесос – практичный прибор, применимый в быту. Автор так высказывается об этом: «Нет, Бог, когда создавал женщину, что-то такое намудрил. Увлёкся творец, увлёкся. Как всякий художник, впрочем. Да ведь и то – не Мыслителя делал» [7, с. 39]. Этой фразой автор признаёт создание человека Богом, тем самым философствуя и соглашаясь с догмами христианства.

В 1970 году Владимир Макарович Шукшин, готовясь к съёмкам фильма про Степана Разина, совершил поездку по историческим городам России – Суздаль, Великий Ростов, Астрахань, Тутаев. Вместе с членами съёмочной команды он посещал местные храмы и церковные памятники. В своих кинофильмах и литературных произведениях В.М. Шукшин боролся за культурное наследие и народное достояние, в котором православие играет важнейшую роль [3]. В этот же период, в 1971 году, им написан рассказ «Мастер» о непревзойдённом столяре, забулдыге Сёмке Рыси, который будучи советским гражданином, увидел «белую, изящную, лёгкую среди тяжкой зелени тополей» [11, с. 43], но заброшенную церковь. Красота храма так сильно впечатлила его, что он вознамерился отреставрировать здание, считая первоначальную задумку архитектора гениальной. В этом произведении образ монастыря представляется нерушимым, вечным: «Тихо в деревне. И стоит в зелени белая красавица столько лет стоит! – молчит. Многомного раз видела она, как восходит и заходит солнце, полоскали ее дожди, заносили снега... Но вот – стоит» [11, с. 44]. Автор сравнивает мастерство архитектора со «светлой каменной сказкой» и с песней души, которая «слышна» даже для неверующих людей, для Сёмки Рыси. Герой произведения приближается к истинной красоте, у него появляются благородные мотивы – отремонтировать храм для того, чтобы будущие поколения могли видеть прекрасное, чтобы их душа была наполнена светом. В жизни столяра мы можем увидеть параллель с биографией самого автора, когда Сёмка жил и работал у писателя, он рассматривал иконы, прялки, читал книги и не выпивал. Его жизнь духовно преображалась, когда он взаимодействовал с предметами старины, прикасался к прошлому, вспоминал свои корни. Отвергнутый в его стремлениях, Сёмка сник, обижался и злился, был обескуражен безразличием и бездушностью попов, был неприятно удивлён их достатком и роскошной жизнью: «Лучше всего иметь дело с родной Советской властью. Эти попы темнят чего-то...» [11, с. 50]. Поскольку считается, что представители духовенства должны вести аскетный образ жизни по заповедям христианства, их зажиточность вызывает у главного героя негодование. Реалии, которые он наблюдает, не сходятся с его мировоззрением, поэтому он покупает на поповские деньги «полкилограмма» водки и отныне всегда поворачивается спиной к талицкой церкви, зло курит и молчит «…в глаза поруганной красавице взглянуть нет сил – совестно» [11, с. 54]. Сам В.М. Шукшин, как и столяр Сёмка, жил в обществе, в котором религия, несовместимая с марксистской идеологией, была под запретом. Возможно, в этом рассказе он отразил свои собственные терзания и сомнения в вопросе веры.

На примере рассказа «Крепкий мужик» мы можем увидеть, что, если церковь станет «вовсе теперь никому не нужной» [11, с. 177], её перестанут защищать и следить за порядком в ней, она начнёт разрушаться, кто-нибудь крепкий, сильный и безнравственный, такой как бригадир Шурыгин, разберёт её по кирпичикам на «свинарник». Своевольный и непоколебимый мужик, бригадир Николай Сергеевич, не хотел, чтобы пропадал «добрый» материал для строительства, однако жители деревни, наблюдая за разрушением храма, были недовольны, так как «люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали усопших дедов и прадедов, как небо привыкли видеть каждый день, так и ее…» [11, с. 179]. Мы видим заблудшую душу, которая не осознаёт тяжести совершённого греха и гордится своим поступком. Герой не понимает, почему жители устроили скандал, и считает эту ситуацию забавной: «Хоть посмеяться» [11, с. 184]. Сталкиваясь с сопротивлением учителя и населения («Это мое дело! Это народное дело!.. <…>… Вы не имеете права! Варвар! Я буду писать!..» [11, с. 179-180]), мы можем провести параллель с рассказом «Мастер», где столяр

Сёмка тоже пытался писать вышестоящим органам государственной власти, но ему ответили отказом, то же случится с другим обращением.

За год до своей смерти, в 1973 году, В. М. Шукшин написал философский рассказ «На кладбище», поднимающий темы духовного упадка современного общества, «непутёвой жизни» молодого поколения, замедления в спешащем мире, отдыха и глубоких размышлений. Главный герой приходит на кладбище, чтобы подумать и отдохнуть в тихом месте, где «мысль шарахается то вбок, то вверх, то вниз, на два метра. Но кресты, как руки деревянные, растопырились и стерегут свою тайну» [7, с. 196]. Он садится рядом с незнакомой могилкой и задумывается, пока не замечает старушку, пришедшую на кладбище к своему покойному сыну. Она рассказывает историю о земной божьей матери, появившейся на старом кладбище возле военного городка, плачущей о непутёвой жизни молодого поколения и оставившей на гимнастёрке солдата-комсомольца лёгким касанием ладони образ божьей матери. Автор в этом рассказе пишет о божественном чуде, он считает, что нынешнее поколение живёт неправильно и ему нужно вернуться к исконным ценностям, среди которых важное место занимает православие.

Последнее произведение В.М. Шукшина – повесть-сказка «До третьих петухов», в которой автор использует сказочные мотивы и образы, сочетает фольклорную культуру с православной [12]. Особое место в ней занимает образ монастыря, где он представляет не столько освященное пространство, сколько зеркало, отражающее сложную и зачастую противоречивую связь человека с верой, с устоявшимися традициями и, конечно же, с самим собой. На наш взгляд, это произведение стало квинтэссенцией религиозных мотивов в творчестве автора. Изначально монастырь предстает перед нами как некое убежище, как место, где можно обрести утешение и покой. Но реальность оказывается куда более тревожной: теперь это пространство охвачено настоящим хаосом. Вокруг монастыря кружат черти, олицетворяющие все мирские искушения и пороки. Они активно вмешиваются в жизнь монахов, устраивая шумные пиршества, распивая алкоголь и всячески досаждая обитателям обители. Автор описывает полное пренебрежение к святости и умиротворению, которые должны царить в монастыре: «Кругом же творился некий вялый бедлам – пауза такая после бурного шабаша. Кто из чертей, засунув руки в карманы узеньких брюк, легонько бил копытцами ленивую чечетку, кто листал журналы с картинками, кто тасовал карты… Один жонглировал черепами. Двое в углу учились стоять на голове. Группа чертей, расстелив на земле газеты, сидела вокруг коньяка и закуски - выпивали» [10, с. 211]. Изначально Иван хотел дать отпор чертям, но некий изящный чёрт предложил помощь в обмен на ответную услугу. Суть помощи заключается в том, чтобы подсказать чертям, как убрать монахов из монастыря. Он предаёт свою веру и предлагает спеть песню, родную для стражника – «По диким степям Забайкалья». Песня является ключом, открывающим дверь не только в прошлое, но и в храм, который должен быть неприступной крепостью. Монастырь, таким образом, предстает не как неприступная цитадель веры, а как хрупкое образование, уязвимое перед натиском соблазнов и человеческих слабостей. Черти символизируют осквернение святого места, их присутствие вскрывает уязвимость духовных основ, демонстрируя, как легко может быть разрушен порядок, если в свое окружение впустить темные силы. Из-за отсутствия воли, Иван становится инструментом в руках чертей и используется для поиска слабых мест стражника. На обратном пути главный герой замечает монахов, подстраивающихся под ритм чёртовой музыки, покачивающих плечами и притоптывающих ногами, и его тело тоже поддаётся этому зловещему ритму. К нему приходит осознание, что тёмные силы, проникая в сознание, способны подрывать даже самые крепкие устои, и это наполняет его тревогой: «Шел Иван и плакал – так горько было на душе, так мерзко» [10, с. 229].

Автор использует образ монастыря как глубокую метафору, раскрывающую многогранное понимание веры. Писатель показывает, что истинная вера – это не просто посещение святых мест и соблюдение обрядов, а также непоколебимая готовность отстаивать свои убеждения, верность самому себе и внутреннему голосу совести. Таким образом, монастырь в «До третьих петухов» выступает как многогранная аллегория нашего мира, где вечное противостояние добра и зла, порядка и хаоса, духовного и низменного является неотъемлемой частью бытия.

Выводы

Исследование подчёркивает важную роль образа монастыря в творчестве В.М. Шукшина. Анализ ранних и поздних произведений позволил выявить возросшую в 1970-е годы частоту использования православных мотивов. Если в 1960-е годы религия и размышления о ней встречались в рассказах фрагментарно, то после переосмысления мировоззрения автора в 1970-е годы стали основной темой его произведений и, в 1974 году соединились в единый образ монастыря, представленный в повести-сказке «До третьих петухов», в которой В.М. Шукшин отразил свои собственные переживания по вопросу веры. В поздних произведениях, рассказах «Мастер», «Крепкий мужик», «На кладбище», в повести-сказке «До

третьих петухов», образ монастыря приобретает целостность и идейную насыщенность. Храм предстаёт как хрупкое место, символ красоты, исторической памяти, которое необходимо охранять не только сводом правил, но и своими убеждениями, волей и истинной верой, не сводящейся к механическому выполнению обрядов. Мы наблюдаем конфликт между идеальными представлениями о духовной жизни народа и действительным положением дел. Этот конфликт может привести как к душевным переживаниям героя, так и к физическому разрушению объектов духовной культуры.

Таким образом, монастырь в произведениях В.М. Шукшина предстаёт не просто как архитектурное сооружение, а как место духовной силы, в котором человек проверяет на прочность свои моральные принципы, идеи и качества, а также осознаёт духовные связи с предками.

Список источников

1. Белов В.И. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром. Москва: Советский писатель, 2002. С. 73 – 76.
2. Дуров А.А. Художественное воплощение философии народной культуры (по повести-сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов») // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь. 2009. № 3. С. 61 – 66.
3. Марьин Д.В. Православные мотивы в эпистолярном творчестве В.М. Шукшина // Филология и человек. 2012. № 3. С. 46 – 54.
4. Московкина Е.А. Народное искусство в поэтике В.М. Шукшина // Учёные записки (АГАКИ). Барнаул. 2022. № 3 (33).
5. Сигов В.К. Противоречия национального характера и судьбы..., духовность и ценностные ориентиры нового мира в конфликтосфере рассказов Шукшина // В.М. Шукшин: pro et contra: Современные аспекты исследования. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. 2024. С. 279 – 313.
6. Тедеева У.Ш. Тема человека в творчестве В.М. Шукшина // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2023. Т. 15. № 2-3. С. 14 – 21.
7. Шукшин В.М. До третьих петухов. Москва: Детская литература, 2009. 302 с.
8. Шукшин В.М. Надеюсь и верую. Рассказы. Киноповесть «Калина красная». Письма. Воспоминания, К 70-летию со дня рождения В.М. Шукшина. Москва: Воскресенье, 1999. 511 с.
9. Шукшин В.М. Сельские жители. Москва: Молодая гвардия, 1963. 192 с.
10. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 томах. Т. 7: Рассказы 1973-1974 гг. Брат мой… Энергичные люди. До третьих петухов. А поутру они проснулись… Барнаул, 1973. 336 с.
11. Шукшин В.М. Характеры. Москва: Современник, 1973. 224 с.
12. Шустов М.П. Степанов А.С. Сказка как матрица художественного текста В.М. Шукшина // Вестник Марийского государственного университета. Йошкар-Ола, 2020. Т. 14. № 1. С. 130 – 139.

References

1. Belov V.I. The Weight of the Cross. Shukshin on Screen and Behind the Scenes. Moscow: Sovetsky Pisatel, 2002. P. 73 – 76.
2. Durov A.A. Artistic Embodiment of the Philosophy of Folk Culture (based on V.M. Shukshin’s Tale-Story “Before the Third Cock Crows”). Bulletin of the Stavropol State University. Stavropol. 2009. No. 3. P. 61 – 66.
3. Maryin D.V. Orthodox Motifs in the Epistolary Works of V.M. Shukshin. Philology and Man. 2012. No. 3. P. 46 – 54.
4. Moskovkina E.A. Folk Art in the Poetics of V.M. Shukshin. Scientific Notes (AGAKI). Barnaul. 2022. No. 3 (33).
5. Sigov V.K. Contradictions of National Character and Destiny..., Spirituality, and Value Orientations of the New World in the Conflict Sphere of Shukshin's Stories. V.M. Shukshin: Pro et Contra: Modern Aspects of the Research. St. Petersburg: Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy. 2024. P. 279 – 313.
6. Tedeeva U.Sh. The Theme of Man in the Works of V.M. Shukshin. Modern Studies of Social Problems. Krasnoyarsk, 2023. Vol. 15. Nos. 2–3. P. 14 – 21.
7. Shukshin V.M. Before the Third Rooster Crows. Moscow: Detskaya Literatura, 2009. 302 p.
8. Shukshin V.M. I Hope and Believe. Short Stories. The Film Story "Kalina Krasnaya." Letters. Memories, On the 70th Anniversary of V. M. Shukshin's Birth. Moscow: Voskresen'e, 1999. 511 p.
9. Shukshin V.M. Rural Residents. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1963. 192 p.

10. Shukshin V.M. Collected Works: in 9 volumes. Vol. 7: Stories from 1973-1974. My Brother... Energetic People. Before the Third Cockcrow. And in the Morning They Woke Up... Barnaul, 1973. 336 p.
11. Shukshin V.M. Characters. Moscow: Sovremennik, 1973. 224 p.
12. Shustov M.P., Stepanov A.S. Fairy Tale as a Matrix of V.M. Shukshin's Fiction. Bulletin of the Mari State University. Yoshkar-Ola, 2020. Vol. 14. No. 1. P. 130 – 139.

Информация об авторах

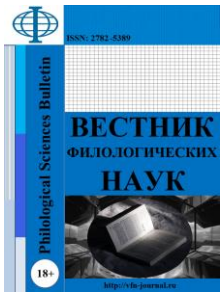
Кабакова С.А., кандидат филологических наук, доцент, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, svetlana-igpi@mail.ru

Шадрина Е.А., Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, stud0000294626@utmn.ru

Миллер П.С., Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, stud0000288682@study.utmn.ru

Лютова М.Е., Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, stud0000273341@study.utmn.ru

© Кабакова С.А., Шадрина Е.А., Миллер П.С., Лютова М.Е., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 003.086

[1] Кабакова С.А., [1] Алпатова Д.А., [1] Захарова В.В.

[1] Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

Пунктуация как инструмент выразительности: когда запятая меняет смысл

Аннотация: *в данной статье рассматривается анализ роли пунктуации, в частности запятой, как инструмента выразительности речи. Целью исследования является изучение особенностей пунктуации, а также поиск предложений и ситуаций, где один знак препинания способен изменить смысл высказывания и повлиять на восприятие текста читающим. Задачи исследования включают изучение теоретических основ употребления запятых и акцент на том, как пунктуация воздействует на смысл высказывания. Особый интерес представляют случаи, где запятая выступает «смысловым переключателем», способным смещать акценты в предложении, порождать двусмысленности, создавать неоднозначные синтаксические конструкции. В работе уделено внимание тому, как писатели используют знаки препинания, чтобы усилить эмоциональное воздействие текста. В статье представлены примеры, как именно запятая влияет на понимание смысла в художественной литературе. Итоги исследования формируют базис для последующих научных поисков в сфере пунктуации как инструмента выразительности. Результаты статьи могут быть востребованы при подготовке учебно-методических комплексов по дисциплинам, связанным со стилистикой и представляют интерес для лингвистов, педагогов, литераторов. Сведения, полученные в исследовании, также можно использовать в образовательном процессе при изучении пунктуационных правил или на занятиях по писательскому мастерству. Следование рекомендациям поможет авторам избежать наиболее часто встречающихся ошибок и вывести свои тексты на качественно новый уровень.*

Ключевые слова: *знаки препинания, запятая, пунктуация, русский язык, правила препинания, выразительность, интонация*

Для цитирования: Кабакова С.А., Алпатова Д.А., Захарова В.В. Пунктуация как инструмент выразительности: когда запятая меняет смысл // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 251 – 256.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Kabakova S.A., [1] Alpatova D.A., [1] Zakharova V.V.

[1] P.P. Yershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of University of Tyumen

Punctuation as a tool of expressiveness: when a comma changes the meaning

Abstract: *this article examines the analysis of the role of punctuation, in particular, the comma, as a tool of expressiveness of speech. The purpose of the study is to study the features of punctuation, as well as to find sentences and situations where one punctuation mark can change the meaning of the statement and affect the perception of the text by the reader. The objectives of the study include the study of the theoretical basis of the use of commas and the emphasis on how punctuation affects the meaning of the statement. Of particular interest are cases where a comma acts as a "semantic switch" that can shift the emphasis in a sentence, create ambiguity, and produce ambiguous syn-*

tactic structures. The paper focuses on how writers use punctuation marks to enhance the emotional impact of their writing. The article provides examples of how a comma can influence the interpretation of meaning in literature. The results of the study form the basis for subsequent scientific research in the field of punctuation as an instrument of expressiveness. The results of the article can be used in the preparation of educational and methodological complexes for disciplines related to stylistics and are of interest to linguists, teachers, and literary scholars. The information obtained in the study can also be used in the educational process when studying punctuation rules or in writing classes. Following the recommendations will help authors avoid the most common mistakes and take their texts to a new level.

Keywords: *punctuation marks, comma, punctuation, the Russian language, punctuation rules, expressiveness, intonation*

For citation: Kabakova S.A., Alpatova D.A., Zakharova V.V. Punctuation as a tool of expressiveness: when a comma changes the meaning. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 251 – 256.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Знаки препинания – важнейший инструмент организации письменной речи: они гарантируют четкость изложения и исключают двусмысленность при передаче смыслов. В русском языке, как и в других языках, знаки препинания не только выполняют функцию разделения предложений и частей текста, но и служат средством выражения интонации, эмоциональной окраски и смыслового акцента. Согласно классификации Р.Г. Пиотровского, знаки делятся на две группы по функционально-смысловому критерию: к первой относятся лексические знаки, предназначенные для классификации и хранения информации, ко второй – грамматические знаки, которые выполняют коммуникативно-организующую функцию при построении текста [7]. В связи с этим, знаки препинания – это мощный инструмент выразительности, полноправный участник смыслообразования, способный кардинально менять смысл высказывания при минимальной графической трансформации. Особенно ярко эта функция проявляется в работе с запятой: один-единственный знак, перемещенный в другую позицию, может превратить утверждение в отрицание, приказ – в просьбу, угрозу – в спасение.

Материалы и методы исследований

В последние десятилетия наблюдается значительный интерес к изучению пунктуации, что обусловлено как изменениями в языковой практике, так и развитием новых теорий в области лингвистики – вопросы освоения пунктуации становятся предметом всё более пристального изучения со стороны лингвистов, методистов и педагогов-русистов. В научном сообществе появилось множество исследований, в которых рассматриваются теоретические основы изучения пунктуации. Труды, например, Г.И. Блинова и Д.Э. Розенталя, подчеркивают значимость теоретического осмысления пунктуационных норм и их применения в различных литературных жанрах.

Актуальные научные работы подчеркивают тесную связь синтаксиса и пунктуации, уделяя повышенное внимание тому, как используется запятая в интернет-пространстве. Достаточно динамичное развитие цифровых технологий меняет как язык, так и формы общения, в связи с этим правила пунктуации нуждаются в актуализации согласно новым реалиям. Многочисленные исследования демонстрируют повышенный интерес к тому, как синтаксис и пунктуация взаимосвязаны между собой. Так, в статье В.И. Рябухина, Зарубина А.М., Новоселецкого Д.В., Невзорова Н.Ю., Дьяконова Н.С. о значении пунктуации для современных носителей русского языка акцентируется внимание на общении в сети Интернет, где прослеживается тенденция игнорирования традиционных правил расстановки знаков препинания, в то время как находят распространение индивидуальные пунктуационные решения – выражение тех или иных эмоций с помощью знаков препинания. Авторы отмечают: отсутствие грамотной пунктуации существенно осложняет понимание содержания текста [10]. Осознание роли пунктуации в русском языке необходимо для успешной коммуникации и точного выражения информации. В данной работе мы стремимся внести свой вклад в изучение этой важнейшей области лингвистики, систематизируя имеющиеся знания.

Результаты и обсуждения

В работах Н.С. Валгиной пунктуация предстает не просто как свод формальных правил, а как тонкая система, способная существенно менять смысловые акценты в тексте [2]. Особое место в этом ряду занимает запятая – на первый взгляд, самый «обычный» знак, однако именно она нередко становится решающим инструментом смыслоразличения. Ученая подчеркивает, что запятая выполняет одновременно структурную,

смысловую и интонационную функции, и именно в их пересечении рождается выразительный потенциал знака. Грамматически запятая членит предложения на синтаксические блоки: отделяет однородные члены, выделяет придаточные части, обособляет обороты. Но за этим членением всегда стоит смысловое разграничение: небольшая перестановка или отсутствие запятой способны превратить одно утверждение в другое, порой с противоположным значением [2].

Пунктуация в русском языке играет важную роль в формировании смыслового содержания предложений и текстов. В труде «Методика изучения пунктуационных правил» Г.И. Блинов подчёркивает: знаки препинания не просто обозначают границы синтаксических единиц и смысловые связи между ними – они также выполняют стилистическую функцию, помогая точнее передать авторский замысел [1]. Иллюстрацией служит пример из Бернарда Шоу: «Кто сказал, что человек тиран собаки. – Наоборот, собака – тиран человека, – пошутил Бернард Шоу». Хотя оба предложения в прямой речи построены идентично, лишь во втором используется тире – оно маркирует смысловую паузу, подчёркивающую значимость сопоставления [1]. Ученый также указывает на то, что эффективность применения пунктуационных правил в первую очередь обусловлена тем, как организована мыслительная работа учащихся, насколько они знакомы с логическими операциями и умеют их реализовывать. Освоение таких приёмов имеет принципиальную важность: если ученики не понимают функций отдельных знаков препинания и не владеют пунктуационными навыками, это тормозит развитие их речи, снижает качество письменного выражения мыслей и затрудняет понимание текстов – как собственных, так и чужих [1].

Книга Д.Э. Розенталя «Справочник по русскому языку: орфография и пунктуация» является ценным пособием для учащихся, педагогов и всех, кто стремится к совершенствованию навыков письма. Освоение правил пунктуации не только упрощает процесс письма, но и способствует основательному пониманию языка как средства коммуникации. В своем труде Д.Э. Розенталь предлагает всеобъемлющее руководство по нормам и правилам, определяющим применение знаков препинания в русском языке. Одна из ключевых целей пунктуации – организация текста. Знаки препинания помогают выделять смысловые группы слов, разделять части сложных предложений, а также указывать на интонационные паузы. Так, запятые ставятся для обособления однородных членов, а точки – для завершения мысли [9]. Д.Э. Розенталь в справочном пособии систематизирует правила постановки запятых в синтаксически сложных структурах, к которым также относятся обособленные обороты и приложения, а данные правила позволяют минимизировать распространенные ошибки. Также в книге рассмотрены особенности использования других знаков препинания: двоеточия, тире, кавычек, которые могут стать инструментом передачи авторского стиля. Так, тире может ставиться, чтобы сделать акцент на паузе, а кавычки не только для выделения цитаты, но и для использования слова в переносном значении. Следует учитывать, что пунктуационные нормы не универсальны – их применение зависит от типа текста: чтобы верно понять высказывание, важно уловить общий смысл. По мнению автора, глубокое знание правил пунктуации не просто обеспечивает грамотность, но и совершенствует умение анализировать и редактировать тексты [9], что не перестает быть актуальным и в наши дни.

Необходимо подчеркнуть, что пунктуация – это средство создания ритма, интонации и смысловой наполненности текста.

Первые тексты, предназначенные для чтения вслух, обходились без привычных нам знаков препинания: паузы и интонация читателя решали всё. В древних текстах (например, в оригиналах Библии) их вовсе нет. Знаки препинания появились значительно позже и прежде всего служили ориентирами для публичного чтения – они фиксировали, где задержать дыхание, а где сделать ударение [5]. Одна и та же фраза с разной расстановкой запятых может рассказать две диаметрально противоположные истории. Только со временем некоторые знаки обрели строгие грамматические функции, но их «музыкальная» роль никуда не исчезла. Самый наглядный пример того, как запятая меняет смысл, – классическая фраза «Казнить нельзя помиловать» не только на бумаге, но и в произношении будет звучать по-разному, в зависимости от того, где поставить запятую. Поставьте запятую после первого слова – «Казнить, нельзя помиловать»- и прикажите казнить, исключив помилование. Сдвиньте запятую после второго слова «Казнить нельзя, помиловать» – и получите прямо противоположное решение: нельзя казнить, нужно помиловать. Одна и та же лексика, две разные волны интонации – и два разных приговора. Это простой, но мощный пример того, как пунктуация влияет на смысловой центр высказывания. Выходит, что запятая – это не только «граница» между синтаксическими частями. Она выделяет вводные слова и обращения, смещает акценты, создает паузы, которые усиливают эмоции. Сравните: «Он конечно прийдет» и «Он, конечно, прийдет». Во втором варианте вводное слово усилено паузой – отношение говорящего более уверенно и иронично; в первом – размеренно

констатируется факт. Похожие эффекты дает перестановка обособленных оборотов: они могут отделять мысль, делать ее рефлексивной или, наоборот, слитой с остальным предложением.

На современном этапе развития русского языка последний претерпевает значительные трансформации. Данные изменения коснулись и системы пунктуации. В статье В.И. Рябухина и других авторов в статье «Значение пунктуации для современных носителей русского языка (на материале переписки пользователей сети интернет)» рассматриваются актуальные тенденции в использовании пунктуации, которые наблюдаются в русском языке на сегодняшний день. Например: появление новых видов синтаксических построений и поверхностное отношение к функциональной значимости знаков препинания [10]. Авторы акцентируют внимание на изменениях, произошедших в правилах и нормах пунктуации, а также на влиянии различных факторов, таких как нехватка времени и желание человека излагать мысли быстрее [10] приводят к отклонениям от норм. Исследователи указывают: действующие сегодня правила русской пунктуации восходят к стандартам, утверждённым в середине XX века Министерством высшего образования СССР. Такая унификация была необходима – до этого в русском языке не существовало единых пунктуационных норм [10]. Современные наблюдения показывают: люди нередко ошибаются в расстановке знаков препинания – пропускают их, используют неподходящие символы или ставят знаки в неверных позициях. Но здесь важно чувство меры: отсутствие или преобладание запятых в неположенном для них месте не должны разрушать понятность текста без причины. Примеры: «Сказала что это ни к чему не приведет»; «Уйди, тебе, говорю!» [10]. По мнению авторов, необходимо повышать пунктуационную грамотность, поскольку корректное понимание текста становится особенно актуальным для поддержания взаимопонимания и доверительных отношений [10].

Авторы художественных текстов давно пользуются авторской пунктуацией как средством стилизации. В таких случаях писатель осознанно отступает от норм, используя запятые и другие знаки препинания для усиления экспрессии. Так, избыточное обособление «Она, бледная, дрожащая, почти без сил, всё же пошла вперед» превращает запятые в инструменты эмоционального воздействия и нагнетания на читателя: каждый оборот, выделенный запятой, становится самостоятельным смысловым ударом. Или, напротив, намеренный пропуск запятых в сложноподчиненном предложении может имитировать стремительность речи, ее спонтанность, создавая эффект «потокового» сознания. В художественных текстах запятые моделируют паузы, задают ритм, передают сбивчивость или напряженность высказывания. Так, в статье Е.А. Лелис «Пунктуация художественного текста как компонент его лингвостилистической системы (на материале романа Г. Яхиной «Дети мои»)» рассматривается важность пунктуации как средства, формирующего восприятие текста. Автор анализирует, как различные знаки препинания влияют на структуру и смысл произведения в контексте романа. Лелис подчеркивает, что научное сообщество в последнее время активно поддерживает идею выделения четвёртого принципа пунктуации – функционально-стилистического. Его ключевая особенность: он базируется на намеренном использовании знаков препинания для акцентирования, выделения и привлечения внимания к смысловой или эмоциональной составляющей высказывания. В художественной речи этот принцип раскрывается максимально полно, создавая неповторимый пунктуационный почерк писателя [6]. Лелис проводит сравнительный анализ примеров из книги, демонстрируя, как пунктуация помогает читателю понять авторский замысел и эмоциональное состояние героев. Например: «А Бах был теперь и лесоруб, и рыбак, и трубочист, и садовник. Он выучился всему: рубить деревья, ловить в силки зайцев, варить смолу, латать соломой крышу, мазать глиной щели в полу, чистить колодец, белить известью шершавые яблоневые стволы…» – здесь запятые работают как лингвостилистический инструмент: с помощью графического оформления они подчёркивают принципиальное различие между умениями, которыми владеет герой [6]. В результате, работа Лелис подчеркивает значимость пунктуации как неотъемлемого элемента текстовой структуры, который влияет на восприятие и интерпретацию художественного текста, в зависимости от сложности самого пунктуационного рисунка [6].

В статье Ю.Н. Гусак «Функциональная специфика пунктуации в дихотомическом пространстве языка и речи: базовые подходы и принципы» рассматриваются важные аспекты пунктуации и её роли в русском языке и речи. Автор подчеркивает, что знаки препинания не только выполняют грамматические функции, но и служат средством передачи интонационных нюансов, что существенно влияет на восприятие текста. В своё время на начальных этапах формирования пунктуационной системы интонационный принцип имел ключевое значение: знаки препинания напрямую соотносились с паузами, характерными для устной речи [3]. Автор подчеркивает, что в распоряжении автора пунктуация предлагает богатый набор возможностей: если обращаться с ней умело, она становится сильным средством для смысловой и стилистической организации высказывания [3]. Поэтому знание пунктуационных правил и их творческое использование могут сильно повлиять на то, как читатель воспринимает текст.

Семантическая функция знаков препинания в русском языке играет ключевую роль в формировании смысла и высказывания. Знаки препинания не только служат для разделения предложений и частей предложений, но и влияют на интерпретацию текста, уточняя его значение и эмоциональную окраску, становясь «смысловым различителем» [8]. Например, предложение «Я люблю тебя, мама» и «Я люблю тебя мама» имеют различную семантику. В первом случае акцент делается на обращении к матери, а во втором – на выражении любви к кому-то, что может вызвать недоразумение без соответствующей пунктуации. Использование знаков препинания открывает возможность для разночтения текста: при одном и том же наборе слов смысл варьируется в зависимости от пунктуации [8]. Продемонстрируем это на примере двух вариантов пунктуационного оформления одного и того же предложения: «Сердце верно подсказало ему выход из создавшегося положения» и «Сердце, верно, подсказало ему выход из создавшегося положения». Постановка знаков препинания при слове «верно» диктуется контекстом, когда при выражении уверенности оно выступает как наречие и не выделяется запятыми, а при выражении сомнения становится вводным словом и обособляется. Этот пример иллюстрирует, что пунктуация не ограничивается синтаксическими правилами [8]. Отсюда следует, что знаки препинания являются смысловыми ориентирами, выполняющими ключевую коммуникативную функцию в диалоге между писателем и читающим. Семантическая суть пунктуации раскрывается в ее возможности передавать скрытые смыслы и дополнительные сведения через систему графических символов. Грамотное использование этого потенциала позволяет автору максимально точно реализовать коммуникативный замысел, а читателю – полноценно декодировать заложенные смыслы [8].

В статье Л.Х. Дониеровой «Методы и цели преподавания и пунктуации русского языка учащимся средних классов» подчеркивается, что пунктуационные ошибки – это неиспользование необходимого знака препинания, или употребления его там, где он не нужен [4]. Особое внимание мы уделяем запятой как наиболее частотному и одновременно наиболее «гибкому» знаку, способному кардинально менять значение высказывания в зависимости от места постановки. Согласно позиции автора, ключевая цель школьного обучения пунктуации – сформировать у учащихся пунктуационную грамотность. Отметим, что в педагогической практике нередко упускается из виду смыслоразличительная функция запятой – ее способность не только структурировать предложение, но и задавать ключевые смысловые акценты. Абсолютная пунктуационная грамотность предполагает абсолютное владение всеми пунктуационными нормами, а также умение правильно использовать знаки препинания в авторских целях [4]. Между тем, именно эти особенности делают запятую мощным средством авторской выразительности. Дониерова описывает эффективные методические приемы, среди которых: 1. Комментированное письмо у доски с пошаговым обоснованием постановки знаков; 2. Работа по цепочке – последовательное выполнение заданий всеми учащимися; 3. Дифференцированные карточки для учащихся с разным уровнем подготовки; 4. Тренировочные упражнения на обнаружение и разрешение пунктуационных задач. Эти приемы позволяют вовлечь в работу всех учащихся, развить внимание к текстовой структуре, сформировать привычку анализировать пунктуацию и снизить тревожность при работе с текстом [4]. Данное исследование по-настоящему демонстрирует, что знание пунктуации – это не только освоение формальных правил, но и развитие коммуникативной компетенции. Разработанные автором методики могут успешно применяться как в рамках школьной программы, так и в процессе организации факультативных занятий по языку. Их достоинство заключается в гармоничном сочетании классических принципов (следование правилам) и новаторских решений (применение алгоритмического метода и заданий, учитывающих индивидуальные особенности обучающихся).

Выводы

Знаки препинания – это больше, чем просто маркеры структуры текста, которые не просто структурируют текст, но еще и являются мощным средством художественной выразительности. Даже такая элементарная пунктуационная единица, как запятая, обладает силой существенно переосмыслить предложение и повлиять на его восприятие. Доказательством важности корректного использования знаков препинания служат множество примеров, где единственная пунктуационная ошибка или пропуск знака препинания ведет к искажению смысла.

Для писателей и читателей осознание этой особенности становится ключом к более глубокому пониманию языка – они начинают лучше различать нюансы и тонкости речи, чувствовать эмоциональный подтекст произведения. Как результат, владение пунктуационными нормами превращает письмо в искусство, обогащая его и придавая неповторимую выразительность.

Список источников

1. Блинов Г.И. Методика изучения пунктуационных правил. М.: Просвещение, 1972. 208 с.
2. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высшая школа, 2004. 259 с.

3. Гусак Ю.Н. Функциональная специфика пунктуации в дихотомическом пространстве языка и речи: базовые подходы и принципы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 3. С. 1 – 4.

4. Дониёрова Л.Х. Методы и цели преподавания пунктуации русского языка учащимся средних классов // Экономика и социум. 2021. № 12 (91) 2. С. 1093 – 1098.

5. Кудряшов Ю.В. Авторская пунктуация // Вестник МИТУ‑МАСИ. 2018. № 1. С. 60 – 64.

6. Лелис Е.И. Пунктуация художественного текста как компонент его лингвостилистической системы (на материале романа Г. Яхиной «Дети мои») // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 5. С. 15 – 21.

7. Пиотровский Р.Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении): учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. 1999. 255 с.

8. Пономарева О.В. К вопросу о семантической функции знаков препинания в русском языке // Современное педагогическое образование. 2023. № 3. С. 264 – 267.

9. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Орфография и пунктуация: справочник. 2‑е изд., перераб. М.: Мир и Образование, 2022. 368 с.

10. Рябухин В.И., Зарубин А.М., Новоселецкий Д.В., Невзоров Н.Ю., Дьяконов Н.С. Значение пунктуации для современных носителей русского языка (на материале переписки пользователей сети Интернет) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 1 (105). С. 192 – 196.

References

1. Blinov G.I. Methodology for Studying Punctuation Rules. Moscow: Prosveshchenie, 1972. 208 p.

2. Valgina N.S. Actual Problems of Modern Russian Punctuation. Moscow: Vysshaya Shkola, 2004. 259 p.

3. Gusak Yu.N. Functional Specificity of Punctuation in the Dichotomous Space of Language and Speech: Basic Approaches and Principles. Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism. 2012. No. 3. P. 1 – 4.

4. Doniyorova L.Kh. Methods and Objectives of Teaching Russian Punctuation to Middle School Students. Economy and Society. 2021. No. 12 (91) 2. P. 1093 – 1098.

5. Kudryashov Yu.V. Author's punctuation. Bulletin of MITU-MASI. 2018. No. 1. P. 60 – 64.

6. Lelis E.I. Punctuation of a fiction text as a component of its linguostylistic system (based on G. Yakhina's novel "My Children"). Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2021. Vol. 43. No. 5. P. 15 – 21.

7. Piotrovsky R.G. Linguistic automaton (in research and continuous learning): a textbook for students of pedagogical educational institutions. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University. 1999. 255 p.

8. Ponomareva O.V. On the issue of the semantic function of punctuation marks in the Russian language. Modern pedagogical education. 2023. No. 3. P. 264 – 267.

9. Rosenthal D.E. Handbook of the Russian Language. Spelling and Punctuation: Handbook. 2nd ed., revised. Moscow: Mir i Obrazovanie, 2022. 368 p.

10. Ryabukhin V.I., Zarubin A.M., Novoseletsky D.V., Nevzorov N.Yu., Dyakonov N.S. The Importance of Punctuation for Modern Native Speakers of Russian (Based on Internet User Correspondence). Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal. 2024. No. 1 (105). P. 192 – 196.

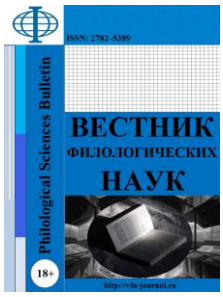
Информация об авторах

Кабакова С.А., кандат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания ИПИ им. П.П. Ершова(филиал)ТюмГУ, г. Ишим

Алпатова Д.А., ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, г. Ишим

Захарова В.В., ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, г. Ишим

© Кабакова С.А., Алпатова Д.А., Захарова В.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’25

[1] Николенко О.В., [1] Муругова Е.В ***[1] Донской государственный технический университет***

Мотивирующие провокативные речевые стратегии и тактики в спортивном дискурсе

Аннотация: *в статье анализируются функциональные особенности провокативных речевых единиц спортивного дискурса. Авторы исследования ставят цель определить, насколько эффективно провокативное побуждении, выражаемое прямым оскорблением, в стимулировании спортсмена к достижению рекордных результатов. В этой связи в работе рассмотрены две реализуемые на базе речевых актов между тренером и спортсменом интенции: передача скрытого смысла адресату для корректирующего эффекта деструктивных установок и косвенное побуждение его к действию, т.е. мотивация к победе. Речевым приемом достижения этого часто выступает намек как единица провокативности, где интенциональный смысл намеренно скрывается говорящим для подстрекательства собеседника к самостоятельному выведению затемненных смыслов. При этом выбор лексико-грамматических значений компонентов мотивирующего провокативного высказывания осуществляются в тесной связи с ситуацией, в которой протекает речевой акт. Именно ситуация «здесь и сейчас» служит для получателя текста указанием на существование в речевой единице другого смысла, декодирование которого (его актуализация) должно быть осуществлено нетривиально, через мыслительные операции, выходящие за рамки привычных.*

Ключевые слова: *спортивный дискурс, прагмалингвистика, речевой акт, провокативность, провокативное воздействие, намек, коррекция, мотивация*

Для цитирования: Николенко О.В., Муругова Е.В. Мотивирующие провокативные речевые стратегии и тактики в спортивном дискурсе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 257 – 264.

Поступила в редакцию: 05 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

[1] Nikolenko O.V., [1] Murugova E.V. ***[1] Don State Technical University***

Motivating provocative speech strategies and tactics in sports discourse

Abstract: *this article focuses on the functional features of provocative speech units in sports discourse. The authors aim to determine the effectiveness of provocative motivation, expressed through direct insult, in stimulating an athlete to achieve record-breaking results. In this regard, the paper examines two intentions realized through speech acts between a coach and an athlete: conveying a hidden meaning to the addressee for the corrective impact of the destructive mindset adjustment and indirectly inciting them to action, i.e. motivation to win. A common speech technique for achieving this is hinting as a unit of provocativeness, where the intentional meaning is deliberately concealed by the speaker to incite the interlocutor to deduce independently the obscured meanings. The selection of lexical and grammatical components of the motivating provocative utterance is carried out in close connection with the speech acts. It is the "here and now" situation that serves as an indicator for the text recipient on the existence of another meaning within the speech unit. Decoding this meaning (its actualization) must be performed in a non-trivial way, through mental operations that go beyond habitual patterns.*

Keywords: *sports discourse, pragmalinguistics, speech act, provocativeness, provocative influence, hint, correction, motivation*

For citation: Nikolenko O.V. Murugova E.V. Motivating provokative speech strategies and tactics in sports discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 257 – 264.

The article was submitted: November 05, 2025; Approved after reviewing: November 20, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Современные лингвистические исследования языка и речи как дихотомического явления чаще ведутся в русле антропоцентрического подхода к описанию явлений действительности. Это значит, что любое действие (в том числе и речедействие) рассматривается сквозь призму человекомерности, в основе которого лежит триединство: человек – язык – культура [10, с. 15]. Антропоцентризм в научной мысли нового времени соотносится с моделью развития общества, направленной на максимально полное раскрытие возможностей в нем каждого индивида и утверждение его ценностей. Речевые поступки человека, осуществляемые «здесь и сейчас», не только формируют глубокое понимание его сущности, но и раскрывают интенциональный вектор общения, наполняя речевое взаимодействие новыми смыслами и «предлагая оригинальные способы решения концептуальных задач» [4, с. 150].

Одной из таких задач является поиск координирующих поведение адресата «рабочих» стратегий – речевых действий, ориентированных на достижение речеактовых целей [2, с. 82] воздействовать на получателя текста и побуждать его совершить те или иные поступки, выгодные отправителю текста [7, с. 42, 11]. Воздействие в интересах продуцирующего высказывание всегда носит оттенок провокации – подстрекательства в коммуникативном событии, патогенного текста [8, с. 51] со структурными элементами прямого, косвенного или скрытого побуждения [16, с. 128, 9].

Лингвистические словари и энциклопедии определяют провокацию как лексему с отрицательным денотативным значением, что делает ее актуальной для дискурсов деструктивной семантики (чаще политического). В них провокация как речевая стратегия специальными вербальными средствами воздействует на подсознание реципиента, «помещает» его разум в дискомфортные психологические условия и снижает осознанный самоконтроль. На этом фоне открывается путь к когнитивному перепрограммированию с деструктуризацией мировоззренческих установок, снижением самооценки, психозом и душевной дисгармонией.

Любое явление (равно как и действие) многоаспектно, поэтому может быть расценено как с позиции разрушения, так и с позиции созидания. Так, в определенных условиях провокация как способ психологического и речевого воздействия вполне способна преследовать конструктивные цели, где речевое воздействие наделено провокативностью – свойством речи реализовывать личностную реконструкцию во благо (в отличие от провокационности) провоцируемого. В процессе такого побуждения речевые компоненты адаптируются к ситуации решения текущей задачи при общей ориентации на конечную цель личностного роста.

Достижению этой цели служит реализация соответствующих речевой ситуации интенций провокатора – его намерения совершить речевой поступок таким образом, чтобы вызвать у провоцируемого эмоциональный всплеск и на его фоне изменить актуальное негативное состояние на позитивное.

В рамках настоящего исследования прагмалингвистическому анализу подвергаются провокативные речевые акты спортивного дискурса; описываются такие стратегии, как мотивация и коррекция, рассматриваются пути их реализации (тактики интенционального достижения).

Через призму прагмалингвистики изучается актуализация побуждения к совершенствованию профессионализма в прямом оскорблении.

Авторы выдвигают гипотезу, что провокативное высказывание тренера в спортивном дискурсе служит интенсификации психокоррекции спортсмена, находящегося в депрессивном и/или посттравматическом состоянии, и его мотивации к победе.

Для подтверждения гипотезы в работе исследуются провокативные высказывания с прямым оскорблением на поверхностном уровне (в словарных значениях лексем). При смысловом анализе (анализе подтекстного значения) обнаруживается, что в поверхностную семантику вплетены глубинный смысл, скрытые значения, намек на необходимость сопротивляться тренеру-провокатору, протестовать против его оценок и доводов и действовать попреки обстоятельств и мнению извне.

Актуальность исследования провокативных стратегий и тактик продиктована необходимостью описания нравственно-этической стороны провокации и решения вопроса о ее статусе: признать ее деструктивным

речевым явлением или психокорректирующим средством этой деструкции, подлежащим распознаванию провоцируемым только на этапе перлокуции речевого акта.

Выводы, полученные в ходе исследования, могут быть полезны при актуализации терминологического аппарата, связанного с явлением провокации в различных дискурсах, а также при создании и описании системы речеактовых средств реализации интенции, направленной на осуществлении провокации.

Материалы и методы исследований

Для исследования вопросов сознательного подхода в обучении фразеологических единиц английского языка применялись следующие методы: обзор, изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. Для выявления эффективности сознательного подхода в обучении фразеологических единиц английского языка, для определения уровня рецепции данных единиц студентами неязыковых направлений подготовки применялись методы: тестирование, анкетирование, интервьюирование, наблюдения, эксперимент.

Для решения обозначенного круга вопросов в предлагаемом исследовании используется комплексный подход, сочетающий методы прагмалингвистики, дискурс-анализа и семантики для изучения провокативности как многоаспектного речевого явления. Исследование строится вокруг проверки выдвинутой гипотезы о том, что провокативное высказывание тренера служит инструментом психокоррекции и мотивации спортсмена. Прагмалингвистический анализ представляется основным методом исследования. Он заключается в изучении высказываний в реальных условиях коммуникации с учетом целей, намерений говорящего (интенций) и воздействия речи на адресата. С использованием дискурс-анализа в рамках конкретного типа коммуникации, а именно спортивного дискурса, анализу подвергаются высказывания, характерные для данной социальной сферы. Интенциональный анализ позволяет выявить и классифицировать скрытые и явные намерения говорящего (провокатора), таких как мотивация, коррекция, побуждение к действию. Методом наблюдения и систематизации эмпирических данных в процессе исследования была выявлена стратегия мотивирующего намека, описаны ее тактики и лексико-грамматические маркеры (актуализаторы). Дефиниционный и контекстуальный виды анализа позволили определить содержание понятия провокации, которое в настоящее время не имеет четкого и непротиворечивого общепризнанного определения, а также отграничить «провокативность» от смежного понятия «провокационность». Выявление скрытых смыслов, имплицитных значений, истинной цели высказывания противостоит или дополняет поверхностную семантику. Перлокутивный анализ позволяет изучить эффект воздействия речевого акта на адресата, его эмоциональную и поведенческую реакцию, которая может осознаваться получателем уже по завершении акта речи.

Базовым материалом стали высказывания из фильма Олега Трофима «Лед» (20218 г.), где представлена биография в художественной обработке способной фигуристки, получившей серьезную травму из-за ошибки партнера и ставшей в строй благодаря провокативному речевому воздействию со стороны тренера, имеющего лидерские задатки и профессиональный опыт, являющийся объектом для подражания молодым спортсменам.

Результаты и обсуждения

В спортивном дискурсе тренер как отправитель текста часто использует прямые и косвенные стратегии провокативного воздействия, чтобы корректировать поступки вверенного ему спортсмена, мотивировать его на победу и при этом сохранять над ним контроль.

К прямым стратегиям относятся явные угрозы, запугивание, шантаж, психоэмоциональная атака и т.п. Такое речедействие наблюдается среди конкурирующих сообществ, основная цель которых – добиться победы любой ценой, в том числе и устранением соперника.

Преломляясь через ситуацию общения и интенциональные установки, прямые стратегии могут трансформироваться в скрытые и становиться валидным методом качественного изменения мировосприятия своего адресата. В этом случае деструктивная провокация меняет интенциональный вектор на созидание, где «зло начинает работать во благо»:

Значит так! Если я такое увижу на тесте, вы у меня поедете домой мам на катке радовать!

Эту фразу тренер направил на юных спортсменов, готовящихся к важному выступлению. В высказывании обнаруживается имплицитная мотивация через контраст угроз. Его прагматический смысл актуализирован контекстным использованием лексических средств, среди которых следующие:

1. Угроза исключения – намек на потерю статуса спортсмена и возврат к любительскому уровню (поедете домой);

2. Сарказм как средство снижения уровня открытого конфликта и усиления эмоционального воздействия и мотивации к профессионализму (на катке);

3. Авторитетность – демонстрация власти через обход прямых оскорблений (Если я такое увижу…);

4. Контраст мотиваторов – противопоставление профессионального спорта «здесь и сейчас» и обыденного времяпрепровождения (мам радовать).

Конструктивная провокация, или провокативность, в спорте является составной частью мотивации спортсмена на «предельный уровень достижений» [5, с. 104]. Речевыми провокативными средствами тренер вторгается в личную сферу спортсмена, выводит его из привычного душевного равновесия и накаляет эмоции протеса до предела. На высоком эмоциональном подъеме провоцируемый отключает разум и фокусирует все силы на том, чтобы доказать провокатору несправедливость его оценок. В итоге тренировки в условиях физического изнеможения снимают психологические зажимы и увеличивают работоспособность спортсмена [5, с 108]:

Сама грация! Неповоротливее тюленя!

Данное высказывание представляет собой яркий пример провокативной иронии, где явный комплимент (сама грация) резко контрастирует с грубым сравнением (неповоротливее тюленя). В нем реализуется намек за счет создания контраста между ожиданием и реальностью: с одной стороны, «сама грация» намекает на изящество, например, балерины, с другой стороны, словосочетание «неповоротливее тюленя» создает резкий переход к образу неуклюжего животного. В итоге, таким уничижительным сравнением тренер подчеркивает неловкость спортсмена и показывает свое отношение к его мастерству, физическим данным и творческим способностям. Целью такого высказывания является указание на объект, актуализацию его глубинных свойств, что переакцентирует связи между модусами знания и веры [1, с. 158], открытой правды и скрытой лжи.

Наилучшим образом мотивирующая провокация достигается скрытыми средствами, к которым в первую очередь относится намек как речевая стратегия достижения провокативности. Под намеком понимается способ косвенной подачи информации, интенциональный смысл которой намеренно утаивается отправителем текста, но извлекается получателем в виде импликатур – заложенных в высказывание скрытых значений [1, с. 98].

Любое высказывание, содержащее намек, подвергается когнитивной обработке со стороны его воспринимающего таким образом, что определенные смыслоразличительные элементы речевой ситуации актуализируются, указывая на интенциональный смысл, или коммуникативную интенциональность – намерение в сознании отправителя текста актуализировать важную «здесь и сейчас» информацию, подвести получателя текста к ее правильной интерпретации и побудить его к конструктивному изменению в своем поведении.

В спортивном дискурсе стратегия мотивирующего намека чаще достигается через актуализацию обобщения или противопоставления, актуализацию неопределенности, актуализацию личного авторитета и интертекстуальность. Приведем примеры каждой из них и опишем принцип их действия.

1. Намек через актуализацию обобщения или противопоставления:

Так, звезда моя, ты вообще на фига на лед то вышла? Чтобы побеждать? Вот иди и побеждай! Надо определиться: ты спортсменка, которая идет до конца, или ты как все?

В этом высказывании актуализируется скрытая интенция – создать давление на получателя текста и подтолкнуть его к выбору. Высказывание строится на контрасте двух образов: спортсменка, которая «идет до конца», и «как все». Первый образ символизирует силу, целеустремленность, исключительность; второй – посредственность, отсутствие воли, пассивность. Такая бинарная позиция не оставляет промежуточных вариантов и исключает компромисс.

2. Намек через актуализацию неопределенности:

Хочешь быть кем-то – придется жертвовать чем-то!

Намек создается размытой формулировкой, которая может быть интерпретирована и как социальное ожидание (стать значимым в глазах других), и как побуждение к амбициозности, и как указание на скрытую цену успеха. Тренер провоцирует рефлексию, подталкивая спортсмена самого додумать, чем ему придется пожертвовать, и понять, что эта жертва необходима для успеха.

3. Намек через актуализацию личного авторитета:

Ну, тут я решаю! Сказала панда – значит будешь пандой на показательных месяца три у нас.

Это фраза – жесткий, но эффективный пример спортивной педагогики, где тренер использует не прямое приказание, а сложный психологический прием мотивирующей провокативности. Он намекает на отсутствие выбора у спортсмена и необходимость подчинения. *Ну, тут я решаю!* – это актуализация абсолютного авторитета, а финальное … *будешь пандой на показательных месяца три у нас* указывает на временный характер наказания через психологическое унижение и мотивирует отыграть роль через терпение и работу над собой.

4. Намек через интертекстуальность.

Интертекстуальность (в прагмалингвистике), или аллюзия (в риторике) представляет собой косвенную отсылку к историческим, литературным, мифологическим, библейским и другим образам:

Встать! Мадам, подъем! Карета подана!

В XVIII-XIX веках выражение «Карета подана!» имело буквальный смысл и адресовалось аристократическим слоям населения. В настоящее время оно стало фразеологизированным; сейчас его употребление уместно обычно в шутливой в ситуации, когда пришло время кому-то уйти.

В вышеприведенном примере фраза «Карета подана!» была сказана фигуристке, которая из-за полученной на льду травмы потеряла способность передвигаться самостоятельно. В данной ситуации интертекстуальность работает не как метафора, а как режущий инструмент, создающий контраст между текстом и реальностью, но являющийся шоковой терапией – попыткой вырвать спортсменку из состояния депрессии и идентификации себя с инвалидным креслом. Такой намек скрывает прямой приказ за внешней формой культурного кода, с помощью которого провокатор дает косвенную оценку поведению провоцируемому и завуалированно указывает пути решения проблемы [15].

Ниже опишем лексико-грамматические единицы, формирующие стратегию намека и его тактики, через косвенную передачу информации трансформирующих ментальные и поведенческие установки в провокативных высказываниях спортивного дискурса:

Лучше выступали даже в цирке!

В данном высказывании актуализируется не оскорбление, а назидательный смысл. Прошедшее время глагола в неопределенно-личном значении снимает прямой конфликт между «вы и другие», «сейчас и тогда» и снижает процент субъективности в оценке работы спортсменов. Частица *даже* — явный маркер сравнительного оскорбления и контрастная реалия цирк, которая по определению находится вне поля профессиональной спортивной деятельности, создают гиперболу и ставят деятельность команды ниже заведомо несерьезного эталона. Абсурдность такого сравнения создает иронию, заставляет фигуристов увидеть низкий уровень своих спортивных показателей и мотивирует их на серьезную подготовку.

Количественно-качественный анализ провокативных высказываний в фильме «Лед» позволил выявить наиболее частотные лексические и грамматические маркеры, или сигналы, мотивирующих тактик в намеке. Среди них выделяются дейктические элементы, особое место среди которых занимают местоимения, наречия, частицы, междометия, глагольные формы и порядок слов.

Местоимения в намеке указывают на сопричастность к целому (например, каждый их нас, любой из вас, вы у меня) или, наоборот, выделяют индивида из этого целого (группа личных местоимений):

Руки! Руки откуда у тебя растут?

Повтором слова руки тренер намеренно растягивает момент критики и актуализирует смысл в два этапа: сначала констатирует проблему – фокус на конкретной технической ошибке (неправильная позиция, линия, движение рук в танцевальной части), затем в составе риторического вопроса – обобщение и переход от частного к глобальному, где лексема руки выходит за рамки значения «часть тела» и становится частью идиомы *Откуда руки у тебя растут?*, символом всей телесной координации, общей пластики и природных данных фигуристки. Употребление местоименного дейксиса *у тебя* делает проблему глубоко личной, указывая, что ее источник в самой спортсменке, а не в конкретно сегодняшнем исполнении. Кроме того, поставленные в позицию приоритета слова *руки* (перед вопросительным словом откуда) и объект *у тебя* (перед предикатом) акцентируют внимание адресата не на его временном промахе, а на глубинном, трудно исправимом недостатке. Это классический прием спортивной мотивации через оскорбление, направленной на пробуждение болезненного самосознания и дающей толчок к совершенствованию профессионализма [13]. Провокативность в такого рода намеках преследуют цель не просто указать на ошибку, а вызвать у провоцируемого острое чувство стыда за свою неловкость и мобилизовать его, доказать обратное через негативные эмоции.

Намек в неопределенных местоимениях разжигает любопытство получателя текста и провоцирует его строить в своем воображении различные догадки относительно темы дальнейшего повествования:

Придется чем-то пожертвовать!

Неопределенные местоимения в подобных высказываниях выступает когнитивным триггером, создающим смысловую неполноту, преднамеренный пробел, который получатель текста должен восполнить самостоятельно. В речеактовой науке такие высказывания открывают ожидания адресата, повышают его интерес к развитию темы [3], чтобы проверить свои догадки (удовлетворить ожидания) и перейти от пассивного слушателя к активному интерпретатору.

Маркером провокативного намека выступают также дейктические пространственные или временные наречные указатели (там, тут, тогда, сейчас и др.):

Маме я сказала тогда, чтобы она время не тратила!

Временной дейксис тогда соотносит речевую ситуацию с действительностью и указывает на ее нестабильность в прошлом, намекая на реконструкцию ситуации в рамках настоящего времени.

Дейктические элементы с темпоральным значением частотности или постоянства совершения действия (всегда, каждый раз, часто, больше, меньше и т.д.) реализуют свое провокативное значение только в контексте сравнения с некой нормой, ожиданием или другой точкой отчета, известной всем участникам речевого акта.

– Вы думаете, у нас есть шанс?

– Будет! Если будешь поменьше на фотосессии бегать, побольше на льду работать!

Нормой в данном контексте выступает идеальное, с точки зрения тренера, распределение времени и усилий фигуристов. Перевод тематики в будущее время имплицитно указывает на нестабильность ситуации, связанной с противоречивыми действиями фигуристов во времени настоящем (сейчас они меньше тренируются и больше времени отдают пиару). Создание контраста способствует перераспределению приоритетов, выведению формулы спортивного успеха. Речевые элементы побольше/поменьше предписывают вектор корректировки поведения, становятся стержневым условием, от которого зависит обещанный результат, при этом своей количественной неточностью оставляют пространство для маневра и личной ответственности спортивному дуэту.

Особой провокативностью наделено междометие. Оно, будучи всегда интонационно выделенным, акцентирует внимание на определённых чувствах, отзеркаливает коммуникативную установку адресанта речи на выделение скрытых содержательных компонентов текста, при этом усиливая его основное значение и способствуя увеличению речевоздействия [11, с. 450]:

Вы хореографией не занимались? Ну вот, это видно.

Фраза распадается на два интонационных и смысловых отрезка: 1) риторический вопрос-утверждение, где говорящий знает ответ и формулирует причину неудачи; 2) самостоятельную реплику-вердикт ну вот. Междометие *ну вот* служит смысловым мостом между констатацией факта и его видимым следствием, что делает его эмоциональным катализатором, выражающим оттенок раздражения и наделяет критику неоспоримостью.

Среди грамматических маркеров (актуализаторов) мотивирующего провокативного намека в спортивном дискурсе можно особо выделить глагольные формы:

1. Безличные конструкции с семантикой необходимости:

Им на Кубок надо ехать: пора возвращаться на лед!

Формальными маркерами необходимости здесь выступают три ключевые элемента: модальное слово *надо*, инфинитивное действие *ехать* и местоимение *им*. Первый элемент указывает на обязанность (долг), второй – на цель необходимости, третий – на объект необходимости. В таких конструкциях (с дательным субъектом и модальной единицей необходимости) провокативная мотивация актуализируется не словарными значениями, а структурой, особым текстуальными средствами, которые создают мощное коммуникативное действие, направленное на поведенческую коррекцию через апелляцию к долгу.

На прагматическом уровне такие конструкции передают обобщенное значение и уходят от указания на конкретную личность, но при этом намекают на контраст с реальностью (надо ехать, а они не едут), где актуализируется необходимость через противопоставление наблюдаемому бездействию и реализуется скрытая оценка с оттенком давления.

2. Глаголы с уступительной модальностью:

Как ни крутись, все равно неправильно!

Прагматика конструкций с уступительной модальностью заключается в возможности актуализации в них различных смысловых вариантов, например, рекомендаций, объяснений, уточнений, побуждений к активизации и др.

В такой грамматической форме глагол выражает эмоциональное состояние говорящего.

3. Глаголы в сослагательном наклонении в односоставных предложениях: *Хоть бы спину выпрямил!*

Частица бы актуализирует давление через стыд, являясь инструментом эмоциональной корректировки на фоне рациональных доводов. Работа по усилению мотивации осуществляется здесь не через позитивное подкрепление, а через переориентацию внимания с неподконтрольной цели (установки на победу любой ценой) на небольшой контролируемый параметр (телесную геометрию) преодоления неудачи.

Выводы

Провокативность в спортивном дискурсе дает мотивирующий эффект. В ней лексико-грамматические единицы конструируются в тесной связи с интенциональной задачей провокатора-корректора в ситуации «здесь и сейчас». Это создает эмоциональное напряжение, на фоне которого адресат ищет пути выражения протеста. В ситуации эмоционального возбуждения более легко и эффективно влиять на поведение спортсмена, главное – соблюдать баланс между мотивацией и демотивацией.

Успех реализации провокативных речевых стратегии, мотивирующих на победу (над соперником или собой, своими слабостями), полностью зависит от жанровых особенностей речи и целей участников речевого акта; точности выбора тактики, глубины понимания ситуации (контекста) и степени обоюдного доверия коммуникантов в ней. При этом выявление в провокации интенционального смысла требует сложных мыслительных операций со стороны адресата, поскольку причины осознанного затемнения одних речевых единиц и актуализации других распознаются только в комплексном рассмотрении речевой ситуации.

Список источников

1. Антонова А.В. Об интенциональной модели манипулятивного речевого акта // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 10/1 (50). С. 67 – 73.

2. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж».1999. С. 81 – 97.

3. Золян С.Т. Прагмасемантика – интерфейс и механизм смыслообразования // МЕТОД: московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин. 2022. Т. 2. Вып. 12. № 2. С. 7 – 18. DOI: http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.01.

4. Котлярова В.В., Илющихин К.Д. Новые интерпретации антропоцентризма в контексте человекомерности современной науки // Теория и практика современной науки. 2022. № 6 (84). С.150 – 153.

5. Кузьмин Е.Б., Азиуллин Р.Р., Денисенко Ю.П., Ионов А.А., Гераськин А.А. Спортивная мотивация как психологическое состояние личности спортсмена // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2016. № 1. С. 97 – 110.

6. Кудинова Т.А. Учет смысловых особенностей конфликтогенного текста как вектор истины в лингвистической экспертизе // Начала русского мира. Ростполиграф. 2025. № 6. С. 83 – 90.

7. Матвеева Г.Г. Основы прагмалингвистики. Москва: ИНФРА-М. 2022. 205 с.

8. Мыскин С.В., Кравцов Л.Г. Речевой инвариант агрессивного и аутоагрессивного дискурсов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. Т. 1. С. 51 – 63. https://orcid.org/10.20339/PhS.5.1-24.051.

9. Матвеева Г.Г., Муругова Е.В., Ревякина Н.П. [и др.]. Прагматический аспект лингвокреативной деятельности человека. Актуальные проблемы современной прагмалингвистики: коллективная монография / под общ. ред. Г.Г. Матвеевой. Ростов-на-Дону: ДГТУ-Принт, 2024. С. 15 – 37.

10. Myasishchev G., Matveeva G., Murugova E. Pragmalinguistic aspect of the choice of speech units of authorial strategies in state acts of the XIII-XVI centuries // SHS Web of Conf., 195. 2024. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/202419501003.

11. Николенко О.В., Матвеева Г.Г. Роль междометия в реализации скрытых стратегий речевого поведения // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 442 – 454. DOI: https://doi.org/10.31862/2073-9613-2024-3-442-454.

12. Николенко О.В., Матвеева Г.Г. Речевой портрет отправителя провокативных текстов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 5 (128). С. 136 – 150. DOI: https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-5-128-11.

13. Nikolenko P., Nikolenko O., Matveeva G., Murugova E. The role of external components of the speech act in a provocative psychotherapy session // SHS Web of Conf., 195. 2024. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/202419502003.

14. Nikolenko O.V. Discussion-provocation as a method of improving the educational process // E3S Web of Conferences (ITSE-2020). 2020. Vol. 210. 18030. DOI: https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021018030.

15. Ревякина Н.П., Сахарова Е.Е. Прагмасинергетический потенциал образовательного дискурса как новая форма рефлексии // E3S Web of Conferences (ITSE-2020). 2020. Vol. 210. 8 p. https://www.e3sconfernes.org/articles/e3sconf/abs/2020/70.

16. Штеба А.А. Лингвистические признаки провокации // Litera. 2017. № 1. С. 120 – 128. https://orcid.org/10.7256/2409-8698.2017.1.19580.

References

1. Antonova A.V. On the intentional model of the manipulative speech act. Bulletin of Samara State University. 2006. No. 10/1 (50). P. 67 – 73.
2. Borisova I.N. The category of goal and aspects of text analysis. Speech genres. Saratov: Publishing house of the State Educational Scientific Center "College". 1999. P. 81 – 97.
3. Zolyan S.T. Pragmasemantics – the interface and mechanism of meaning formation. METHOD: Moscow quarterly of works from social science disciplines. 2022. Vol. 2. Iss. 12. No. 2. P. 7 – 18. DOI: http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.01.
4. Kotlyarova V.V., Ilyushchikhin K.D. New interpretations of anthropocentrism in the context of human-dimensionality of modern science. Theory and practice of modern science. 2022. No. 6 (84). P. 150 – 153.
5. Kuzmin E.B., Aziullin R.R., Denisenko Yu.P., Ionov A.A., Geraskin A.A. Sports motivation as a psychological state of an athlete's personality. Human health, theory and methodology of physical education and sports. 2016. No. 1. P. 97 – 110.
6. Kudinova T.A. Taking into account the semantic features of a conflict-generating text as a vector of truth in linguistic examination. Principles of the Russian world. Rostpoligraf. 2025. No. 6. P. 83 – 90.
7. Matveeva G.G. Fundamentals of Pragmalinguistics. Moscow: INFRA-M. 2022. 205 p.
8. Myskin S.V., Kravtsov L.G. Speech invariant of aggressive and autoaggressive discourses. Philological sciences. Scientific reports of higher education. 2024. Vol. 1. P. 51 – 63. https://orcid.org/10.20339/PhS.5.1-24.051.
9. Matveeva G.G., Murugova E.V., Revyakina N.P. [et al.]. Pragmatic aspect of human linguocreative activity. Actual problems of modern pragmalinguistics: collective monograph. Edited by G.G. Matveeva. Rostov-on-Don: DSTU-Print, 2024. P. 15 – 37.
10. Myasishchev G., Matveeva G., Murugova E. Pragmalinguistic aspect of the choice of speech units of authorial strategies in state acts of the 13th–16th centuries. SHS Web of Conf., 195. 2024. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/202419501003.
11. Nikolenko O.V., Matveeva G.G. The role of interjection in the implementation of hidden strategies of speech behavior. Teacher of the 21st century. 2024. No. 3. Part 2. P. 442 – 454. DOI: https://doi.org/10.31862/2073-9613-2024-3-442-454.
12. Nikolenko O.V., Matveeva G.G. Speech portrait of the sender of provocative texts. Bulletin of Cherepovets State University. 2025. No. 5 (128). P. 136 – 150. DOI: https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-5-128-11.
13. Nikolenko P., Nikolenko O., Matveeva G., Murugova E. The role of external components of the speech act in a provocative psychotherapy session. SHS Web of Conf., 195. 2024. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/202419502003.
14. Nikolenko O.V. Discussion-provocation as a method of improving the educational process. E3S Web of Conferences (ITSE-2020). 2020. Vol. 210. 18030. DOI: https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021018030.
15. Revyakina N.P., Sakharova E.E. Pragmasynergistic potential of educational discourse as a new form of reflection. E3S Web of Conferences (ITSE-2020). 2020. Vol. 210. 8 p. https://www.e3sconfernes.org/articles/e3sconf/abs/2020/70.
16. Shteba A.A. Linguistic signs of provocation. Litera. 2017. No. 1. P. 120 – 128. https://orcid.org/10.7256/2409-8698.2017.1.19580.

Информация об авторах

Николенко О.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Русский язык как иностранный в профессиональной деятельности», факультет «Прикладная лингвистика», Донской государственный технический университет, olganikolenko15011977@gmail.com

Муругова Е.В., доктор филологических наук, профессор, кафедра «Интегративная и цифровая лингвистика», факультет «Прикладная лингвистика», Донской государственный технический университет, murugovaelena@yandex.ru

© Николенко О.В., Муругова Е.В., 2025